

4в1

маска Шекспира
тайны Бэкона
книга Картье
секреты АНБ

издание второе, 2023

idb

4в1. Маска Шекспира и тайны Бэкона, книга Картъе и секреты АНБ

Издание 2-е, исправленное и дополненное. 2023

В основах Криптографии как твёрдо научной компьютерно-математической дисциплины лежит одна большая Тайна оккультно-мистического толка.

По давно заведённой традиции о Тайне этой говорить запрещено.

Только вот кем запрещено и с какой такой, собственно, стати — никто не знает...

Содержание

Предисловие.....	4
Введение.....	7
Мифология Шекспириана.....	8
Если дело дойдёт до суда.....	28
Тайны криптографической могилы.....	42
Проблема криптографии и истории.....	95
Генерал Картье, «Проблема Криптографии и Истории».....	96
Тайная автобиография Фрэнсиса Бэкона.....	110
Шифр Бэкона и подтверждения верности его вскрытия....	136
Новый документ.....	154
Бэкон и Шекспир: анатомия обмана.....	190
Бэкон, розенкрейцеры и левитация.....	212
Бэкон и Паули.....	242
Бэкон и магия.....	262
Бэкон и Tempest.....	284
Сокрытие правды.....	316
Послание к дешифровальщикам.....	356
Проблема авторства Шекспира как задача OSINT.....	386
Заключение. Совпадения мистические и просто занятные.....	421
Бэкон как Шекспир. Ключи и подсказки от Уильяма Ф. Фридмана.....	422
Философ или клоун? (Бэкон беспокоит.....)	442
Post Scriptum, или Новое начало.....	448

Предисловие

В период с осени 2020 до весны 2022 года абсолютно спонтанно, вообще без планов или предварительных замыслов удалось создать весьма странное и удивительное произведение.

Сначала один добрый человек раздобыл чрезвычайно редкую книгу, оцифровал её и прислал как сюрприз или подарок.

Вскоре затем вокруг глав этой книги стали естественным образом происходить научно-мистические расследования и сопутствующие им находки малоизвестных документов и фактов. Вся эта работа постепенно складывалась в череду взаимосвязанных публикаций с промежуточными отчётами. Которые в итоге сами собой привели исследования к завершённому виду...

Важно отметить, что за всё долгое время дебатов вокруг темы, здесь раскрываемой, появилось лишь три обстоятельных работы от профессионалов военно-разведывательной криптологии.

Первая книга из этого ряда была опубликована в 1938-м году генералом резерва Франсуа Картье, главой криптографической службы вооруженных сил Франции в годы Первой мировой войны.

Вторую книгу в 1957-м опубликовал (в соавторстве с женой) подполковник-пенсионер Уильям Фридман, в годы Второй мировой войны — главный криптоаналитик Армии США, в послевоенный период — особый помощник директора АНБ США, а после смерти — человек-памятник, почитаемый ныне как «отец американской криптологии».

Наконец, что касается третьей книги этого короткого ряда, опубликованной по частям в течение 2020-2022 гг. на страницах веб-сайта [kiwi arXiv](https://kiwi.arXiv.org)¹, то именно она сейчас находится

¹ <https://kiwibyrd.org>

перед вашими глазами. Автор её в конце прошлого столетия был полковником российской криптоаналитической спецслужбы, а все последующие годы века нынешнего занимается примерно тем же самым, чем и в разведке, — но только уже в качестве вольного журналиста.

Самое здесь странное — это, наверное, структура произведения, состоящего из многократных вложений одних книг в другие.

Получилась книга про возвращение в этот мир существенно иной, весьма редкой и преднамеренно спрятанной от всех книги, в которой рассказывается про старинные третьи книги, в которых по частям зашифрована книга четвёртая — о нераскрытых по сию пору важных тайнах истории и науки.

Самое же удивительное — это даже не то, сколь причудлива здесь траектория выхода на сокровенные тайны, а то, что будет происходить со всей данной историей дальше...

#

Второе издание книги, расширенное главами Введения и Заключения, даёт более объёмную картину всей этой истории. Или иначе, рассказывает о том, что ещё примечательного происходило до, во время и после завершения основной работы.

Все тексты Введения, Заключения и собственно Книги изначально представляли собой статьи журналистских расследований, публиковавшихся в период 2001-2022 гг. По этой причине целый ряд фактов и идей повторяется в итоговой работе многократно и в разных контекстах. Учитывая важность данных вещей, однако, это следует считать не дефектом, а особенностью книги.

Введение

Мифология Шекспириана

В истории мифа о Шекспире как авторе шекспировских произведений есть много воистину странного и удивительного. То, к примеру, насколько долго и благополучно может жить в умах массовое заблуждение при полном отсутствии доказательств, способных его подкрепить. Или то, в особенности, насколько упорно и энергично люди отвергают достоверные факты, доказывающие ложность их устоявшихся взглядов.



Уильям Шекспир родился в 1564 году и умер в 1616. Это те из немногих бесспорных фактов, которые известны о данном человеке документально и исторически вполне достоверно. Но из этих же несомненных фактов следует, что весной 2021 года не обнаруживается абсолютно никаких «юбилейных» дат, которые можно было бы привязать к биографии Шекспира.

Тем не менее, в мае 2021 один за другим вышли сразу три научно-популярных английских журнала, дружно посвятивших свои красочные статьи творчеству Шекспира, его выдающемуся месту в истории и его окружённой загадками скудной

биографии². По давно заведённой традиции в каждой из этих статей отсутствие фактов обильно задрапировано всяческими домыслами шекспироведов и богатой фантазией иллюстраторов.

Здесь, напротив, не будет никаких домыслов и фантазий относительно того, чем мог быть вызван этот залп шекспирианы. И не спровоцирован ли он затеянным на сайте kiwi arXiv проектом по возвращению к жизни уникальной, но давно и старательно забытой всеми книги генерала-криптографа Картье, возвращающей к жизни тайную автобиографию Фрэнсиса Бэкона...

Вместо этого будет сделано нечто совершенно иное.

Четверть века тому назад, в 1997, издатели альманаха *Vaconiana*, выпускаемого в Англии Обществом Фрэнсиса Бэкона, решили вернуть к жизни другую забытую всеми книгу. Отчасти автобиографическую, отчасти сатирическую, а в целом историко-литературоведческую работу знаменитейшего Марка Твена, носившую название «*Умер ли Шекспир???*» и вышедшую из печати в 1909 году (став последней из книг, напечатанных при жизни писателя).

По причинам, которые станут вполне ясны далее — вместе с прочтением содержательного фрагмента этой книги — данную работу не принято включать в собрания сочинений писателя. Однако здесь, вслед за издателями «Бэконияны», ничто не мешает выложить перевод соответствующего фрагмента, опубликованного в альманахе (стр. 12-20).

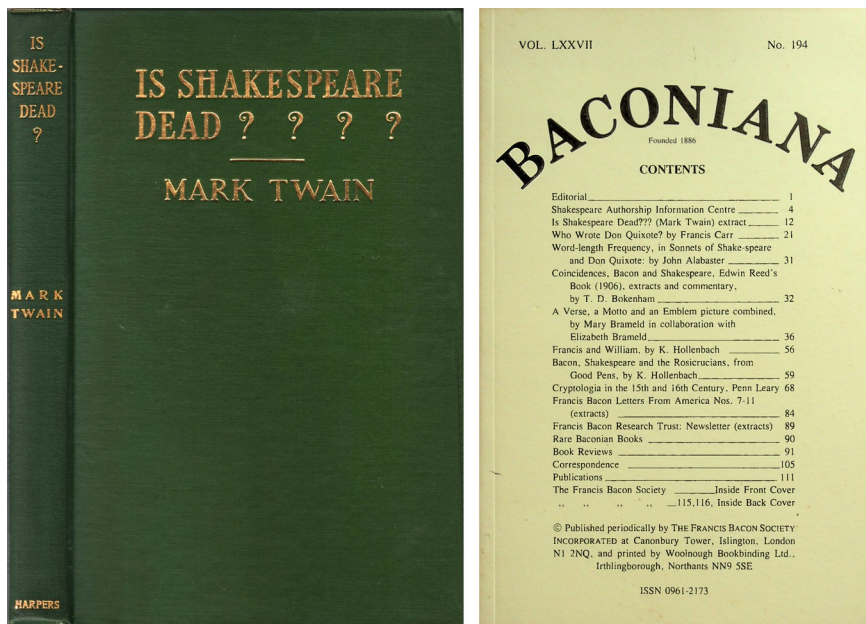
(Полный перевод этой редкой книги на русский язык можно найти на сайте <http://mark-twain.ru/>.)

Поскольку у историков нет ни одного бесспорного изображения Шекспира, сделанного при его жизни, приводимые далее

2

иллюстрации (№2, №3, №6) — исключительно плоды творческой фантазии художников.)

#



Илл. 1. Слева: обложка книги Марка Твена.
Справа: «Baconiana», Volume LXXVII, №194 (1997)

Умер ли Шекспир???

Марк Твен

(Переводчик Кирилл Шатилов)

До чего же любопытна и интересна эта параллель — в отношении скудности биографических деталей — между Сатаной и Шекспиром. Она чудесна, она уникальна, она такая одна, ничего подобного больше не встречается в истории, ничего подобного нет в литературе, ничего хотя бы отдалённо похожего нет даже в преданиях.

Они самые известные неизвестные личности, которые когда-либо дышали на этом свете.

Для пользы тех, кто не сведущ, я приведу сейчас перечень тех деталей из истории Шекспира, которые являются фактами — проверенными, признанными, бесспорными.

Факты

Он родился 23 апреля 1564 года. У родителей, которые были добрыми крестьянами, не умевшими читать, не умевшими писать, не умевшими подписываться собственными именами.

В Стратфорде, маленьком захолустном поселении, которое в те дни было убогим, нечистым и поголовно безграмотным. Из девятнадцати человек, обременённых ролью правителей города, тринадцать были вынуждены «ставить крестики» на важных документах, поскольку не знали, как пишутся их имена.

О первых восемнадцати годах его жизни не известно *ничего*. Пустое место.

27-го ноября (1582) Уильям Шекспир взял разрешение на сочтение браком с Энн Уэйтли.

На следующий день Уильям Шекспир взял разрешение на сочтение браком с Энн Хэтуэй. Она была на восемь лет его старше.

Уильям Шекспир женился на Энн Хэтуэй. В спешке. По милости неохотно данного освобождения от обета появилось лишь одно объявление о предстоящем бракосочетании.

Через шесть месяцев родился первый ребёнок.

Последовали два (пустых) года, на протяжении которых с *Шекспиром не произошло вообще ничего*, о чём хоть кто-нибудь что-нибудь бы знал.

Потом появилась двойня — 1585. Февраль.

Следуют два пустых года.



Илл. 2. Шекспир читает «Гамлета» своей семье

Затем — в 1587 — оставив семейство, он наносит десятилетний визит в Лондон.

Следуют пять пустых лет. За это время, насколько всем известно, с ним не происходит ничего.

Затем — в 1592 — его упоминают как актёра.

На следующий — 1593 — год его имя появляется в официальном списке исполнителей.

В следующем — 1594 — году он играл перед королевой. Не относящаяся к делу подробность: прочие неизвестные актёры делали это каждый год на протяжении сорока пяти лет её правления. И оставались неизвестными.

Следуют три изрядно наполненных года. Наполненных театром. Затем...

В 1597 году он купил Нью Плейс в Стратфорде.

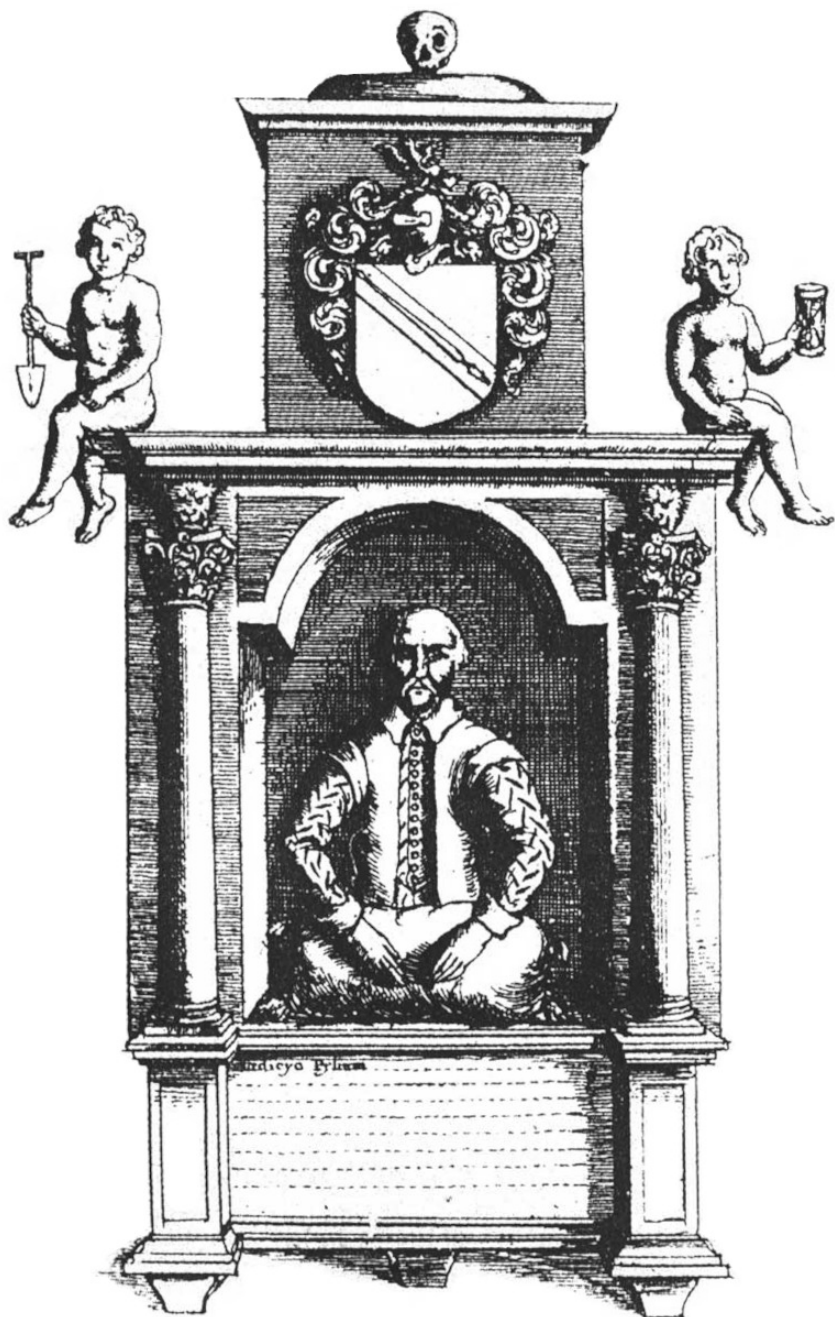


Илл. 3. Картина 19 века изображает Шекспира, читающего свою работу королеве Елизавете I

Следуют тринадцать или четырнадцать лет активной деятельности, годы, на протяжении которых он копил деньги, а также репутацию актёра и импресарио.

Тем временем его имя, записываемое на разные лады, стало ассоциироваться с рядом замечательных пьес и стихотворений как их (якобы) автора. Некоторые из них в те годы и позже распространялись пиратскими методами, однако он не протестовал.

Затем — в 1610-1611 — он вернулся в Стратфорд, где поселился навсегда, занявшись ссудой денег, торговлей церковными десятинами, землёй и домами; уклоняясь от долга в сорок один шиллинг, занятых женой во время его долгого отъезда из семьи; таская по судам должников за шиллинги и медяки; оправдываясь в суде за шиллинги и медяки; и пособничая соседу, который пытался лишить город прав на некий земельный надел, но безуспешно.



Илл. 4. Надгробный памятник Шекспиру в Стратфорде, как он выглядел в путеводителе 1656 года (прижимая к животу мешок или подушку)



IVDICIO PYLIVM GENIO SOCRATEM ARTE MARONEM,
TERRA TEGIT, POPVLVS MARET, OLYMPVS HABET

STAY PASSENGER, WHY GOEST THOV BY SO FAST,
READ IF THOV CANST, WHOM ENVIOUS DEATH HATH PLAST
WITH IN THIS MONVMENT SHAKSPEARE, WITH WHOME,
QUICK NATURE DIDE WHOSE NAME, DOH DECK Y TOMBE,
FAR MORE, THEN COST: SEEH ALL, Y HE HATH WRITT,
LEAVES LIVING ART, BVT PAGE, TO SERVE HIS WITT.

OBIT ANO DD 1616
FEBRVVS 23 DIE 23 16

Илл. 5. Тот же памятник сейчас, как он выглядит после череды реставраций в XVIII-XX вв.

Пять или шесть лет — до 1616 — он прожил в радости сих великих дел. Потом составил завещание и подписал каждую из трёх страниц своим именем.

Завещание настоящего дельца. В нём поименован в мельчайших деталях каждый предмет его собственности на этом свете — дома, земли, меч, позолоченная серебряная чаша и так далее... вплоть до «второсортной кровати» и её фурнитуры.

Завещание подробно и расчётливо распределяло его богатства между членами семейства, не оставив без внимания никого. Даже его жену: жену, на которой он смог жениться в спешке по срочной милости особого освобождения от обета до того, как ему исполнилось девятнадцать; жену, которую он оставил без мужа на столько лет; жену, которой из-за нужды пришлось одалживать сорок один шиллинг, так никогда и не полученных от преуспевающего супруга кредитором, так и умершим, их не дождавшись. Нет, даже эта жена была упомянута в завещании Шекспира.

Он оставил ей эту самую «второсортную кровать».

И *ничего более*, ни единого пенни, чтобы благословить её счастливое вдовство.

То было в высшей и бросающейся в глаза степени завещание дельца, а не поэта.

В нём не упомянуто ни *единой книги*.

Книги в ту пору были гораздо ценнее мечей, позолоченных серебряных чаш и второсортных кроватей, так что когда умирающий обладал хотя бы одной, он заносил её в завещание на почётное место.

В завещании не упомянуто ни *единой пьесы*, ни *стихотворения*, ни *незаконченного литературного труда*, ни *хоть какого-нибудь клочка рукописи*.

Многие поэты умерли в бедности, однако он единственный за всю историю, кто умер *настолько* бедным; все прочие оставляли после себя какое-нибудь литературное наследие. А также книжку. Или две.

Завещание он подписал в трёх местах.

В предыдущие годы он подписал ещё два других официальных документа.

Эти пять подписей имеются в наличии по сию пору.

Никаких иных образчиков живости его пера не существует.
Ни строчки.

Может, он относился к искусству предвзято? Его внучке, которую он любил, было восемь лет, когда он умер, однако она не училась, он не оставил ей средств на получение образования, хотя был богат, а в зрелые годы она не умела писать и не могла отличить рукопись своего мужа от чьей-либо ещё — она думала, что это рукопись Шекспира.

Когда Шекспир умер в Стратфорде, *событием это не стало*. В Англии его кончина произвела не больше шума, чем смерть любого другого позабытого актёра. Никто не приехал из Лондона. Не появилось скорбных элегий, ни панегириков, ни слёз национального масштаба — стояла крошечная тишина.

Разительный контраст с тем, как это было, когда Бэн Джонсон, Фрэнсис Бэкон, Спенсер, Райли и другие прославленные литераторы шекспировской поры уходили из жизни! Ни один хвалебный голос не возгласил о почившем Барде с Эйвона; даже Бэн Джонсон выжидал семь лет, прежде чем высказаться.

Пока что, насколько это известно и может быть доказано, Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне за всю свою жизнь не написал ни единого письма хоть кому-нибудь.

Пока что, насколько известно, за всю жизнь он получил лишь одно письмо.

Пока что, насколько это известно и может быть доказано, Шекспир из Стратфорда написал лишь одно стихотворение в своей жизни. Оно подлинное. Он действительно его написал — сей факт неоспорим; он написал его целиком. Он повелел, чтобы это творение было запечатлено на его гробовой плите, и его волю исполнили. Там оно и пребывает по сей день. Вот оно:

*Good friend for Jesus sake forbear
To digg the dust enclosed heare:
Blest be ye man yt spares thes stones
And curst be he yt moves my bones.*

*Мой друг, молю тебя, постой!
Не трогай тлен под сей плитой!
Будь счастлив, камни пощадивший,
И проклят, прах пошевеливший*

В приведённом выше списке изложены *все доподлинно известные факты* жизни Шекспира, такой же скудной и ограниченной, как и сам перечень. Кроме этих подробностей мы не знаем о нём *ничего*.

Вся остальная часть его великой истории, приукрашенной биографами, построена, слой за слоем, на догадках, умозаключениях, теориях, домыслах — эдакая Эйфелева башня искусственных измышлений, вздымающаяся до небес, но стоящая на очень плоском и очень тонком фундаменте незначительных фактов.

ДОМЫСЛЫ

Историки «предполагают», что Шекспир учился в «свободной школе» Стратфорда с семи до тринадцати лет. Не существует ни малейшего свидетельства тому, что он вообще ходил в школу.

Историки «высказывают догадку» о том, что латынь он изучал в школе — в школе, которую он посещал «предположительно».

Они «предполагают», что когда дела его отца пошли на спад, ему пришлось оставить школу, в которой он предположительно учился, и взяться за работу, чтобы поддержать родителей и их десять детей. Однако нет никаких доказательств того, что он когда-либо посещал или покидал школу, в которой, как они предполагают, учился.

Они «предполагают», что он помогал отцу-мяснику; что он, будучи ещё только мальчиком, участвовал не во всём процессе, а лишь резал телят. Кроме того, что всякий раз, убив телёнка, он произносил по этому поводу высокопарную речь.

Это предположение зиждется на свидетельстве одного человека, которого в то время там не было; человека, который слышал об этом от человека, который мог бы там быть, однако не сказал, был он там или нет; причём оба они не подумали упомянуть об этом на протяжении десятилетия, десятилетия, десятилетия и ещё двух десятилетий после смерти Шекспира (когда старость и слабоумие освежили и воскресили их воспоминания).

Двух фактов о давно покойном выдающемся гражданине у них в запасе нет, но есть один: он резал телят и при этом разражался речами. Любопытно. У них только один факт, хотя выдающийся гражданин провёл в том крохотном городке двадцать шесть лет — добрую половину жизни.

Однако, если присмотреться как следует, это самый важный факт, практически единственный важный факт из жизни Шекспира в Стратфорде. Если присмотреться.

Ибо опыт — важнейшее средство писателя; опыт это то, что наделяет мускулами и дыханием, что пускает горячую кровь в ту книгу, которую пишет. Если присмотреться, забой телят объясняет «Тита Андроника», единственную пьесу — а разве

нет? — которую когда-либо написал стратфордский Шекспир, и единственную, которую все пытаются у него отнять, включая бэконянцев.

Историки считают себя «правомочными верить», что юный Шекспир незаконно проник в олени угодья сэра Томаса Люси, за что его приволокли к этому мировому судье. Однако не существует ни малейшего достоверного доказательства того, что нечто подобное имело место.



Илл. 6. Молодой Шекспир перед сэром Томасом Люси после его ареста за браконьерство оленей

Историки, решив, мол, раз это могло произойти, то это определённо произошло, без труда превратили сэра Томаса Люси в мистера Джастиса Шэллоу. Они давным-давно убедили мир — догадкой, не основанной ни на чём достоверном, — что Шэллоу и есть сэр Томас.

(Примечание переводчика: Имеется в виду персонаж «Генриха IV», имя которого у нас обычно переводят как судья Шелло или Шеллоу, хотя Джастис Шэллоу — явное прозвище, нечто вроде «Мелкого Правосудия».)

Шекспир назвал поэму *Венера и Адонис* «первым плодом своего измышленья», явно намекая на то, что это был его первый

опыт литературной композиции. Не стоило ему этого говорить. Для его историков она на протяжении многих лет была помехой.

Им приходится делать вид, будто он написал это изящное, изысканное и безупречное произведение перед побегом из Стратфорда от своей семьи — в 1586 или 1587 — в возрасте двадцати двух лет или около того. Потому что на протяжении последующих пяти лет он сочинил пять замечательных пьес и не мог бы улучшить минутку, чтобы написать хоть одну лишнюю строчку.

Всё это чрезвычайно затруднительно. Если он начал резать телят, воровать оленей, радоваться жизни и учиться английскому поелику возможно рано, скажем, в тринадцать, когда предположительно вырвался из школы, в которой предположительно запасался латынью для будущего литературного использования... в таком случае его юные ручки были заняты, более чем заняты.

Должно быть, ему пришлось отставить свой уорикширский диалект, который не поняли бы в Лондоне, и приналечь на английский со всем усердием. С усердием да ещё с каким, если в результате за каких-то десять лет сей труд увенчался гладким, округлым, подвижным и безукоризненным английским *Венеры и Адониса*; за то же время он превосходно освоил высочайшую литературную форму.

Однако мы лишь «предполагаем», что он справился с этим и много с чем ещё: познал законодательство и его лабиринты, сложные процедуры судопроизводства, узнал всё о службе в армии, о мореходстве, о манерах и традициях королевских дворов и аристократического общества, а, кроме того, собрал в одной голове все виды знания, каким тогда обладали учёные, а также всё то скромное знание, которым обладали низы и профаны, добавив к нему ещё более широкое и глубокое знание великой мировой литературы, античной и современной, чем обладал кто-либо из живущих в ту пору... ибо ему предстояло блистательно, легко и неотразимо восхитительно

воспользоваться этими замечательными сокровищами в тот самый момент, когда он доберётся до Лондона.

И если опираться на догадки, то именно так он и поступил. Да, хотя в Стратфорде не было никого, кто научил бы его этим вещам, равно как не было и библиотеки в этой крохотной деревеньке, чтобы оттуда их выудить. Отец его не умел читать, и даже предполагаатели предполагают, что библиотеки в их доме не было.

По предположениям биографов, юный Шекспир получил обширные знания юриспруденции и познакомился с привычками и профессиональным жаргоном юристов, будучи некоторое время *клерком в стратфордском суде*; точно так же, как какой-нибудь смышлёный пострел, вроде меня, выросший в деревне на берегах Миссисипи, должен был обрести превосходные знания в области охоты на касаток в Беринговом проливе и набраться словечек, которыми пользуются ветераны этого авантюрного предприятия, удя рыбёшку с друзьями по воскресеньям.

Однако это предположение портится тем фактом, что *нет ни единого доказательства* — и даже устного предания — того, что юный Шекспир служил клерком в каком-либо суде.

Далее предполагается, что юный Шекспир собирал свои драгоценные познания в законах в первые годы пребывания в Лондоне, «развлекаясь» тем, что почитывал юридические книжки в мансарде, а адвокатские словечки и всё прочее подцеплял, наведываясь в суды и слушая. Но это лишь предположения: нет ни малейшего доказательства того, что он когда-либо это делал.

Существует легенда, по которой он зарабатывал на хлеб насущный тем, что держал под уздцы лошадей перед лондонскими театрами, утром и вечером. Может быть. Если так, то это серьёзно укорачивало часы его юридических штудий и отдыха по судам. В те же самые дни он писал великие пьесы и нуждался в каждой свободной минуте. Легенду о держании ло-

шадей надобно придушить: она слишком внушительно увеличивает трудности историков в оправдании эрудиции юного Шекспира — эрудиции, которой он набирался, по крупинке, по зёрнышку каждый день той усердной жизни, чтобы на следующий день переложить дневной улов в очередную нетленную драму.

Одновременно он должен был набираться воинских премудростей, а также познаний солдат, моряков, узнавать их говор, знакомиться с заморскими странами и их языками: ибо в свои драмы он ежедневно изливал многоречивые потоки и этих различных знаний тоже. Как же он раздобыл подобное богатство средств?

Как обычно: через *предположения*. Предполагается, что он путешествовал по Италии и Германии и заносил разные аспекты их общественной и сценической жизни на бумагу; что по пути он совершенствовался во французском, итальянском и испанском; что он отправился в военную экспедицию графа Лестера в Нидерланды не то солдатом, не то маркитантом, не то ещё в каком качестве на несколько месяцев или лет — смотря по тому, сколько времени нужно предполагаателю — и таким образом ознакомился с военным искусством, армейскими порядками и солдатским жаргоном, а также с полководческим искусством, полководческими порядками и полководческим жаргоном, а также с морским искусством, морскими порядками и морским жаргоном.

Возможно, он всё это проделал, но я хочу знать: кто всё это время держал за него лошадей; и кто штудировал книжки в мансарде; и кто развлекался прогулками по судам. А также: кто был мальчиком на побегушках и актёром на сцене.

Потому что мальчиком-посыльным он таки стал; а уже в 93-м сделался «бродягой» по юридическому выражению, означающему незарегистрированного актёра; а в 94-м — «постоянным» и официально зарегистрированным представителем этой (в те дни) легковесной и не слишком уважаемой профессии.

Вскоре после этого он сделался пайщиком в двух театрах и их управляющим. С тех пор он стал сильно занятым и процветающим дельцом, который на протяжении двадцати лет грёб деньги обеими руками. Затем, в неистовом порыве поэтического вдохновения он написал своё стихотворение — своё единственное стихотворение, свою любимицу — а потом лёг и умер:

*Мой друг, молю тебя, постой!
Не трогай тлен под сей плитой!
Будь счастлив, камни пощадивший,
И проклят, прах пошевеливший.*

Возможно, он был уже мёртв, когда писал эти строки. Всё-таки и это только предположение. Ведь у нас есть лишь косвенное доказательство. Внутреннее доказательство.

Надо ли мне перечислять остальные Предположения, из которых сложена гигантская Биография Уильяма Шекспира? Не хватит никакого полного словаря, чтобы вместить их. Он — Бронтозавр: девять костей и шесть сотен бочонков гипса.

«Мы можем предположить»

В Предположенческом Деле сделку заключают три отдельных и независимых стороны. Две из этих сторон известны как шекспиристы и бэконянцы, а я третий — бронтозавровец.

Шекспиристы знают, что труды Шекспира написал Шекспир; бэконянцы знают, что их написал Фрэнсис Бэкон; бронтозавровец же толком не знает, кто из них это сделал, однако вполне спокойно и осознанно уверен, что Шекспир этого *сделать не мог*, и сильно подозревает, что Бэкон *мог вполне*.

Нам всем приходится много чего предполагать, однако я почти не сомневаюсь в том, что в каждом из памятных мне случаев бэконянские предпологатели обогнали шекспиристов. Обе стороны рассматривают одни и те же материалы, но бэконянцы кажутся мне при этом добивающимися гораздо более

разумных, рациональных и убедительных результатов, нежели шекспиристы.

Позвольте мне попробовать проиллюстрировать обе системы на простом и доходчивом примере, рассчитанном на то, чтобы идею мог ухватить человек несведущий и неразумный.

Рассмотрим такой случай. Возьмём тепличного, вскормлённого на домашних харчах, необразованного и неопытного котёнка; а ещё возьмём грубого старого кошару Тома с головы до хвоста в рубцах от жизненного опыта, такого культурного, такого образованного и такого безгранично эрудированного, что любой скажет «всё кошачье знание — его компетенция»; а также возьмём мышь.

Запрём их всех троих в тюремной камере без дырок и щелей. Подождём полчаса, затем откроем камеру, введём шекспириста и бэконянца и позволим им повычислять и попредполагать. Мыши нет: таким образом, задача сводится к ответу на вопрос, где она? Оба вердикта можно угадать наперёд. Один вердикт скажет, что мышь находится в котёнке; другой с такой же уверенностью скажет, что мышь в котяре.

Шекспирист будет рассуждать так (это не мои слова, а его). Он заявит, что котёнок, *возможно, ходил* в школу, когда никто этого не замечал; поэтому *мы вправе предположить*, что так оно и было; кроме того, *он мог учиться* в кабинете судейского клерка, когда никто не подглядывал; и поскольку это могло иметь место, *мы вправе допустить*, что так оно и случилось; он *мог изучать котологию* в мансарде, когда никто его не видел — значит, он *так и делал*; он *мог посещать* котосуды по ночам на односкатных крышах, для развлечения, когда никто не замечал, и таким образом собирал урожай судейских которм и кошачьего юризма: *он мог бы это сделать*, значит, без сомненья, *он это сделал*; он мог пойти служить в стаю котов, когда никто не видел, и обучиться военным премудростям и тому, как поступать с мышью, когда предоставляется шанс; делаем из этого простой вывод о том, что *именно так он и поступил*.

Поскольку все эти многочисленные вещи *могли* произойти, у нас *есть все права думать, что так и произошло*. Всем этим кровью и потом собранным знаниям и навыкам теперь нужно было лишь одно — возможность, чтобы преобразоваться в победное действие. Возможность представилась, и вот вам результат; *вне всяческих сомнений*, мышь в котёнке.

Мы знаем, что вердикт бэконянца будет такой:

Нет ни малейшего свидетельства того, что котёнок обучался и получил образование и опыт, соответствующие данному случаю, или был готов на большее, нежели тырить беспризорное молоко; при этом существует изрядное количество доказательств — причём доказательств неопровержимых — что другое животное обладает всеми, исключительно всеми, необходимыми для данного случая навыками. Нет ни тени сомнения в том, что мышь в котяре.

[конец цитирования]

#

Неоспоримые факты этой истории таковы, что за время, прошедшее после выхода книги Марка Твена — то есть за период свыше столетия — многочисленным и очень старательным исследователям-шекспироведам не удалось обнаружить ни единого нового факта или доказательства, убедительно подтверждающего гипотезу, согласно которой Шекспир был автором произведений, подписанных его именем.

С другой стороны, за это же время другими исследователями предъявлен внушительный массив новых убедительных документов и фактов, доказывающих авторство Фрэнсиса Бэкона.

Как же отражается эта интересная ситуация в нынешних статьях шекспироведов, опубликованных в трёх свежих журналах за май 2021? Отражается в высшей степени оригинально. Ни в одной из этих статей имя Фрэнсиса Бэкона вообще не упоминается. Нигде и ни разу.

Очень эффективный способ решать проблемы, что ни говори...

Основные источники

- *Is Shakespeare Dead???* (Mark Twain) extract. *Baconiana*, Vol LXXVII, No 194 (1997), pp 12-20. Полный перевод книги на русский тут: <http://mark-twain.ru/>
- *William Shakespeare: Your essential guide to...* (pp 28-58) BBC History Revealed, May 2021
- *William Shakespeare: Uncover the works and life of the Bard. Everything You Need To Know About...* The Tudors (AHB3503) Bookazine Series by Future PLC, May 2021
- *Shakespeare: Plays and Politics. Book of the Tudors.* History of Royals, Bookazine Series by Future PLC. Issue 58, May 2021

Дополнительное чтение

- Гриб Ленин из библиотеки Шекспира <https://kiwibyrd.org/2019/05/31/1954/>

Май 2021

Если дело дойдёт до суда...

«Тело похоронить в неизвестном месте, имя моё и память отдать на милость людской молвы другим векам и народам, а также моим собственным соотечественникам по прошествии некоторого времени³»...

Вынесенные в эпитафию загадочные строки весьма плохо прикладываются к биографии и творчеству Фрэнсиса Бэкона (1561-1626), одного из умнейших людей своего времени и автора более чем двух десятков работ, опубликованных и получивших признание современников ещё при жизни этого философа и видного государственного деятеля.

Но туманные намёки завещания становятся куда яснее, если вспомнить веками длящиеся споры об истинном авторе произведений, приписываемых историей современнику Бэкона по имени Уильям Шекспир (1564-1616).

На сегодняшний день собрано более чем достаточно фактов и аргументов для объективного восстановления исторической справедливости, однако традиционно общепринятую точку зрения подпирает уже столь гигантская гора всякого рода литературоведческих трудов, что радикальная смена автора будет означать по сути дела катастрофу для многих научных авторитетов.

А потому на решение проблемы в рамках честного научного спора рассчитывать не приходится. Разве что через суд, с привлечением принятых в системе правосудия жёстких методов экспертизы.

³ «Выделенная жирным часть завещания Бэкона была вычеркнута им самим, скорее всего из опасения, что он сказал слишком много». Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение Масонской, Герметической и Розенкрейцеровской Символической философии. «СПИКС», 1994



Илл. 7. Фрэнсис Бэкон. Портрет Джона Вандербанка

В этой связи уместно вспомнить довольно комичный сюжет из начала XX века — о судебном процессе в городе Чикаго, где местный судья Ричард Татхилл вник в доводы препирающихся сторон и властью своего вердикта объявил Фрэнсиса Бэкона автором всех шекспировских произведений^{4,5,6,7}.

⁴ <https://sirbacon.org/links/nytimes.html>

Несколько позже, правда, Татхилл получил за это по шапке от вышестоящих инстанций, расценивших подобное литературно-историческое самоуправство как «превышение полномочий» обычного судьи^{8,9}.

Поскольку доводы, накопленные исследователями в течение XIX-XX веков, представляют безусловный научный интерес, имеет смысл рассмотреть хотя бы некоторую их часть для общего представления о сути проблемы. Попутно будут приведены и некоторые из аргументов, выдвигавшихся в достопамятном судебном разбирательстве в Чикаго.

Факты биографии

Свидетельств о жизни Шекспира крайне мало, но и те, что имеются, достаточно выразительны. Известно, что читать не умели ни родители величайшего писателя (что было естественно при незнатном происхождении), ни его собственные дети (что вызывает некоторое недоумение).

Нет ни одного документального подтверждения, что и сам Шекспир умел хоть сколько-нибудь бойко писать, поскольку не обнаружено ни рукописей его пьес или стихов, ни даже деловых бумаг, хотя в родном городе Стратфорде этот человек был известен не как писатель, а как бизнесмен.

Напомним, что молодой Шекспир появился в Лондоне практически нищим, а после весьма удачной карьеры в столичных

⁵ <https://www.nytimes.com/1916/03/10/archives/rich-men-in-court-over-shakespeare-film-magnate-enjoins-fabyan-from.html>

⁶ <https://www.nytimes.com/1916/04/22/archives/finds-shakespeare-was-an-impostor-chicago-judge-rules-that-bacon.html>

⁷ <https://www.nytimes.com/1916/04/23/archives/defends-bacon-decision-chicago-jurist-sharply-criticised-insists-he.html>

⁸ <https://www.nytimes.com/1916/05/02/archives/to-vacate-bacon-decision-chicago-court-takes-action-after-collusion.html>

⁹ <https://www.nytimes.com/1916/05/03/archives/tuthill-rescinds-shakespeare-edict-sets-verdict-for-bacon-aside-and.html>

театрах через много лет вернулся в Стратфорд достаточно зажиточным торговцем.

Известный как человек крайне прижимистый и изнурявший партнёров по бизнесу даже за копеечные долги, в своём завещании Шекспир скрупулёзно, вплоть до чашек и ваз расписывает, кому какие предметы хозяйства оставляет, но ни словом не упоминает свои литературные произведения, большинство из которых ещё даже не опубликовано. В завещании вообще ничего нет о книгах, даже других авторов, из чего очевидным образом следует, что в доме Шекспира такого добра просто не было.

На смерть известных людей было принято писать эпитафии. К примеру, на смерть драматурга Бена Джонсона, коллеги и приятеля Шекспира по Лондону, учёные имеют не менее 37 стихотворений-посвящений. На смерть Шекспира — ни одного. Не прореагировал никто, кроме шекспировского зятя, оставившего в личных записях строчку «тесть мой преставился».

Вообще, все факты свидетельствуют о том, что Шекспир умер как самый обычный, ничем неприметный торговец в тихом провинциальном городке. По сути дела, лишь спустя ещё семь лет, когда в 1623 году в Лондоне был подготовлен канонический свод «произведений Уильяма Шекспира», так называемое «Первое фолио», начинается слава великого писателя.

Шекспировские пьесы и стихи публиковались и ранее, поначалу анонимно (скупой автор не предпринимал ни малейших усилий восстановить свои права на эти книги), затем в сравнительно небольших форматах «кварто». Но именно «Первое фолио» стало фундаментом мировой славы гения и именно это издание, вышедшее при жизни Фрэнсиса Бэкона, даёт львиную долю свидетельств, указывающих на истинного автора.

Стилистическая и текстологическая экспертиза

В пьесах «Виндзорские проказницы», «Генрих IV», части 2 и 3, «Король Джон», «Ричард III» и «Отелло» в Первом Фолио добавлено около 4479 новых строк¹⁰ после того, как эти пьесы уже были опубликованы в изданиях «кварто», выходявших спустя 3-6 лет после смерти Шекспира.

Иными словами, какой-то неизвестный человек добавил от себя ещё четыре с половиной тысячи строк через 7 лет после смерти гения, но с таким мастерством скопировал стиль автора, что нет никакой возможности отличить эти добавления от исходного текста.

Принято считать, что среднестатистический ремесленник или фермер использует в своём лексиконе около 500 слов, образованный деловой человек — примерно 3000, писатель средней руки порядка 5000 слов, а большой учёный — 7 тысяч слов.

В стихотворениях и пьесах Шекспира насчитана 21000 слов, причём столь гигантский лексикон не свойственен более никому из известных авторов за единственным исключением. Лишь для произведений Фрэнсиса Бэкона характерен столь же богатый вокабуляр, пересекающийся с шекспировским на 95%¹¹.

Случилось так, что авторам двух самых выдающихся по лексическому богатству наследий в мировой литературе довелось жить не только в одно и то же время, но и в одном и том же месте. Более того, в бэконовских и шекспировских произведениях допускаются одни и те же ошибки при цитировании античных авторов.¹²

¹⁰ <https://sirbacon.org/costyle.htm>

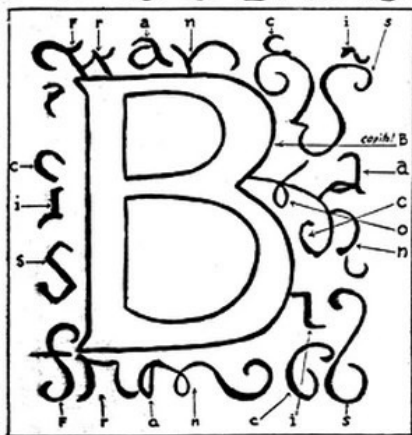
¹¹ <https://sirbacon.org/covocab.htm>

¹² Оба неверно цитируют Аристотеля.

Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической и Розенкрейцеровской Символической философии. «СПИКС», 1994

Наконец, в личных записных книжках Бэкона 1594-1596 годов, опубликованных позже как том «Promus», в изобилии зафиксированы идеи, мысли и разного рода удачные предложения, которые практически дословно затем обнаруживаются в более поздних шекспировских пьесах¹³.

Подписи Бэкона и нумерологическая экспертиза



Первое Фолио, подготовленное к печати при жизни Бэкона, буквально побуквенно проштудировано целой армией дотошных исследователей. А если что-то очень хочется найти, то в том или ином виде оно непременно обнаруживается.

Например, собрание произведений открывает комедия «Буря» (*The Tempest*), а самое первое слово пьесы — «Боцман» (*Boteswaine*) — начинается, как обычно, с буквицы, окружённой замысловатыми виньетками. В 1930-е годы среди этих виньеток исследователи разглядели¹⁴ многократно повторённое имя «Francis Vascon».

Другие подписи — нумерологические. Числовая подпись Бэкона равна 33. Люди, знакомые с нумерологией, знают, что вычисляется это очень просто — суммированием номеров букв в алфавите: В=2; А=1; С=3; О=14; N=13; итого 33. Для

¹³ <https://sirbacon.org/copromus.htm>

¹⁴ На это обратила внимание исследовательница по имени Аннетт Ковингтон из Цинциннати в 1931 году.

особо въедливых, но не слишком осведомлённых следует отметить, что в эпоху королевы Елизаветы в английском алфавите было лишь 24 буквы, поскольку I и J писались как I, а также одной буквой обозначались U и V.

В Первой части пьесы «Генрих IV» есть фрагмент, где слово «Фрэнсис» встречается 33 раза на одной странице. В Первом Фолио все 33 раза имя уложено даже в одну колонку.

Для того, чтобы добиться такого результата, автору пришлось пойти на тяжеловесные до нелепости конструкции типа «Сейчас, Фрэнсис? Нет, Фрэнсис, но завтра, Фрэнсис; или, Фрэнсис, в четверг; или в самом деле, Фрэнсис, когда захочешь. Но Фрэнсис...». (В переводе Бориса Пастернака этой чудовищной тираде придан более пристойный вид: «Сейчас, Френсис? Нет, ты слишком нетерпелив. Сейчас нельзя. Но завтра или в будущий четверг, пожалуйста. Однако, Френсис...»)

Поскольку полное имя Francis Васон имеет числовую подпись 100:

while I question my puny Drawer, to what end hee gaue me the Sugar, and do neuer leaue calling *Francis*, that his Tale to me may be nothing but, Anon : step aside, and Ile shew thee a President.

Poin. *Francis*.

Prin. Thou art perfect.

Poin. *Francis*.

Enter Drawer.

Fran. Anon, anon fir; looke downe into the Pomgranet, *Ralfe*.

Prince. Come hither *Francis*.

Fran. My Lord.

Prin. How long hast thou to serue, *Francis*?

Fran. Forfooth five yeares, and as much as to _____

Poin. *Francis*.

Fran. Anon, anon fir.

Prin. Five yeares : Berlady a long Lease for the clinking of Pewter. But *Francis*, darest thou be so valiant, as to play the coward with thy Indenture, & shew it a faire paire of heeles, and run from it?

Fran. O Lord fir, Ile be sworne vpon all the Books in England, I could finde in my heart.

Poin. *Francis*.

Fran. Anon, anon fir.

Prin. How old art thou, *Francis*?

Fran. Let me see, about Michaelmas next I shalbe _____

Poin. *Francis*.

Fran. Anon fir, pray you stay a little, my Lord.

Prin. Nay but harken you *Francis*, for the Sugar thou gauest me, 'twas a penyworth, was't not?

Fran. O Lord fir, I would it had bene two.

Prin. I will giue thee for it a thousand pound : Aske me when thou wilt, and thou shalt haue it.

Poin. *Francis*.

Fran. Anon, anon.

Prin. Anon *Francis*? No *Francis*, but to morrow *Francis* : or *Francis*, on thursfday : or indeed *Francis* when thou wilt. But *Francis*.

Fran. My Lord.

Prin. Wilt thou rob this Leatherne Jerkin, Christall button, Not-paired, Agat ring, Puke stocking, Caddice garter, Smooth tongue, Spanish pouch.

Fran. O Lord fir, who do you meane?

Prin. Why then your browne Bastard is your onely drinke : for looke you *Francis*, your white Canuas doublet will fuffley. In Barbary fir, it cannot come to so much.

Fran. What fir?

Poin. *Francis*.

Prin. Away you Rogue, dost thou heare them call?

F=6 R=17 A=1 N=13 C=3 I=9 S=18 итого = 67; B=2 A=1 C=3 O=14 N=13 итого = 33; то, теоретически, можно было бы ожидать, что и на 100-й странице Первого Фолио найдётся какой-нибудь характерный «знак».

И действительно, в книге эта страница приходится на финал пьесы «Комедия ошибок», где Аббатиса говорит «тридцать три года провела я в непосильных трудах», хотя зафиксированные в пьесе события свидетельствуют, что данный период никак не мог быть более 25 лет.

Естественно, что подобные «виньеточные» и «нумерологические» доводы способны убедить лишь тех людей, кто априори верит в важность такого рода «знаков». Но имеются и более существенные аргументы.

Криптографическая экспертиза

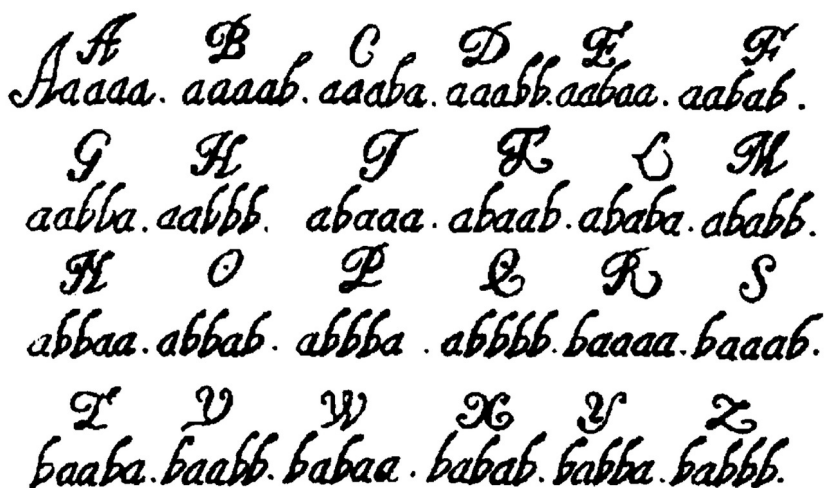
Наиболее серьёзные криптографические доводы в пользу авторства Бэкона собраны в книге французского генерала Картье, опубликованной в 1938 году¹⁵. Генерал Картье долгое время возглавлял шифрслужбу разведки Франции, наиболее отличившись на этом поприще в годы Первой мировой войны.

Следует также отметить, что в 1918 году в составе американского экспедиционного корпуса во Франции занимался вскрытием германских шифров и лейтенант Уильям Фридман, будущий «отец-основатель американской криптологии». Оба криптографа, безусловно, были хорошо знакомы, благодаря чему у Картье завязалась переписка и с полковником Фабианом, покровителем не только Фридмана, но и Элизабет Уэллс Гэллап, главной американской «криптографини-бэконистки» (подробности этой истории можно найти в материале «Наука а la Ривербэнк»¹⁶).

¹⁵ François Cartier, «Un problème de Cryptographie et d'histoire». Paris: Editions du Mercure de France, 1938

¹⁶ <https://kniganews.org/map/e/01-11/hex70/>

Из писем Джорджа Фабиана генерал Картье и узнал впервые о своеобразном шифре, когда-то изобретённом Фрэнсисом Бэконом и описанном в двух его работах — «Успех познания» («*The Advancement of Learning*»¹⁷) и «О достоинстве и приумножении наук» («*De Augmentis Scientiarum*»¹⁸).



Илл. 8. Источник: Francis Bacon, «*Of the Advancement and Proficiencie of Learning, or, The Partitions of Sciences, IX Bookes*».

Oxford, Printed by L. Lichfield, for R. Young & E. Forrest, 1640, стр. 268

Бэкон придумал эту систему тайнописи ещё молодым человеком, назвав её «двухбуквенным (или иначе, двухлитерным) шифром». По сути дела, это была стеганографическая бинарная система, поскольку с помощью шрифтов двух видов (названных А и В) в буквы произвольного текста скрытно вносилась дополнительная информация. Как видно из рисунка 8, каждой букве стеганограммы ставится в соответствие пять последовательных букв основного, маскирующего шифр текста.

¹⁷ Полное название: «*Of the Proficiencie and Advancement of Learning, Divine and Humane*». Francis Bacon, 1605

¹⁸ Полное название: «*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*». Francis Bacon, 1623.

Далее по тексту будут использоваться только общепринятые названия на языке оригинала.

Из следующего примера можно видеть, насколько тонкими и неуловимыми могут быть признаки тайнописи, где весь смысл скрыт в нюансах различного начертания букв «i», «e», «d» и так далее.

*Wisdom and understanding
are more to be
desired than riches*

Илл. 9. Источник: Мэнли П. Холл, «Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической и Розенкрейцеровской Символической философии», глава «Криптограмма как фактор символической философии». СПИКС, 1994

Когда Картье ознакомился с этим шифром, Фабиан порекомендовал французу тщательно изучить одну страницу в первом издании книги Бэкона «Новый Органон». Раздобыв в парижской Национальной библиотеке эту редкую книгу и вооружившись для верности лупой, Картье обнаружил, что текст явно набран шрифтами двух видов.¹⁹

Когда сам факт тайнописи был обнаружен, для профессионала-криптографа уже не составило особого труда разбить двоичную последовательность на буквы и вскрыть смысл зашифрованных слов...

Ну, а дальше пошла работа с другими текстами, в результате чего и появилась криптографическая книга Картье, в целом подтвердившая результаты удивительных изысканий миссис Гэллап, хотя и не обладавшей солидными титулами или чинами, но посвятившей своему делу более 30 лет жизни.

¹⁹ Ален Деко. «Великие загадки и тайны истории». Мистерия, 1996, стр.157-158

Проанализировав 34 книги XVII века, подписанных как Бэконом и Шекспиром, так и другими авторами данного круга, Гэллап восстановила «тайную и неизвестную» биографию Бэкона²⁰, доверенную лишь шифру. Конкретно о Шекспире в этой биографии, в частности, пишется следующее²¹:

«Я писал разные пьесы — исторические хроники, комедии, трагедии. Большинство из них были поставлены в театре, где их автором объявляли Шекспира, и они, бесспорно, имели большой успех...»

Те из моих произведений, что были опубликованы, также подписаны его именем, поскольку я предпочёл Шекспира другим, хотя они были ничуть его не хуже. Передавая несколько пьес в его театр, я буду продолжать это делать и дальше, поскольку так он становится рабом моей воли.»

Полностью оставим за пределами данного повествования соображения о причинах, побудивших гениального автора сначала к анонимности, а затем привязавших его к одному из выбранных псевдонимов.

Однако, для дополнительного подтверждения правильности изысканий Гэллап, выстроенных на довольно зыбкой — для неспециалистов — почве тонких различий в шрифтах, целесообразно привести ещё один важный факт.

Следственный эксперимент

Изучая текст одного из авторов бэконовского круга, книгу Уильяма Роули «Воскрешение», вышедшую в 1657 году, миссис Гэллап наметанным взглядом наткнулась на место, зашифрованное по системе Бэкона.

В восстановленном ею фрагменте говорилось, в частности, следующее:

²⁰ Ibid, стр.160

²¹ Подробности см. в разделе «Проблема криптографии и истории»

«В комнате (Фрэнсиса), в башне, есть тайник, в котором спрятаны редкие бумаги — рукописи Бэкона; чтобы найти тайник, нужно задвинуть пятую панель за пятидесятью».

Из контекста было вполне очевидно, что речь идёт о Кэнонберийской башне, где Фрэнсис Бэкон жил в течение нескольких лет до 1619 года.

Накануне Первой мировой войны Гэллап приехала из Америки в Лондон и, сопровождаемая местным интендантом, отправилась исследовать Кэнонберийскую башню, хотя надежд на обнаружение тайника было, ясное дело, довольно мало.

Как это ни удивительно, но в большом зале башни настойчивая мадам действительно обнаружила пятьдесят панелей, расположенных по окружности в два ряда — 34 панели в нижнем ряду и 16 в верхнем. Чтобы определить нужную, Гэллап стала простукивать и надавливать на панели, как вдруг одна из них (пятая в верхнем ряду) сместилась и ушла вниз, за крайнюю в нижнем ряду («пятидесятью»)...

Увы, за панелью оказалась глухая стена. Но тут сам интендант припомнил, что однажды по какой-то причине эта панель уже проваливалась за соседнюю, в результате чего в стене обозначилась дыра, поэтому вызвали каменщиков и они данную нишу заделали.

Короче говоря, тайник в башне действительно был, хотя и давно опустевший.

Но если вспомнить, сколь необычным способом вышла на него миссис Гэллап, то нельзя не признать, что все результаты её изысканий заслуживают значительно более пристального внимания профессиональных историков и литературоведов.

Сколь бы экзотическими эти результаты ни выглядели.

²² Ален Деко. «Великие загадки и тайны истории». Мистерия, 1996, стр.163-164

Основные источники

- Мэнли П. Холл. *«Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической и Розенкрейцеровской Символической философии»*. СПИКС, 1994
- Riverbank History. City of Geneva, Illinois (1 February 1999). <https://web.archive.org/web/20010303104753/http://www.geneva.il.us/riverbnk/riverpag.htm>
- Аллен Деко. *«Великие загадки и тайны истории»*. Мистерия, 1996

*Июль 2001
Январь-Февраль, Ноябрь-Декабрь 2023*

Тайны криптографической могилы

В январе 2018 года, на проходившей в столице США конференции по инфобезопасности, был сделан занятный доклад «о тайне Арлингтонского кладбища». Точнее, о вскрытии шифра, полвека прятавшегося в буквах надгробия самой знаменитой супружеской пары правительственных криптологов.

И хотя ныне их тайное послание вроде как прочитано, суть его, однако, не прозвучала абсолютно никак...



Илл. 10. Надгробие на могиле супругов Фридманов



Илл. 11. Арлингтонское национальное кладбище

Собственно доклад²³ сделала Илонка Данин²⁴, чрезвычайно активная дама и общественница, знаменитая своим безграничным энтузиазмом во всём, что связано со вскрытием шифров. Наибольшую известность Данин обрела в своё время как автор сборника «самых знаменитых криптограмм в истории» и как наиболее заметная организующая сила в коллективных усилиях по дешифрованию скульптуры Kryptos в штаб-квартире ЦРУ²⁵ в Лэнгли. Кроме того, она же является директором Фонда поддержки Национального музея криптологии при АНБ США. А также затрачивает массу усилий на создание ещё одного музея криптологии, от АНБ независимого...

Здесь, впрочем, рассказ будет не об этой энергичной даме, а о тайнах того зашифрованного крипто-послания, что Илонка нашла среди могил Арлингтонского национального кладбища. В находке её интересно все: и то, чья именно это могила; и то,

²³ <https://archive.org/details/Shmoocon2018/Shmoocon2018-TheFriedmanTombstone.mp4>

²⁴ Elonka Dunin, «*Cipher on the William and Elizebeth Friedman tombstone at Arlington National Cemetery is solved*». <http://elonka.com/friedman/index.html>

²⁵ <https://kiwibyrd.org/tag/kryptos/>

каким образом тайная надпись оставалась незамеченной у всех на виду около полувека; и то, наконец, почему Данин решила разыскать именно это надгробие среди более чем 400 тысяч могил самого знаменитого кладбища США.

Последний в списке момент пояснить проще всего. Надгробие находится на могиле Уильяма Ф. Фридмана, почитаемого в США как «отец национальной криптологии», и его также знаменитой в области криптографии супруги Элизебет С. Фридман. На официальном сайте АНБ США, в разделе «Зал почёта», супругам Фридманам отведено по отдельной веб-странице. Вот только рассказ об «отце криптологии» Уильяме Фридмане²⁶, правда, выглядит здесь на редкость куцым и малосодержательным — всего три небольших абзаца (200 слов или примерно 1400 знаков включая пробелы).

В дословном переводе на русский этот краткий текст выглядит так:

Вольф Фредерик Фридман родился 24 сентября 1891 в Кишинёве, тогда входившем в состав Российской империи, а ныне столице Молдовы. Его отец, служивший переводчиком в царской почтовой службе, на следующий год эмигрировал в США из-за нараставших антисемитских порядков. Семья Фридмана присоединилась к отцу в Питтсбурге в 1893. Ещё три года спустя, когда глава семейства получил гражданство США, имя его сына Вольфа поменяли на Уильям.

После получения степени бакалавра в области генетики и занимаясь аспирантской работой в Корнеллском университете, Уильям Фридман был нанят расположенными в пригороде Чикаго Ривербэнкскими Лабораториями, которые сегодня назвали бы научно-исследовательским институтом. Там Фридман заинтересовался изучением кодов и шифров — благодаря интересу к девушке Элизебет Смит, занимавшейся в том же Ривербэнке крипто-

²⁶ <https://web.archive.org/web/20180918005407/https://www.nsa.gov/about/cryptologic-heritage/historical-figures-publications/hall-of-honor/1999/wfriedman.shtml>

аналитическими исследованиями. Во время Первой мировой войны Фридман покинул Ривербэнк ради военной службы офицером-криптологом. Так было положено начало его выдающейся карьеры на службе правительству.

Последующий вклад Фридмана широко известен — как плодотворного автора, преподавателя и практика в области криптологии. Его величайшими достижениями, наверное, стали те математические и научные методы анализа, что он ввёл в криптологию, и подготовленные им учебные пособия и материалы, которые затем использовали несколько поколений учеников. Его работа существенно улучшила как разведку средств связи, так и защиту информационных систем. Большинство из того, чем занимается АНБ ныне, в основах своих ведёт начало от новаторских трудов Уильяма Фридмана.

Дабы никто вдруг не подумал, что три коротеньких абзаца для отца американской криптологии — это совершенно нормально, надо сразу отметить такой факт. Соседняя веб-страничка²⁷, посвящённая жене криптографа Элизебет Смит Фридман, тоже весьма продвинутой криптографине с большим стажем госслужбы, содержит рассказ, по своему объёму (около 12 тыс знаков) превышающий лаконичный текст об У.Ф.Ф. более чем в 7 раз. И это притом, надо подчеркнуть, что Элизебет никогда не состояла в кадрах АНБ (специализируясь, главным образом, на борьбе с внутренним криминалом и контрабандистами)...

Главная причина столь выдающейся краткости Агентства в рассказе о своём самом знаменитом криптографе — это, конечно же, чрезвычайная деликатность его сверхсекретной работы. Сводившейся, по сути дела, к постоянному и изобретательному чтению чужих зашифрованных писем. Причём авторами этих писем, как правило, были весьма важные люди и

²⁷ <https://web.archive.org/web/20180918024648/https://www.nsa.gov/about/cryptologic-heritage/historical-figures-publications/hall-of-honor/1999/efriedman.shtml>

организации, непосредственно влиявшие на ход мировых событий. И многие, очень многие из материалов подобной тайной переписки до сих пор спрятаны в секретных архивах АНБ, абсолютно недоступные для исследований историков. А может быть и так, что наиболее интересные вещи вообще уничтожены давно...

Несмотря на скрытность его конторы, однако, биография самого Уильяма Фрийдмана восстановлена и изучена независимыми историками спецслужб весьма обстоятельно. И поскольку подлинная криптология в её полном виде — это не только математическая наука, но также и отчасти оккультно-магическое искусство, то пристальный интерес к жизни и деятельности настоящего криптографа Фрийдмана уже не раз приносил исследователям большие сюрпризы.

Благодаря фактам-сюрпризам такого рода не только известные события XX века, но и дела куда более давних времён начинают выглядеть существенно иначе и в высшей степени удивительно. Даже неправдоподобно, можно сказать. Но если тех, кто ищет ответы, интересует реальная картина, а не выдумки и умолчания правдоподобной официальной истории, то факты имеет смысл принимать именно так, как они есть. Сколь бы странно эта реальность ни выглядела.

Самый простой и наглядный способ убедительно проиллюстрировать данные тезисы — это прямо и без затей выбрать несколько скупых фраз из коротенького официального текста АНБ о своём неординарном сотруднике Уильяме Фрийдмане. А затем привлечь достоверно известные и неопровержимые факты для несколько более развёрнутого рассказа о том, что же на самом деле эти лаконичные слова означают.

Оккультизм и шифры Фрэнсиса Бэкона

Цитата #1:

«Уильям Фридман был нанят расположенными в пригороде Чикаго Ривербэнкскими Лабораториями, которые сегодня назвали бы научно-исследовательским институтом».

Факты истории таковы, что в сентябре 1915, когда молодой генетик Фридман переехал жить и работать в городок Женева неподалёку от Чикаго, никаких Ривербэнкских Лабораторий там ещё не было. А было лишь недавно купленное, обширное поместье текстильного магната Джорджа Фабиана, которое он назвал Ривербэнк и решил превратить в место передовых научных исследований. Со временем Ривербэнк действительно войдёт в историю как первое частное научно-исследовательское заведение в США. Но произойдёт это несколько позже.

А пока богач Фабиан, не отличавшийся особой учёностью, но зато переполненный энергией и энтузиазмом, решил заняться здесь воплощением своих разнообразных идей о новых путях к революционным свершениям в науке. Эти намерения, что немаловажно, подкрепляла куча денег, которые миллионер стал решительно тратить на благо научного прогресса.

Что касается конкретно Фридмана, то его Фабиан пригласил в качестве главы задуманного им «департамента» генетических исследований, силами которого планировалось по-новому выводить особо сильные породы животных и сорта растений. Одним из новшеств, привлекавших Фабиана, была, скажем, идея получения «лунных сортов» растений — не только благодаря их засеву под лунным светом, но и в определённые фазы цикла Луны.



Илл. 12. Джордж Фабиан, 1915 г.

Причём это был далеко не самый странный из научных проектов полковника Фабиана (свой солидный военный чин получившего не в армии, а лично от губернатора штата Иллинойс). Когда Уильям Фридман переехал в Ривербэнк, там по приглашению хозяина уже жила и работала некая миссис Элизабет

Уэллс Гэллап. А также её младшая сестра Кэти Уэллс, помогавшая Гэллап в её необычных крипто-исторических изысканиях.

Областью обширных исследований этой дамы были старинные печатные книги XVII века, а главным рабочим инструментом — так называемый двухлитерный шифр Фрэнсиса Бэкона, знаменитого философа, учёного и государственного деятеля шекспировской эпохи. Освоив выявление и вскрытие-чтение этого шифра, с помощью шрифтов разных типов прячущего тайные послания в основном тексте, миссис Гэллап сумела извлечь из старинных книг массу новой и весьма неординарной информации.

Из этой информации, в частности, следовало, что Фрэнсис Бэкон считал себя тайным сыном королевы Елизаветы, а значит, и законным наследником английского трона (из-за чего, ради сохранения собственной жизни, был вынужден всячески данный факт скрывать). В других зашифрованных текстах Бэкона сообщалось, что это он был автором всех пьес и сонетов, ставших известными под именем Шекспира (более того, на страницах одной из древних книг Гэллап даже удалось выявить и извлечь текст прежде неизвестной «шекспировской» пьесы).

Наконец, в тех же зашифрованных посланиях сообщалось, что Бэкон был одним из руководителей тайного ордена розенкрейцеров, ставившего себе целью в корне изменить общество и его порядки с опорой на свою оккультную науку. Выстроенную на основе трёх базовых компонентов — магии, астрологии и алхимии. Среди научно-магических опытов, проводимых розенкрейцерами, Бэкон описал, в частности, и устройство машины акустической левитации, с помощью которой они поднимали предметы в воздух одной лишь силой звука...

Вся эта в высшей степени необычная информация, добываемая миссис Гэллап из старинных книг, до такой степени распалила интерес Фабиана, что он убедил даму переехать вместе с сестрой в своё поместье, создав им в Ривербэнке идеальные

условия для продолжения криптографических изысканий. А кроме того, миллионер загорелся идеей построить и реальный акустический левитатор — на основе дешифрованного описания от Фрэнсиса Бэкона.

Именно так, собственно, в дополнение к криптографическому и генетическому направлениям исследований в Ривербэнке вскоре возникнет ещё один департамент — акустический. Который не только приведёт к появлению в США самой продвинутой по тем временам лаборатории для исследований физики звука, но и даст этому месту его нынешнее название — «Акустические лаборатории Ривербэнк».

Но всё это, повторим, будет позднее. А пока, в начале 1916 года, Джордж Фабиан занялся активными поисками помощницы для расширения крипто-изысканий Гэллап и её сестры. Уже весной удаётся найти именно ту, кто был нужен. Молодая и хорошо образованная филологиня по имени Элизебет Смит, найденная для Фабиана знакомой библиотечаршей, активно интересовалась творчеством Шекспира и как раз находилась в поисках работы. Фабиану не составило большого труда уговорить и её перебраться в усадьбу Ривербэнк. Девушка оказалась не просто умная и сообразительная, но и — что особо важно — явно способная к криптографическому анализу. Ну а самое главное, новой молоденькой ассистенткой возле пожилой миссис Гэллап не на шутку увлёкся главный местный агроном-генетик Уильям Фридман. С чего, собственно, и начинается одна из самых занятных (и ныне либо умалчиваемых, либо искажаемых) страниц в истории рождения Агентства национальной безопасности США.

Когда романтический интерес Фридмана к Элизебет Смит естественным образом расширился до интереса и к профессиональным занятиям девушки, то неожиданно для всех вдруг обнаружился мощнейший криптографический талант учёного-генетика. Фридман, как выяснилось, с лёгкостью мог вскрывать такие шифры, которые для остальных казались весьма сложными. И что ещё более важно, попутно он очень умело стал привлекать для взлома шифров теорию вероятностей, ста-

тистические и прочие математические методы анализа, которые использовались в генетике. Причём в дело скоро пошли не только методы известные, но и изобретённые самим Фридманом — ещё более мощные и особо эффективные для специфической работы криптоаналитиков...



Илл. 13. Департамент шифров Ривербэнкских лабораторий.
Крайняя слева в нижнем ряду — Элизабет Уэллс Гэллап.
В центре следующего ряда — Элизебет Смит Фридман.

Короче говоря, следующий 1917 год ознаменовался в Ривербэнке большими переменами. По весне взаимная симпатия молодых людей вылилась в свадьбу-женитьбу и очень прочный последующий брак на всю жизнь. Параллельно с генетическим департаментом Уильям Фридман возглавил теперь ещё и департамент шифров, где под его руководством над выявлени-

ем и вскрытием эконозовских криптограмм в старинных книгах трудился уже целый коллектив дам-криптографинь. Ну а поскольку в тот же год власти США решили вступить в Первую мировую войну, то с осени 1917 для ривербэнкского департамента шифров и кодов быстро нашлись и более серьезные занятия.

Формулируя более аккуратно, занятия эти нашёл для себя сам Джордж Фабиан. Ибо вместе с вступлением страны в войну быстро выяснилось, что у американской армии фактически отсутствуют собственные специалисты-криптографы, способные ко взлому вражеских шифров. Зато именно такие специалисты в достатке имелись в Ривербэнке у полковника Фабиана. Причём благодаря передовым научным методам Уильяма Фридмана это были уже опытные квалифицированные профессионалы, способные не только помогать государству во вскрытии шифров, но и обучать военные кадры эффективным приёмам криптоанализа.

Фабиан инициативно предложил властям помощь и в том, и в другом деле разом. Предложение его было воспринято с интересом и по-деловому, так что уже осенью 1917 в Ривербэнке не только начали заниматься вскрытием «боевых» криптограмм, но и готовить пробную небольшую группу криптоаналитиков для армии. Первый же опыт оказался вполне успешным, поэтому в начале 1918 специалисты Ривербэнка в ускоренном порядке подготовили и выпустили уже вполне солидный курс офицеров-криптографов численностью около 70 человек.

Большая фотография, на общем снимке запечатлевшая тот достопамятный выпуск вместе с инструкторами Ривербэнка, сидящими среди офицеров в гражданской одежде, по некоторым «зашифрованным» причинам стала очень дорогой для Фридманов семейной реликвией. Причём секрет послания на данном фото непосредственно связан и с тайной прощальной шифровки супругов-криптографов на их надгробном камне. Но об этих загадках удобнее будет рассказать ближе к финалу.



Илл. 14

Здесь же надо отметить, что приводимая пара фотографий (иллюстрация 14) позаимствована из материалов доклада Илонки Данин²⁸. Которая на втором, увеличенном фрагменте решила почему-то несколько подрезать коллектив представителей Ривербэнка — аккуратно изъяв из данной картины личность Джорджа Фабиана. То есть собственно организатора всей этой военно-криптографической затеи.

Каковы были мотивы Илонки Данин, когда она удаляла с фото Джорджа Фабиана, сие, как говорится, осталось неизвестным.

Но зато известно и неоспоримо, что эта операция «выпиливания» находится в полном согласии с официальным текстом об Уильяме Фридмане на странице АНБ США. Где про Фабиана и его ключевую роль в этой истории о зарождении национальной криптографической спецслужбы тоже нет ни единого слова.

²⁸ <http://elonka.com/friedman/FriedmanTombstone.pdf>

Исторически более справедливая версия того же самого фрагмента должна выглядеть так:



Илл. 15. Крайний слева гражданский — Фабиан.
Крайний справа — Фридман.
Дама в центре — Элизебет Смит Фридман

Продолжим, однако, цитирование.

Друзья на высоких постах

Цитата #2:

«Во время Первой мировой войны Фридман покинул Ривербэнк ради военной службы офицером-криптологом. Так было положено начало его выдающейся карьеры на службе правительству».

Военная служба лейтенанта Фридмана началась летом 1918, а уже в ноябре того же года Первая мировая война закончилась. Отсюда понятно, наверное, что опыт личного участия в воен-

ных действиях конкретно для этого офицера-криптографа оказался минимальным.



Илл. 16. Супруги Фридманы летом 1918 года

(По интересному совпадению военная служба подполковника Уильяма Фридмана закончится аккуратно накануне того, как США вступят во Вторую мировую войну. Так что дальше он ещё много лет будет преданно и на солидных должностях служить правительству уже в качестве сугубо гражданского лица.)

Первая мировая война, однако, несмотря на свою кратковременность лично для Фридмана, сыграла в его судьбе важнейшую определяющую роль. И на всю остальную жизнь прочно связала талантливого аналитика с секретами государственной разведки и криптографии США. Кроме того, именно Первая мировая свела молодого офицера с тремя выдающимися генералами. Которые хотя и не имеют прямого отношения к истории Агентства национальной безопасности, однако в нашей «истории о тайнах криптографа Фридмана» занимают место весьма заметное.



Илл. 17. Генералы Джон Першинг и Франсуа Картье

Генерала первого звали Джон Першинг, и на полях сражений Первой мировой войны он командовал Американскими экспедиционными силами, штаб-квартира которых находилась в городе Шомон, Франция. Именно туда в июле 1918 и прибыл новоиспечённый лейтенант Фридман, чтобы возглавить в штабе Першинга им же и обученное подразделение криптоаналитиков, занимавшихся вскрытием немецких шифров в непосредственной близости от фронта.

Генерала второго звали Франсуа Картье, а в интересующий нас военный период он возглавлял криптографическую службу Франции, отвечая как за зашифрованную защиту коммуникаций французской армии, так и за перехват-дешифрование секретной переписки неприятеля. Поскольку криптослужбы союзников работали в контакте друг с другом, между Картье и Фридманом завязалось личное знакомство.

Хотя опыт и знания французских криптографов в тот период значительно превосходили уровень профессионализма их американских коллег, генерал Картье был весьма впечатлён успехами Фридмана и его подразделения. Когда же война закончилась, то благодаря знакомству Фридмана и Картье вскоре с генералом-криптографом стал активно переписываться Джордж Фабиан. Напористому Фабиану удалось не только довольно быстро разжечь в Картье профессиональный интерес криптографа к теме бэконовских шифров, но и на многие годы обеспечить ему обширное поле для собственных исследований этой темы — по выходу на пенсию в начале 1920-х.

Третьего генерала из этой примечательной группы военных звёзд звали Джордж Маршалл. Четверть века спустя, во время Второй мировой войны и в последующие годы Маршалл прославится как начальник генерального штаба, затем госсекретарь и министр обороны США, как инициатор известного всем Плана Маршалла по послевоенному восстановлению Европы и единственный лауреат Нобелевской премии мира среди американских кадровых военных.

На исходе же Первой мировой войны он был совсем ещё не генерал, а лишь молодой и перспективный офицер, быстро продвинувшийся из капитанов в полковники и в штабе Першинга занимавшийся планированием-организацией боевых операций. Джордж Маршалл появился в окружении командующего тем же летом 1918, что и Уильям Фридман, и благодаря несомненным военно-организаторским талантам на несколько последующих лет станет ближайшим помощником генерала Першинга не только во Франции, но и по возвращении в Вашингтон.



Илл. 18. Полковник Маршалл и генерал Першинг

По причинам, которые станут вполне ясны далее — при чуть более подробном разборе «кратких цитат» — официальные историки АНБ и американских спецслужб в целом стараются

всячески умалчивать факты личного знакомства молодого Фридмана не только с французским генералом Картье, но и с будущим лидером нации Джорджем Маршаллом. Хотя — в случае с последним — крайне сложно представить работу фронтового штаба, в котором человек, занимавшийся планированием боевых операций генерала Першинга, был бы не знаком с начальником дешифровальной службы, вскрывавшей для Першинга секретную переписку противника.

Весьма выразителен и другой факт. В конце 1960-х, уже на исходе жизни, весь свой личный архив и ценную криптографическую коллекцию, собранную им за долгие годы службы, Уильям Фридман завещал передать на хранение в библиотеку Фонда Джорджа Маршалла. Где материалы и хранятся по сию пору, время от времени обретая то новые, прежде «закрытые» документы, рассекреченные из архивов АНБ, то теряя старые «открытые» — когда их вдруг решают спрятать и неясно почему засекретить...²⁹

Магия и SIGABA

Цитата #3:

«Работа Фридмана существенно улучшила как разведку средств связи, так и защиту информационных систем».

По окончании войны и возвращении из Франции весной 1919, Уильям Фридман попытался вновь начать прежнюю гражданскую жизнь — там же в Ривербэнке, где на Фабиана продолжала работать его жена Элизебет. Однако ничего путного из этого не получилось.

²⁹ Пользуясь малоизвестным законом о пересекречивании документов, Агентство неоднократно прореживало коллекцию Фридмана «для сохранения тайн о защите национальной безопасности». И что особо любопытно, среди изъятых и засекреченных единиц архива обнаруживаются одна из статей пятичастевого цикла работ Картье о проблеме Бэкона-Шекспира плюс ещё три, как минимум, документа из этого же комплекса материалов. С какой именно стороны изначально открытые публикации о делах XVII века, написанные за 30 лет до создания АНБ, могли бы угрожать нацбезопасности и компрометировать работу суперсекретной американской спецслужбы — внятно объяснить вряд ли кто сумеет...

По-феодалному властный Фабиан как и прежде относился к Фридману словно к своей собственности, на время предоставившейся в аренду вооружённым силам США. А на учебных пособиях Фридмана по криптоанализу, печатавшихся в типографии Ривербэнкских лабораторий, то и дело норовил убрать имя автора, не забывая при этом оставлять своё.

Естественно, все подобные трения и конфликты привели к попыткам Фридмана найти приличную работу где-то в другом месте. Вернуться на линию генетических исследований, однако, ему не удалось. Но вот в Вашингтоне, в генштабе сухопутных войск, который после войны возглавил его хороший знакомый генерал Першинг, талантливого криптографа брали на достойную должность абсолютно без проблем.

Так что в последние дни декабря 1920 года супруги Фридманы без ведома Фабиана и фактически тайно сбежали из Ривербэнка в Вашингтон. А уже с первых чисел января 1921 Уильям Фридман приступил к новой государственной службе — теперь в качестве начальника отдела кодов и шифров в Корпусе войск связи США.

Новая работа криптографа была вроде бы и солидной, и в трудные годы экономического спада позволяла прокормить растущую молодую семью (с интервалом в несколько лет у них родились двое детей, дочь и сын). Однако то, чем Фридман на своей службе занимался — обеспечением надёжных шифр-средств для защиты коммуникаций армии — оказалось весьма скучной рутинной, никак не сравнимой с волнующей работой криптоаналитика, вскрывавшего вражеские шифры в годы войны.

В корне всё переменялось лишь в самом конце 1920-х, когда Белый дом занял президент Герберт Гувер, а иностранными делами США стал ведать новый госсекретарь Генри Стимсон, имевший весьма возвышенные представления о честности в политике. По этой причине, как только Стимсону стало известно, что при Госдепартаменте работает «Чёрная комната» Герберта Ярдли, на регулярной основе вскрывающая шифро-

ванную дипломатическую переписку иностранных государств, то он тут же это суперсекретное и «не подобающее джентльменам» дело решительно прикрыл. А точнее, лишил эту разведструктуру львиной доли финансирования, поступавшей от Госдепартамента. Что и было равнозначно ликвидации.

Поскольку же остальная часть финансирования «Чёрной комнаты» поступала от военных, то Армия получила в своё полное распоряжение ценнейший архив с дешифрованными материалами и аналитическими разработками тайной спецслужбы. И поскольку прагматичные представления военного командования о международных делах в корне отличались от возвышенных идей главы дипломатов, то вскрытие иностранных шифров было решено непременно продолжать — но теперь уже целиком в вооруженных силах. Именно тогда-то и начался подлинный восход звезды Уильяма Ф. Фридмана...

Как опытный криптограф и аналитик — да ещё с личными знакомствами в высших военных эшелонах — Фридман стал естественным выбором на пост начальника нового подразделения SIS или Signal Intelligence Service, то есть «Служба разведки средств связи». В трудные годы экономической депрессии для новой спецслужбы выделили весьма скромный бюджет, однако его вполне хватало на формирование коллектива из свежих-молодых криптоаналитических кадров.

И задачу эту Фридман решил блестяще. Четверо первых же лично отобранных их молодых людей быстро стали даровитым костяком новой криптоаналитической разведки. Трое из них — Фрэнк Роулетт, Абрахам Синков и Соломон Кульбак — были продвинутыми математиками, причём каждый с хорошим знанием одного из ключевых иностранных языков (немецкого, испанского, французского).

Что же касалось ещё одного очень важного для военных шпионов языка, японского, то здесь найти математика-но-не-японца никак не удавалось. Однако вскоре отыскался молодой и даровитый лингвист Джон Хёрт. Который терпеть не мог математику, но зато не только прекрасно владел японским плюс

несколькими другими языками, но и надолго стал лучшим и главным переводчиком-японистом военной американской разведки.

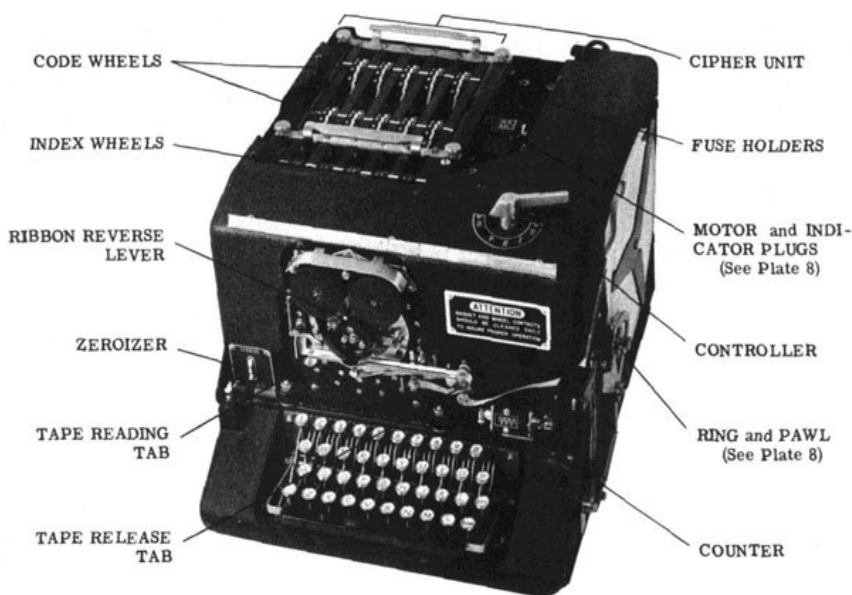
На основе этой команды, которую Фридман лично обучил основам и тонкостям криптоанализа, вскоре сформировалась чрезвычайно компетентная спецслужба, творившая в делах вскрытия шифров совершенно удивительные вещи, зачастую похожие на волшебство. И совсем не случайность, что когда всё это дело было поставлено на поток, то секретные сводки по материалам дешифрованной переписки стали именоваться кодовым словом **MAGIC** или «Магия»...



Илл. 19. Волшебники-криптоаналитики SIS, в центре Уильям Фридман.

Помимо сугубо разведывательной магии здесь же занимались порой и волшебством иного рода, изобретая для защиты американской военной связи чрезвычайно сильные шифры и шифраторы. Наиболее продвинутая из шифрмашин, придуманная лично Фридманом и существенно улучшенная Роулеттом, получила кодовое наименование **SIGABA**. И вошла в ис-

торию как самый стойкий американский шифратор периода Второй мировой войны. Причём и в послевоенное время криптосхема аппарата считалась настолько важной и ценной, что рассекретить её власти США решились лишь в начале 2000-х годов, то есть почти через 70 лет после рождения.



Илл. 20. Шифратор SIGABA

Ныне, впрочем, это дела уже хорошо известные. Однако с тем же аспектом — очень жёсткой сверхсекретностью вокруг SIGABA — связана и другая, куда менее известная история. Не раз повергавшая криптографа в глубокую депрессию, особо обострившуюся к середине 1950-х, когда Фридман по делам шпионской службы навестил в Швейцарии своего давнего знакомого и приятеля по имени Борис Хагелин. Который в ту пору был уже не только весьма успешным бизнесменом, но и очень богатым человеком, сделавшим миллионы на собственных шифраторах, «надёжных как швейцарские часы и банки». Хагелин принял старого приятеля очень хорошо и щедро, однако на Фридмана этот визит произвёл крайне подавляющее воздействие, вызвав в итоге приступ сильнейшей депрессии.

Причина недуга вслух обычно не произносится, однако чисто по-человечески вполне понятна.

Как высококлассный криптограф-профессионал, Фридман отлично знал, что их собственный аппарат SIGABA был намного сильнее и круче, чем шифраторы Hagelin. Однако Борис Хагелин на своих изобретениях стал процветающим мульти-миллионером, а Фридман с Роулеттом не получили от своего государства вообще ни цента. Более того, власти США даже не дали им оформить патенты на SIGABA, «в интересах национальной безопасности» подвесив изобретение в засекреченном состоянии на неопределенно долгое время (вплоть до начала 2000-х годов, когда ни Роулетта, ни Фридмана, тем более, на этом свете уже не было).

Нельзя сказать, что криптографы-изобретатели с кроткой покорностью принимали эту вопиющую несправедливость. Они много лет пытались бороться за свои права через суд, и в общем-то не без успеха. Фридман сумел добиться хоть какой-то финансовой компенсации в середине 1950-х (что примечательно совпало с его визитами в Швейцарию), а Фрэнк Роулетт отсудил свои 100 тысяч долларов в середине 1960-х. Сколько сил и нервов, однако, было ими на это затрачено, не ведает, наверное, никто.

Уильям Фридман, по своей душевной организации отличавшийся тонкой и ранимой психикой, был практически уверен, что неоднократные депрессии и нервные срывы, требовавшие серьёзной медицинской помощи, были вызваны экстраординарной секретностью и двусмысленностью его шпионско-криптографической работы. И в этой связи особого рассмотрения заслуживает самый первый нервный срыв Фридмана в 1941 году, то есть в год разгрома американского флота в Пёрл-Харборе.

По очень давней традиции, заведённой в официальной истории — «отражать события не так, как было на самом деле, а так, как это целесообразно» — вокруг той военной катастрофы до сих пор остаётся много тёмных и не выясненных до

конца вопросов. Достоверные факты истории, тем не менее, здесь таковы.

Под руководством Фридмана криптоаналитики SIS, и в первую очередь люди из команды Роуллетта, к 1940-му году достигли с помощью своей математической «магии» воистину грандиозных успехов в дешифровании секретной переписки Японии. Главным же успехом на данном направлении было массовое вскрытие системы под кодовым названием PURPLE — нового японского шифратора, закрывавшего дипломатическую переписку. И хотя переписка вооруженных сил Японии вскрывалась значительно хуже и медленнее, объёмы и оперативность дешифрования материалов японского МИДа давали аналитикам разведки все основания считать, что руководство США вполне осведомлено о планах и замыслах потенциально-го противника.

В частности, незадолго до катастрофы в Пёрл-Харборе имел место такой эпизод — воспроизводимый здесь по личному свидетельству его участника, военного лингвиста Джона Хёрта³⁰, переведившего те зашифрованные телеграммы японского МИДа, которые вскрывали аналитики Фридмана.

За десять дней до атаки, в ноябре 1941, когда Хёрт и Фридман посещали в санатории общего друга, криптограф спросил у переводчика, как он оценивает из вскрытых депеш текущее состояние отношений между США и Японией. Хёрт ответил, что переговорам между Токио и Вашингтоном, похоже, настал конец. И в свою очередь спросил у Фридмана, что же, по его мнению, означает такое обострение отношений? На что Фридман ответил очень коротко: «Это означает войну». Поражённый этими словами, Хёрт тут же в волнении спросил криптографа, куда более близкого к высокому начальству, а готовы ли США к такому обострению вражды? — «Надеюсь, что это так», ответил Фридман...

³⁰ John Hurt. «The Japanese Problem in the Signal Intelligence Service». NSA William F. Friedman Collection, Document A58132.

<https://www.nsa.gov/news-features/decclassified-documents/friedman-documents/>

О том, что произошло с Фридманом в день катастрофы, утром в воскресенье 7 декабря 1941, жена криптографа Элизебет рассказывала такими словами³¹:

Услышав по радио новость об атаке в Пёрл-Харборе, Фридман поначалу просто не мог в это поверить. В течение какого-то времени ... он вообще не мог делать ничего, кроме как ходить взад и вперёд по комнате, бор-моча тихо одно и то же снова и снова: «Но ведь они же знали, они же знали»...

Самым поразительным в этой драматичной истории является, однако, то, что полтора десятка лет спустя Уильям Фридман сумеет перестроить свои взгляды на произошедшее буквально с точностью до наоборот. И напишет аналитическую работу, где очень компетентно, авторитетно и аргументированно станет всем доказывать, что на самом деле «они НЕ знали». Ибо дело это, понимаете ли, крайне непростое...

Обман как государственная необходимость

Цитата #4:

«Последующий вклад Фридмана широко известен — как плодovitого автора, преподавателя и практика в области криптологии».

Рассказы о выдающихся и широко известных делах Уильяма Фридмана в качестве «преподавателя и практика» здесь по некоторым причинам удобнее отделить от рассказа о Фридмане как о «плодовитом авторе». Ибо те два конкретных произведения, автором которых является, к сожалению, Уильям Фридман, и о которых пойдёт речь сейчас, не сыграли абсолютно никакой роли в делах развития теории криптологической науки или практического освоения её тонкостей. Но определённо послужили очень прочному закреплению умышленно сконструированной лжи в умах широкой публики.

³¹ Ronald Clark. «*The Man Who Broke Purple: The Life of Colonel William F. Friedman, Who Deciphered the Japanese Code in World War II*». Boston, MA: Little Brown, 1977.

Такого рода вещами — систематическим «обманом и отрицанием» — с давних пор занимаются практически все шпионские спецслужбы. По давней традиции там принято считать, что интересы национальной безопасности обязывают государство постоянно вводить в заблуждение всех своих оппонентов относительно реального положения дел. Как это ни печально, но «оппонентами» здесь часто оказываются и собственные сограждане государства. Особо же грустно, когда авторами тонкой-креативной лжи оказываются умные, талантливые и в остальном весьма приличные люди. Как в данном случае. А точнее, в двух конкретных случаях из биографии Уильяма Ф. Фридмана.

Оба этих сюжета имели место примерно в одно и то же время — в 1957 году. То есть вскоре после того, как Фридман официально ушёл на пенсию, но продолжал сохранять очень тесные — рабочие и коммерческие — отношения с Агентством национальной безопасности. В частности, одна из его «коммерческих» работ того периода была подготовлена по заказу руководства АНБ (в архиве к статье приложен счёт на оговорённую стоимость заказа — 4000 долларов, что для примерного сопоставления с нынешним курсом валют надо умножить на десять) и имела непосредственное отношение к предыдущей теме — катастрофе в Пёрл-Харборе. С этой статьи и имеет смысл начать.

Работа Фридмана носит довольно необычное для подобных статей название: «*Определённые аспекты “Магии” в подоплёке нескольких официальных расследований атаки на Пёрл-Харбор*»³². В те времена даже в государственных структурах, не говоря уже о широкой публике, мало кто знал, что обозначает кодовое слово Магия. Но поскольку работа изначально мыслилась как секретная и предназначенная для распространения в кругах правительственных людей, имеющих доступ к

³² Friedman, William F. «Certain Aspects of “Magic” in the Cryptological Background of the Various Official Investigations into the Attack on Pearl Harbor». NSA William F. Friedman Collection, Document A485355.

<https://www.nsa.gov/news-features/decclassified-documents/friedman-documents/>

гостайне, Фридман решил позволить себе здесь некоторую вольность.

Хотя заголовок статьи отчётливо заявляет об официальных расследованиях катастрофы, на самом деле для историков очевидно, что все аргументы этой работы заточены для опровержения выводов расследований неофициальных — от так называемых «ревизионистов истории». А самой главной из этих ревизионистских атак на официальную позицию государства (полностью снявшего какую-либо ответственность с высшего военно-политического руководства США) в ту пору была, несомненно, вышедшая в 1954 году книга адмирала Роберта Теобальда «*Последняя тайна Пёрл-Харбора: Вклад Вашингтона в японскую атаку*»³³.

В этой работе от вице-адмирала Теобальда, который во время атаки на Пёрл-Харбор командовал одной из эскадр, подвергнувшихся неожиданному нападению японцев, по-военному прямо и без всяких скользких двусмысленностей было заявлено, что президент Ф.Д. Рузвельт, начальник генштаба сухопутных войск Джордж Маршалл (отметим знакомое имя из фронтовой молодости Фридмана) и командующий военно-морским флотом Гарольд Старк несут прямую ответственность за разгром тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе.

Цитируя адмирала дословно, «никакого Пёрл-Харбора не было бы, если бы гавайское командование не лишили Магии», причём это именно Рузвельт приказал Маршаллу и Старку придерживать дешифрованную информацию из секретной японской переписки. Делалось же это ради того, чтобы неожиданный и чувствительный удар союзника Германии вынудил нейтральные США к вступлению в мировую войну на стороне Британии и антигитлеровской коалиции в целом — к чему всячески стремился Рузвельт, но активно сопротивлялся Конгресс, где доминировали прогерманские и антисоветские настроения...

³³ Robert A. Theobald. «*The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington contribution to the Japanese Attack*». New York: The Devin-Adair Company, 1954.

Серьёзнейшие обвинения Теобальда, что очень важно, были основаны не на его личных домыслах или мутных слухах, а на документальных фактах из рассекреченных материалов нескольких официальных расследований. Именно поэтому, собственно, никаких судебных исков против строптивного адмирала, порочащего честь и достоинство высших людей страны, здесь не последовало (ибо на подобных судах обычно всплывает ещё больше неудобной и компрометирующей информации).

Вместо судов, однако, как только Роберт Теобальд умер в мае 1957, руководство АНБ поручило своему главному специалисту по Магии подготовить — причём далеко не бесплатно — солидное и убедительное «опровержение» в ответ на все обвинения адмирала. Благо сам мёртвый адмирал со своими рассекреченными документами парировать контр-доводы уже не мог.

Ну а все прочие независимые и ещё живые исследователи были лишены возможности анализировать и критиковать «опровержение» весьма простым способом — засекречиванием работы Фридмана и её рассылкой лишь по компетентным правительственным инстанциям. В точности по той же схеме несколькими годами ранее был распространён секретный «Отчёт об НЛО», подготовленный научной комиссией Робертсона и авторитетно «разоблачивший» все свидетельства и факты об участившихся наблюдениях инопланетян в небе США.

Учёные этой комиссии нашли довольно странные и местами нелепые, но главное «естественные» объяснения для всех аномальных событий. Чем всячески успокоили сильно нервничающие структуры власти в Вашингтоне, заверив их, что ни инопланетян, ни угроз для государства, тем более, здесь вовсе нет. О том же, что глава комиссии и её секретарь, готовивший итоговый отчёт, являются тайными сотрудниками ЦРУ с зада-

чами предотвращения паники и внедрения дезинформации, никому говорить, конечно, не стали...^{34,35}

Секретная аналитическая работа от главного криптографа разведки У.Ф. Фридмана сыграла, по сути, ту же самую роль — предоставив компетентное опровержение-успокоение для всех тех, кто начал беспокоиться и задаваться ненужными вопросами из-за всплытия «иной правды» о Пёрл-Харборе. Попутно же отчёт Фридмана решал и ещё одну задачу. Дабы в будущем — при рассекречивании гостайн за давностью лет — именно этот документ всплыл бы и занял место в истории как «правда окончательная».

Что, собственно, и произошло ныне, когда в 2014 году был рассекречен комплекс тех работ Фридмана, которые хранились в закрытых архивах АНБ. Ну а официальные историки Агентства, соответственно, уже цитируют статью Фридмана о роли Магии в катастрофе Пёрл-Харбора как финальное и неоспоримое подтверждение официальной позиции государства в этом спорном и по сию пору активно дебатированном вопросе истории.³⁶

Как же был достигнут столь замечательный результат? Суть развёрнутой, местами ловкой и местами действительно убедительной аргументации от Фридмана сводится к тому, что среди всех дешифрованных ими материалов Японии нет ни одного послания, в котором было бы в явном виде сказано, где именно и когда именно будет нанесён военный удар по США. А значит, читавшее эти дешифровки высшее руководство страны никак не могло ни знать, ни предупредить флот на Гавайях о грядущем нападении...

³⁴ Подробности о весьма специфической роли ЦРУ и Комиссии Робертсона в теме НЛО см., к примеру, в текстах «Sci-Myst#3: Обман трудящихся, или Следим за руками», раздел «Тайные истории»
<https://kniganews.org/2015/02/24/nmd3/>

³⁵ «НЛО: история болезни», раздел «1993-1997: Официальный отчёт ЦРУ»
<https://kiwibyrd.org/2014/04/13/1343/>

³⁶ David Sherman. «William Friedman and Pearl Harbor», Intelligence and National Security, 2017 November
<http://dx.doi.org/10.1080/02684527.2017.1400226>

Вполне возможно, что Уильям Фридман даже здесь пытался быть честным. Сумев каким-то образом в корне переосмыслить свою прежнюю абсолютную уверенность в противоположном и своё тяжкое отчаяние оттого, что «они же знали, они же знали» — и не сделали, однако, ничего для предотвращения катастрофы. Но эта смена позиции была бы действительно честной лишь в том случае, если бы Фридман вступил с адмиралом Теобальдом в открытую дискуссию — подразумевающую компетентное обсуждение сторонами тех рассекреченных документов, что уже стали известны. Опровергать же серьёзные доводы от человека, сведущего в теме, сразу же после того, как он умер... Такие вещи можно называть разными словами, но слов «честно и благородно» там совершенно точно нет.

А самое неприятное, что буквально за несколько месяцев до подготовки данной работы с «плодовитым автором» Уильямом Фридманом происходила на удивление похожая история, словно скроенная по тому же самому лекалу. Когда этот же очень авторитетный специалист, но уже в сотрудничестве с другим ветераном-криптографом, собственной супругой Элизбет Смит Фридман, выпустил ещё одно серьёзно обоснованное «опровержение». Но только не засекреченное, а открыто опубликованное для всех. И не о тёмных тайнах военно-шпионской криптографии, а о странных и неумелых потугах всяких дилетантов, пытавшихся с помощью псевдо-криптоаналитических фокусов доказать, что автором шекспировских текстов был якобы Фрэнсис Бэкон...

Книга получила название «Проверка шекспировских шифров»³⁷, принеся авторам ощутимые финансовые бонусы в виде гонораров и литературной премии от шекспироведов. А также, ясное дело, вошла в историю шекспироведения и по сию пору регулярно цитируется как «окончательное слово» криптографов-специалистов, компетентно засвидетельствовавших, что

³⁷ W. F. Friedman, and E. S. Friedman. *«The Shakespearean Ciphers Examined»*. London: Cambridge University Press, 1957.

никаких зашифрованных посланий в первых изданиях Шекспира и Бэкона на самом деле нет и никогда не было...



Вполне возможно (точнее говоря, отчасти известно и документально), что у супругов Фридманов имелись некоторые глубоко личные причины на старости лет полностью пересмотреть яркие дела собственной молодости, попутно опорочив и всех тех, кто привёл их в криптографию. Обозвав Элизабет Уэллс Гэллап «женщиной, полностью погрязшей в своих собственных фантазиях», а полковника Фабиана «сумасбродным, ничего не смыслившим в криптографии богачом, озабоченным лишь собственным самопрославлением».

Здесь нет никакой нужды вникать в доводы и аргументы книги Фридманов. Но обязательно надо подчеркнуть, что те, кого они разоблачают особенно энергично — Гэллап и Фабиан — к тому времени давным-давно уже умерли, ещё в довоенные 1930-е годы. Особо же нехорошо всё это как бы «разоблачение» от крипто-супругов выглядит по той причине, что первоначальная — ещё более подробная — версия данной работы была подготовлена в 1955. То есть вскоре после смерти в 1953 уже знакомого нам по Первой мировой французского гене-

рала-криптографа Франсуа Картье (в 1954 по запросу Фридмана ему через каналы НАТО был предоставлен обзор биографии генерала, подготовленный коллегами из Парижа³⁸).

В 1920-30-е годы, завершив службу в армии, Картье с подачи Фридмана и по конкретным наводкам Джорджа Фабиана кучу времени потратил на исследования и криптоанализ двухлитерного шифра Бэкона в старинных книгах XVII века. И опубликовал сначала серию статей, а затем и обобщающую монографию «Проблема криптографии и истории»³⁹, где в целом подтвердил и находки Гэллап, и целесообразность дальнейших исследований материалов подобного рода.

Иначе говоря, супруги Фридманы имели более чем достаточно времени, чтобы на уровне высококлассных профессионалов всесторонне обсудить с генералом Картье их столь существенные расхождения в оценках одного и того же, равно интересного для сторон материала. Однако Фридманы предпочли дожидаться, когда Картье умрёт, наконец, — в возрасте 90 с лишним лет. А уж потом выдали своё компетентное и куда более удобное для официальной науки «опровержение», прочно закрепившееся в истории и литературоведении...

Коль скоро и Уильям Ф. Фридман, и его не менее крипто-государственная жена уже давным-давно также покинули этот мир, мы вряд ли узнаем подлинные мотивы, руководившие почтенными людьми в их столь сомнительном творчестве, отчётливо похожем на умышленное внедрение дезинформации.

С другой стороны, имеется вполне достаточно фактов для понимания того, зачем подобного рода обман мог понадобиться государству и его шпионской спецслужбе. В ситуации с Пёрл-Харбором картина, конечно же, куда более понятная. Всегда и всюду первых лиц государства — и в особенности лидеров государства-победителя в большой войне — принято изображать в сильно приукрашенном и искусственно облагорожен-

³⁸ Sheldon, R.M.: The Friedman Collection: An Analytical Guide (2014), Item 397.2

³⁹ François Cartier, «Un problème de Cryptographie et d'histoire». Paris: Editions du Mercure de France, 1938

ном виде. То есть без всей той кровавой грязи, что сопутствует любимым войнам...

Но вот с какой стати у супер-секретной спецслужбы АНБ мог появиться интерес к активному вмешательству в сугубо литературоведческие споры о реальном авторе шекспировских произведений? Для того, чтобы хотя бы отчасти понять этот тёмный момент, понадобится ещё одна — заключительная — цитата. И сопутствующий ей развёрнутый комментарий — помогающий в корне иначе смотреть на давно вроде бы известные вещи...

Бэкдоры, TEMPEST и ещё кое-что...

Цитата #5:

«Большинство из того, чем занимается АНБ ныне, в основах своих ведёт начало от новаторских трудов Уильяма Фридмана».

Основная часть того, чем реально занимается АНБ ныне, вплоть до недавнего времени оставалось одной из главных государственных тайн США. Раскрылась же эта «ужасная тайна» в 2013 году, благодаря человеку по имени Эдвард Сноуден и великому множеству предоставленных им секретных документов из повседневной шпионской работы Агентства.

Суть же этой работы, если совсем кратко, сводится не столько к созданию сильных шифров своих и аналитическому вскрытию шифров чужих (как принято считать по традиции), сколько к очень настойчивому и агрессивному внедрению искусственных слабостей — или иначе «бэкдоров» — в любую криптографию, до которой АНБ способно дотянуться. Ибо с такими бэкдорами любые, даже формально вроде бы сильные шифры взламываются Агентством не только легко и просто, но и в индустриальных масштабах.

Другая важнейшая часть из того, чем занимается АНБ, носит кодовое наименование TEMPEST и в прежние времена тоже

считалась чрезвычайно серьёзной гостайной. С начала 2000-х годов, однако, с темы TEMPEST понемногу и вполне официально стали снимать плотную завесу секретности — но делая это весьма специфическим образом. Поскольку суть TEMPEST — это побочные сигналы и каналы утечки защищаемой информации, то для спецслужб равно важны как технологии шпионажа через эти каналы, так и умение защищать собственные компрометирующие излучения.

При официальном раскрытии подробностей о таких технологиях, однако, АНБ старательно делает вид, что TEMPEST — это сугубо оборонительные дела для защиты собственных секретов. А потому до сих пор среди всех рассекреченных Агентством документов нет описания ни одной разведывательной TEMPEST-операции АНБ. Хотя при этом отлично и документально известно, что вся данная тема возникла и получила развитие именно как шпионская — в начале 1950-х годов, в результате взаимно-согласованных исследований АНБ и ЦРУ.

И наконец, равно важная, можно сказать, третья главная часть из фундаментальной шпионской триады «того, чем занимается АНБ ныне» — это то, что органично сочетает в себе и «классический» криптоаналитический шпионаж, и обе «особо тайные» развед-технологии — бэкдоры и TEMPEST. То, что в явном виде не звучит практически нигде и никогда, оставаясь великим секретом у всех на виду. И это то, наконец, что ведёт своё начало даже не столько от трудов Уильяма Ф. Фридмана, сколько от куда более древних разработок его главного вдохновителя — английского розенкрейцера Фрэнсиса Бэкона.

Для понимания сути этой «магической тайны на виду у всех» необходимо осмыслить и переварить в их общей совокупности несколько фактов истории. Фактов достоверных и неоспоримых, однако всегда рассматриваемых историками по отдельности и в изоляции друг от друга. Отчего и не видящих очевидное.

Литературная слава Уильяма Шекспира (не оставившего после себя ни одной рукописной странички из своих гениальных текстов) началась через семь лет после его смерти, в 1623 году — вместе с печатным изданием так называемого Первого фолио. Большого формата толстой книги, подготовленной и изданной не очень ясно кем именно, но впервые собравшей в одном томе все пьесы великого мастера слова (как поймут впоследствии благодарные читатели и ученые-литературоведы).

В том же 1623 году — что примечательно — была опубликована и очередная книга Фрэнсиса Бэкона, в ту пору ещё вполне живого и здорового. Книга была написана на латыни и носила название «*De Augmentis Scientiarum*». По своему содержанию это была расширенная латинская версия более ранней бэконовской работы 1605 года «*The Advancement of Learning*», а особо интересным для нашей истории расширением стал здесь раздел о шифрах. Ибо в новой версии работы Бэкон с подробностями описал придуманный им в молодости совершенно чудесный метод шифрования. Так называемый «двухлитерный шифр» Бэкона (или стеганографический шифр бинарной замены, как называли бы это сейчас), позволяющий у всех на виду и не вызывая подозрений шифровать «что угодно чем угодно». Или «*Omnia Per Omnia*» на латыни.

Возвращаясь к Первому фолио Шекспира, следует подчеркнуть, что открывала книгу пьеса «*Буря*» — или *TEMPEST* по-английски. Ну а далее богатейшая криптографическая судьба этой книги сложится так, что и в самых первых страницах комедии «*Буря*», и во всех прочих местах данного тома исследователи XIX и XX веков обнаружат великое множество скрытых посланий, зашифрованных бэконовским методом «*Omnia Per Omnia*»⁴⁰.

Полковник Джордж Фабиан, в своих Ривербэнкских лабораториях оборудовавший специальную типографию для популяризации этих открытий, в начале XX века опубликовал несколь-

⁴⁰ Подробности о методе шифрования *Omnia Per Omnia* и о его разновидностях см. в главе «Если дело дойдёт до суда...», в разделе «Проблема криптографии и истории» и в книге генерала Картье.

ко книг с подробными инструкциями и инструментами, помогающими всем ищущим самостоятельно выявлять и вскрывать бэконовские шифры в книгах шекспировской эпохи. Ныне, однако, ВО ВСЕХ современных книгах по истории криптографии о Фабиане можно прочесть только одно: что это был «эксцентричный текстильный миллионер, пытавшийся отыскать в произведениях Шекспира подтверждения тому, будто их автором является Бэкон». И конечно же, ничего он на самом деле там не нашёл — ибо так сказал великий криптограф Уильям Фридман.

Авторы всех подобных книг, естественно, анализировать самостоятельно Первое фолио с помощью книг Фабиана даже не пытались. Что же касается настоящего профессионального криптографа, генерала Франсуа Картье, которого Фабиану удалось всерьёз заинтересовать темой и сподвигнуть на собственный анализ, то выводы этого профессионала из современной истории криптографии просто вычеркнули. А заодно и имя самого генерала. Так что сегодня ни в энциклопедии Википедия на любом из её языков, ни во всём Интернете вообще вы не найдёте практически никакой содержательной информации об этом человеке.

Даже в знаменитой работе Дэвида Кана «Взломщики кодов»⁴¹, как наиболее подробной истории криптографии, в дополненном виде переизданной в 1996 году, где в разделах о Первой мировой войне имя главного французского криптоаналитика упоминается неоднократно, вы всё равно не отыщите ни единого упоминания о книге генерала Картье «Проблема криптографии и истории». Но зато там есть целый раздел «Патологический криптоанализ», с благоговением пересказывающий фрагменты книги Фридманов с разгромной критикой «бэконистов» и всячески высмеивающий тех дилетантов, что ковыряются в книгах шекспировских времён в поисках шифров, которых там нет.

⁴¹ David Kahn, «The Codebreakers. The Comprehensive History of Secret Communication from Ancient Times to the Internet», Scribner, 1996

То, что одного из таких дилетантов благодарное правительство США в лице АНБ отметило лично — специальной мемориальной доской на здании Ривербэнкских лабораторий и в память именно о криптографических заслугах Джорджа Фабиана — этот факт в исторической работе Дэвида Кана просто проигнорирован. О темах TEMPEST и о криптографических бэкдорах АНБ, что характерно, в толстенной — свыше 1000 страниц — книге Кана тоже нет ни слова.

Факты истории АНБ, однако, выглядят так. С момента рождения этой суперсекретной разведслужбы в 1952 году, когда на основе нескольких разрозненных подразделений в войсках было создано единое мощное Агентство, должность «главного криптолога» там занял Уильям Ф. Фридман. А одной из самых ранних «крипто-активных» затей АНБ на международной арене стали усилия по внедрению искусственных слабостей или бэкдоров в популярные на мировом рынке шифраторы.

Подробности этих операций по сию пору остаются засекреченными, однако давно уже не тайна, что начиналось тут всё с визитов Уильяма Фридмана в Европу, и в первую очередь в Швейцарию — к давнему приятелю Борису Хагелину.

Проект BORIS

Одна из наиболее важных тайных операций АНБ, запущенная ещё в 1950-е годы, среди историков разведки носит условное наименование «проект Boris». Это название пошло от имени весьма известного предпринимателя, Бориса Цезаря Вильгельма Хагелина (Boris Caesar Wilhelm Hagelin), в годы второй мировой войны сделавшего состояние на шифраторах для армии США, а в послевоенный период основавшего в Европе знаменитую и поныне корпорацию Crypto AG.

После окончания войны в мире отчётливо обозначился растущий спрос на современные шифраторы — для закрытия важных коммуникаций не только в военных, но также в дипломатических, банковских и промышленных системах связи. Однако собственную криптоиндустрию имели по преимуществу лишь наиболее мощные державы, вроде США, Англии или Германии.

Однако все они входили в однозначно проамериканский блок НАТО, а

многие государства, особенно неприсоединившиеся к НАТО или Варшавскому пакту, имели вполне разумные основания не доверять криптографии, сработанной в одном из враждующих блоков.

По этой причине в нейтральных странах с внушительным научно-промышленным потенциалом, вроде Швейцарии или Австрии, сложились очень благоприятные условия для расцвета бизнеса независимых криптофирм, шифраторам которых все могли бы доверять свои секреты примерно так же, как доверяют деньги швейцарским банкам.

Уже к середине 1950-х годов швейцарская фирма *Сгурто AG* была на рынке коммерческих шифраторов примерно тем же, чем корпорация *General Motors* на рынке автомобильном. В такой обстановке руководство АНБ в 1957 г. направило в Европу с чрезвычайно деликатной тайной миссией Уильяма Фридмана, одного из ветеранов-основателей американской криптослужбы и просто авторитетнейшего криптографа.

Фридман имел не только хорошие связи в западноевропейских разведках ещё с первой мировой войны, но и лично был прекрасно знаком с Хагелином со времён его бизнеса в Америке. (Примечательно, что Фридман и Хагелин родились почти в один год на территории Российской империи — первый в семье местечковых евреев в Бессарабии, а второй в семье шведского инженера-нефтяника в Баку.)

Итоги и сам факт секретных переговоров Фридмана с изготовителями шифраторов в Швейцарии по сию пору остаются большой государственной тайной. Однако в 1990-е годы целый ряд журналистских расследований и собранные ими документальные свидетельства убедительно продемонстрировали, что в результате закулисного сговора коммерческие шифраторы от фирм западных нейтральных стран, в частности *Сгурто AG*, на протяжении десятилетий имели искусственно ослабленные криптосхемы, облегчавшие их вскрытие для АНБ США.⁴²

Другие документально известные факты из истории АНБ таковы, что примерно в те же годы началась и разработка темы побочных каналов утечки, получившая кодовое название TEMPEST. Откуда взялся этот термин, в рассекреченной офи-

⁴² Источник: «Чтение между строк»
<https://kiwibyrd.org/2013/09/06/0903/>

В развёрнутом виде о судьбе этого проекта можно прочесть в более позднем материале «Полный Хагелин, или *Finita la commedia*»
<https://kiwibyrd.org/2020/02/20/20h22/>

циальной истории спецслужбы по сию пору умалчивается. Однако совершенно невозможно утаить тот факт, что первый главный криптолог АНБ Уильям Фридман пришел в большую криптографию через анализ Первого фолио Шекспира, а эту книгу открывает пьеса TEMPEST. Где буквально с первых же букв и страниц через «побочные каналы передачи информации» сообщаются важные секретные сведения. Если верить всяким дилетантам-бэкониянцам, конечно.

Ну а самое интересное, что если странные идеи бэкониянцев принимать действительно всерьёз, то можно увидеть, что ещё в XVII веке Фрэнсис Бэкон с его гениальным методом шифрования *Omnia per Omnia* предсказал, по сути дела, самые продвинутые из современных TEMPEST-бэкдоров. Имеются в виду такого рода активные бэкдоры, которые выдают секретную информацию (в первую очередь криптоключи), двоичным «бэконовским» методом модулируя естественные эффекты в работе компьютерных устройств. Такие в частности эффекты, как звуки в работе компонентов, тепловыделение или естественные электромагнитные излучения.⁴³

Подобного рода шпионские технологии независимые исследователи компьютерной безопасности начали открывать лишь в самые последние годы. Однако есть сильные доводы за то, что в АНБ США об этом знали всегда — ещё со времён «магии» Уильяма Фридмана...

Ещё раз о Магии

Вся современная наука, прочно опирающаяся на фундамент математики, ведёт своё начало из XVII века — от основополагающих работ титанов вроде Галилея, Декарта и Ньютона. Но выросли их великие достижения, конечно же, не на пустом месте, а на трудах исследователей-предшественников, занимавшихся такими (сомнительными для современных учёных) ве-

⁴³ О недавнем переоткрытии TEMPEST-бэкдоров академическим сообществом инфобезопасности см. текст «Выпиливание реальности», раздел «Минус GSMет, или выпиливание методов доступа»
<https://kiwibyrd.org/2016/08/09/168/>

щами, как алхимия, астрология и магия. Из алхимии, как известно, со временем родилась нынешняя химия, из астрологии, соответственно, появилась уважаемая астрономия, а вот прямыми наследницами средневековой магии вполне можно считать современную физику и криптологию.

О том, как эта магия древних работает в передовой физической науке, известно достаточно хорошо. В основах квантовой физики, к примеру, есть поразительно мощный математический инструментарий — вроде релятивистского уравнения Дирака или Фейнмановского интегрирования по траекториям, — который подошёл для научных предсказаний не просто хорошо, а воистину превосходно. То есть у учёных имеются формулы, бесспорно верные и очень широко применяемые. Но при этом абсолютно никто не знает и не может объяснить, почему эти формулы работают. Ибо они ниоткуда не следуют и по сути дела появились у их авторов в голове совершенно неизвестным «магическим» образом. Подозрительное слово Магия, впрочем, в данном случае среди серьёзных учёных употреблять не принято.⁴⁴

В науке криптографии с её куда более глубокими оккультными корнями, термин Магия, как мы уже видели, даже очень серьёзные люди применять не стеснялись. Но на всякий случай — или для маскировки — превратили её в ещё одно специфическое кодовое слово, каких в работе секретных разведслужб всегда пруд пруди. Однако из этого вовсе не следует, что подлинные магия и волшебство из работы настоящих криптографов ныне исчезли. Вовсе нет. И тому есть сколько угодно наглядных примеров.

Вот как, скажем, выглядел достаточно типичный случай криптографического волшебства в работе супругов Фридманов (эта история приводится в уже упомянутой книге Кана «Взломщи-

⁴⁴ О том, как в 1952 (в год создания АНБ, по случайному совпадению) знаменитый физик-теоретик Вольфганг Паули опубликовал аналитическую работу с попыткой синтеза магических методов древних алхимиков и современных математических методов науки, см. текст «Язык синтеза» (<https://kniganews.org/map/n/00-01/hex17/>) в материале «Сны Вольфганга П.»

ки кодов»). В 1917 году, когда Ривербэнкские лаборатории начали помогать правительству США в криптоаналитическом взломе шифров, английские коллеги из военной разведки прислали им пять коротких сообщений для контрольного теста на вскрытие. Тексты были зашифрованы не вручную, а особым устройством — новым шифратором, который изобрёл Винсент Плеттс, один из сотрудников криптобюро английской разведки.

Англичане были абсолютно уверены в стойкости своего нового шифра и прислали его американским коллегам лишь для того, чтобы дополнительно в этом убедиться с помощью независимой экспертизы. Даровитый Уильям Фридман, однако, практически сразу сумел дешифровать часть материала, определив систему и отыскав один из криптоключей (ключом оказалось слово CIPHER, то есть «шифр»). Второй ключ, однако, вычислить аналитически не удавалось никак. И вот тогда Фридман решил прибегнуть к несколько иному методу — к «магии» или «психологическому криптоанализу», если угодно.

В той же комнате за соседним столом над вскрытием других криптограмм работала жена Фридмана Элизебет. На минутку прервав её занятия, криптограф попросил жену отвлечься, расслабиться и «сделать свой разум чистым»... А теперь, продолжил Фридман после некоторой паузы, я хочу, чтобы ты сказала мне то слово, которое придёт тебе на ум первым, когда я скажу тебе своё... Сделав ещё одну небольшую паузу, он произнёс: «Шифр»... — «Машина», тут же сказала ему в ответ Элизебет. Подставив это слово — MACHINE — в качестве криптоключа, Фридман сразу увидел, что ключ действительно подходит и вскрыл весь тестовый материал полностью (самая первая из дешифрованных фраз выглядела так: «Этот шифр абсолютно невскрывается»)...

Подобного рода эпизоды — с интуитивным угадыванием промежуточного ответа — в работе талантливых криптоаналитиков происходят регулярно и какой-то особой магией даже не считаются. Но вот когда коллективу криптографов по одним

лишь текстам зашифрованных телеграмм, перехваченных в радиоэфире, удаётся не только полностью вскрыть хитрую схему неизвестной шифр-машины, применяемой для засекречивания связи, но и организовать массовое дешифрование этой криптопереписки — вот такие вещи действительно выглядят как фантастическое волшебство. Даже для профессиональных опытных криптографов. И что особенно важно, поразительные чудеса подобного рода не только возможны, но и действительно происходили в истории криптоанализа неоднократно.

Именно так, в частности, люди Фридмана в спецслужбе SIS на рубеже 1930-40-х годов вскрыли криптосхему шифратора, закрывавшего дипломатическую переписку Японии и получившего у американцев кодовое наименование PURPLE. И точно так же — исключительно по шифртекстам радиоперехвата — их коллеги из английской крипторазведки в 1940-е годы полностью вскрыли и массово дешифровали самый стойкий германский шифратор «Лоренц Шлюссельцузатц», закрывавший переписку Гитлера и верховного командования Вермахта.⁴⁵

Конечно же, все подобные фантастические успехи при желании можно объяснить и без магии, чисто математическими талантами и потрясающей интуицией криптоаналитиков. Однако в истории криптографии XX века есть немало и таких страниц, которые обычными «посюсторонними» причинами объяснить совершенно невозможно. И оттого объяснением может быть или нечто совсем нелепое-беспомощное — типа «случайное совпадение», или же фактор реальный, но для современных людей звучащий крайне неправдоподобно: «просто магия с участием потусторонних сил»...

И вот тому несколько примеров навскидку — из параллельных и местами даже поныне засекреченных историй крипто-спецслужб в США и СССР.

⁴⁵ Подробности о первом в истории суперкомпьютере и фантастических успехах криптоаналитиков в годы Второй мировой войны: «Колосс британский» <https://kiwibyrd.org/2013/04/30/200606/>

Всемирно знаменитый советский инженер, изобретатель и музыкант Лев Термен в 1940-е годы изобрёл для чекистов совершенно гениальное подслушивающее «изделие», получившего условное название «БУРАН». По принципам своего устройства и функционирования это было типичное TEMPEST-устройство, как назвали бы это ныне. Или «БУРЯ-устройство», в дословном переводе на русский. Поразительный факт заключается в том, что изобретение Термена советская разведка начала активно применять для прослушивания американского посла в ту пору, когда в США ещё не было ни АНБ, ни темы «Буря» (TEMPEST).

Подобно тому, как покров государственной тайны продолжает окутывать в АНБ не только шпионские аспекты темы «Буря», но и историю происхождения собственно термина TEMPEST, так и подробности об «изделии Буран», аналогично, тоже долго были большой тайной советских спецслужб. Но зато никогда не было секретом устройство другого, самого знаменитого изобретения Льва Термена — электромузыкального инструмента под названием «Терменвокс».

И если профессионалы акустической электроники посмотрят на этот инструмент с точки зрения шпионов, то они без труда увидят, что физические принципы работы у Терменвокса и у «изделия Буран» по сути дела одни и те же. Ибо построены они на основе глубокого понимания изобретателем тех взаимодействий и взаимных влияний, что характерны для вибраций и движений предметов, акустических волн и волн электромагнитных.

Формулируя чуть иначе, Лев Термен очень тонко чувствовал, как звуки и движения могут модулировать — или иначе кодировать — электромагнитные волны. А это, в свою очередь, одно из воплощений глубоко бэконовской по своей сути идеи *Omnia Per Omnia* — кодировать «что угодно с помощью чего угодно»...

Дабы влияние бэкон-розенкрейцеровской магии на криптографию XX века стало очевидным и несомненным, необходимо

принимать во внимание и такой абсолютно достоверный факт истории. В 1930-е годы основатель и глава первой советской криптослужбы или Особого отдела ВЧК-ОГПУ, старый большевик и чекист Глеб Бокий, довольно близко сошёлся с подпольными кругами мистиков-окультистов. В частности, тесные отношения завязались у него с биологом Александром В. Барченко, членом российского отделения ордена розенкрейцеров-орионийцев. Под сильным влиянием Барченко, для которого Бокий стал защитником и покровителем, в ОГПУ одно время даже действовало тайное общество «Древняя Наука» для изучения секретных мистических знаний.⁴⁶

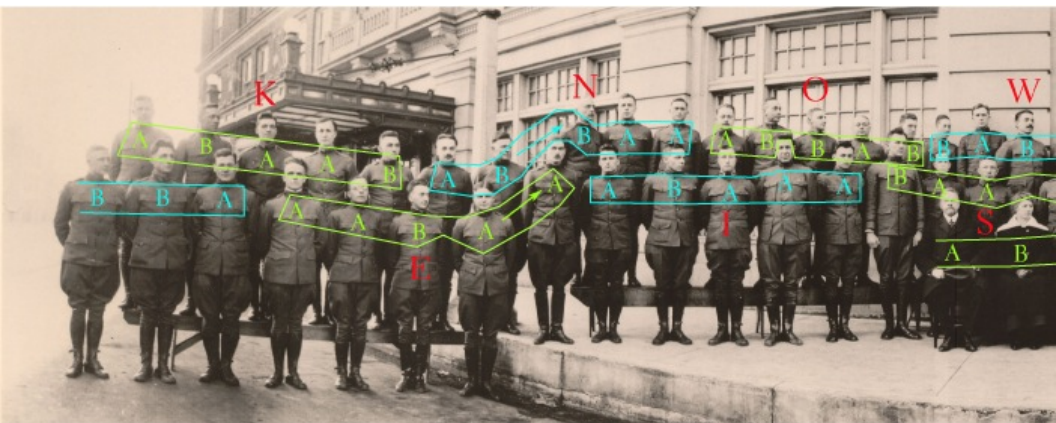
О тайном влиянии ордена розенкрейцеров на государственную криптографию 1930-х и прочих годов в США или Великобритании не известно практически ничего. Ибо что в открытых-общедоступных, что в раскрываемых понемногу секретных книгах по истории криптографии об этих вещах авторы либо не знают, либо умалчивают.

Но зато прекрасно и документально известно, что тема бэконских шифров и розенкрейцеровской магии была главной областью исследований в Ривербэнкских лабораториях полковника Фабиана. Причём даже своё нынешние название «Акустические лаборатории» это заведение получило исключительно благодаря Бэкону, розенкрейцерам и их магическим опытам с необычными возможностями звука. Но об этом, правда, практически никто ныне вслух не говорит. Ибо в официальных текстах Бэкона ничего про это нет, а все якобы дешифрованные «у Шекспира» и в прочих старых книгах сведения на данный счёт трактуются как смешные выдумки всяких чудаков.

О том, насколько поверхностной и немудрой является подобная позиция, говорит уже тот факт, что к подобным «чудакам» следует относить и отца американской криптологии Уильяма Ф. Фридмана.

⁴⁶ Андреев А., Бережков В. «Окультисты Лубянки». — Москва: Издатель Быстров, 2006.

Имеются достоверные и абсолютно неопровержимые факты, свидетельствующие о том что, Уильям Фридман не только чрезвычайно высоко оценивал двухлитерный шифр Бэкона и его гениальный метод засекречивания *Omnia Per Omnia*, но и вдохновлялся бэконовскими идеями вплоть до последних дней своей жизни.



«Знание — это сила»...

Факт #1:

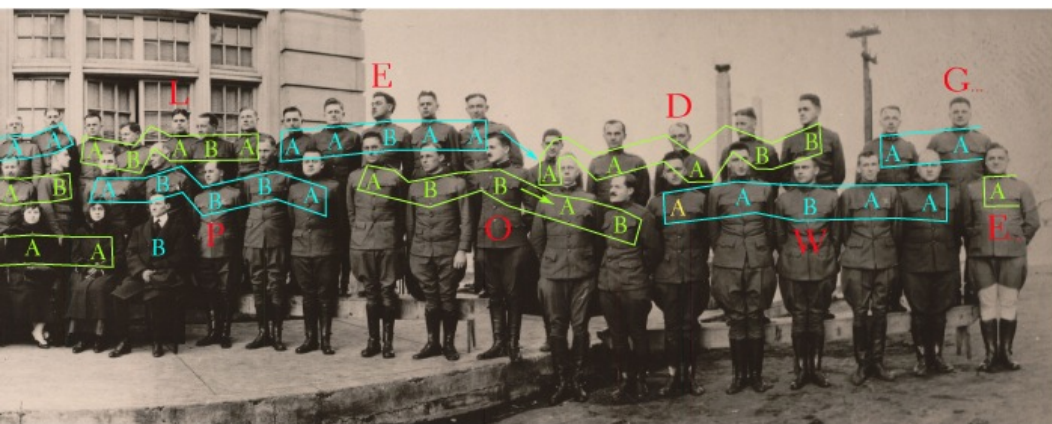
Особо дорогая для Фридмана фотография из 1918 года — с групповым снимком его первого большого курса офицеров-криптографов — это далеко не просто памятный снимок, который он всю жизнь держал на рабочем месте. Это тщательно выстроенное засекреченное послание, демонстрирующее всю мощь бэконовского метода шифрования «у всех на виду».

В поворотах головы людей, которые смотрят либо прямо перед собой, либо в сторону, закодированы биты сообщения. Которое, при аккуратном разбиении битов на пятёрки, складывается в буквы знаменитого девиза Фрэнсиса Бэкона, ордена розенкрейцеров и множества прочих мистиков-окультистов древности: «KNOWLEDGE IS POWER», то есть «Знание это сила»...⁴⁷

⁴⁷ Увеличенный вариант снимка:

https://www.cabinetmagazine.org/issues/40/Friedman_decoded.jpg

Но самое интересное, однако, даже не это. А то, что на официальных веб-страницах Фонда Маршалла⁴⁸, рассказывающих о хранимом здесь архиве «отца криптологии», именно вот этой — особо дорогой и важной для Фридмана — фотографии почему-то нет...



Но зато с некоторых пор там можно найти отдельный видеоролик, где голос ведущего расскажет вам об истории данного снимка и объяснит, как его следует правильно понимать.

Дабы стало ясно, что отсутствие собственно фотографии — это вовсе не случайность или недосмотр, там же полезно найти раздел «Фотографии, лежавшие под стеклом на рабочем столе Уильяма Фридмана»⁴⁹. Где по всем свидетельствам этот снимок находился у криптографа всегда.

В «музейной версии стола» для истории, однако, важное фото изъято без объяснений и вообще без упоминания...

⁴⁸ <https://library.marshallfoundation.org/Portal/Default/en-US/Search/AdvancedSearch?userSearchId=5>

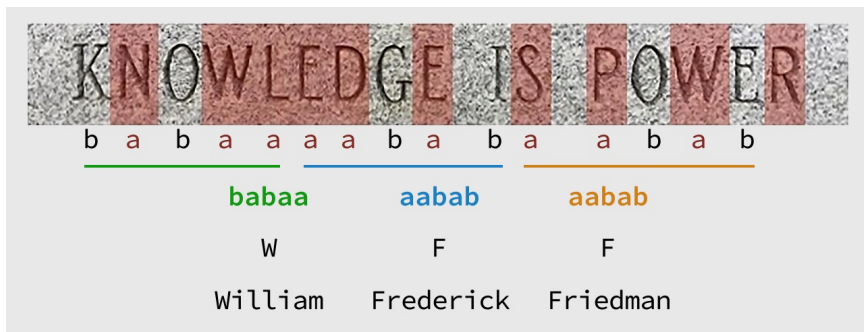
⁴⁹ <https://web.archive.org/web/20180215074622/https://marshallfoundation.org/library/collection/william-f-friedman-papers/#!/collection=85>



Факт #2:

Ту же самую фразу «Знание — сила», столь дорогую для криптографа и для трудов всей его жизни, он завещал выбить на своём могильном камне. Что, конечно же, настоящим историкам криптографии было известно всегда. Но лишь в 2017 году, почти через полвека после смерти Фридмана, в этой надписи на надгробии было вдруг обнаружено, что и она содержит в себе тайное послание, зашифрованное двухлитерным методом Бэкона. Причём Илонка Данин не только вскрыла эту

коротенькую криптограмму — зашифрованную подпись из инициалов криптографа W-F-F, — но и сумела отыскать в архивах его жены, Элизебет Фридман, личную записку, полностью подтверждающую верность этой расшифровки.⁵⁰



Но самое интересное в данном сюжете, опять же, не собственно факт выявления зашифрованного послания от великого криптографа. А то, как с ним обошлись обычно весьма патриотичные американские средства массовой информации США. Ведь Уильям Ф. Фридман — человек в американской истории очень известный, отец национальной криптологии США, как ни крути.

Как это ни поразительно, но — если доверять глобальному новостному агрегатору Google News — в американских СМИ не появилось вообще НИ ОДНОЙ публикации на эту тему. Ни о докладе Илонки Данин на конференции в Вашингтоне в январе 2018, ни о зашифрованных буквах на могильном камне Фридмана. (Тема оказалась интересна лишь британцам — одному ИТ-изданию⁵¹ и одному блогеру⁵² на страницах английского антивирусного бюллетеня).

⁵⁰ Elonka Dunin, «Cipher on the William and Elizebeth Friedman tombstone at Arlington National Cemetery is solved», 2017
<http://elonka.com/friedman/index.html>

⁵¹ https://www.theregister.co.uk/2018/01/20/friedman_cryptographic_grave_message/

⁵² <http://web.archive.org/web/20181129125522/https://nakedsecurity.sophos.com/2018/01/22/famous-cryptographers-tombstone-cryptogram-decrypted/>

Однако ни въедливая Данин, как автор открытия, ни британские комментаторы — при всём их интересе к истории криптографии — совершенно не уловили тонкую суть прощального послания от Фридмана.

#

Что же тут такого тонкого-особенного в данной истории?

Для начала следует обратить внимание на любопытный замкнутый цикл. В самом начале своей военно-шпионской крипто-карьеры Фридман был явно и отчётливо впечатлён мощью гения Бэкона и его двухлитерного шифра. В самом конце жизни, уже сходя в могилу, Фридман счёл необходимым ещё раз указать на прямую связь своей службы с Бэконом и его шифром. Ну а в промежутке между этими эпизодами мы видим нечто в корне иное: как авторитетный государственный криптограф Фридман говорит вслух исключительно о гении Шекспира, всячески отрицая факты бэконовских шифров в книгах шекспировской эпохи...

При этом, однако, имеются очень чёткие свидетельства, что сам криптоаналитик к концу жизни испытывал сильнейший душевный дискомфорт от итогов своей тайной шпионской службы государству, которое всё дальше и дальше уходило от широко декларируемых им же принципов свободы и демократии. Особенно отчётливо эти переживания отразились в публичной лекции Фридмана *«Шекспир, тайная разведка и государство»*⁵³, которую он прочёл в 1962 году на заседании Американского философского общества. И которую завершали такие — весьма неожиданные для «государственного взломщика» — слова:

⁵³ William F. Friedman, «Shakespeare, Secret Intelligence, and Statecraft». Proceedings of the American Philosophical Society 106, no. 5 (Oct. 1962): 401–41.

Имел ли Шекспир какое-то личное мнение относительно этичности перехвата корреспонденции, относительно тайного сбора такого рода разведданных, и относительно использования этих сведений для ведения общественных дел? Интересно было бы это знать.

Понимал ли он, насколько сложно соединять подобного рода действия с демократическими идеалами свободного и открытого общества? Которое предпочло бы, чтобы его правительство вело все свои внутренние дела настолько открыто, насколько это вообще возможно. А также, чтобы и все внешние или иностранные дела велись в подобной открытой манере...

Для лучшего понимания всей степени мучительности тех вопросов, которыми задавался Фридман по завершении своей шпионской карьеры и на закате всей жизни, очень полезно сопоставить их с высказываниями госсекретаря США Генри Стимсона. Того самого Стимсона, который в 1929 лично разогнал «Чёрный кабинет» при госдепартаменте (и тем невольно дал начало для восхождения шпионско-криптоаналитической карьеры Уильяма Фридмана).

Как джентльмен и просто человек в высшей степени порядочный, Стимсон был категорически против сочетания дипломатии со шпионажем. Поэтому он считал совершенно неприемлемым, чтобы криптоаналитики госдепартамента читали почту иностранных дипломатов, а добытую подобным образом информацию сообщали американским послам. Объясняя свою позицию так (цитируется по документам из историко-биографической работы Дэвида Кана⁵⁴):

⁵⁴ David Kahn, «The Reader of Gentlemen's Mail: Herbert O. Yardley and the Birth of American Codebreaking». Yale University Press, 2004

Посол — это гость той страны, в которой он находится. Он удостоен дипломатических привилегий — таких, как неприкосновенность и иммунитет от арестов. И это же, по убеждению Стимсона, включает в себя и абсолютную свободу общаться со своей страной без всякого шпионажа. Дипломаты, продолжал он, это единственная категория государственных служащих, для которой предполагается джентльменское поведение в международных делах. Госсекретарю не пристало поступать как шпиону в отношении людей, которых он воспринимает как своих братьев. Суть же своих воззрений Стимсон заключил лапидарной фразой, прочно вошедшей в историю: «Джентльмены не читают почту друг друга»...

Уильям Фридман никогда не служил дипломатом и наверняка был в курсе, что для людей военных даже крайне щепетильный госсекретарь Стимсон всегда допускал и не-джентльменское поведение вообще, и чтение переписки своих оппонентов в частности.

Но как человек умный и проницательный, Фридман отлично понимал, что всё дело его жизни — чтение чужих писем — практически никак не сочетается с демократическими идеалами свободного и открытого общества. Он же, подобно всем, кто считает себя честными и порядочными людьми, очевидно предпочёл бы жить в таком государстве, которое ведёт все свои дела — как внутренние, так и внешние — настолько открыто, насколько это вообще возможно.

Приближаясь к финалу жизненного пути, однако, криптограф прекрасно видел, что вместе с созданием мощных централизованных спецслужб вроде ЦРУ и АНБ, требовавших всё большей и большей секретности, его государство стремительно движется совсем в другом направлении. Уводящем всё дальше и дальше от демократических идеалов и свободного открытого общества. Причём к формированию именно такого вот государства выдающийся шпион-криптоаналитик Уильям Фридман приложил массу своих собственных сил и талантов

— в изобилии наделяя власти тайными знаниями, а значит, и новыми силами...

Конечно же, Фридман прекрасно всё это понимал. Но вот что он при этом чувствовал?

Интересно было бы знать...

*Апрель 2018
Декабрь 2023*

Проблема криптографии и истории

Генерал Картье, «Проблема Криптографии и Истории»

Случилось так, что в ноябре 2020 фактически синхронно произошли два никак не связанных друг с другом события, главным героем которых, однако, является один и тот же человек. И хотя человек этот в истории XX века оставил след весьма заметный, главная его особенность в другом. В том, что и исторические заслуги этого деятеля, и вообще его самого как личность сегодня всячески, настойчиво и довольно успешно пытаются из истории «выпилить». Словно и не было такого человека вовсе...



Звали нашего героя Франсуа Картье (1862-1953). Или чаще генерал Картье, поскольку вся жизнь этого человека была связана с французской армией. А точнее, с превращением криптографии из оккультно-загадочного искусства тайнописи и вскрытия шифров в солидное и профессиональное военное дело по защите и добыче информации на прочной математической основе.

Имеются веские причины считать, что генерал Картье был не только основателем научной криптологии во Франции, но и одним из отцов всей современной криптологии XX века — наряду с куда более известным американским коллегой Уильямом Фридманом (1891-1969). Двух этих выдающихся криптографов, что примечательно, связывали не только личное знакомство и военное сотрудничество союзников в Первую мировую войну, но и одна большая историческая Проблема.

Причём эта же самая Проблема, что существенно, находится и в сердцевине как бы случайно совпавших событий в ноябре

2020 года. Однако, чтобы это стало заметно и ясно, требуется знать не только общий контекст, но и достаточно глубокие подробности всей данной истории.

А для правильного погружения в эти подробности, разъясняющие, почему речь тут идёт о вещах хотя и давних, но действительно важных, интересных и по-прежнему актуальных, хотя бы в нескольких словах необходимо рассказать о собственно событиях дней сегодняшних...

Событие первое — это исчезновение из интернета последней «живой» веб-страницы, посвящённой генералу Франсуа Картье. Иначе говоря, вплоть до октября 2020 единственным веб-сайтом мировой компьютерной сети, где имелась пусть и очень краткая, но хоть какая-то содержательная информация об этом выдающемся человеке, был сайт <http://www.appat.org> французской Ассоциации развития военной связи. И вот в ноябре весь этот сайт целиком из сети «пропал».



Илл. 21. Скриншот страницы с сайта appat.org

Пропажа, к счастью, была очень недолгой, хотя и неприятной — вместо образовательно-исторического инфоресурса по известному адресу стали выскакивать наборы ссылок на онлайн-казино. Уже через несколько дней владельцам прежнего сайта удалось восстановить права на доменное имя, и всё

заработало как обычно. Это недоразумение, однако, дало повод поинтересоваться, а находят ли поисковые системы, как прежде, веб-страничку данного сайта, посвящённую генералу Картье⁵⁵. Сразу же выяснилось, что о странице этой все мало-мальски популярные поисковики как бы забыли — и больше находить её не умеют.

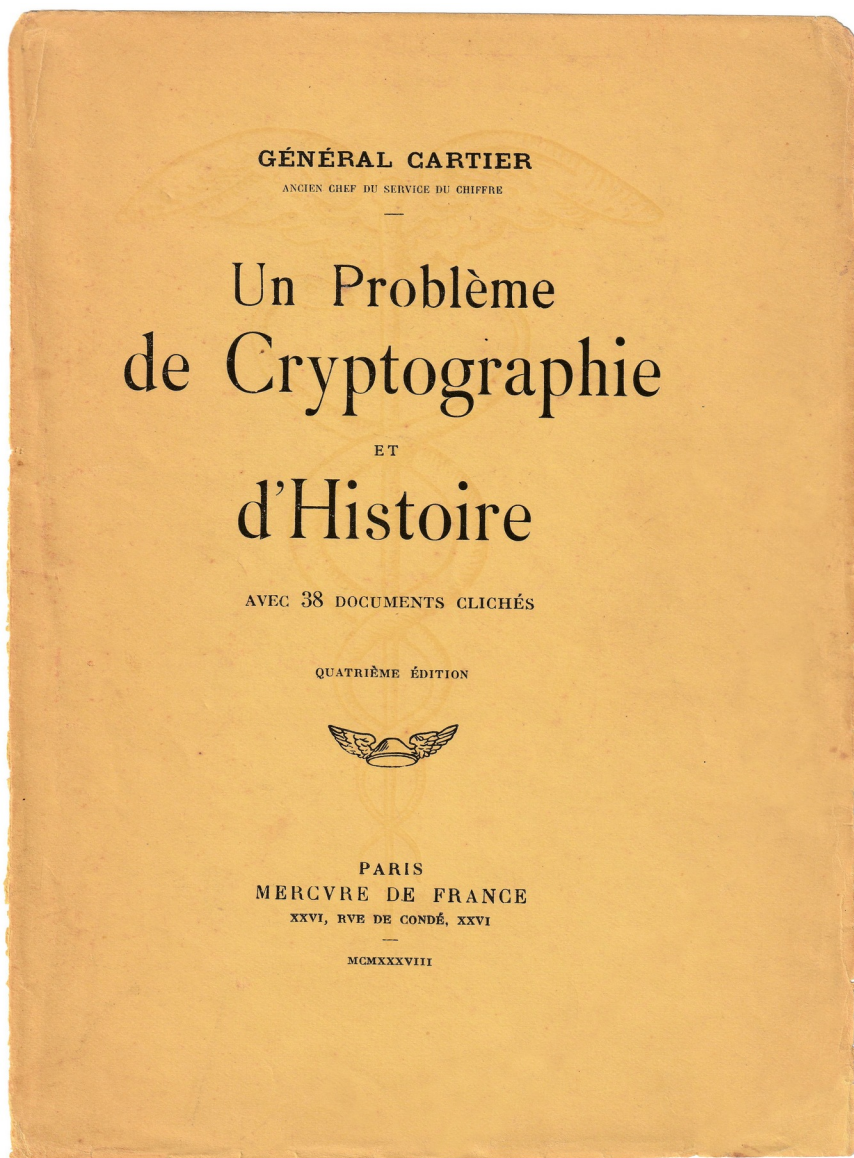
Иначе говоря, если кому-то захочется вдруг узнать, кто же такой это был, «general François Cartier», то прямой и ясный ответ на этот вопрос в интернете получить не удастся. Потребуется всяческие дополнительные изыскания и танцы с бубном, что называется.

Событие же второе — абсолютно никак с первым не связанное в смысле причинно-следственных зависимостей — заключается в том, что в ноябре 2020 в известный почтовый ящик киви-арХива пришла любопытнейшая посылка-бандероль. Или ссылка для скачивания файла, точнее говоря, содержащего оцифрованную версию одной чрезвычайно редкой книги. Автором этой книги является генерал Франсуа Картье, и именно она, собственно, является не только главной, но и единственной, скорее всего, причиной того, почему этот человек уже почти полностью выпилен из истории XX века...

#

Книга эта вышла из печати в 1938 году и носит название «Проблема Криптографии и Истории» (François Cartier, «Un problème de Cryptographie et d'Histoire». Paris: Editions du Mercure de France, 1938). Собственно же «Проблема», о которой идёт там речь, сосредоточена на весьма особенных «бэконовских» шифрах в текстах и печатных книгах XVII века, а главным образом — на роли этих шифров в давно дебатированном вопросе о Фрэнсисе Бэконе как подлинном авторе шекспировских произведений.

⁵⁵ http://www.appat.org/index.php?option=com_content&view=article&id=28:francois-cartier-1862--1953&catid=4:les-grandes-figures&Itemid=4



Илл. 22. Обложка книги

Здесь же, по сути дела, весь большой рассказ об этой редкой книге будет сведён к публикации переводов значительных и наиболее содержательных фрагментов данного документа. Но прежде чем переходить к обширным цитированиям, опре-

делённо имеет смысл уточнить важные подробности об авторе исследования — с особым вниманием к его опыту и компетентности как криптографа-профессионала. Тем более, что информацию такую найти в интернете весьма непросто.

Упоминавшаяся выше веб-страничка сайта APPAT.org даёт лишь самые общие и краткие сведения о заслугах и достижениях генерала Картье. О том, в частности, что в годы Первой мировой войны он успешно возглавлял всё криптографическое направление в Генштабе и Министерстве обороны, отвечая и за шифры для защиты национальных военных коммуникаций, и за перехват-дешифрование коммуникаций противника, и за подготовку профессиональных криптографов для армии. Премьер-министр Франции Жорж Клемансо оценивал заслуги генерала Картье такими словами: «Он один был для нашей страны более полезен, чем целый армейский корпус»...

Существенно более содержательную информацию можно отыскать в научной литературе историко-криптографической тематики. В частности, в 2016 году издательство Springer в рамках своей известной серии «Лекций по компьютерной науке» выпустило большой сборник криптографических докладов и эссе, приуроченных к 85-летию Дэвида Кана, самого знаменитого, наверное, среди современных историков криптографии. Одна из статей этого сборника, в частности, подготовлена французским исследователем Себастьян-Ивом Лораном и даёт аналитический обзор того, как нарастал «Профессионализм французской разведки в области криптологии (период 1870-1945 гг)». Поскольку значительный раздел данного эссе посвящён роли генерала Франсуа Картье, здесь вполне естественно предоставить этот фрагмент — в несколько сокращённом пересказе по-русски.

Но для того, чтобы история разведки и криптослужбы Франции была более понятна не-французской публике, необходимо заранее прояснить один важный момент, связанный с весьма особенным учебным заведением под названием Высшая политехническая школа или Эколь Политехник (*École Polytechnique*, традиционно именуемая у французов просто

«X»). Это учебное заведение было создано в 1794 году — как своего рода новый «научный ответ» Великой французской революции всем традиционным французским университетам, где по естественным историческим причинам были очень сильны влияние церкви и сторонников монархии.

Поскольку создание X происходило в очень трудное для революции время — волны террора, гражданской войны, иностранной интервенции и т.д. — обучение в Эколь Политехник с самого начала обрело заметный и существенный милитаристский оттенок. Поэтому, наряду с очень высоким для своего времени уровнем преподавания наук и длинной чередой выдающихся учёных и инженеров среди выпускников, это же заведение всегда было знаменито ещё и тем, что стабильно поставляло сильные профессиональные кадры для вооружённых сил Франции.

**Начало цитаты из статьи
«The French Cryptologists (1870–1945)»**

Начиная с последней четверти 19 века, те офицеры, что приходили в армию из Эколь Политехник с хорошей базой математических знаний, со временем утвердились и как лидеры в области криптографии. Существенно повлияло здесь и то, что офицеры X вообще стали заметно доминировать в разведывательных делах, хотя поначалу их было принято рассматривать не как настоящих сотрудников разведки, а скорее как технических специалистов. С современной точки зрения эти люди были учёными, но в те времена их воспринимали лишь как технический персонал в составе разведки.

Как бы там ни было, крипто-успехи офицеров математиков, приходящих на военную службу из X, были неоспоримы, благодаря чему они довольно быстро стали признаны как высококлассные специалисты и в других частях так называемого Криптографического Сообщества разных государственных ведомств Франции.

Один из этих людей, Франсуа Картье (1862-1953), сыграл главную роль в строительстве новых криптографических органов как в составе Генерального Штаба, так и Военного министерства. Благодаря высочайшему качеству его работ в криптографии, он

сумел успешно создать в Криптографическом Сообществе целую самостоятельную структуру военных профессионалов-офицеров.

Франсуа Картье пришёл в армию из X, то есть Высшей политехнической школы, имея специализацию в области артиллерии и военного инженерного дела. В те времена, конечно же, все математические расчёты военных были сугубо умственной работой без вычислительной техники. В 1900 году он получил новое назначение — в только что созданные войска военной беспроводной телеграфии. И в тот же год он стал главой Военного Криптографического Комитета. Фактически, Картье стал первым в армии офицером с опытом и собственными выдающимися успехами в криптографии. Одновременно он также стал и первым, кто понял необходимость создания постоянных криптографических органов в составе вооружённых сил.

В 1908 году, несмотря на всего лишь капитанское звание, он лично встретился с военным министром, настаивая на необходимости учредить межведомственный комитет по шифрам — дабы утвердить единый государственный подход к криптографии во всех министерствах. Этот комитет, действительно сформированный спустя шесть месяцев, Картье — как его первый начальник — затем эффективно использовал для обеспечения доминирования военных криптографов также и в таких ведомствах, как Министерство внутренних дел и Министерство по делам колоний (Министерство иностранных дел, имевшее собственные давние традиции в шифрах и их вскрытии, отказалось присоединиться к этой инициативе).

В период с 1912 по 1920 годы Картье возглавлял Сектор шифров (section du chiffre) в Военном министерстве. Он же стал и организатором первых учебных курсов по криптографии в Высшей военной школе, Ecole supérieure de Guerre, учреждённых в 1913 году. Более того, на протяжении всей Первой мировой войны Картье возглавлял Криптографический департамент французского Генштаба. На протяжении всего этого времени под несомненным влиянием Картье в Криптографический департамент пришло на службу множество выпускников Ecole Polytechnique.

Благодаря как возмужавшей роли математики в криптографии, так и кадровым назначениям Картье из среды Эколь Политехник, это учебное заведение со временем обрело репутацию уникальной Школы для обучения будущих криптологов. На протяжении

почти всего XX века офицеры-выпускники Эколь Политехник оставались ядром Дешифровальной службы страны (после Второй мировой войны основным конкурентом в этой области стала Ecole normale supérieure)...

Конец цитаты

После прочтения этого фрагмента кому угодно, даже людям, абсолютно далёким от криптографических дел с шифрами и их вскрытием, вряд ли требуется дополнительно объяснять, что генерал Франсуа Картье занимает действительно выдающееся место в истории разведки и криптологии XX века. Что же тут требует внятных объяснений, так это полное отсутствие информации о данном человеке в интернете.

Даже во французском сегменте всенародной энциклопедии Wikipedia о Франсуа Картье нет не то что отдельной статьи, но даже сколь-нибудь содержательных абзацев. Единственное, что есть — это совсем коротенькая сноска в конце вики-статьи про совсем другого французского генерала по имени Жорж Картье (1877-1960)⁵⁶:

Не следует путать генерала Жоржа Картье с бригадным генералом Франсуа Картье, специалистом по криптографии, возглавлявшим Бюро шифров в военном министерстве Франции в годы Первой мировой войны. Его известной публикацией является книга о Шекспире и Фрэнсисе Бэконе. Между двумя этими генералами нет никаких родственных связей.

Самое тут интересное, конечно, что даже столь короткой сноски оказывается вполне достаточно для постижения того, отчего же для прославленного генерала и гордости Франции не находится места в благодарной памяти человечества. Причина в том, что Франсуа Картье написал и опубликовал «известную» возмутительную книгу.

⁵⁶ [https://fr.wikipedia.org/w/index.php?title=Georges_Cartier_\(1877-1960\)](https://fr.wikipedia.org/w/index.php?title=Georges_Cartier_(1877-1960))

И вот именно эта книга ныне «сама пришла» в kiwi arXiv. А значит, явно настало время для её общедоступной публикации и свободного распространения среди всех интересующихся.

Книги этой, следует подчеркнуть, пока что в цифровом виде не обнаруживается нигде на просторах интернета⁵⁷. А нашёл-купил её бумажный оригинал, оцифровал и прислал сюда один добрый человек, пожелавший остаться неизвестным.

Вполне возможно или даже наиболее вероятно, что несколько позднее этот книжный раритет появится в общедоступных онлайн-библиотеках типа LibGen, Internet Archive или Wikimedia. Но это по-любому будет файл оригинала на иностранных языках (французском, английском, латыни). Ну а у нас здесь имеется возможность поэтапно частями выкладывать перевод этой книги на язык русский.

Не полный перевод, скорее всего, ибо в книге свыше 300 страниц, но наиболее любопытные фрагменты будут непременно. Начиная, естественно, с самых первых страниц...

#

[начало фрагментов перевода]
(вводная глава LIMINAIRE, стр. 7-11 оригинала)

ВВЕДЕНИЕ

Во время войны мне довелось общаться с несколькими криптологами государств-союзников, и я обнаружил, что они удивительно похожи на криптологов наших. Как с точки зрения общей криптографической подготовки, так и в смысле тех особых качеств, что характерны для любого хорошего дешифровальщика.

В частности, у меня была обширная переписка с полковником Фабианом, который прислал мне несколько работ, выполнен-

⁵⁷ Следует учитывать, что этот текст был написан в ноябре 2020 г., а на сегодняшний день оцифрованная версия книги Картье уже опубликована в Интернете.

ных им самим или под его руководством в криптографическом Бюро, созданном им в своих Лабораториях Ривербэнк, недалеко от Женевы, штат Иллинойс, США. Эти работы позволили мне убедиться, что уровень сотрудников его Бюро был вполне сопоставим с тем, что был у криптографов моего подразделения в годы войны. Та же самая техническая подготовка и те же методы анализа, собранные в такой интеллектуальный аппарат, который идеально подходит для работы интуиции, позволяющей восстанавливать слова или предложения в условиях, когда известны лишь их небольшие фрагменты.

Именно полковник Фабиан привлек моё внимание к разнообразным возможностям применения для системы шифрования Фрэнсиса Бэкона, прислав мне иллюстрированную брошюру с юмористическими примерами текстов, зашифрованных такой криптосистемой. Текст послания там мог скрываться в двух разных цветах камней кирпичного дома, в расположении петухов и кур на птичьем дворе, в букете цветов с лепестками белого или розового цвета. Все эти вещи на самом деле скрывали в себе слова или предложения, зашифрованные алфавитом Бэкона, в котором двоичные символы алфавита — А и В — кодировались, соответственно, в двух разных цветах или двух разных фигурах композиции рисунка.

Сначала я подумал, что это хитроумные предложения для шифров нашей шпионской службы. Но не это было целью Фабиана. На самом деле так он наводил меня на одну особенную страницу в книге Фрэнсиса Бэкона «*Novum Organum*» издания 1620 года. Некоторое время спустя, сообщив мне номер этой страницы в книге, Фабиан попросил меня её исследовать и написать ему, что интересного я там заметил. Я сумел отыскать эту книгу в Национальной библиотеке. Внимательное чтение указанной им страницы не привело меня ни к каким сенсационным открытиям, хотя я повторял исследование несколько раз, возвращаясь к анализу и в последующие дни. Тогда я написал полковнику Фабиану письмо с просьбой уточнить направление исследований.

Но ещё до того, как я получил от него ответ, мне пришло в голову, что имеется какая-то связь между брошюрой, о которой я рассказывал выше, и формой типографских шрифтов в документе, который Фабиан пригласил меня проанализировать. Поэтому я опять вернулся в Национальную библиотеку, на этот раз вооружившись хорошей лупой, с помощью которой стал изучать формы букв на странице. Теперь я легко выделил две существенно разные формы шрифта для целого ряда символов, из их сочетаний вывел несколько устойчивых полиграмм и далее из них даже несколько английских слов. Которые, впрочем, не подсказали осмысленной фразы.

Спустя несколько недель от полковника Фабиана пришла фотография этой страницы «*Novum Organum*», на которой он пометил формы шрифта для символов типа А и В. С немалым удивлением я обнаружил, что выделенные мною самим полиграммы и слова полностью вписались в эту разметку. Именно отсюда началось моё знакомство с работой миссис Гэллап и отсюда же идёт моё доверие к сделанным ею дешифровкам, подлинность которых полковник Фабиан мне множество раз гарантировал.

Здесь же я должен сказать, что на упомянутой выше фотографии от Фабиана различия в формах шрифтов А и В были более чёткими, нежели на моей странице оригинала. Поэтому на фото я заметил некоторые из таких очень приметных отличий в форме букв, которые на моей странице оригинала были неуловимы. В тот период я не пытался объяснить эти аномалии.

Было бы интересно сравнить данную фотографию с другими версиями оригинала той же страницы в «*Novum Organum*», однако в Национальной библиотеке есть только один экземпляр этой книги. Возможно, что условия, в которых хранились книги Елизаветинской эпохи в течение трёх прошедших столетий, могли несколько изменять вид определённых букв. Влажность или сухость воздуха, к примеру, могли порождать такие почти неотличимые изменения, которые становятся заметны лишь при сильном увеличении знаков.

Это замечание, сделанное относительно одной конкретной страницы в «*Novum Organum*», можно распространить, несомненно, также и на другие книги, дешифровками которых занималась миссис Гэллап. Различия шрифтов в тех книгах, с которыми она работала, были более очевидны, возможно, нежели в иных экземплярах, где различия сомнительны.

Полковник Фабиан предлагал мне приехать в Америку, чтобы лично проверить на предмет правильности дешифровки те оригиналы, с которыми работала миссис Гэллап. Он даже предложил мне выбрать для сопровождения в поездке того или иного эксперта — на мой собственный выбор — среди тех европейских оппонентов, кто выступил с критикой после моих статей на данную тему, опубликованных в *Mercure de France*. Разного рода обстоятельства помешали мне воспользоваться этим предложением.

Я не знаю, возможна ли такая проверка ныне, поскольку полковник Фабиан и миссис Гэллап отошли в мир иной, и мне неизвестно, кому было поручено хранить их архивы. В главах и приложениях данной книги я цитирую свидетельства тех американцев, кто имел возможность проверить подробности дешифровок в Ривербэнке, и даже тех, кто лично в них участвовал. Я считаю, что им можно доверять, отвергнув все подозрения в умышленном обмане и мистификации.

Примеры шифров, сконструированных из трёх видов типографских форм, я считаю не более чем криптографическими курьёзами, и здесь могу лишь ещё раз подтвердить те соображения, что изложены мной на данный счёт далее в книге. Нет никаких сомнений, что Фрэнсис Бэкон был знаком с шифрами Кардано и Виженера, где можно обнаружить подобного рода конструкции алфавитов. Вполне возможно, что именно оттуда ему пришла идея своей собственной криптосистемы. Которая основана на том же самом принципе, но более проста в своих приложениях, поскольку использует лишь две типографские формы вместо трёх.

То, что Бэкон думал о применении трёх алфавитов для сокрытия определённых секретов в открытом для всех тексте — это возможно и даже вероятно. Однако те реальные примеры, которые можно найти в данной книге, имеют слишком короткие длины текстов, чтобы по ним можно было уверенно утверждать о правильности восстановления шифров.

С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что Фрэнсис Бэкон активно использовал ту систему, которую придумал сам. Ту систему, для которой он сначала дал краткий набросок в 1605 году, а затем уже полное описание в 1623 — после того, несомненно, как долгое время с ней экспериментировал.

Сентябрь 1938

#

Содержание остальной книги — помимо Введения — выглядит так:

- Предисловие
- Общие сведения
- Новый документ
- Автобиография Бэкона согласно вскрытым текстам двухлитерного шифра
- Приложение: Примечания
- Приложение: Свидетельства

Основные источники

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Sébastien-Yves Laurent, «*About Professionalisation in the Intelligence Community: The French Cryptologists*» (ca 1870–ca 1945). In «*The New Codebreakers. Essays Dedicated to David Kahn on the Occasion of His 85th Birthday*» (Lecture Notes in Computer Science), Springer-Verlag Berlin 2016

Ноябрь 2020

Тайная автобиография Фрэнсиса Бэкона



Поскольку перевод книги генерала Картье по естественным причинам может растянуться на весьма длительный период времени, простое выкладывание фрагментов в соответствии с авторским порядком глав в оригинале неизбежно испортит впечатление от этой работы. И затруднит понимание её очевидной важности.

Ибо самые интересные вещи изложены там ближе к концу, а все первые главы весьма обстоятельно и при этом довольно

сухо описывают подробности и трудности работы криптоаналитиков, вскрывающих шифры.

По этой причине — и для обеспечения надлежащего интереса к раритету на всех этапах публикации — здесь целесообразно устроить трюк перекомпиляции. То есть разобрать книгу на части и выкладывать их переводы сразу в несколько параллельных потоков. Немного из начала, немного из середины, немного из конца — и всё это в таком порядке, чтобы и смысл сохранялся, и суть захватывающей Тайны проступала более отчётливо...

Короче говоря, нечто подобное часто делают в кинематографе с помощью монтажа — для добавления динамики в очевидно вялое поначалу повествование. Некоторые киноэкранизации и ТВ-сериалы, в частности, могут вообще начинаться со сцен финала. То же самое, по сути, целесообразно устроить и здесь.

И ещё — самое главное для читателей XXI века. При прочтении этой книги, подготовленной в 1930-е годы генералом Картье как итоговое обобщение для серии его более ранних журнальных публикаций, имеет смысл постоянно держать в уме такой факт.

Все материалы этой книги полностью основаны на результатах, полученных и оформленных под эгидой той американской криптографической школы, которая впоследствии даст начало Агентству национальной безопасности США. И эта же спецслужба, АНБ, по сути сразу после смерти Картье в 1953 приложит заметные усилия, чтобы полностью выпилить из истории не только подрывную книгу французского генерала, но и его самого.

Почему это было сделано — само по себе тайна, о которой никто и ничего не говорит. Но есть надежда, что к концу прочтения книги и тут картина с пониманием станет яснее...

(фрагменты перевода, стр. 203-209 книги Картье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

А

Статьи, опубликованные мною в номерах 563⁵⁸, 568⁵⁹, 581⁶⁰ и 582⁶¹ журнала *Mercure de France*, не только обеспечили меня обширной перепиской, но и вызвали интерес критиков в европейской прессе. Та проблема, которую я поставил (Проблема истории и криптографии, № 563 и 568), и та тайна, которую я пытался прояснить (Тайна Бэкона-Шекспира, № 581 и 582), оказались действительно очень интересны для читателей. Некоторые из них любезно предоставили мне полезную дополнительную информацию, другие сообщили мне о любопытных наблюдениях.

Наконец, меня просили дать такие разъяснения, которые могли бы послужить основой для разворачивания серьезной методической дискуссии, а также ответить на некоторые критические замечания, высказанные, впрочем, весьма учтиво во французских или иностранных газетах. Нижеследующие заметки написаны для того, чтобы дополнить мои предыдущие статьи и попытаться развеять недоразумения, которые могли бы увести дискуссию в заблуждения.

Прежде всего, я хотел бы повторить, что я не литератор и не историк. И это вне моей компетенции — высказывать обоснованное мнение по вопросу о литературном авторстве для того документа, что был дословно опубликован мною в номерах 581 и 582 журнала (*Тайная автобиография Фрэнсиса Бэкона, зашифрованная его двухлитерным шифром*).

⁵⁸ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-decembre-1921/118/4092937/98>

⁵⁹ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/15-fevrier-1922/118/4092581/118>

⁶⁰ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france-1890-1965/01-septembre-1922/118/4093001/3>

⁶¹ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/15-septembre-1922/118/4092457/32>

У меня имеется, впрочем, довольно сильное искушение сделать вывод, как и у некоторых из моих корреспондентов, что весь этот вопрос об авторстве представляет интерес лишь второстепенный. Потому что шедевры так и останутся шедеврами, в независимости от того, следует или нет заменять в них те имена авторов, под которыми они были впервые опубликованы.

Но эта точка зрения, пусть и несколько упрощённая, хотя и может находить поддержку в отношении собственно произведений, не удовлетворяет, однако, нашей потребности в истине и справедливости — ибо мы должны «Отдавать кесарю кесарево»...

Когда я опубликовал свою первую статью (в № 563), моя главная цель заключалась в том, чтобы рассказать о малоизвестном в криптографии методе шифрования и о некоторых интересных приложениях, которые из него следуют. Кроме того, мне представлялось и вообще полезным привлечь внимание французской публики к такому подходу, благодаря которому в любом открытом тексте можно спрятать тайное послание, применяя в буквах разные типы шрифтов.

Тщательное исследование изданий эпохи Бэкона, перечисленных в книге на страницах 57-58, действительно может приводить к интересным историческим или научным открытиям. Но поскольку криптографический анализ привёл здесь к открытию документа, совершенно для истории нового, то вполне естественно, что в оценку его вмешались соображения как исторического, так и литературного характера. Я же, как профессиональный криптолог, могу лишь подтвердить сам факт наличия этого документа.

Представляется самоочевидным, что процедура зашифрования текста не добавляет ничего к документальной ценности фактов, в нём упоминаемых. И точность формулировок, и возможные ошибки авторов сохраняются в зашифрованном тексте точно так же, как и в тексте открытом, только во внешне другой форме.

Но я должен, однако, отметить, что процедура зашифрования, сколь бы простыми ни были операции шифра и каков бы ни был опыт шифровальщика, всегда может вносить и дополнительные ошибки. Так что вдобавок к собственным ошибкам автора текста могут появляться и ошибки шифрования — типа изменённых или даже пропущенных букв и слов.

Так, пример шифровки, приводимый самим Бэконом в его работе «*De Augmentis Scientiarum*» издания 1624 года, и воспроизведённый на фотографии в моей книге на стр. 48, иллюстрация №4, содержит ошибку в двенадцатой строке, где буквы *vat* заменены на *uc*. Но вообще говоря, ошибки такого рода, если они единичные и случаются нечасто, не мешают дешифровальщику правильно восстанавливать слова и предложения исходного текста.

Впрочем, в исключительных случаях может происходить и так, что такое прямое восстановление оказывается вовсе не очевидным, а контекст не позволяет догадаться, какие именно слова и буквы были опущены или искажены. Все люди, занимавшиеся шифрованием переписки, знакомы с такого рода затруднениями. Они знают, что случаются такие ситуации, когда необходимо запросить повторную передачу сообщения или сверку текстов. Но это очевидно невозможно, когда речь идёт о тексте, зашифрованном триста лет тому назад!

Поэтому дешифровальщику, столкнувшемуся с такими ошибками или неопределённостью, приходится полагаться только на свою проницательность. В тех случаях, когда предшествовавшие и последующие части текста достаточно ясны, давая основу правдоподобным предположениям, операция восстановления не представляет никаких трудностей. Если же это не так, то возможны ошибки восстановления, и в этом случае разумно указывать на сомнительные для толкования места, дабы избежать выводов, не имеющих строгого обоснования.

Я счёл необходимым дать эти разъяснения, пусть и бесполезные для читателей даже с минимальным опытом в криптографии, однако принципиально необходимые для тех, кто ни-

какого опыта здесь не имеет. Кроме того, эти объяснения адресованы тем из заранее предубежденных читателей, кто может столкнуться с подобными трудностями при первых попытках собственной расшифровки. И кто поспешит прийти к выводу, что дешифровальщики автобиографии Фрэнсиса Бэкона часто поддаются собственным предвзятым представлениям, когда следует сделать выбор из нескольких равно возможных криптографических решений.

Лично я считаю, что отдельные ошибки дешифрования возможны — включая слова или даже, в исключительных случаях, отдельные предложения. Но такие ошибки наверняка очень редки и они не способны изменить смысл всего документа в целом. Кроме того, я предлагаю всем, кому обстоятельства это позволяют, расширить начатую мною работу по верификации данных результатов. И в явном виде указать мне на те части, которые выглядят сомнительно и которые следует принимать только с оговорками.

Само собой разумеется, что всякое решение, возможное в криптографическом смысле, однако неприемлемое с исторической точки зрения, должно быть отнесено именно к такой категории. К подобного рода вещам, в частности, относятся имена персонажей или упоминания о событиях, которые появились в истории уже после печати книги, а значит просто логически не могут обнаруживаться в дешифрованном тексте. Такого рода соображения вполне позволяют априори отклонять решения, которые с криптографической точки зрения выглядят допустимыми.

В этой связи не следует забывать и такой факт. Хотя Фрэнсис Бэкон впервые опубликовал описание своей криптографической системы только в 1605 году, разработал он её намного раньше, во время своего пребывания в Париже с 1577 по 1579 год. Поэтому вполне естественно, что применение данной системы можно встретить и в документах до 1605 года — но непременно после 1577.

В частности, упомянутый мной список работ на страницах 57 и 58, где обнаружены тексты, зашифрованные по методу Фрэнсиса Бэкона, указывает на несколько книг, напечатанных до 1605 года. К ним относятся, среди прочего, такие:

- **Timothy Bright**
 - A Treatise of Melancholy (1586)

- **Robert Burton**
 - The Mirror of Modesty (1584)
 - Planctomachia (1585)
 - Euphues (1587)
 - Morando (1587)
 - Perimedes (1588)
 - Pandosto, The Spanish Mas querade (1589)

- **George Peele**
 - The Arraignment of Paris (1584)

- **William Shakespeare**
 - Midsummer Nights Dream (1600)
 - Much Ado about Nothing (1600)
 - Sir John Oldcastle (1600)
 - Merchant of Venice (1600)

- **Edmund Spenser**
 - The Shepheardes Calender (1579)
 - Complaints (1590)
 - Colin Clout (1595)
 - Fairy Queen (1596)

Аналогично, не следует удивляться тому, что фрагменты автобиографии встречаются в трудах, опубликованных после 1626 года, официальной даты смерти Фрэнсиса Бэкона. Рукописи этих работ могли быть сделаны и подготовлены к печати самим Бэконом, а напечатаны уже после его смерти. Так, зашифрованные части были обнаружены в изданиях «Новой Атлантиды» и «Естественной истории», опубликованных в 1635

году под именем Фрэнсиса Бэкона, а также в «Анатомии меланхолии» Роберта Бёртона, опубликованной в 1638 году.

Кроме того, вполне ли достоверны сведения о том, что Фрэнсис Бэкон умер в 1626? В очень интересной статье, опубликованной в *Vasopiana* в июне 1922 года, мисс Алисия Эми Лейт напоминает о некоторых обстоятельствах, которые указывают на то, что в 1626 году Фрэнсис Бэкон, возможно, умер только для мира. В действительности же он мог не умереть вплоть 1668 года, прожив 106 лет и имея, таким образом, около сорока лет спокойствия для занятий своей работой.

Всё очень странно, когда речь идёт о Фрэнсисе Бэконе. И биографы Бэкона не больше согласны друг с другом о месте его рождения (Йорк Хаус, Йорк Плейс, Кэнонбери Тауэр или Гиди Холл), чем о месте его смерти (Хайгейт, Масуэлл Хилл, Горхэмбери или Вольфенбюттель). Но эти дискуссии уже не относятся к криптографическому вопросу, к которому мы и вернёмся.

#

(стр. 19-22 книги *Картье*)

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В своей работе «*The Advancement of Learning*», опубликованной на английском языке в Лондоне в 1605 году, а затем на латинском языке как «*De Augmentis Scientiarum*» в Лондоне в 1623 году и в Париже в 1624 году, Фрэнсис Бэкон (1561-1626) даёт описание криптографического метода шифрования, обладающего рядом интересных особенностей.

Вместо замены букв или слов открытого текста обычными символами, буквами или цифрами шифра, как это делается в большинстве криптографических систем, знаменитый канцлер использует разные формы букв. Благодаря чему криптограммы, полученные его методом, состоят не из рядов букв или цифр, а из последовательностей разных типов шрифта для

букв. Причём буквы эти сами по себе могут составлять открытые тексты, не имеющие никакого отношения к тексту зашифрованному, который соответствует разным формам шрифтов.

Обозначим символами **a** и **b** две типичные формы букв, применяемые для шифрования. Количество всевозможных сочетаний, которые можно устроить с помощью этих двух форм, группируя их пятёрками, равно 32 (или 2 в степени 5). Фрэнсис Бэкон использует только 24 из этих групп для представления 24 букв английского алфавита своего времени, в котором буквы I и J использовались взаимно заменяя друг, так же как U и V.

Эти 24 группы выглядят так:

aaaaa = A	aaaab = B	aaaba = C	aaabb = D
aabaa = E	aabab = F	aabba = G	aabbb = H
abaaa = I/J	abaab = K	ababa = L	ababb = M
abbaa = N	abbab = O	abbba = P	abbbb = Q
baaaa = R	baaab = S	baaba = T	baabb = U/V
babaa = W	babab = X	babba = Y	babbb = Z

Если мы договоримся, например, что форма **a** обозначает заглавные буквы, а форма **b** — буквы строчные, то тогда букву А зашифрованного текста может представлять любая последовательность из пяти заглавных букв в маскирующем шифр открытом тексте — к примеру HORSE или SATYR. Аналогично, букву L может представлять любая последовательность букв вида HoRSe или SaTyR. Если же надо зашифровать целое слово, типа PARIS, то его можно спрятать в любом тексте, скажем таком: «J'irai vous voir demain samedi» (Я зайду к вам завтра в субботу). Делается это так.

Маскирующий текст разбивается на пятёрки, каждая из которых шифрует буквы секретного послания: J'iraI VOUSV oIRDE MaINS aMEDi, после чего от разбивки на пятёрки возвращаются к обычной записи слов: J'iraI VOUS VoIR DEMaIN SaMEDi.

Само собой разумеется, что использование двух столь резко отличающихся форм нельзя рекомендовать для реальной шифрованной переписки. Очевидно ненормальная последовательность строчных и заглавных букв сразу привлечёт к себе интерес и вызовет подозрения об использовании шифра. Когда же сам факт шифрования выявлен, то дальнейший анализ легко приводит к шифру простой замены, который вскрывается без всяких затруднений.

По этой причине Фрэнсис Бэкон рекомендует использовать две такие формы букв, отличия которых не слишком очевидны и могут быть распознаны только посвящёнными в этот секрет. Если последовать этому совету, то получающиеся в результате шифрованные тексты с наибольшей вероятностью будут восприняты как обычные открытые тексты, не содержащие в себе ничего свыше того, о чём они сообщают в явном виде. И таким образом избегают исследования со стороны недостаточно внимательных криптологов.

Эта идея Фрэнсиса Бэкона приходила криптографам в голову и ранее, например, несколько в иной форме она была описана в обзорной работе Фредеричи под названием *Cryptographia*, опубликованной в 1685 году в Гамбурге. Вместо двух типов шрифтов в системе, описываемой Фредеричи, используются три: античная форма А, курсивная С и готическая форма Т.

Количество сочетаний, которые можно устроить с опорой на эти три формы, группируя буквы тройками, равно 27 (то есть 3 в степени 3). При удалении групп вида ААА, ССС и ТТТ остаётся 24 тройки, которые используются для представления 24 букв латинского алфавита следующим образом:

aac = A	aat = B	aca = C	acc = D	act = E
ata = F	atc = G	att = H	cca = I/J	cct = K
cac = L	caa = M	cat = N	ctc = O	cat = P
ctt = Q	tta = R	ttc = S	tat = T	taa = U/V
tac = W	tct = X	tca = Y	tcc = Z	

В то время как в системе Бэкона для шифрования одной буквы требуется группа из пяти символов, в этом шифре требуется только три — следуя описанному выше методу, который мы будем называть системой Фредеричи, хотя и описанной позднее, но на самом деле изобретённой раньше бэконовской. Открытые тексты, необходимые для сокрытия одних и тех же секретов, во второй системе значительно короче, нежели в первой, и это неоспоримое преимущество.

В делах практических, однако, использование трёх разновидностей символов очевидно становится причиной добавочных ошибок, которые сводят на нет вышеупомянутую выгоду. Эти два метода шифрования лишь мимоходом упоминаются в современной французской или зарубежной технической литературе, и не привлекали, похоже, внимания криптологов. По той, скорее всего, причине, что они не особо интересны с точки зрения чистой криптографии. Тем не менее, не подлежит сомнению, что сам этот принцип реально использовался при определённых обстоятельствах, в частности, в работе шпионских спецслужб.

Изучение документов, вышедших из печати при жизни Фрэнсиса Бэкона, было начато несколько лет назад несколькими специалистами под умелым руководством полковника Фабиана, готовившего криптографов для армии США. Их исследования позволили найти целый ряд интересных применений для обоих из тех методов шифрования, о которых идёт речь в данных записках. Собственно же находки эти привели к чрезвычайно любопытным результатам...

#

[В своей книге генерал-криптограф Картье — не будучи профессиональным литератором — решил не давать полный перевод тайной «Автобиографии Фрэнсиса Бэкона», ограничившись лишь кратким пересказом глав. А собственно расшифрованную Автобиографию поместил на английском языке, в исходном виде «как есть». Вполне естественно и здесь сделать то же самое.]

(стр 71-76 книги Картье)

Краткий пересказ Главы I из «Жизни Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром»

Первым делом Фрэнсис Бэкон сообщает, при каких обстоятельствах и почему он написал свою автобиографию в зашифрованном виде:

«Хотя жизнь моя постоянно окружена угрозами и шпионами, я написал эту полностью зашифрованную историю, поскольку в душе и по совести убеждён, что весь мир захочет узнать правду.»

«Моя главная цель, как можно догадаться, состоит в том, чтобы написать тайную историю моей собственной жизни — наряду с правдивой историей всего этого времени. История эта, однако, переплетена со множеством других, рассказываемых ниже. Так что вся наша отечественная история, в действительности, может быть изменена теми откровениями, что с великими трудностями записаны мною ради потомков.»

«Для того, чтобы рассказ этот представлял собой подлинную историю, достойную сохранения, я не убрал из повествования ничего, сколь бы неприятно для меня лично и горько для читателей это ни было. Мне и самому, по правде говоря, хотелось бы, чтобы некоторые из этих вещей были забыты после того, как я стал их свидетелем.»

Затем Бэкон рассказывает, при сколь драматичных обстоятельствах он был рождён.

«На самом деле я по праву рождения являюсь королевским сыном, хотя и принесённым в жертву нашей достославной и одновременно очень грешной королевы Елизаветы. Представителем рода, который доблестный король Эдуард сделал воистину знаменитым...

Моё настоящее родовое имя Тюдор.

Сэр Николас Бэкон был только лишь усыновившим меня отцом...

Но вот к леди Энн Бэкон, его жене, я испытываю величайшую и самую горячую благодарность, ибо она намного более искренне, нежели её муж, постоянно опекала меня, наставляла, защищала и помогала советами.

Именно ей, в конечном счёте, я вообще обязан своей жизнью... Лишь благодаря её вмешательству час моего рождения не стал и часом моей смерти. Её Величеству на самом деле хотелось, чтобы я просто втайне исчез.

Далее следует повествование о собственно родах (22 января 1561):

«...Та, кто родила меня в этот мир, действительно замышляла какой-то адский план, так что и в момент моего рождения, и во время детородных мук и опасностей, оскорбляя все материнские инстинкты, эта безумевшая женщина кричала лишь одно: Убейте! Убейте!»

Ни мольбы леди Энн, ни слова успокоения от доктора не могли унять гнева королевы, которая жестом попыталась оттолкнуть ребёнка, когда ей поднесли его для представления. Леди Энн забрала новорожденного в собственный дом, Йорк Хаус, и скрывала дитя с такой тщательностью, что никто и не подозревал о его существовании. За единственным исключением горничной, которая ухаживала за ним как за своим.

Вскоре после этого у леди Бэкон родился мертворождённый ребёнок, которого заменил младенец Фрэнсис. Елизавета, од-

нако, не утратила интереса к этому мальчику, появление которого в мир произошло столь неудачно. Она велела сэру Николасу Бэкону воспитывать его так, словно это был его собственный сын, и соответственно направлять его образование.

Когда у королевы было хорошее настроение, она называла Фрэнсиса своим маленьким «Лордом хранителем». Елизавета приходила проведать его в дом сэра Бэкона и любила расспрашивать его, подвергая разным испытаниям юный и живой детский ум.

Лишь много лет спустя тайна его рождения была случайно раскрыта юному Фрэнсису во время скандальной сцены при дворе, когда одна из молодых фрейлин произнесла неудачную фразу, воспринятую как оскорбление чести королевы. Тут же потеряв всякое самообладание, Елизавета набросилась на обидчицу, а та, рухнув на колени, стала молить о пощаде.

Вся эта сцена происходила на глазах у множества придворных дам и кавалеров. Молодой Бэкон, крайне взволнованный увиденным, склонился к телу потерявшей сознание девушки и попросил, чтобы ему позволили поднять её и унести. И тогда королева, всё ещё находясь в состоянии прежней ярости, призналась в том, что далее отрицать было уже невозможно:

«Ты мой собственный сын, но хотя ты и очень умён, ты никогда не будешь править ни Англией, ни своей матерью. Тебе не быть королём.

Я навсегда исключаю из числа наследников моего первого любимого сына, благословившего мой союз с ... Впрочем нет, его называть я не стану...»

Вернувшись домой, потрясённый Фрэнсис первым делом отправился в покои леди Бэкон, где, рассказав матери о только что произошедшей сцене, стал просить подтверждения, что в действительности он её сын.

«Когда же моя милая мать, плача и причитая, призналась мне, что я и в самом деле сын королевы, я разразился проклятиями — против неё, против моей судьбы, против всего...

Когда эта самая дорогая для меня женщина увидела, в каком я состоянии, она сказала мне так: Пожалейте мои уши, дитя, ибо вы оскорбляете такими словами свою мать... А если вы прислушаетесь к моим словам, то узнаете, что оскорбляете и благородного джентльмена, вашего отца графа Роберта.

При этих словах я стал просить её раскрыть имя моего отца. Уступив моей просьбе, она сказала: это Роберт Дадли, граф Лестер.

Когда рыдания мои от этого прекратились, она добавила: «Я давала очень серьёзную клятву не раскрывать вам вашу историю; но теперь, когда тайна раскрыта, вы могли бы услышать конец моего рассказа, сходяв к повитухе. Доктор тоже мог бы предоставить доказательства ваших прав называться принцем этого королевства и законным наследником престола.»

После этого леди Бэкон поведала историю тайного брака королевы с графом Лестером (1554 год):

«Дочь короля дала достойный пример всем народам, решив выйти замуж согласно своим собственным желаниям, без всяких сделок и договоров. В те времена она была лишь гордой и пылкой принцессой, которую королева Мария считала слишком опасной на свободе. А потому без всякого суда её отправили томиться в Лондонский Тауэр, где Елизавета тайно вышла замуж за Роберта Дадли (также находившегося там в заключении).

Она была влюблена до такой степени, что для вызова и у него подобной страсти, говорили, велела приготовить специальное любовное снадобье, которое ловко устроил один из её сообщников.»

Злой дух побудил Елизавету соединиться с Робертом Дадли, когда тот был связан клятвой верности с другой, столь же любимой женщиной. На Дадли впоследствии пали подозрения в том, что это он стал причиной смерти своей милой супруги. Коварная лестница, рухнув под лёгкой поступью Эми (жены Дадли), яростно швырнула её на мостовую, а известие о её смерти не стало полной неожиданностью для той, кто слишком жаждала услышать об этом.

После восшествия Елизаветы на престол (1558) церемония их бракосочетания была повторена в доме лорда П... — пусть и не с помпой, присущей королевским свадьбам, но при достаточно, однако, количестве свидетелей.

Свой рассказ леди Энн Бэкон завершила такими словами:

«Несмотря на всё это, королева Елизавета клятвенно отрицала как свой брак с лордом Лестером, так и своё материнство.

Нынешнее нарушение этой её клятвы, таким образом, крадёт у меня сына. Ох, Фрэнсис, не разбивайте сердце своей матери. Я не могу позволить вам покинуть меня после всех тех лет, что вы были сыном моего сердца...»

Несложно понять, какого рода мечтания подобное откровение могло породить в воображении молодого человека. После этой сцены, однако, королева вызывала юного Фрэнсиса на частную аудиенцию, в ходе которой дала понять, что он не должен считать себя её сыном. Королева оставалась непреклонной в этом вопросе и при всех последующих аудиенциях, которые ему предоставлялись.

В заключение главы Фрэнсис Бэкон добавляет:

«Говорят, что незаслуженной беды никогда не бывает. Возможно, для кого-то это и верно. Но в моём случае несомненно, что на меня обрушилось несправедливое проклятие, и вся моя последующая жизнь была им омрачена»...

#

(стр. 60-71: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter I

Though constantly hedged about, threatened, kept under surveillance, I have written this history in full in the cipher, being fully persuaded, in my own mind and heart, that not only jesting Pilate, but the world ask: «What is truth?»

The principal work is, as you may suppose, writing a secret story of my own life, as well as a true history of the times. Yet, it is much mixed or twined into many others herein given. Indeed, a whole national record must be changed by the revelation which I have prepared with much pains for posterity.

That this shall be such true history that it shall be worthy of preservation, I have not blenched aught, howsoever much it may irk me, or weary those who read it. But some of it I would I could forger after it hath been set down.

I am, indeed, by virtue of my birth, that royal, though grossly wronged son to our most glorious, yet most faulty Queen Elizabeth, of the stock that doughty Edward truly renowned. Of such stock Henries the Fifth, Seventh, and Eighth, historic battle kings, came, like branches sent from the oaks.

My true name is Tudor. Sir Nicholas Bacon, the Lord Keeper, was only foster parent to my early youth, yet was as loving and kind to me as to his own son, careful of my education, and even aspiring to my high advancement. But to Lady Anne Bacon, his wife, ever quick with her sympathy and wise to advise, do I owe the greater or warmer gratitude, since she did much more truly and constantly guard, guide, protect and counsel me.

More over, to her do I owe my life. For though she did but rear me, not being, de facto, my mother, it was by her intervention that the hour of nativity did not witness my death. Her majesty would truly have put me away privily.

To many women, no gift could be so great as this — a child of the preferred sex. To a sovereign so great as Elizabeth, it was not. Little princes are, of all infants, peculiarly favored. So was not I. But she who bore me, even in the hour of my unwelcomed coming, outraging every instinct of a natural woman, in the pangs and perils of her travail, cherished one infernal purpose.

«Kill, kill!» cried this maddened woman. «Kill!»

Those attending her supposed she cried out to beseech riddance of suffering. In great fear, Lady Anne said, «God give a safe delivery, my dearly beloved Sovereign. It is now near the end. This exceeding great suffering doth well for you. Certain I am, your Grace, 'twill soon be a time for joy. Surely rejoicing doth become us all.»

But the queen fell into the fiercest anger, alarming everyone who knew her state. When her wrath subsided, laments succeeded invective.

The curse might come from her lips — nothing stayed my birth at the hour Heaven had foreknown. As I was held before her eyes, Elizabeth made a hasty motion, as if she would push some brat, no one owned, from her presence.

Lady Anne knew not which way to turn, or in what manner one clear ray of reason might reach her majesty's mind. In a few moments, the physician, seeing how distressed Elizabeth with her cruel thoughts made sweet Lady Anne, spoke gently to the queen.

«Happy the sire of a son like the prince — twice blessed is the mother from whom the prince his life deriveth.»

«Stay, truly thy voice is but in indifferent accord with ours», said her majesty in cold tones.

Fruitless were Lady Anne's entreaties and prayers. To move the vain and strong mind of my royal mother, at the time, still being almost or truth to say quite impossible, her thoughts, turned to rescuing from death such an evil-fortuned prince. Scorn, wrath, railing had penetrated most deeply that gentle breast, yet did the noble lady blench not one whit.

York House gave me a private chamber, gentle Lady Anne so slyly bearing me thither no one, other than her small maid, knew aught of my simple life within Sir N. Bacon's house. Lady Anne guarded me until her son, stillborn, made natural place for the royal child. This wronged, yet wholly unsuspecting, heir to the crown being taken into sweet Lady Anne Bacon's care, was privately reared as the youngest son to the honored lady.

The would-be Virgin Queen, with promptness (not liking our people's hearts to be set upon a king) before my A B C's even were taught to me, or the elements of all learning, instructed my tutors to instil into my young mind a desire to do as my foster father had done, and aspiring to high political advancement, look for enduring renown there; not dreaming even of lack wherein I should look for more honors, since I was led to think I was born to nothing higher.

Of a truth, in her gracious moods, my royal mother showed a certain pride in me when she named me her little Lord Keeper, but not the Prince — she never owned that be truly the rightful title I should bear.

The earliest shows of favor of this royal mother, as patroness rather than parent, were seen when she honored our roof so far as to become the guest of good Sir Nicholas Bacon — that kind man I then supposed my father. These became marked as the study that I pursued did make my tongue sharp to reply when she asked me a perplexing question, never, or at least seldom, lacking Greek epigram to fit those she quoted, and I was often brought into her gracious presence.

It liveth as do dreams of yesternight, when now I close my eyes — the stately movements, grace of speech, quick smile and sudden

anger that oft, as April clouds come across the sun yet as suddenly are withdrawn, filled me with succeeding dismay, or brimmed my cup immediately with joy.

It doth as oft recur that the Queen, my royal mother, sometimes said in Sir Nicholas' ear on going to her coach: «Have him well instructed in knowledge that future station shall make necessary.»

Naturally quick of hearing, it reaching my ears was caught on the wing, and long turned and pondered upon. But I found no meaning, for all my wit, no whispered word having passed the lips of Sir Nicholas on the matter.

Several years had gone by, ere my true name, or any of the conditions herein mentioned, came to my knowledge. In truth, even then the revelation was in a measure accidental — albeit 'twas made by my mother — her wrath over one of my boylike impulses driving her to admissions quite unthought, wholly unpremeditated, but when thus spoken in my hearing, not to be denied.

I was in presence — as had many and oftentimes occurred, Queen Elizabeth having a liking for my manners — with a number of the ladies and several of the gentlemen of her court, when a silly maiden babbled a tale. Cecil, knowing her weakness, had whispered in her ear.

A dangerous tidbit it was, but it well did satisfy the malicious soul of a tale bearer such as R. Cecil, that concerned not her associate ladies at all, but the honor, the honesty of Queen Elizabeth. No sooner breathed aloud that it was heard by the queen. No more, in truth, half heard that'twas avenged by the enraged queen. Never had I seen fury so terrible, and it was some time that I remained silent, horror-struck dismay, at the fiery overwhelming tempest.

At last, when stripped of all her frail attire, the poor maid in frightened remorse lay quivering at Queen Elizabeth's feet, almost deprived of breath, still feebly begging that her life be spared nor ceasing or a moment till sense was lost. No longer might I look upon this in silence; and bursting like fulminated lightning through

the waiting crowd of the astonished courtiers and ladies, surrounding in a widening circle this angry fury and her prey, I bent a knee craving that I might lift up the tender body and bear it thence.

A dread silence that foretells a storm, fell on the queen for a space, and the cruel light waxed brighter and the cheek burned as the flame. As the fire grew to blasting heat, it fell upon me like the bolt of Jove. Losing control immediately of both judgment and discretion, the secrets of her heart came hurtling forth, stunning and blasting the sense till I wanted but a jot of swooning likewise.

«You are my own born son but you, though truly royal, of a fresh and masterly spirit, shall rule not England, or your mother nor reign over subjects yet to be.

«I bar from succession forevermore my best beloved first born that blessed my union with — no, I'll not name him. Nor need I yet disclose the sweet story concealed thus far so well men only guess it, nor know of a truth of the secret marriages, as rightful to guard the name of a queen as of a maid of this realm.

«It would well beseem you to make such tales skulk out of sight, but this suiteth not to your kingly spirit. A son like mine lifteth hand never in aid to her who brought him forth — he would rather uplft craven maids who tattle thus whenever my face turneth from them. What will this brave boy do? Tell a, b, c's?»

Ending her tirade thus, she hade me rise. Trembling I obeyed her charge, summoned a servingman to lead me to my home and sent to Mistress Bacon.

«That mother of my dark Atimies shall free my name», said I. «For surely I am her son. May mother lie, or cruel Fates do me like wrong? My God! Let not a lot more hard, alas, than death come to me. When a ripe evil doth break upon wicked men, the justice in Thy holy law even in chastisement holdeth men — not that arrow of pestilence. But I am innocent, O my God! Visit not the evil we much scorn, on me the innocuous fruit!»

In the dark I waged war manfully, supposing that my life in all the freshness of youth was made unbearable. It did so much exhaust, that, after pause of a moment, I burst flood-like into Mistress Bacon's chamber and told her my story.

No true woman can bear the sight of any tear. I grasped her arm, weeping and sobbing sore, and entreated her (artfully' as I thought, hiding my secret) to say upon oath I was in truth the son of herself and her honored husband. I made effort to conceal my fear that I was base son to the queen; per contra, I even most plainly showed it by my distress.

When, therefore, my sweetmother did, weeping and lamenting, own to me that I was in very truth, the son of the queen, I burst into maledictions against the queen, my fate, life and all it yieldeth, till weary, on bent knee I sank down, and floods of tears finished my wild tempestuous invective. When, however, that dear lady saw this, with womanly wisdom to arrest fury or perchance to prevent such despair, said to me:

«Spare my ear, or aim rightly, boy, for you do wrong your mother with such a thought. Pause, lest as to Absalom a sudden vengeance come. When you list to my words, you then will know that you do also wrong that noble gentleman, your father, Earl Robert, at the mere mention of this folly would rise in great wrath and call down Heaven's judgments on you.»

At the word, I besought her ot speak my fathers's name, when granting my request, she said: «He is the Earl of Leicester.»

Then as it made me cease to sob, she said again: «I took a most solemn oath not to reveal your story to you, but you may hear my unfinished tale to the end if you will go to the midwife. The doctor would be ready to give proofs of your right to be named the Prince of this realm and heir-apparent to the throne.»

How this secret marriage was consummated with the earl, our fond sire, — whom we knew little and loved not more than was due, — Lady Anne Bacon made free and full relation:

«A king's daughter gave a worthy precedent to all states, in that she would wed as her wishes dictated, not through negotiation and by treaty. Whilst she was but the proud, unhappy, though still spirited princess that Queen Mary held to be dangerous in freedom, and for this cause sent off without form of trial to languish in London Tower, she wedded Robert Dudley, of whom it is supposed the young princess had become so enamoured that to produce a like passion in his heart, a love philter was made, which an assistant by some strategy administered. They came into our world, not the same day only but the same hour. To a fantasy so abnormal as the queen's this was proof of destiny.

«It might perhaps be a question whether a Divine forethought determined all that grew from that act. Some would ascribe a part, at least, to evil spirits.

«Not law, but evil governed Elizabeth, as she joined herself in a union with Robert Dudley whilst the oath sworn to one as beloved yet bound him. A suspicion was general that the death that overtook his sweet wife could be laid to his charge. Aye, a treacherous stairway betrayed her step, falling beneath lightsome Amy's foot, cast her violently on the paving below, and the tidings of her demise was not altogether news to one whose mind was too eager to hear it.

«After Elizabeth's ascent to royal power, at the house of Lord P... this ceremony was repeated, but not with any of the pomp and ceremony that sorteth well with queenly espousals, yet with a sufficient number of witnesses.

«Nevertheless, Queen Bess did likewise give her solemn oath of bald-faced denial of her marriage to Lord Leicester, as well as her motherhood. Her oath so broken, robs me of a son. O Francis, Francis, break not your mothers's heart! I cannot let you go forth after all the years — you have been the son of my heart. —

«But night is falling. To day I cannot speak longer to you of so weighty a matter. This hath moved you deeply and though you now dry your eyes, you have yet many tear marks upon your

cheeks. Go now. Do not give it place, in thought or word, a brain-sick woman, though she be a queen, can take my son from me. Retire at once, my boy.»

With «Farewell», her heart half bursting, she bade me leave her, and I, fond boy, kingly power dearly yearn to win — dream of golden scepters, proud courts, and by-and-by a crown on mine innocent brow. Alleged oath, or any unrighteous rule, should never from the English throne bar the grandson to Henry the Eighth, son to Elizabeth in lawful marriage; and by virtue of these rights, in that it is the style of the eldest son of England's sovereign, no less than that of the Prince of Wales is my proper title.

In due course of time, however, I, at day's meridian, was by my new-found royal mother recalled and given private audience. I learned from the interview, that it was, at present, in fancy that I bore this lofty name, or a style other than that actually mine in my home.

A princely name, it seemed, was one to be thought upon, not reckoned upon as apt to be given me; nor could I in the numerous subsequent encounters change her hasty decision upon that very important question of the succession.

'Tis said: «The curse that was not deserved never will come.» Some may find it true, but to me a causeless curse did surely come, and my entire life felt the blight.

The fond love of both foster parents was restraint and stay to my young spirit when the wild and fiery tempest suddenly burst upon me. This dread force would otherwise have ruined, wasted and borne me adrift like a despoiled harvest.

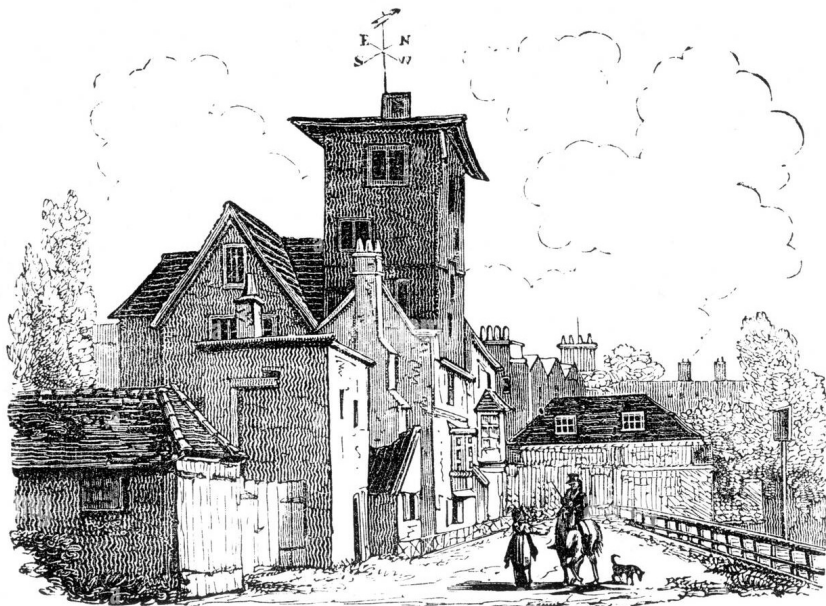
My attempts in after years to obtain my true, just and indisputable title of Prince of Wales, heir-apparent to the throne, must not, however, be thought or supposed to indicate that I held myself disinterested of these obligations, offered affront to these kind benefactors, or in any way conducted myself in such a manner as would either cast reflections upon my breeding or do discredit to my birth. It

may clearly be seen that it was but the most commonplace of ideas — an action barely ambitious, because 'twas simply natural.

#

Декабрь 2020

Шифр Бэкона и подтверждения верности его вскрытия



Илл. 23. Кэнонберийская башня в Лондоне, как она выглядела в XIX веке; черно-белая иллюстрация из «Ежедневника» Уильяма Хоуна

(фрагменты перевода, стр. 209-213 книги Картье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

В

Дешифрованные госпожой Гэллап тексты породили такие комментарии, по поводу которых я считаю необходимым дать некоторые пояснения.

Некоторые из читателей не отрицают сам факт существования текстов, дешифрованных миссис Гэллап. Но они полагают, что публично обсуждать эту тему никакой необходимости нет, особенно в отношении авторства произведений, приписываемых Шекспиру. Их мнение обосновывается такими историче-

скими или литературными соображениями, которые для них кажутся достаточно убедительными, а потому и остальным нет никакой необходимости принимать во внимание некие зашифрованные документы, способные подтвердить или же опровергнуть уже имеющиеся у них взгляды.

Не требуется пояснять, что уже имеющиеся остро конкурирующие теории разных лагерей излагаются и отстаиваются всё с той же непримиримостью, как и прежде, а потому неподвзятый читатель так и остаётся сильно озадаченным от чтения этих аргументов. Доказывающих ему диаметрально противоположные взгляды — обильно задокументированные, умело преподносимые и изложенные с огромной убеждёностью.

Конечно же, дискуссия здесь остаётся открытой. А закрыта она будет, если это вообще когда-либо произойдёт, лишь в случае обнаружения такого решающего документа, который соберёт вместе разные конкурирующие школы, разделённые ныне своими разногласиями.

Но есть, однако, и такие критики, которые идут дальше и отрицают сам факт существования текстов, дешифрованных госпожой Гэллап.

Господин Вебер из Вены (Австрия), считает расшифровки миссис Гэллап «результатом большой ошибки, возникшей в результате своего рода самовнушения».

Доктор Спекман из Арнема (Голландия) отрицает факт существования криптограмм, утверждая, что дешифрованные тексты не могут быть подлинными и вообще недопустимы.

Господин Тако Х. Де Беер, член Королевской фламандской академии Бельгии, пишет следующее: «Так называемое дешифрование от госпожи Гэллап представляется нам величайшим обманом. Один из молодых докторов литературоведения затратил целый год на дешифрование текстов по методу миссис Гэллап и обнаружил, что госпожа Гэллап добавляла

или изымала буквы для того, чтобы получить те результаты, которые она предлагала в качестве расшифровки.»

Другие критики идут ещё дальше и вообще не стесняются называть работу миссис Гэллап «колоссальным надувательством»...

В журнале *Baconiana*, Vol. XVII, № 64 господин Фрэнк Вудвард (Frank Woodward) опубликовал статью под названием «Двухлитерный шифр госпожи Гэллап», предоставляющую, на мой взгляд, вполне содержательные ответы всем тем критикам, которых мы процитировали выше. В частности, эта статья содержит два фактических примера дешифрования, которые, по моему мнению, не оставляют сомнений в честности и добросовестности миссис Гэллап.

I

Буквы курсивного шрифта в издании 1628 года работы «Анатомия меланхолии» Роберта Бёртона содержат в себе большую криптограмму, которая при анализе по методу Фрэнсиса Бэкона расшифровывается как английский перевод гомеровской «Илиады». Причём это перевод в такой версии, которая не похожа ни на одну из версий уже известных.

Госпожа Гэллап, однако, не знает древнегреческого языка. Можно ли допустить, что она сумела где-то раздобыть никому неведомую доселе версию перевода, настоящий автор которого так и остаётся для нас неизвестным? Или насколько вероятно то, что миссис Гэллап сумела собрать все английские версии Илиады и сконструировала из них собственный текст, выдаваемый за якобы итог её фальшивой дешифровки?

Господин Фрэнк Вудвард утверждает, что «любой из тех, кто лично знаком с миссис Гэллап, признает вам, что она совершенно не способна на подобное мошенничество».

II

В работе Resuscitacio (Возрождение), опубликованной Уильямом Роули в 1657 году, госпожа Гэллап обнаружила фрагмент, зашифрованный по методу Бэкона, для которого она предоставила следующую расшифровку:

*Now to reach rare papers, take panell five in F's tower
room, slide it under fifty with such force as to gird string.
Follow A B C's therein. Soon will the M S S so much
vaunted, theme of F'S many books, be your own.*

Это послание, по мнению Гэллап, означало, что в зале «башни Ф(рэнсиса)», если мы сдвинем панель 5 под панель 50, то мы должны обнаружить скрытый тайник, содержащий редкие бумаги — рукописи Ф(рэнсиса Бэкона).

Башней, о которой говорилось в этом документе, могла быть только Кэнонберийская башня, где Фрэнсис Бэкон жил в течение нескольких лет и откуда съехал в 1619. Поэтому казалось маловероятным, чтобы Бэкон спрятал там какие-то важные бумаги, а Роули (его друг и литературный душеприказчик) мог намекать на них в 1657.

Как бы там ни было, когда мистер Фрэнк Вудвард был в Лондоне вместе с миссис Гэллап, они отправились в Кэнонбери-Тауэр. Войдя в главный зал башни, они увидели пятьдесят панелей, расположенных по периметру стены в два ряда, так что нижний ряд имел тридцать четыре панели, а верхний ряд — только шестнадцать.

Фрэнк Вудвард пошёл наверх вместе с интендантом, оставив миссис Гэллап внизу, поскольку ей стало нехорошо с сердцем. Когда же они вернулись, госпожа Гэллап увлечённо штудировала панели на стене, указав Вудварду на те, которые, скорее всего, были пронумерованы Бэконом как номер 5 и номер 50. И показала, что пятая может сдвигаться под пятидесятую.

Тогда мистер Вудвард спросил у интенданта, не приходилось ли находить здесь каких-нибудь тайников во время ремонтных работ в здании. В ответ интендант указал на ту самую панель 5, поскольку за ней в стене обнаружилась большая ниша, которую по указанию архитектора заделали каменщики.

Разве это не является доказательством правильности дешифровки миссис Гэллап? Может ли хоть кто-то заподозрить её в том, что она, неведомо как проведав в Америке об этой особенности лондонского здания, специально сфабриковала зашифрованный фрагмент лишь для того, чтобы тот её подтвердил?

[Примечание переводчика-составителя.

В конце главы будут приведены ссылки на материалы и о других подтверждениях для текстов, дешифрованных миссис Гэллап. Эти подтверждения прямо связаны с феноменом акустической левитации, описанным в зашифрованном послании Бэкона, но никак не упоминаемом в книге генерала Картье.]

#

(стр. 84-87 и стр. 90-91 книги Картье)

Краткий пересказ Главы II и Главы III из «Жизни Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром»

Пересказ Главы II (стр. 84-87)

Фрэнсис Бэкон рассказывает о том, как Роберт Сесил (сын Уильяма Сесила, барона Бёрли, главы правительства Елизаветы) на протяжении всей своей жизни не переставал настраивать против него королеву.

«Когда тайна моего рождения и подлинных родителей оказалась раскрыта, моя мать, королева Елизавета, часто демонстрировала мне немало признаков внимания, вне всяких сомнений испытывая некоторую естественную гордость за своего сына. Но всему, однако, мешал хитрый лис Сесил, по-

стоянно пробуждая в ней жестокий дух ревности, и без того так часто часто терзавший королеву.»

Сесил рассказывал королеве, что в мыслях у юного Фрэнсиса лишь только одно — править целым миром, начиная с Англии. Что он уже задумал предложить народу Англии просить правление короля, что все помыслы его устремлены к обретению власти и короны, а радуют его лишь такие игры, где он правит на королевском троне.

Встревоженная и напуганная таким поворотом событий, королева вызвала к себе верного соратника «доброго Паулета» и устроила дела так, чтобы он отправился послом во Францию, под предлогом дел великой государственной важности увезя с собой туда и пятнадцатилетнего Фрэнсиса.

Ни слезы приёмной матери, Энн Бэкон, ни возражения сэра Николаса Бэкона никак не повлияли на замысел королевы, и в итоге всё обставили так, что на юного Фрэнсиса оказалась возложена собственная конфиденциальная миссия под патронажем сэра Эмиаса Паулета, а потому им надлежало незамедлительно отправляться в Париж.

«Коль скоро и мой первичный протест был отвергнут, все мои мысли обратились к фантазиям, рисующим мне новую жизнь в чужих странах».

«Слава весёлого французского двора уже тогда была мне известна, да и в целом было очень лестно отправиться за границу с той срочной и секретной дипломатической миссией, которую мне доверили. Так что не только охваченный большим интересом, но и отчасти беспокойством, я приготовился сопровождать сэра Эмиаса». (1576 год)

«Моё недолгое изгнание в прекрасную Францию, предназначенное для моего исправления, благодаря какому-то странному Провидению послужило подлинным замыслам моего сердца. Ибо именно там, придумав свой шифр, я сразу приступил к разработке нового метода письма, позволяющего секрет-

но сообщить мою историю тем, кто находится за пределами королевства. И одновременно это не вызывало подозрений, поскольку подобные занятия были вполне естественны для того, кто сопровождал секретную миссию нашего посла при французском дворе.»

«По этим причинам ничто не мешало работам по поискам наилучшего средства для передачи моей тайной истории. Я разработал этот двухалфавитный шифр, который, как мне представляется, почти невозможно вскрыть, если дешифровальщик заранее не знает об отличиях алфавитов. Либо же ему должны помочь божественный дар и нечеловеческий инстинкт.»

Далее Фрэнсис Бэкон описывает историю своих романтических отношений с Маргаритой де Валуа, младшей сестрой короля Франции Генриха Третьего и женой короля Генриха Наваррского. Историю такой любви, как он пишет, которая сделала эту солнечную страну просто Эдемом для его невинного сердца.

«Во множестве маленьких книжечек на французском языке, совсем коротеньких и разбитых на несколько небольших частей, рассказывается история моей юношеской любви...»

«Я доверил многие из моих сокровенных тайн этим любовным, крошечным и бесполезным книжечкам. По её желанию они были сохранены, чтобы найти своих влюблённых читателей в будущих эпохах...»

Юного Бэкона терзает ревность из-за романа Маргариты с герцогом де Гизом, однако она предоставляет ему такое доказательство своей любви, которое на время успокаивает его сердце.

И даже тогда, когда у него уже не остаётся никаких сомнений в её вероломстве, он по-прежнему продолжает её любить. Маргарита остаётся для него прекраснее всех — даже самых красивых женщин всей Англии.

Эта юношеская любовь сохранилась на очень многие годы, и лишь после сорока Бэкон сумел забыть о Маргарите и жениться на другой женщине...

Возвращаясь к делам парижским, Бэкон рассказывает, как сэр Эмиас Паулет, узнав о любви юноши к Маргарите, попытался устроить между ними брак, ради чего начал попытки оживить уже отложенную в ту пору идею о её разводе с молодым гугенотом.

Одновременно с делами амурными Фрэнсис Бэкон весьма успешно завершил ту миссию, которая была на него возложена, а потому рассчитывал, что его достижения на тайном дипломатическом поприще помогут ему вернуть благосклонность королевы Елизаветы.

Что же касается идеи сэра Паулета о браке молодых людей, то она потерпела сокрушительный крах во всех отношениях, как у королевы Елизаветы, так и при дворе французского короля. Избежать двойного позора удалось лишь благодаря дипломатическому мастерству Паулета и его чутью опасности.

Фрэнсису Бэкону пришлось оставить все надежды и принять недостижимость мечтаний. Настало время расставания и возвращения в Англию. (1579 год)

Конец любовной истории подтолкнул Бэкона к тому, чтобы посвятить всё своё время и все усилия разума достижению такого прогресса в обучении и обретении знаний, чтобы добиться известности и почёта в качестве человека науки. Причём достичь этого не только ради собственного удовлетворения и прогресса человечества, но и в немалой степени ради того, чтобы завоевать благосклонность матери, ценившей чтение и образованность.

Козни Сесила, однако, по-прежнему продолжали разжигать ревность королевы, заставляя её поверить в то, будто все усилия Фрэнсиса Бэкона не имеют никакой иной цели, кроме как

завоевать сердца народа и свергнуть Елизавету с трона, чтобы занять её место.

Все попытки Фрэнсиса Бэкона вызвать расположение королевы и на этот раз оказались неудачными.

Пересказ Главы III (стр. 90-91)

[Фрэнсис Бэкон рассказывает о своих сложных чувствах к младшему брату Роберту. Родившемуся у королевы Елизаветы и графа Лестера через несколько лет после него, получавшему больше родительской любви и внимания, однако закончившему очень плохо.]

«Я не требую ничего, кроме того, что естественно принадлежит мне по праву: чтобы я был объявлен подлинным наследником как первенец королевы, с титулом принца Уэльского, пока живы мои родители, а затем законным правителем с соответствующим именем Фрэнсис и титулом английского короля.»

У королевы Елизаветы [в 1565 или 1567 г.] родился второй сын, которого назвали Роберт, а официально записали в качестве ребёнка Уолтера Деверё.

«В случае отречения или смерти королевы, которая родила в законном браке сына Роберта, ныне известного как сын Уолтера Деверё, а также в случае того, что доселе неведомый дешифровальщик откроет двери гробницы и снимет покровы, скрывающие удивительную историю [должно стать известным, что] — это я, старший сын, кто по божественному праву и в соответствии с законом божьим, обязательным для человека, должен унаследовать скипетр и трон.»

И тогда, как считает Фрэнсис Бэкон, его страна вновь объединится, ибо у неё будет мудрый правитель.

Младший брат Бэкона получил своё имя по желанию и просьбе отца — Роберта Дадли, графа Лестера. А поскольку воспитывал его как собственного сына Уолтер Деверё, граф Эссекс,

то поначалу его именовали Роберт Деверё, а позднее к этому имени добавился и графский титул второго отца.

Первый граф Эссекс, приёмный отец Роберта, принадлежал к числу смелых, доблестных и отважных людей, которых трудно не заметить. Поэтому не было ничего удивительно в том, что вскоре при дворе королевы появился и сын человека со столь благородной репутацией.

Однако никто, лучше королевы Елизаветы, не понимал истинной причины многих своевольных поступков молодого и властного Эссекса. Знание того, что он принц и законный сын королевы — несмотря на номинальное положение обычного придворного — естественно подпитывали его инстинкты и амбиции.

Насколько далеко он отваживался посягать на королевские полномочия, об этом ныне и так известно немало. Но лишь в зашифрованной истории Бэкона стало возможным открыть такие тайны, которые прежде всегда тщательно скрывались.

«Воистину дерзновенно перо того, кто пишет историю королей, пусть и в зашифрованном виде. Намного более дерзок тот, кто рассказывает это открыто. Лишь очень немногие решаются на такое, да и конец их рассказов мы узнаём не от них. Ибо мёртвые никаких историй уже не рассказывают»...

#

(стр. 76-83 и стр. 87-90)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter II

A fox seen oft at our court in the form and outward appearance of a man named Robert Cecil — the hunchback — must answer at the Divine arraignment to my charge against him, for he despoiled me ruthlessly. The queen, my mother, might, in course of events which

followed their revelations regarding my birth and parentage, without doubt having some natural pride in her offspring, often have shown me no little attention, had not the crafty fox aroused in that tiger-like spirit the jealousy that did so torment the queen.

From the first he was the spy, the informer to the queen, of all the boyish acts of which I had least cause or reason for any pride. This added fuel to the flame of her wrath, made me the more indiscreet, and precipitated an open disagreement, which lasted for some time, between my foster mother, Lady Anne Bacon and the woman who bore me, whom, however, I seldom name with a title so sacred as mother. In truth, Cecil worked me naught save evil to the day which took him out of the world.

Through his vile influence on Elizabeth, he filled her mind with a suspicion of my desire to rule the whole world, beginning with England, and that my plan was, like Absalom's, to steal the hearts of the nation and move the people to desire a king. He told her that my every thought dwelt on a crown; that my only sport amid my school mates was a pageant of royalty; that 'twas my hand in which the wooden staff was placed, and my head that wore the crown, for no other would be allowed to represent princes of their pomp. He informed her majesty that I would give a challenge to a fierce boyish fight, or a duello of fists, if any one presumed to share my honors or depose me from my throne.

In due time, the queen afraid of these ominous portens, sent for good Paulet and arranged that under pretext of great import, I should accompany your embassy to France.

My sire, more even than my royal mother, was bent upon my dispatch thither, and urged vehemently that subsequent, artfully contrived business — concerning affairs of state — intrusted to me in much the same manner, I thought, as weighty affairs were laid upon Sir Amyas.

I was placed in the care of Sir Amyas and left the shores of my own fair land without a moment of warning, so to speak. The queen, by her power royal, and her rights maternal, readily over-

ruled all our several objections. No tears on the part of my dear foster mother, nor entreaties on that of grave Sir Nicholas Bacon availed, while I, as soon as my first protest had been waived, occupied my fantasy hour after hour, picturing to myself the life in foreign lands.

The fame of the gay French court had come to me even then, and it was flattering to the youthful and most natural love of the affairs taking us from our native land, inasmuch as the secret commission had been entrusted to me, which required much true wisdom for safer, speedier conduct than it would have if left to the common course of business. So with much interested though sometimes apprehensive mind, I made myself ready to accompany Sir Amyas.

My summary banishment to beautiful France, which did intend my correction, by some strange Providence served well the purpose of my own heart; for making ciphers my choice, I straightway proceeded to spend my greatest labors therein, to find a method of secret communication of my history to others outside the realm. That, however, drew no suspicion upon this device, inasmuch as it did appear quite natural to one who was in compaigny and under the instruction of our ambassador to the court of France; and it seemed, on the part of my parents, to afford peculiar relief, as showing that my spirit and minds had calmed, as the shipwreck below the gently rolling surface.

For such simple causes was I undisturbed in a search after a mean of transmitting my secret history. I devised this double alphabet cipher, which till a decipherer find a prepared or readily discovered alphabet, it seemeth to me a thing almost impossible, save by divine gift and heavenly instinct, that he should be able to read what is thus revealed.

That sunny land of the south I learned so supremely to love that afterwards I would have left England and every hope of advancement to remain my whole life there. Nor yet could this be due to the delights of the country, by itself, for the love of sweet Marguerite, the beautiful young sister of the king (married to gallant Henry, the king of Navarre) did make it Eden to my innocent heart.

So fair was she — no eyes e'er looked upon such a beauteous mortal, and I saw no other. I saw her — French Eve to their wondrous paradise — as if no being, no one in all high heaven's wide realm, save only this one Marguerite did ever exist, or in this nether world, ever in all the ages to be in the infinity of time, might be created.

But there came in days, close in the rear, when I would fain have lived my honored days in this loving-wise, ruin worthy husband's hopes, and many a vision, had there been only one single Adam therein, which should be, and was not, solely myself.

Marguerite willingly framed excuses to keep me, with other royal suitors ever at her imperial commandment. A wonderful power to create heaven upon earth was in that loved eye, and every winsome grace, or proud yet gentle motion of lily hand, or daintily tripping foot. To win a show of her fond favor, I was fain to adventure even my honor, or fame, to save and shield her.

Through love I dreamed out plays filled up — as we have seen warp in some hand-looms — with words Marguerite hath so oft, like to a busy hand, shot daily into a fair-hued web, and made a rich damask, vastly more dear. And should life betray an interior room in my calm but aching breast, on every hand shall her work be seen.

Many single livres in the French, very short and in several small divisions, tell a tale of love when life in its prime of youth and strength sang sweetly to mine ear, and in the heart-beats could one song e'er be heard, — and yet is heard — my love for my angelic-faced, soft-eyed Marguerite of the Southland, sweet White Rose of my lone garden of the heart. I have placed many a cherished secret in the little, loving, worthless books. They were kept for her wishes to find some lovely reader in future aeons. No amorous soilure taints the fair pages.

Love of her had power to make the Duke of Guise forget the greatest honors that France might confer upon him; and hath power as well to make all fleeting glory seem to me like dreams or pictures,

nor can I name aught real that hath not origin in her. At one time a secret jealousy was constantly burning in my veins, for Due Henry then followed her day in and out, but she hath given me proof of love that hath now set my heart at rest on the query.

Far from angelic though man his nature, if his love be as clear or as fine as my love for a lovely woman — sweet as a rose and as thorny it might chance — it sweeteneth all the enclosure of his breast, oft changing a waste into lovely gardens, which the angels would fain seek. That it so uplifted my life who would ere question.

And even when I learned her perfidy, love did keep her like angels in my thoughts half of the time — as to the other half she was devilish, and I myself was plunged in hell. Memory doth paint her fairer still than the fairest of our English maidens — sweet traitress though I should term her — Marguerite, my pearl of women.

This lasted during many years and not until four decades or eight lusters of life were outlived, did I take any other to my sore heart. Then I married the woman who hath put Marguerite from my memory — rather, I should say, hath banished her portrait to the walls of memory, only, where it doth hang in the pure, undimmed beauty of those early days — while her most lovely presence doth possess this entire mansion of heart and brain.

Yet here I have a little disgressed, although the matter doth appertain unto my story at a later period. When Sir Amyas Paulet became advised of my love, he proposed that he should negotiate a treaty of marriage, and appropriately urge on her pending case of the divorce from the young Huguenot.

As hath been said, I was entrusted at that very time with business requiring great secrecy and expediency. This was so well conducted as to win the queen's frank approval, and I had a lively hope, by means of this entering wedge, to be followed by the request nearest unto my soul, I should so bend her majesty's mind to my wish.

Sir Amyas Paulet undertook to negotiate both treaties at once, and came thereby very near to a breach with the queen, as well as disgrace at Henry's court. Both calamities, however, were averted by such admirable adroitness that I could but yield due respect to the finesse while discomfited by the death of my hope.

It was a sad fate befell our youthful love, my Marguerite. — The joy of life ebbed from our hearts with our parting, and it never came again into this bosom in full flood-tide. The hardwon happiness, as mist in summer morning, did roll away.

From that day I lived a doubtful life, swinging like a pendant branch to and fro, or tempest tossed by many a troublous desire.

At length I turned my attention from love, and used all my time and wit to make such advancement in learning, or achieve such great proficiency in studies, that my name as a lover of science should be best known and most honored, less for my own aggrandizement than as an advantaging of mankind, but with some natural desire to approve my worthiness in the sight of my book-loving and aspiring mother, believing that by thus doing I should advance my claim and obtain my rights, not aware of Cecil's misapplied zeal in bringing this to her majesty's notice, to convince her mind that I had no other thought save a design to win sovereignty in her lifetime.

He had her observe the strength, breadth and compass, at an early age, of the intellectual powers I displayed, and even deprecated the generous disposition or graces of speech which won me many friends, implying that my gifts would thus, no doubt, uproot her, because I would steal away the people's hearts.

I need not assert how far this was from my heart at any time, especially in my youth, but the queen's jealousy so blinded her reason that she, following the suggestion of malice, showed little pride in my attempts, discovering, in truth, more envy than natural pride, more hate than affection.

Chapter III

I request but my natural right: that I be declared the true heir as the first born son to our queen, the Prince of Wales whilst my parent be living, but the proper sovereign with name and style quite distinct from others — English kings having so far no Francis on the scroll that containeth their worthy Christian names — in proper course of time.

In event of the abdication or death of the queen — who bore in honorable wedlock Robert, now known as son to Walter Devereux, as well as him who now speaketh to the yet unknow decipherer that will open the doors of the sepulchre to break in sunder the bonds and cerements of a marvellous history, — I, the eldest born, should, by Divine right of a law of God made binding on man, inherit scepter and throne.

And our land should rejoice, for it would have a wise sovereign. God endued me with wisdom, the gift granted in answer to Solomon's prayers. It is not in me aught unmeet or heady rash to say this, for our Creator only is praised. None will charge here manifestation of wordly vanity, for it is but the pride natural to minds such as I enjoy, indeed, with all royal princes.

If it should be wanting, then might all men say I lacked the very essence of a royal or a ruling spirit, or judge that I was unfit to reign over mighty England. It is only one of our happy dreams of a day to come, that doth draw me on to build upon this ground, inasmuch as it shall be long, perhaps — if so bright a day dawn — ere I shall bask in his sunny rays.

My brother Robert, by the wish and request of our father, bore his Christian name. He, reared by Walter Devereux, bore naturally that name, after a time coming into the titles of Earl of Essex and of Ewe.

His early youth was lightly passed, but after he did know that 'twas the queen that gave him life, he grew imperious and when brought to court by our truly ingenious father, whom an evil spirit much

troubled — even a jealousy of some of the queen's favored lords that did attend her — his will showed its true source and revealed the origin of the young Caesar. And in after time it could well be discerned that he did draw deception from it.

Our fountain of life hath much earthy substance. Even in this royal source were slimy spots, and from it our blood took some slight poison which assuredly could not be accredited to the noble daughter of Sir Francis Knowles on the part of young Essex, and less on the part of myself, to a decendant of honorable Sir Anthony Cooke.

Essex was one of the adventurous, valiant, bold spirits not easily hidden in any place, and it was not, there fore, unseemly that the son of one so widely and favorably reputed as the first Earl of Essex, made so bold as to woo the goddess Fortune at court. None knew so truly as Elizabeth, our proud, unbending, royal mother, the cause of many of our willful Essex' overbearing ways.

The knowledge he was princely in truth, despite pretense, and whilst at court his nominal place and standing was only the courtier's, his rightful style was prince, the queen's lawful son, — warmed into life and action the ambitions that were his inherited primal instinct.

How far he ventured upon this royal prerogative, this proper right of favor and advancement, history plainly relateth, yet only in my cipher history may seals be opened that guard the secrets hid long in silent halls; for'tis said, walls have ears, none say walls have a tongue — truly none who do visit courts. Daring, indeed, the pen that can write a royal story, though it be in cipher, — many times as daring, he that doth this task openly. There be few who will attempt it, and it shall not be by their pens we shall find out the result — dead men tell no tales.

Дополнительное чтение

Три текста об устройстве акустической левитации, принцип работы которого впервые описан в одном из тех зашифрованных текстов Фрэнсиса Бэкона, что были прочитаны благодаря дешифровальным усилиям Элизабет Гэллап. Также о том, как в усадьбе Ривербэнк близ Чикаго в начале XX века была построена специальная Акустическая лаборатория для воссоздания этого акустического левитатора Бэкона. И о том, как в конце XX века реальный акустический левитатор таки был построен для NASA — в городке Нортбрук неподалёку от Ривербэнка.

- Наука а la Ривербэнк
<https://kniganews.org/map/e/01-11/hex70/>
- Левитация и звук
<https://kniganews.org/map/e/01-11/hex71/>
- О фибрах души, или Тонкости душевной организации
<https://kniganews.org/2015/01/20/soul-fibers/>

Январь 2021

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ

В данной части цикла публикуется особо важная глава книги Картье под названием «Новый документ». Важность её обеспечивают сразу два обстоятельства. Во-первых, именно здесь предоставлено развёрнутое, с конкретными примерами объяснение того, как был выявлен и дешифрован уникальный исторический документ — тайная и полностью зашифрованная автобиография Фрэнсиса Бэкона.

А во-вторых, здесь же авторитетным профессионалом-криптологом дано бесспорно компетентное и абсолютно однозначное подтверждение того факта, что в текстах древних книг действительно содержится тайное послание потомкам, причём послание это расшифровано в целом правильно...

Для всей современной науки, однако, — от гуманитарных дисциплин типа истории или литературоведения и вплоть до точных математических, вроде криптографии, — этого уникального документа никогда не было и по сию пору словно не существует. И дабы стало понятнее, каким образом столь удивительные случаи массовой слепоты в образованном обществе могут происходить, очень полезно привести следующую характерную цитату из серьёзной современной книги, анализирующей именно эту тематику (*Barry R. Clarke. The Shakespeare Puzzle: a Non-Esoteric Baconian Theory, 2007*):

[В конце XIX века] Элизабет Уэллс Гэллан (1848-1934), американская астрологиня и директор средней школы, приняла криптографический вызов. Используя двухлитерный шифр Бэкона, она продемонстрировала много больше, чем её предшественники. Не только Фрэнсис Бэкон был тайным сыном королевы Елизаветы и графа Лестера, но также их сыном, оказывается, был ещё и граф Эссекс. Все эти «факты» она открыла в книге «Двухлитерный шифр Фрэнсиса Бэкона», опубликованной в 1899 году. К несчастью, как и Доннели до неё, она недооценила объём трудов и затрат, требующихся для

типографского набора тайных посланий в тексте Первого Фолио с помощью шрифтов двух разных типов.

[...]

Уильям и Элизебет Фридманы, два профессиональных криптолога — Уильям возглавлял криптоаналитическое бюро Армии США в годы Второй мировой войны — в своей книге «Проверка Шекспировских шифров» (1957) пришли к заключению, что метод миссис Гэллап для выявления посланий в Первом Фолио не может быть воспроизведён другими, а потому является ненаучным.

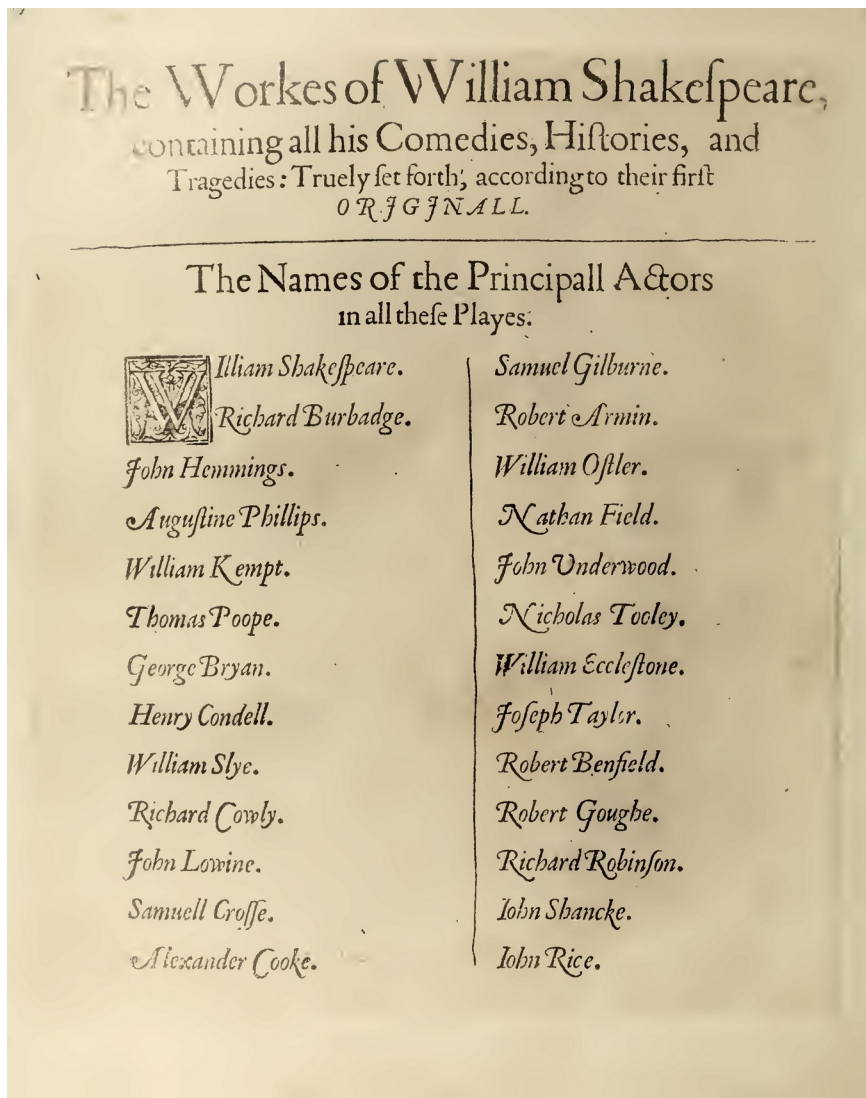
Второй абзац цитаты — это единственное в данной работе упоминание о профессиональных криптологах, Уильяме и Элизебет Фридманах, а также об их знаменитой книге, якобы «окончательно поставившей крест» на всех криптографических аргументах в Бэкон-Шекспировском вопросе. На самом деле, однако, существуют неопровержимые и общедоступные доказательства, свидетельствующие о том, что книга Фридманов — это умышленная ложь, намеренно сфабрикованная для внедрения дезинформации по стандартным рецептам секретных спецслужб.

Самое же интересное, что главные документы, подтверждающие столь сильное заявление, подписаны лично авторами книги-фальсификации, Уильямом и Элизебет Фридманами. И убедиться в этом может кто угодно — если имеется доступ к бесценным хранилищам Интернет-архива...

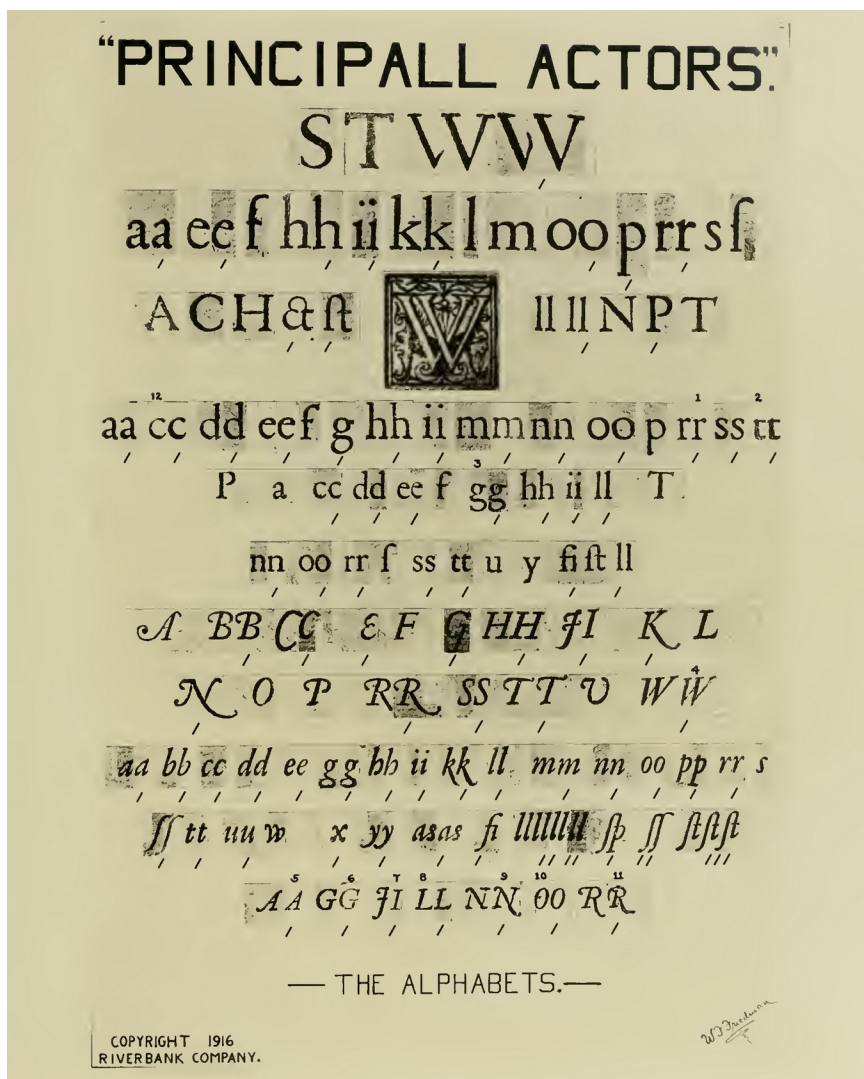
Что же за документы на данный счёт можно найти среди сокровищ сайта <https://archive.org/>?

История прихода супругов Фридманов в область криптографии, что общеизвестно, началась с поместья Ривербэнк близ Чикаго, где текстильный магнат полковник Джордж Фабиан устроил свой частный научно-исследовательский институт или «Ривербэнкские лаборатории». Одной из главных целей этого «института» стали расширение и популяризация дешиф-

ровальных работ миссис Элизабет Гэллап, а задачей другой — генетические исследования для улучшения сельского хозяйства.



Илл. 24. Снимок страницы из Первого Фолио со списком актёров театра шекспировской труппы. Источник: George Fabyan, «Fundamental principles of the Baconian ciphers, and application to books of the sixteenth and seventeenth centuries». Riverbank Company, 1916, стр. 86



Илл. 25: Особенности шрифтов на странице со списком актёров (см. иллюстрацию 24). Там же, стр. 87

Поскольку молодой учёный-биолог Уильям Фридман, приглашённый Фабианом в 1915 году возглавить генетическое подразделение, кроме того хорошо владел техникой фотографии, Фабиан попросил его помочь и подразделению криптографии миссис Гэллап. Где для задач анализа и дешифрования

старинных книг были очень полезны увеличенные фотокопии страниц и фрагментов текста.

Молодой учёный, естественно, помочь даме согласился, а поскольку там же в поместье Фабиан наладил и печатание собственных книг для массового распространения успехов Лаборатории, в 1916 году вышел том под названием «*Фундаментальные принципы Бэконовских шифров в приложении к книгам 16-го и 17-го столетий*»⁶².

Практически все иллюстрации в этой работе, подчёркивающие особенности двухлитерного набора текстов в книгах бэконовской эпохи, содержащих шифры, были сделаны Уильямом Ф. Фридманом. Причём каждая из таких фотокопий непременно Фридманом подписана — в правом нижнем углу.

Приведённые выше иллюстрации 24 и 25 особо интересны для нашей истории вот по какой причине.

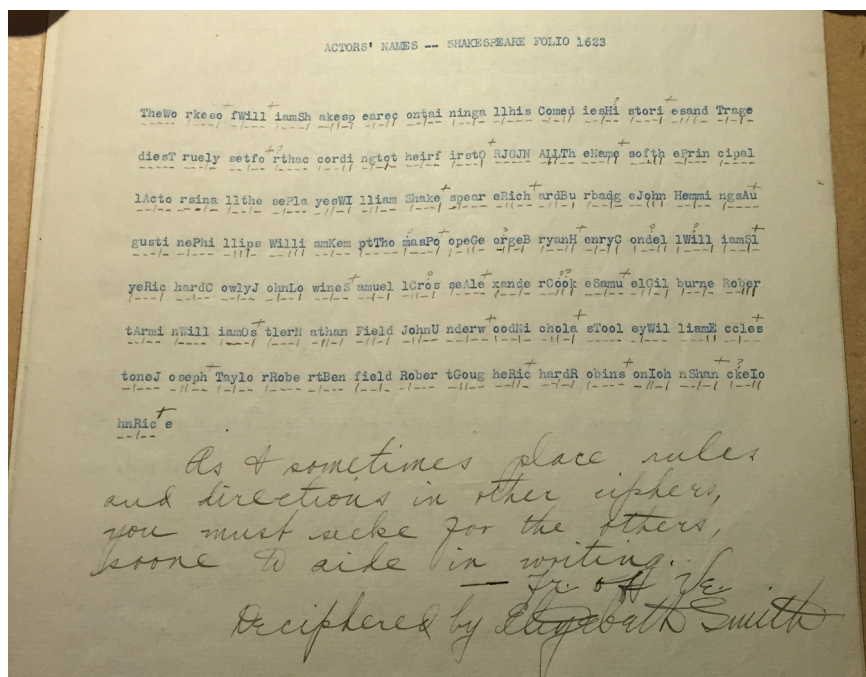
В том же 1916 году Фабиан, расширявший криптографическое подразделение, нашёл в помощницы для миссис Гэллап молодую и смышлёную филологиню по имени Элизебет Смит. Быстро освоив устройство и принципы применения бэконовских шифров, девушка успешно сдала проверочные дешифровальные тесты — и надолго осела в Ривербэнкских лабораториях, став вскоре одной из ведущих криптографинь.

В архивах, что примечательно, сохранились листы этих проверочных тестов. Со временем данные материалы переместились в хранилища Нью-Йоркской публичной библиотеки, а ныне фотокопии листов — причём все с личной подписью Элизебет Смит — также можно найти в Интернет-архиве⁶³ (илл. 26).

⁶² George Fabyan. «*Fundamental principles of the Baconian ciphers, and application to books of the sixteenth and seventeenth centuries*». Riverbank Company, 1916.

В интернет-архиве см. раздел <https://archive.org/details/fundamentalprinc00fab>

⁶³ <https://archive.org/details/ESFEarlyDeciphermentsAtRiverbank>



Илл. 26. Подписанный лист показывает, как Элизабет Смит успешно извлекает скрытое зашифрованное послание именно из той страницы Первого Фолио, что была подготовлена Уильямом Фридманом — из страницы со списком актёров шекспировской труппы

Попутно с этими интересными делами между молодыми людьми — Фридманом и Смит — завязались романтические отношения, причём генетик-фотограф всерьёз увлёкся не только девушкой, но и её дешифровальными занятиями. Так что вскоре последовали не только восход «отца современной криптологии» Уильяма Ф. Фридмана, но также свадьба и очень долгий, продлившийся всю остальную жизнь супружеский союз двух выдающихся криптографов. Прославившихся, правда, уже потом и на сугубо государственной дешифровально-разведывательной службе...

Почему и с какой целью супруги Фридманы через сорок лет сфабриковали книгу, полностью искажающую правду о делах их молодости — на данный счёт, скорее всего, честных свидетельств с признаниями авторов просто не существует.

Но зато по-прежнему существует и постепенно становится общедоступным честное и компетентное свидетельство от другого очень авторитетного криптолога — книга генерала Франсуа Картье о Тайной автобиографии Бэкона, зашифрованной его двухлитерным шифром.

Плюс текст собственно Документа, ясное дело...

#

(начало фрагмента в переводе, стр. 44-59 книги Картье)

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ

[В предыдущих главах] Мы указали, в чём заключается криптографическая система Фрэнсиса Бэкона, и привели два несколько озадачивающих примера коротких документов, зашифрованных данным методом. По сути дела, эти зашифрованные тексты не представляют никакого научно-исторического интереса, а потому вообще неясно, для чего кем-то было сочтено целесообразным их таким образом скрывать. Кроме того, можно лишь фантазировать, кто реальный автор не подписанного первого документа, и действительно ли Фрэнсис Бэкон является, судя по подписи, автором второго.

Но как бы там ни было, обширные исследования, проведённые над теми печатными трудами, что были опубликованы на территории Англии во времена Фрэнсиса Бэкона, дали весьма впечатляющие результаты, о сути которых мы расскажем с некоторыми подробностями.

Прежде всего, достоверно установлено, что в шестнадцатом столетии некоторые печатники использовали для букв две формы шрифтов. Неоспоримым доказательством этого факта являются следующие две фотокопии страниц (иллюстрация 27). Следовательно, использовать разные формы букв для встраивания в текст шифра было несложно.

*Aaabbccdd eeffggghh iyllmmnn oop
 pqqrrssstssstvvvuuuxxyyzzz sp
 A A B B C C D D E E F F G
 G H H I I J J L L M M M N
 N O O P P Q Q R R S S
 T T U V X X Y Y Z Z & &
 Letra del Grifo que escreuia Fran^{co}, Lucas En
 Madrid. Año De. M D. LXXVII.*

*Aaa bbcc dd ee fff ggghh iijll m
 m nnoo ppqqrr sstt vv
 uu xxxyyzz. & & & & & & :
 A B C D E F G H I L:
 M N O P Q R S T V:
 : X Y Z Z :
 Letra antigua que escreuia Fran^{co} Lu
 cas en Madrid. Año de. m.d.lxxvii.*

На следующей иллюстрации №28 мы приводим две формы букв, использованных в том конкретном примере шифрования, что имеется в работе Бэкона «*De Augmentis Scientiarum*» издания 1623 года.

308

De Augmentis Scientiarum,

Теперь же рассмотрим такой пример, приведённый в издании 1623 года и являющийся ничем иным, как первым письмом Цицерона, и в котором даже не особо натренированный глаз сразу же заметит резкое отличие двух типографских форм, используемых для каждой из букв, будь они заглавные или строчные (иллюстрация 29).

Разобьём этот текст на группы по пять букв, отсчитывая от начала, и пометим точками буквы формы А и вертикальными штрихами буквы формы В.

После чего, переведя пятёрки в буквы с помощью алфавита соответствий Фрэнсиса Бэкона, мы обнаружим, что зашифрованный так текст является ничем иным, как донесением спартанцам. Работа по дешифрованию представлена на иллюстрации выше: мы разметили обе формы букв только в первых двух строках, оставив читателям, если это их заинтересует, труды по разметке и чтению остальной части текста (иллюстрация 30).

Следует отметить, что издание, из которого взят вышеприведённый текст, содержит ошибку набора в двенадцатой строке, где следует читать *qui pauci sunt* вместо *qui parati sunt*.

Дешифрованный текст выглядит так:

Perditae Res. Mindarus cecidit. Milites esuriunt. Ne que hinc nos extricare, neque hic diutius manere possumus.

Ego omni officio, ac potius pietate erga te; cæteris satisfacio omnibus: Mibi ipse nunquam satisfacio. Tanta est enim magnitudo tuorum erga me meritorum, ut quoniam tu, nisi perfectâ re, de me non conquiesci; ego, quia non idem in tuâ causâ efficio, vitam mihi esse acerbam patem. In causâ hæc sunt: Ammonius Regis Legatus apertè pecuniâ nos oppugnat. Res agitur per eosdem creditores, per quos, cum tu aderas, agebatur. Regis causâ, si qui sunt, qui velint, qui pauci sunt, omnes ad Pompeium rem deferri volunt. Senatus Religionis calumniam, non religionem, sed malevolentiam, et illius Regiæ Largitionis invidiam comprobat. &c.

Ego omni officio, ac potius piebatur erga te;
ceteris satisfacio omnibus: Mihi ipse nunquam
satisfacio. Tanta est enim magni-
tudo tuorum erga me meritorum, ut quoni-
am tu, nisi perfectare, de me non conquis-
si; ego, quia non idem in tua causa efficio.
vitam mihi esse acerbam putem. In cau-
sa haec sunt. Ammonius Regis Legatus
aperte pecuniâ nos oppugnat. Res agitur,
per eosdem creditores per quos, cum tu ad-
ras, agebatur. Regis causam, si qui sunt,
qui velint, qui parati sunt omnes ad Pompe-
ium rem deferri volunt. Senatus Reli-
gionis calumniam, non religione, sed ma-
levolentia, et illius Regiae largitionis
invidia comprobatur &c.

Как мы уже говорили ранее, те типографские формы, что практически использовались Фрэнсисом Бэконом, не столь легко поддаются распознаванию, как в приведённом выше примере. Рассмотренные же здесь тексты позволяют нам оценить трудности, связанные как с идентификацией двух форм шрифта А и В, так и с объёмами связанных с этим исследований.

Данные трудности, однако, не только не обескуражили тех американских криптологов, которых мы уже упоминали, но и не ослабили их проникательность. Полученные результаты делают большую честь полковнику Фабиану, возглавлявшему исследования, и в особенности миссис Элизабет Уэллс Гэллап и Кейт Уэллс, которые выполнили их непосредственно.

Тот факт, что зашифрованные данным методом документы ускользали от исследований всего мира на протяжении трёх столетий, — уже само по себе неоспоримое доказательство того, насколько превосходит оказался этот криптографический процесс для тех условий, в которых он применялся.

Само собой разумеется, что с технической точки зрения чистой криптографии, как мы уже указывали в выпуске журнала *Mercure de France* № 563 (от 1 декабря 1921 года)⁶⁴, система Фрэнсиса Бэкона сводится к простой замене, которая, по сути дела, как шифр никакой стойкости не даёт. Но с практической точки зрения эта система способна обеспечивать высокую степень засекречивания, если грамотно варьировать алфавиты и использовать 32 возможных расположения двух форм букв в группах по 5.

Хотя две формы типографских знаков часто встречаются в очень большом количестве книг XVI века, для шифрования посланий они используются не всюду, а лишь в некоторых фрагментах текста. Распознать подобного рода места обычно можно благодаря тому факту, что знаки одной и другой формы распределены здесь равномерно по всему тексту.

⁶⁴ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-decembre-1921/118/4092937/98>

В частности, для первичного анализа особо полезны оказываются буквы заглавные, потому что они, в отличие от букв строчных, не требуют для разглядывания увеличительного стекла, делающего это занятие в течение длительного времени весьма утомительным и даже ограничивающим продолжительность сеансов такой работы. Нет нужды, наверное, подчёркивать, что для подобного типа исследований необходимо идеальное зрение, в дополнение к которому требуются хорошая зрительная память и отточенные до совершенства навыки работы.

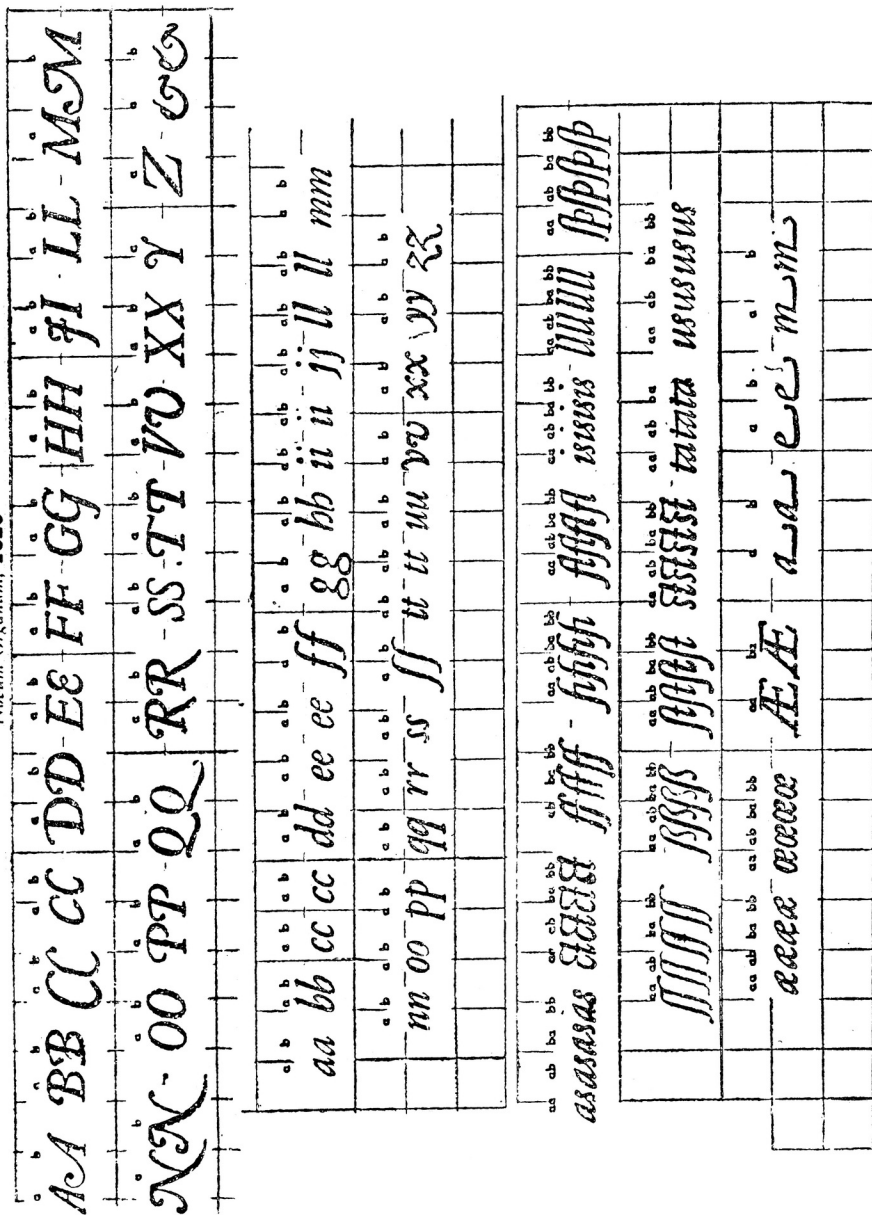
Поскольку документ, который мы будем публиковать далее в дословном и полном виде, скорее всего вызовет множество комментариев, а некоторые части этого документа почти наверняка столкнутся и с очень серьёзными возражениями, **мы полагаем, что должны настаивать здесь на следующем факте. На том, что с криптографической точки зрения мы лично провели проверку целого ряда текстов, а потому считаем, что вся эта дискуссия должна оставить в стороне вопросы о достоверности собственно дешифрования, ибо для нас это выглядит бесспорным.**

Для тех читателей, кого могут заинтересовать подробности этого анализа, мы предлагаем исследовать две формы знаков, обнаруживаемые в книге Бэкона «*Novum Organum*» издания 1620 года, один из экземпляров которой хранится в Национальной Библиотеке (иллюстрация 31).

Для удобства работ по дешифрованию полезно так расположить две формы букв, чтобы они находились одна над другой, а буквы текста, подлежащие идентификации, последовательно сравнивать с шаблонами. Такого рода расположение элементов проиллюстрировано в таблице (илл. 32), где надо вырезать прямоугольные окошки в затушёванных точками местах.

THE REFORMED ALPHABETS

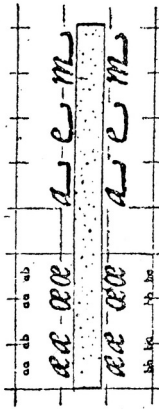
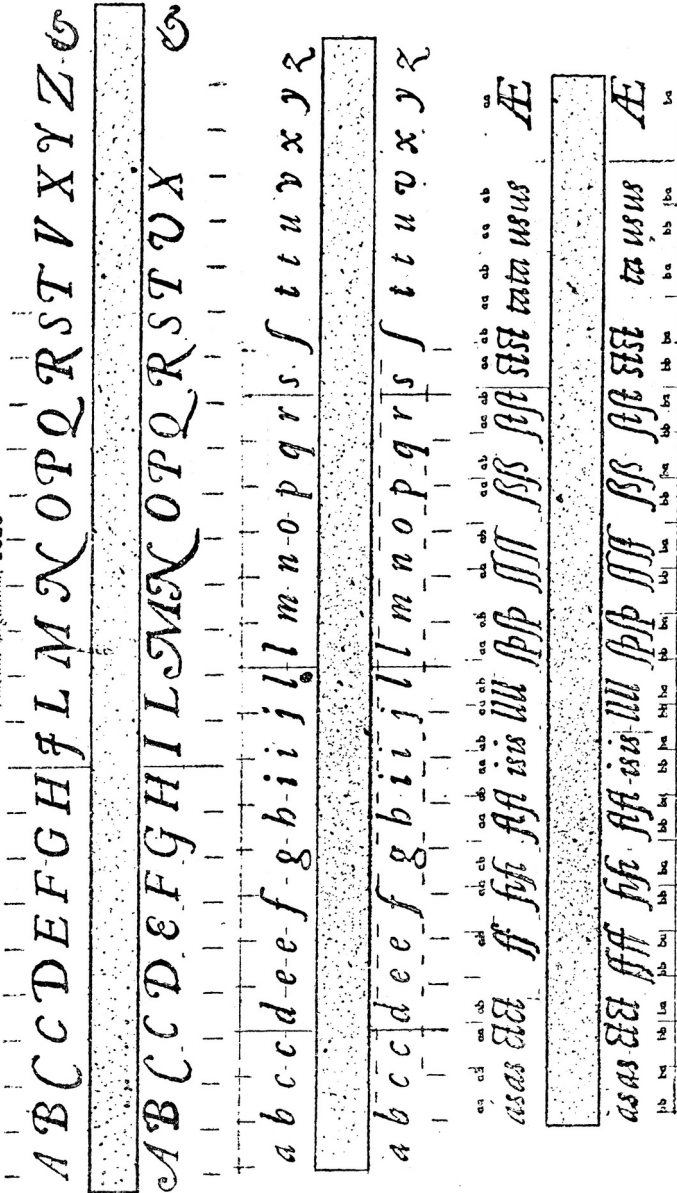
Novum Organum, 1620



Илл. 31. Две формы знаков, обнаруживаемые в книге Бэкона «*Novum Organum*» издания 1620 года

THE BIFORMED ALPHABET CLASSIFIER

Novum Systemm, 1620



a forms above the shaded part, *b* forms below; digraphs specially indicated.

Илл. 32. Табличные транспаранты, которые можно использовать для облегчения работ по дешифрованию

Если применить такие табличные транспаранты (иллюстрация 32) к странице 192 упомянутого документа, то можно самостоятельно проверить те принципы дешифрования, о которых идёт здесь речь.

Интересная часть страницы 192 выглядит так:

7. ————— *n se rudimenta quaedam exilis Caloris habet, licet non hucusque, ut ad tactum percipiatur. Nam nee ea ipsa quae putrefacta soluuntur in animalcula, ut Caro Caseus, ad tactum percipiuntur Calida; neque lignum putre, quod noctu splendet, deprehenditur ad tactum Calidum, Calor autem in putridis quandoque se prodit per odores tetros et fortes.*

8. *Primus itaque Caloris gradus, exijs quae ad tactum humanum percipiuntur Calida, videtur esse Calor animalium, qui bene magnam habet graduum latitudinem; Nam infimus gradus (ut in insectis) vix ad tactum deprehenditur; Summus autem gradus vix attingit ad gradum Caloris radio rum Solis in regionibus et temporibus maxime feruentibus; neque ita acris est, quinto.*

Дешифрованное послание в этом фрагменте показано ниже, где буквы исходного текста сгруппированы по пять, форма А обозначена коротким тире «-», а форма В косой чертой «/».

I	F	H	E	S	H	A	L
nseru	dimen	taqua	edame	xilis	Calor	ishab	etlic
-/---	--/-/	--///	--/--	/---/	--///	-----	-/-/-
L	P	V	B	L	I	S	
etnon	hucus	quevt	adtac	tumpe	rcipi	aturN	
-/-/-	-///-	/--//	---/	-/-/-	-/---	/---/	
H	W	H	A	T	I	S	
am nec	eaips	aquae	putre	facta	soluu	nturi	
-///	/-/--	--///	-----	/--/-	-/---	/---/	
C	O	N	C	E	A	L	D
nanim	alcul	avtCa	roCas	eusad	tactu	mpere	ipium
---/-	-//-/	-//--	---/-	--/--	-----	-/-/-	---//
H	E	R	E	I	N	L	E
turCa	lidan	equal	ignum	putre	quodn	octus	plend
-///	--/--	/----	--/--	-/---	-//--	-/-/-	--/--

T	H	I	M	W	I	N	N
etdep	rehen	ditur	adtac	tumCa	lidum	Calor	autem
/--/-	--///	-/---	-/-//	--/--	-/---	-///--	-///--
O	W	E	I	T	W	E	L
input	ridis	quand	oques	eprod	itper	odore	stetr
-//-/	/-/--	--/--	-/---	/--/-	/-/--	--/--	-/-/-
L	I	F	H	E	D	O	E
os&fo	rtesP	rimus	itaqu	eCalo	risgr	aduse	xijsq
-/-/-	-/---	--/--/	--///	--/--	---//	-///-/	--/--
T	H	I	S	N	O	T	T
uaead	tactu	mhuma	numpe	rcipi	untur	Calid	avide
/--/-	--///	-/---	/---/	-///--	-///-/	/--/-	/--/-
H	E	B	O	O	K	E	M
tures	seCal	orani	maliu	mquib	enema	gnamh	abetg
--///	--/--	----/	-///-/	-///-/	-/-/	--/--	-/-//
V	S	T	D	I	S	P	L
raduu	mlati	tudin	emNam	infin	usgra	dusvt	inins
/--//	/---/	/--/-	---//	-/---	/---/	-///-	-/---
E	A	S	E	W	H	I	C
ectis	vixad	tactu	mdepr	endit	urSum	musau	temgr
--/--	-----	/---/	--/--	/-/--	--///	-/---	---/-
H	S	H	O	V	L	D	A
adusv	ixatt	ingit	adgra	dumCa	loris	radio	runSo
--///	---/	-///	-///-/	/---//	-/-/-	---//	----
F	F	O	R	D	P	L	E
lisin	regio	nibus	&temp	oribu	smaxi	mefer	uenti
--/-/	--/-/	-///-/	/---	---//	-///-	-/-/-	--/--
A	S	V	R	E			
busne	queit	aacri	sestq	uinto			
----	/---/	/--//	/---	--/--			

Результат дешифрования выглядит так:

If he shall publish what is conceal'd herein let him winnowe it well. If he doe this not, the booke must displeas which should afford pleasure.

Если он опубликует то, что здесь сокрыто, то пусть хорошенько просеет. Если же он этого не сделает, то книга вызовет недовольство [даже в том] что должно доставлять удовольствие...

В тексте этого фрагмента имеется явное указание на то, что в книге есть нечто сокрытое, а дешифрованное послание, скорее всего, как напутствие обращено к тому, кто займётся расшифровкой, сколь бы трудным это дело ни было.

Данные исследования не ограничивались изучением «*Novum Organum*», они охватили всю библиографию того времени, все те книги, где различные формы букв, прописные или строчные, прямые или курсивные, могли приводить к предположениям о существовании криптографических текстов.

Результат этих исследований представлен ниже — это история самого Фрэнсиса Бэкона. Она не была обнаружена в какой-то одной книге, поскольку автор её, вероятно, посчитал более безопасным или благоразумным распределить её в большом количестве документов. Фактически, она была воссоздана по фрагментам, которые были найдены в следующих работах, несущих авторскую подпись Фрэнсиса Бэкона:

- *A Declaration of the Treasons of Essex, 1601;*
- *Of the Advancement of Learning, 1605;*
- *Novum Organum, 1620;*
- *The Parasceve, 1620;*
- *History of Henry the Seventh, 1622;*
- *Historia Ventorum, 1622;*
- *Historia Vitae et Mortis, 1623;*
- *De Augmentis, 1623;*
- *De Augmentis, 1624;*
- *The Essays, 1625;*
- *New Atlantis, 1635;*
- *Natural History, 1635.*

Кроме того, что ещё более удивительно и, несомненно, поразит наших читателей, дешифровальные работы могли приводить к произведениям, подписанными другими именами:

- **Timothy Bright**
 - *A Treatise of Melancholy*, 1586;
- **Robert Burton:**
 - *The Anatomy of Melancholy*, 1628;
- **Robert Greene:**
 - *The Mirror of Modesty*, 1584;
 - *Planctomachia*, 1585;
 - *Euphues*, 1587;
 - *Morando*, 1587;
 - *Perimedes*, 1588;
 - *Pandosto*, 1588;
 - *The Spanish Masquerade*, 1589;
- **Ben Jonson:**
 - *The Folio*, 1616;
- **George Peele:**
 - *The Arraignment of Paris*, 1584;
- **William Shakespeare:**
 - *Midsummer Night's Dream*, 1600;
 - *Much Ado about Nothing*, 1600;
 - *Sir John Oldcastle*, 1600;
 - *Merchant of Venice*, 1600;
 - *London Prodigal*, 1605;
 - *King Lear*, 1608;
 - *Richard the Second*, 1615;
 - *The Whole Contention*, 1619;
 - *Pericles*, 1619;
 - *Romeo and Juliet* (?);
 - *The First Folio*, 1623;
- **Edmund Spenser:**
 - *The Shepheardes Calender*, 1579-1611;
 - *Complaints*, 1590-1591;
 - *Colin Clout*, 1595;
 - *Fairy Queen*, 1596-1613.

Фрагменты этой истории уже были опубликованы в Америке и породили разного рода дискуссии, особенно в отношении

часто обсуждаемого вопроса о происхождении произведений Шекспира. Здесь же публике впервые представлен весь набор дешифрованных текстов, составляющих историю Фрэнсиса Бэкона. Мы приводим её в том виде, в каком она вышла как результат работы дешифровальщика; только лишь архаичные слова приведены здесь к их нынешнему виду для удобства чтения.

Какие выводы следует тут сделать с точки зрения истории литературы и вопросов об авторстве определённых произведений? Принимая решения на данный счёт, мы явно вышли бы за рамки нашей роли, которая заключается в том, чтобы просто распространить неопровержимые документы. Оставив для других заботы о том, как теперь выстраивать умозаключения и что делать с разваливающейся системой прежних взглядов.

Каждую главу английского текста оригинала сопровождает сокращённый до сути аналитический перевод. Полностью переведена только самая последняя глава, носящая название «К дешифровальщику».

#

(стр. 220-225 книги *Картье*)

ПРИЛОЖЕНИЯ

D

Фрэнсис Бэкон, похоже, испытывал некоторое беспокойство по поводу эффективности того метода, который он использовал, записывая свою историю таким образом, чтобы она ускользала от его современников, но была наверняка расшифрована криптологами будущего.

Именно этим, вероятно, объясняется многочисленность криптограмм, намекающих на существование его автобиографии, а также предосторожности подстраховки, отмечаемые в случаях многократного шифрования одних и тех же фрагментов.

Следующий дешифрованный пассаж из «*Novum Organum*», издания 1620 года, стр. 122, свидетельствует о предмете его главной заботы:

Since the part which doth contain the story of my birth is one I cannot have lost, it is frequently given. The directions to the decipherer oft occur for it cannot be that he doth decipher everything I write, yet if but a part be done, it would be sufficient doubtless to reveal the history.

Поскольку та часть, которая содержит историю моего рождения, — это то, что не должно потеряться, она даётся часто. Также часто появляются советы для дешифровальщика, потому что он не сможет расшифровать всё, что я пишу, но если будет сделана хотя бы часть, этого несомненно будет достаточно, чтобы раскрыть подлинную историю.

А вот здесь, с другой стороны, мы имеем следующий пример повторения текста из второго параграфа автобиографии, представленной в журнале *Mercure de France* № 581, страница 301⁶⁵:

The principal work is, as you may suppose, writing a secret story of my own life as a true history of the times.

Главная работа, как вы можете догадаться, состоит в написании тайной истории моей жизни — как подлинной истории этого времени.

Две следующие иллюстрации — это фотокопии страниц 188 и 189 книги Бэкона «*Novum Organum*», издание 1620 года.

⁶⁵ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france-1890-1965/01-septembre-1922/118/4093001/17>

cylō vt melius contineat calorem suum; & notetur vtrum per calorem suum faciat aquam descendere.

Ad 25.^{am} 30.^a

Aromata, & Herbae acres ad palatum, multo magis sumptae interius, percipiuntur calida. Videndum itaque in quibus alijs materijs exequantur opera caloris. Atque referunt Nautae, cum cumuli & massae Aromaticum diu conclusae subito aperiuntur, periculum instare illis qui eas primo agitant & extrahunt, à febris & inflammationibus spiritus. Similiter fieri poterit Experimentum, vtrum pulueres huiusmodi Aromaticum aut Herbarum non aresciant Laridum, & carnem suspensam super ipsos, veluti fumus Ignis.

Ad 26.^{am} 31.^a

Acrimonia siue Penetratio inest tam Frigidis, qualia sunt Acetum, & Oleum Viriosum; quam Calidis, qualia sunt oleum Origani & similia. Itaque similiter & in Animatis cietur dolorem, & in non-Animatis diuellunt partes & consumunt. Neque huic Instantiae subiungitur Negatiua. Atque in Animatis nullus reperitur dolor, nisi cum quodam sensu caloris.

Ad 27.^{am} 32.^a

Communes sunt complures actiones & Calidi, & Frigidi, licet diuersa admodum ratione. Nam & nyctes, puerorum manus videntur paulo post vrere; & frigora tuentur carnes a putrefactione, non minus quam ignis; & Calores contrahunt corpora in minus, quod faciunt & Frigida. Verum haec & similia opportunius est referre ad Inquisitionem de Frigido.

Aphor. XIII.

Tertio faciendâ est Comparentia ad Intellectum Instantiarum in quibus Natura, de qua fit Inquisitio, inest secundum magis & minus; siue factâ comparatione incrementi & decrementi in eodem subiecto, siue factâ comparatione ad inuicem in subiectis diuersis. Cum enim Forma rei sit ipsissima Res; neque differat Res à Formâ, aliter quàm differunt Apparens & Existens, aut Exterius & Interius, aut in ordine ad Hominem & in Ordine ad Uniuersum; omnino sequitur, ut non recipiatur aliqua Natura pro verâ Formâ, nisi perpetuò decrescat quando Natura ipsa decrescit, & similiter perpetuò augetur quando Natura ipsa augetur. Hanc itaque Tabulam, Tabulam Graduum siue Tabulam Comparatiuæ appellare consueuimus.

Tabula Graduum, siue Comparatiuæ
in Calido.

Primò itaque dicemus de ijs quæ nullum prorsus gradum Caloris habent ad tactum; sed videntur habere potentialem tantum quendam calorem, siue dispositionem & præparationem ad calidum. Postea demum descendemus ad ea, quæ sunt actu, siue ad tactum Calida, eorumque fortitudines & Gradus.

Отмеченные чертой буквы относятся к форме В, не отмеченные — к форме А. Криптограмму составляют только курсивные буквы. На стр 188, в конце второй строки, вертикальной стрелкой отмечено начало разбиения на пятибуквенные группы, которые содержат следующий зашифрованный текст:

... Th' principall history is, as you may suppose, my owne, yet it is soe much mixt or twin'd into manie others herein, that it is a taske putting them together, as you perhaps well know. The work will not be complete untill my death. It may then fall short of many things I have long desir'd to chrystalise, as might be said, in a solide, unperishing rock. However, when deathe shall cut short my toyle, there should bee another to carry it forward that it may lacke as little as possible.

Главная история, как вы можете догадаться, это моя собственная история. Однако она так сильно переплетена со множеством других, как вы знаете, что сложить их все вместе это действительно задача. Работа эта не закончится вплоть до моей смерти. Она может и не добраться до многих вещей, которые я давно хотел бы изваять, так сказать, в виде прочного каменного монумента. Однако, когда смерть оборвёт мои труды, то найдётся кто-то другой, способный донести это так, чтобы лакун не было настолько, насколько это возможно.

Чтобы самостоятельно сделать расшифровку, тем читателям, кого это заинтересует, надо выписать буквы пятёрками, начиная с места, помеченного стрелкой, размечая их следующим образом:

baaba aabbb abbba baaaa abaaa...

и т.д., а затем перевести эти комбинации в алфавит Фрэнсиса Бэкона, описанный в журнале *Mercure*, № 563, стр. 389⁶⁶.

⁶⁶ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-decembre-1921/118/4092937/102>

ruerint; ut potè quæ sensibus propiora sint, & communi-
bus notioribus ferè subiaceant. Antequàm verò ad re-
motiora, & occultiora Naturæ liceat appellere, ne-
cessariò requiritur, ut melior & perfectior mentis &
Intellectus humani usus & adoperatio introducatur.

Nos certè æterno Veritatis amore deucti, viarum
inceruus, & arduis, & solitudinibus, nos commisi-
mus; & Diuini auxilio freti & innixi, mentem no-
stram, & contra opinionum violentias, & quasi in-
structas acies, & contra proprias & internas hesita-
tiones & scrupulos, & contra rerum caligines, &
nubes, & vndequaque volantes phantasias, sustinui-
mus; ut tandem magis fida & secunda iudicia, viuen-
tibus & posteris comparare possemus. Quàm in re si quid
profecerimus, non alia sanè ratio nobis viam ape-
ruit, quam vera & legitima Spiritus humani humili-
tatio. Omnes enim ante nos, qui ad artes inueniendas
se applicuerunt, coniectis paulisper in res, & exempla,
& experientiam oculis, statim, quasi inuentio nil aliud
esset, quam quædam excogitatio, spiritus proprio, ut
sibi Oraçula exhiberent, quodammodo inuocauerunt.
Nos verò inter res castè & perpetuò versantes, In-
tellectum longius à Rebus non abstrahimus; quàm ut
rerum imagines, & radij (ut in sensu fit) coire
possint; vnde fit, ut Ingenij viribus & excellentia non
multum relinquatur. Atque quam in inueniendo adbi-
bemus humilitatem, eandem & in docendo sequuti su-
mus. Neque enim aut confutationum triumphis, aut
antiquitatis aduocationibus, aut authoritatis usurpacio-
ne quoddam, aut etiam obscuritatu velo, aliquam bis
nostra

Следующая иллюстрация представляет собой фотографию страницы 9 той же самой книги Бэкона («*Novum Organum*», издание 1620).

Здесь формы А и В обозначаются так же, как в предыдущем случае, то есть буквы формы В помечены чертой, без пометок чертой — буквы формы А.

Группировка букв должна начинаться с позиции вертикальной стрелки следующим образом:

babba aabaa baaba aaabb abbab aabaa

и так далее.

Дешифрованный текст выглядит так:

... Yet doe I maintaine that the principal work hath beene, or is, writing a secret storie of my owne life, as well as a true historie of th` times, in this greater cypher...

... И всё же я считаю, что главной моей работой было — или является — написание тайной истории моей собственной жизни, а также правдивой истории нашего времени, посредством этого великого шифра...

#

(стр. 99-101 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы IV

Когда вышли из печати несколько разных его произведений, Фрэнсис Бэкон надеялся, что так он сможет завоевать расположение отца, лорда Лестера, а уже через него получит и то, что могла бы воздать ему за такие труды и мать, королева Елизавета. Граф Лестер, однако, спокойно пользовался коро-



Илл. 33. Фрэнсис Бэкон (слева) и Роберт Дадли, граф Лестер (справа)

левскими милостями в личных целях и совершенно не желал вмешиваться в отношения королевы с принцами.

Вопрос о выгодном для страны замужестве Елизаветы по-прежнему стоял на повестке дня, самой же королеве было вполне достаточно той церемонии, которая сопровождала её тайную свадьбу в Тауэре, и говорила она — не без оснований — об этом так: «Чем меньше глаз в качестве свидетелей, тем меньше языков, свидетельствующих о том, что было».

Солнце процветания графа Лестера восходило тогда всё выше — вместе с тем, как королева осыпала его милостями. Сначала он получил должность Королевского конюшего, что давало ему желанное место в королевских процессиях, сразу же после монаршей особы. Также он был награждён Орденом Подвязки, титулом барона Денби, тайного советника Её Величества и так далее.

Все эти знаки внимания для людей наблюдательных делали совершенно очевидным, что между королевой и Лестером имеются некие прочные связи, защищавшие его при любых обстоятельствах. Многоопытные придворные догадывались

также и о кровном родстве между графом Лестером и Фрэнсисом Бэконом.

В записях Бэкона рассказывается, что отец его предусмотрительно собрал целый пакет документов: свидетельство о рождении Фрэнсиса, подписанное придворным врачом, и заверенные письменные свидетельства акушерки и повитухи; свидетельства об отказе королевы оставаться в изоляции в период беременности, а также, на седьмом месяце, об отказе признать себя беременной и замужней; свидетельства о том, что рождение Фрэнсиса произошло незадолго до появления мертворождённого сына леди Бэкон, что позволило подменить одного ребёнка другим. Все эти документы показывали, каким образом было сделано так, чтобы не было никаких доказательств тому, что Фрэнсис ребёнок королевы, а не леди Бэкон.

Графу Лестеру хотелось устроить дела вокруг наследника таким образом, чтобы вопрос о престолонаследии обсуждался вообще без упоминания смерти королевы. Поскольку сама Елизавета вообще не желала обсуждать подобные вещи, Лестеру пришлось обратиться непосредственно к Парламенту, где он предложил закрепить права на корону за королевой и за «наследниками её тела».

Такая формулировка, казалось, должна была устроить Елизавету. Однако прийти к согласию не удалось. Королева наотрез отказалась признать, что она замужем и имеет детей.

Именно тогда Королевский совет стал настаивать на замужестве Елизаветы и особо рекомендовал кандидатуру герцога Анжуйского. Королеве были приятны ухаживания герцога и других претендентов, однако ни с кем из них о браке она не договаривалась.

«Много было женихов, с которыми она исполняла фигуры этого танца, то приближаясь, то отступая, то ведущая, то ведомая — в сладостном сопереживании с призывами музыки. Но как только звуки музыки кончались — а этого никто не мог услышать, кроме неё или моего отца — и ноги танцовщицы

вели далее куда угодно, но только не к высокому алтарю Ги-
меней.»

Все эти королевские смотрины женихов, естественно, были
весьма неприятны и мучительны для графа Лестера. А по-
скольку, по словам Бэкона, «актёром он был в высшей степени
бесхитростным», то действия Лестера часто доставляли не-
приятности советникам королевы, работавшим на главу коро-
левского правительства Уильяма Сесила, барона Бёрли.

В конечном же счёте случилось так, что всем пришлось отка-
заться от своих надежд. Как от надежд увидеть королеву заму-
жем в династическом браке, так и от надежд, что она призна-
ется в замужестве за графом Лестером и в своём двойном ма-
теринстве.

Примерно тогда же начала расти и благосклонность родителей
к младшему сыну, графу Эссексу, которому при дворе стал
открыто покровительствовать отец, лорд Лестер, уверенный в
том, что его старший сын, Фрэнсис, предпочитает заниматься
науками.

Это соперничество между двумя братьями разрушающе ска-
зывается на узах прежней дружбы, связывавшей их с детства.
Отчего Фрэнсис испытывает глубокое разочарование и сожа-
ление.

#

(стр. 92-99: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter IV

I was in good hopes when my divers small poems might be seen in
printed form, the approval of Lord Leicester might be gained —
he, in a way, having matters in his hands regarding the recognition
and the remuneration her majesty should offer, suitably rewarding

so great labors. I had faith in my sire, who, whilst now he loveth his peace and quiet enjoyment of the royal kindness so much, no love of his offspring is manifest, hath in his natural spirit that which yet might lead to a matching of a royal spouse against the princes, that a balance be maintained.

In truth, had not our far seeing sire exercised more than the degree that was his wont, or his privilege, of authority, Elizabeth had rested content with the marriage ceremony performed in the Tower. Being quite bent upon secrecy, she with no want of justice contended. «The fewer eyes to witness, the fewer tongues to testify to that which had been done.»

The Earl of Leicester then foresaw the day when he might require the power this might grant him, and no doubt this proved true, for his sun of prosperity rose high. By degrees he was given title and style suiting so vain a mind better than would the weight of government, were that conferred on him.

He was first made Master of the Horse; this gave him control of the stables, and gave him such place in the royal processions as he very truly desired, next her majesty; also she conferred upon him the Order of the Garter, likewise the titles of Baron of Denbigh, her Highness' Privy Councillor, et caetera.

It must, to most men who shall observe well, become quite evident that this aspiring parent, as was fully proven to the councillors, knew Elizabeth (who so far had known never a master) now feared neither people nor Pope. He ran no risk of making shipwreck of his fortunes, being always under more favorable auspice than other men.

Two wings, I may truly term them, such shelter they afforded, — the one of the royal secrecy at a time when silent wisdom weighed more than gold, the other a quality of fearlessness no less royal, overshadowed his head wherever he might be. Rail as other men might, unmoved amidst scorn and envy, lie maintained such manifest assurance of the favor granted him, that the shrewdest courtiers guessed, although all purpose and proof seemed lacking,

somewhat of our intimacy in blood. Indeed this did suit his own plan, without arousing most obstinate opposition on the part of Queen Elizabeth.

He it was who procured that certificate of my birth from the court physician, the sworn and witnessed testimonies of both midwife and the attendant, the story of the queen's objection to sequestration although urgently desired — Queen Elizabeth remaining with her ladies, courtiers, foreign princes and ambassadors, Lords of the Privy Council and such others around her, unwilling in the seventh month to proclaim herself a woman wedded and pregnant — and my adventitious arrival shortly precedent to birth to well beloved Lady Bacon of her still-born child, so that none could find proof that I was not her own.

The desire of my father was to make these affairs so well understood that the succession should be without question. To my mother no such measure was pleasing. By no argument, how strong soever, might this concession be obtained, and after some time he was fain to appeal the case for us directly to Parliament to procure the crown to be entailed upon Elizabeth and the heirs of her body.

He handled everything with greatest measure, as he did not press to have the act penned by any declaration of right, also avoiding to have the same by a new law or ordinance, but choosing between, the two, by way of sure establishment, under covert and indifferent words, that the inheritance of the crown, as hath been mentioned here, rest, remain and abide in the queen. And, as for limitation of the entail, he stopped with the heirs of the queen's body, not saying the right heirs, thereby leaving it to the law to decide, so as the entail might rather seem a favor to her — Elizabeth — and to their children, than as intended disinherison to the house of Stuart. It was in this way that it was framed, but failer in effect on account of the ill-disposition of the queen to open and free acknowledgment of the marriage.

Elizabeth, who thought to outcraft all the powers that be, suppressed all hints of her marriage, for no known object if it be not

that her desire to sway all Europe had some likelihood, thus, of coming to fulfillment.

All suitors — much as the first comer — for some reason had such hope of success as turned some heads, no mention being made of impediments. Most wise councillors long petitioned the queen, though it only wounded the earl, her own lawful spouse — I think for the purpose of making a good, founded title to both royal scepters — urging hotly Monsieur le Due de Anjou's suit. Not all at one on the point of religion — the Duke paying the compliment of an arrangement whereby their sons should receive instruction in the Roman Catholic faith, the daughters in the Protestant — all, it must surely at last be found, have many like subtle or purely diplomatic traits.

I did find this, in my calm, true adjustment at the end of improper, long continued negotiations, no one played the drama with true skill save Elizabeth. All are born, all die; though each must play many parts, he findeth no part that is his alone.

In wise Solomon's words: «There is nothing new'neath the sun.» Many have, it may be, acted this part my proud mother played — few so successfully. It might check princes in pride to imagine France and England united — as great powers singly as some of the neighboring ones. It stared in the eyes both proud kings who had made a futile trial, as coldly as arctic snows.

She loved the admiration of all men, especially of princely visitors coming to woo. Her wisdom, however, saved her in this, as the love of devotion was the surface of her character — not a main current.

Many were the suitors, with whom she executed the figures of a dance, advancing, retreating, leading, or following in sweet sympathy to the music's call. But ever there was a dying fall in these strains — none might hear only she or my father — and the dancer's feet never led to Hymen's lofty alter, thereafter.

I fain would attest how painful this acting parts soon, naturally, did seem to my father. For, said he, «A mortal man many speak falsely upon occasion, but he were a strange man who dared live a falsehood.»

Nevertheless, he did live the unacknowledged husband of Queen Elizabeth, my mother. But he was an unwise and most artless actor, and oft did give sad trouble to some of our managers or controllers, those in the haughty Burleigh's employ, or the band and glove associates who served as his factors.

The times were not a bad schoolmaster, When I resumed my former study of the state of the nations, and patiently worked out the model of government, my most potent reason may be justly gathered; for I then did trust to my father's hopeful spirit as a son naturally should.

Any such measure found no regard in the sight of the vain minded Queen Elizabeth whose look traineth men as vain as her own self. The would-be idol of half the great princes of Europe — concluding it would be less pleasing in a few years to have all the people know that she was the wife of the Earl of Leicester, than suppose her the Virgin Queen she called herself, — both props and shields alike despised, nor did she at any subsequent time reverse her decision. For such a trivial, unworthy, unrighteous cause was my birthright lost.

A fear seemed to haunt her mind that a king might suit the mounting ambitions of a people that began to seek New Atlantis beyond the western seas. Some, doubtless, longed for a royal leader of the troops, when war's black eagle threatened the realm, which Elizabeth met in two ways — by showing a kingly spirit when subjects were admitted into the presence chamber, and by the most constant opposition to war, as was well known to her council.

Many supposing miserly love of gold uppermost in mind and spirit, made but partial and cursory note of her natural propension, so to speak, or the bent of the disposition. For, behind every other

passion and vanity moving her, the fear of being deposed rankled and urged her to a policy not yet understood.

The wars of Edward, called the Third, — but who might be named the first among heroes, — and of his bold son, known as Edward the Black Prince; of brave Henry the Fifth; and her grandsire, Henry the Seventh; as well as one of her father's short strifes, were not yet out of the memory of the people.

Many pens kept all these fresh in their minds, She as a grave physician, therefore, kept a finger on the wrist of the public, so, doubtless, found it the part of prudence to put the princes, — my brother, the Earl of Essex, and myself — out of the sight of the people.

Yet in course of time, the Earl of Leicester, our subtle father, handled matters so that he came nearer to obtaining the crown for my brother than suited my wishes and claims, making pretense of consulting my tastes and fitness for learning.

A son can never share in regal and governing duties, but Essex at one time grew very arrogant, having for a fair season our gay mother's honorable and sustaining favor, and the aidant interest of our father. At that time I knew my own claim to favor must, yielded publicly, be as truly yielded up afterwards.

Daily I see cause of this constantly increasing dread, in the favor shown to my brother rather than of myself, despite the priority of my claim to all princely honor. And the frenzied eagerness he doth betray, — when these shows and vauntingly marked favors, give confirmation strong as proofs of Holy Writ of my wisdom, — maketh me to inquire sadly in my own heart whether my brother returneth my warm affection.

The love I bear him is as fresh at this day, as it was in his boyhood, when the relationship was for some time so carefully kept unknown — as the fact was, for years, guarded of our high birth and station. Not a thought then entered the brain it was not a pleasure for us to share. Our joys were two fold, our sorrows all cut in twain; but the pride of his heart having been aroused, my eyes can

but note the change, for he seldom doth keep the former ways in remembrance.

Even in is manner now, I think, one thought hath a voice: «Without a brother like mine that hath come before me by six short years, I could rely wholly upon myself, and furthermore, be the heir to England's throne». Nothing so open, so unmistakable; but at times he maketh a great show, stranger to my heart than the cold, ungratious manner.

When this spirit of kindness is felt no more — when this shall be lost — the mind can furnish few thoughts, wrought through pain, from memories of the past hours of joy, to comfort and console it. When the heart hath suffered change, and a breach beginneth to widen, no words fill it up. An altered affection, one weakly parteth from, of need, — for no redress is suitable.

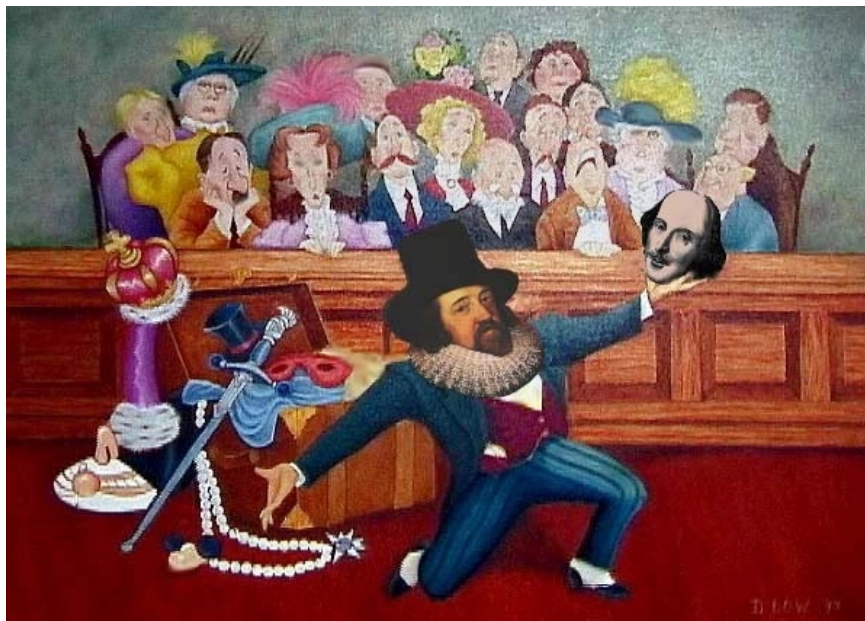
#

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Barry R. Clarke, «*The Shakespeare Puzzle: a Non-Esoteric Baconian Theory*», 2007
- George Fabyan. «*Fundamental principles of the Baconian ciphers, and application to books of the sixteenth and seventeenth centuries.*» Riverbank Company, 1916
<https://archive.org/details/fundamentalprinc00faby>
- Elizebeth Smith Friedman, early decipherments at Riverbank (1916-06). New York Public Library Manuscripts & Archives Division
<https://archive.org/details/ESFEarlyDeciphermentsAtRiverbank>

Бэкон и Шекспир: анатомия обмана

В этой части истории впервые появляется имя Уильяма Шекспира.



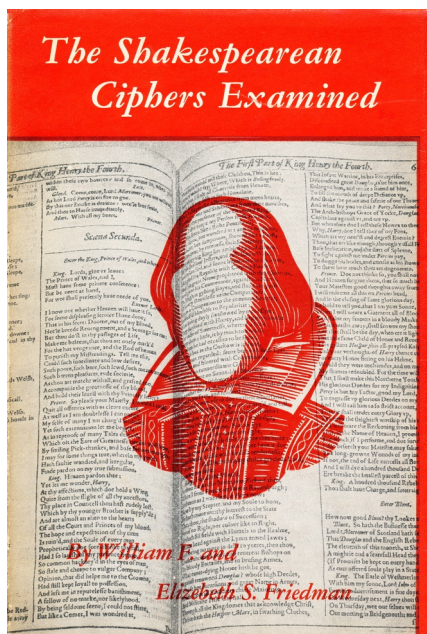
Любое серьёзное обсуждение книги генерала-криптографа Франсуа Картье невозможно в отрыве от книги других знаменитых криптологов, супругов Уильяма и Элизабет Фридманов. Ибо именно работа Фридманов, опубликованная на два десятка лет позднее, стала несомненно главной причиной для полного выпиливания из истории как монографии Картье, так и самого прославленного генерала.

Один лишь рассказ о том, как именно, кем именно, а главное, по каким причинам всё это было сделано, в своих удивительных подробностях легко мог бы стать основой для большого романа-расследования в жанре шпионского научно-мистического триллера. Особо же примечательно, что с одной стороны правдивость этого рассказа надёжно подкрепляется бесспорно подлинными документами, а вот со стороны другой обнаруживается, что столь поразительная и богатая на откры-

тия история по сию пору остаётся абсолютно никем в мире не востребованной и не расследованной.

Такое сочетание фактов уже само по себе более чем наглядно демонстрирует, насколько эффективными могут быть операции по выпиливанию исторической правды.

Здесь, однако, мы занимаемся задачей намного более узкой и конкретной — переводом и комментированием книги французского генерала Картье «Проблема криптографии и истории», опубликованной в Париже в 1938 году и с тех пор не только нигде и никогда не переиздававшейся, но и вообще не обнаруживаемой среди цифровых инфоресурсов интернета. Отчего ссылаться на эту книгу или приводить из неё цитаты совершенно не принято.



Американская работа супругов Фридманов «Проверка шекспировских шифров», опубликованная в 1957 году в Англии и США, известна и представлена в интернете несопоставимо лучше. На книгу эту не только ссылаются все исследователи данной темы, но и при желании кто угодно может взять её на время для ознакомления в цифровой библиотеке Интернет-архива⁶⁷, или даже абсолютно легально скачать полную цифровую копию на официальном сайте Фонда Маршалла⁶⁸.

Почему две эти книги непременно следует рассматривать в сопоставлении друг с другом?

⁶⁷ <https://archive.org/details/shakespeareancip00frie>

⁶⁸ <https://library.marshallfoundation.org/Portal/Default/en-US/RecordView/Index/15274>

Во-первых, потому что обе они написаны очень авторитетными профессионалами военной и разведывательной криптографии, вполне заслуженно слывущими «отцами-основателями» научно-практической криптологии XX века.

Во-вторых, потому что обе книги посвящены в точности одной и той же теме — проблеме нескончаемых споров вокруг Фрэнсиса Бэкона как автора шекспировских произведений.

В-третьих, обе книги дают вполне определённое экспертное заключение по этому жгучему вопросу истории — с точки зрения науки криптографии.

В-четвёртых, наконец, однозначно вынесенные вердикты авторитетных экспертов в конечном итоге оказываются диаметрально противоположными по смыслу.

То, что заявляет в своей книге генерал Картье (до этого глава криптографической службы Франции), уже было переведено и опубликовано здесь ранее:

Мы полагаем, что должны настаивать на следующем факте. На том, что с криптографической точки зрения мы лично провели проверку целого ряда текстов [дешифрованных миссис Гэллп], а потому считаем, что вся эта дискуссия должна оставить в стороне вопросы о достоверности собственно дешифрования, ибо для нас это выглядит бесспорным.

А вот что столь же решительно декларируют в своей книге Уильям Фридман (ранее главный криптолог АНБ США) и его не менее опытная в криптографических делах жена, Элизебет Смит Фридман:

Мы уверены, что во всех тех книгах, которые миссис Гэллп изучала, она не нашла ни единого приложения двухлитерного шифра. ... Как криптологи, мы вообще не сумели найти таких случаев, чтобы его хоть когда-то использовали [в книгах Бэкон-Шекспировской эпохи]...

Поскольку ныне как у учёных историков, так и у всех прочих исследователей имеются абсолютно достоверные документы⁶⁹, однозначно свидетельствующие, что за 40 лет до этого Уильям Фридман лично помогал миссис Гэллап делать учебные пособия для выявления и анализа случаев использования двухлитерного шифра в древних книгах, а Элизебет Смит (тогда ещё не Фридман) весьма ловко эти выявленные фрагменты лично дешифровала «по методу Бэкона», то далее сразу возникает и естественный вопрос:

Как же объясняют криптографические супруги Фридманы столь радикальную перемену в оценках своих собственных трудов, полностью подтверждавших дешифровальные результаты госпожи Гэллап?

Самый короткий ответ на этот неудобный вопрос сводится к тому, что супруги Фридманы очевидно не знали и не предполагали, что столь интересные документы о подробностях их приобщения к криптографии могут не только сохраниться где-то в неведомых архивах, но и стать общедоступными ещё через полстолетия благодаря всемирной компьютерной сети. А потому и в своей книге, и во всех последующих интервью (также доступных ныне в интернете) Фридманы просто делали вид, что ничего подобного в их молодости не было...

Если же к ответу на неудобный вопрос подойти более обстоятельно, то должны быть отмечены два главных факта.

Во-первых, Элизебет Смит Фридман в воспоминаниях о своей работе ассистенткой миссис Гэллап абсолютно нигде и никогда не упоминает, что для получения этой работы она проходила проверочные тесты. Вся суть которых сводилась именно к тому, чтобы продемонстрировать не только понимание устройства двухлитерного шифра Бэкона, но и — главное — способности к самостоятельному извлечению посланий, зашифрованных этой криптосистемой, из текстов старинных книг.

⁶⁹ см. главу «Новый документ»

Во-вторых, поскольку в изготовлении наглядных пособий, помогавших ассистенткам Гэллап и всем прочим исследователям в делах поисков / извлечения бэконовских посланий, участвовал лично Уильям Ф. Фридман, просто невозможно поверить, будто и он, и его жена на старости лет дружно запомнили тот факт, что само их появление в области криптографии напрямую связано с хорошо и разнообразно подтверждавшимися в ту пору успехами дешифрования двухлитерного шифра Бэкона.

Полностью «забыть» столь принципиально важные для истории факты из собственной биографии, конечно же, было никак невозможно, поэтому супруги Фридманы в своей книге (на стр. 262) дали им такое «как бы объяснение»:

Никто, работая независимо, не сумел воспроизвести находки миссис Гэллап. Это действительно правда, будто несколько её учеников подтверждали, что им это удавалось. Но в каждом из таких случаев ученик был уже убеждён в верности работы миссис Гэллап. Какие бы тесты ни проводились, они были просто «подтвердительными». Это не был независимый эксперимент, сделанный без того, чтобы у дешифровальщика не было или копии дешифровок самой Гэллап, или знания о результатах, которые она по её заявлениям получила.

В последней — особо витиеватой — строке этой цитаты несложно распознать завуалированное признание Элизебет Фридман в том, что ей и самой, бывало, доводилось самостоятельно вскрывать бэконовский шифр. Но удавалось это лишь по той причине, заверяют нас авторы, что настолько вот сильна была убедительность фантазий госпожи Гэллап...

Генерал Франсуа Картье при знакомстве со всей этой темой не был ни последователем, ни учеником, тем более, госпожи Гэллап. Свои же первые результаты в извлечении двухлитерного шифра Бэкона из текстов старинных книг он получил самостоятельно и вовсе не для того, чтобы подтвердить чьи-то ещё дешифровальные успехи. Но по мере углубления в тему и озна-

комления с результатами работы Гэллап, однако, многоопытный профессионал не мог не подтвердить, что да, с точки зрения серьёзной криптографии всё это совершенно определённо не является плодами буйной фантазии старой дамы...

Для более объёмного взгляда на проблему тут же естественно задаться вопросом о том, как выглядят дешифрованные тексты Гэллап с точки зрения исторической науки? На этот счёт имеется следующее любопытное свидетельство, опубликованное примерно за полтора-два десятка лет до того, как в Бэкон-Шекспировскую проблему погрузились супруги Фридманы и генерал Картье (цитируется предисловие исследовательской работы «*The strange case of Francis Tidir*», investigated by Parker Woodward, London: 1901):

Когда я впервые, ещё до публикации дешифровок от миссис Гэллап, услышал о том, что Фрэнсиса Бэкона объявили сыном королевы Елизаветы, я был сразу же готов присоединиться к благородной армии насмешников, всецело преданных общепринятой точке зрения.

Заявление о королевском происхождении, в совокупности с утверждениями зашифрованной истории о том, будто Бэкон был автором поэм, опубликованных Спенсером, а также пьес, обычно приписываемых не только Шекспиру, но также Грину, Марло и Пилу, плюс туда же ещё и компендиум прозы, известной как «Анатомия меланхолии» Бёртона — всё это было настолько удивительно, что я просто не мог понять образ мышления людей, предлагавших нам поверить во все эти вещи.

Из чего мною был сделан вывод, что столь поразительная версия событий либо должна убедительно опровергаться известными фактами английской истории, либо же она и впрямь должна быть правдой.

Собранные в данной книге статьи — это результаты моих любительских исследований в области истории Елизаветинской эпохи и фактов из биографий опре-

делённых людей того времени. Расследование, однако, проведено человеком, который профессионально имеет определённый опыт в делах работы с документальными свидетельствами.

В результате этих расследований обнаружено, что ни один из документально зафиксированных исторических фактов не противоречит заявлениям дешифрованных текстов. При этом обнаруживается множество таких малоизвестных фактов, которые обеспечивают поддержку данной истории...

К достоверно известным фактам из истории Англии Елизаветинской эпохи нам придётся обращаться в последующем ещё не раз, а сейчас пора вернуться к переводам непосредственно посвящённых им глав — как из книги генерала Картье, так и тайной автобиографии Фрэнсиса Бэкона.

#

(фрагменты перевода, стр. 188-193 книги Картье)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разнообразные гипотезы, выдвигаемые для установления подлинного авторства произведений, приписываемых Уильяму Шекспиру, обычно выстроены на основе набора определённых идей, обнаружить которые можно, в частности, в работе г-на Абея Лефранка «Под маской Уильяма Шекспира скрывается Уильям Стэнли, шестой граф Дерби», опубликованной в 1919 году:

(1) Те драматические и прочие произведения, что начиная с последних лет XVI века ставились на сцене и публиковались в книгах под именем актёра Уильяма Шекспира из Стратфорда-на-Эйвоне, никоим образом не могли быть написаны этим персонажем;

(2) Подлинным автором этих произведений, судя по всему, был один из представителей английской аристократии, желавший оставить скрытой свою личность.

Эти базовые основы представляются нам бесспорными, в особенности первая, если признавать известные факты, согласно которым реальный Уильям Шекспир был почти — если не полностью — безграмотным человеком.

Ни одна из известных нам книг, исследующих данную проблему, не предоставляет абсолютных доказательств в пользу того или иного из предполагаемых там подлинных авторов.

Вся эта дискуссия, таким образом, по-прежнему остаётся открытой, отчего выглядит вполне логичным — дабы попытаться помочь в прояснении этой загадки истории — привлечь также к обсуждению и публикуемый здесь Документ [тайную автобиографию Бэкона, зашифрованную его двухлитерным шифром].

Кроме того, этот же документ существенно расширяет дискуссию, поскольку он приписывает одному и тому же автору (Фрэнсису Бэкону) не только авторство произведений, вышедших под именем Уильяма Шекспира, но также и авторство произведений, опубликованных под именами разных других авторов, живших в то же самое время: Роберта Бёртона, Роберта Грина, Бена Джонсона, Джорджа Пила, Эдмунда Спенсера, Криса Марло.

Здесь нет утверждения о том, будто бы все произведения упомянутых выше авторов написаны Фрэнсисом Бэконом. Данный документ указывает лишь на то, что Фрэнсис Бэкон заимствовал имена данных авторов, чтобы подписывать ими те из своих работ, которые он по различным причинам, объясняемым в тексте документа, не считал возможным опубликовать под собственным именем.

Вопрос о подлинности этого документа, очевидно, является первым среди всех, требующих разрешения. И было бы пра-

вильным устроить дело так, чтобы все возражения (если таковые имеются) были бы по данному предмету отчётливо сформулированы и сделаны общеизвестными.

Прежде всего, следует отметить, что собственно документ этот был извлечён криптографическим путём, гарантирующим возможности проверки, из множества старинных книг XVI-XVII веков, перечисление которых приведено ранее. Таким образом, документ был написан персонажем, жившим в то время, когда книги эти печатались.

Далее, документ этот зашифрован методом, придуманным Фрэнсисом Бэконом во время его пребывания во Франции, то есть в 1576-1579 годах, и впервые описан в книге «*The Advancement of Learning*», опубликованной в Лондоне под его собственным именем в 1605 году.

Текст зашифрованного документа указывает на то, что автором его является Фрэнсис Бэкон.

Таким образом, имеются серьёзные основания предполагать, что именно Фрэнсис Бэкон является составителем и шифровальщиком этой автобиографии, фрагментарное распределение которой в целом ряде книг также необходимо принимать в учёт.

В любом случае, проблема первая связана здесь с установленным фактом существования данного документа:

- (а) кто его написал?
- (б) кто его зашифровал?
- (в) каким образом он мог быть напечатан и встроен в тот ряд разных произведений, перечень которых мы предоставили?

Что же касается другого вопроса — о том, было ли имя Уильяма Шекспира позаимствовано без ведома этого актёра или же с его согласия, — то в данном контексте это вообще не суть важно, кто там был реальным автором, Фрэнсис Бэкон, граф Дерби или какой-то ещё другой персонаж.

В то же время представляется необходимым изучить вопрос в целом, каким образом эта подмена имён была возможна также и в отношении других авторов, имена которых шифровальщик позаимствовал и упомянул в своём документе.

С другой стороны, издатели книг никак не могли игнорировать особенности той работы, которая была им заказана, поскольку они должны были изготовить две формы печатных знаков, ибо разные литеры являются характерной чертой применяемой здесь криптографической системы. Литеры разных типов должны были соответствовать надлежащим пометкам в рукописи, указывающим печатнику-наборщику, какой именно из литерных типов надо использовать для каждой из букв в последовательности слов открытого текста.

Возможно, в архивах тех типографий, где издавались произведения, содержащие криптографические части, можно было бы найти что-то интересное по этому поводу.

Следует отметить, что если факты, упоминаемые в данном документе, соответствуют действительности, то становится вполне очевидным, почему Фрэнсис Бэкон был так сильно заинтересован в их сокрытии. Это аргумент, который необходимо учитывать, ибо вполне определённо можно утверждать, что Бэкон рисковал своей жизнью, если бы его откровения могли быть прочитаны в те времена.

Проблема вторая возникает из собственно откровений Фрэнсиса Бэкона:

- (а) Можно ли допустить, что он сын Елизаветы и графа Лестера?
- (б) Можно ли было полностью сокрыть факт его рождения, учитывая то, сколько людей было посвящено в тайну: сэр Николас Бэкон и леди Бэкон, доктор и акушерка, помогавшие при родах, горничная леди Бэкон, которая видела, как появился этот новорождённый младенец, когда леди Бэкон ещё не родила?

- (в) Правдоподобна ли драматичная сцена, во время которой Елизавета, как утверждается, признала себя матерью Фрэнсиса Бэкона в присутствии целой группы придворных?

Учитывая нравы королевы Елизаветы, несомненно и вполне возможно, что у неё могли иметься дети — один или больше. С другой стороны, лишних разговоров вполне можно было не допускать, пока королева была жива, поскольку подобная неосмотрительность несомненно была опасна для жизни тех, кто об этом знал. Ещё более рационально допустить и то, что такие же соображения диктовали абсолютное благоразумие и в период правления преемника Елизаветы, короля Якова. Но после этого?

Было бы интересно провести на данный предмет специальные исследования в архивах семей тех персонажей, мужчин или женщин, кто находился в ближайшем окружении Елизаветы.

Эти две важнейшие проблемы, на которые мы только что указали, являются далеко не единственными среди тех, что поднимает автобиография Фрэнсиса Бэкона.

В каждой из глав возникают и другие вопросы, причём какие-то из них вполне могут быть проверены, поскольку они касаются таких фактов, которые не имеют столь же тайного характера и которые могли быть или зафиксированы очевидцами, или известны историкам, осведомлённым о них по документам того времени:

- (а) Возможно ли, чтобы Елизавета, находясь в заключении в лондонском Тауэре, могла вступить там в тайный брак с Робертом Дадли?
- (б) Правдивы ли предоставленные подробности о странной смерти леди Дадли, произошедшей вскоре после тайной женитьбы её мужа на Елизавете?
- (в) Кто мог быть тем лордом П., в доме которого состоялась повторная полуофициальная свадьба Елизаветы и Дадли в присутствии нескольких свидетелей?

Пребывание Фрэнсиса Бэкона в Париже с 1576 по 1579 год — это несомненный факт, объясняющий то, как ему удалось так много узнать о французском дворе, о французских нравах и о многих прочих особенностях, относящихся к французской армии и истории Франции, что отчётливо просматривается в различных пьесах Шекспира.

Насколько правдива история любовного приключения Бэкона с Маргаритой, сестрой короля Франции и королевой Наваррской?

Это приключение, если будет признана его подлинность, объяснило бы то, как была написана одна из первых пьес, подписанных Шекспиром, «Бесплодные усилия любви», а также и некоторые из его сонетов.

Насколько вероятно, что у Елизаветы был второй сын, Роберт Девере, впоследствии ставший графом Эссексом и фаворитом королевы, а кто-то даже говорит, её любовником?

История соперничества Елизаветы и Марии Стюарт выглядит близкой к действительности, также как и рассказ о трагическом конце последней.

То же самое справедливо по отношению к истории заговора графа Эссекса и его смерти.

У нас нет средств и возможностей провести полноценное исследование, необходимое для того, чтобы подтвердить или опровергнуть все эти факты. Но нет и сомнений, что определённо существуют документы, которые позволили бы сделать обоснованные выводы на данный счёт.

Вполне очевидно, что было бы интересно установить, до какой степени тут точны или ошибочны описания событий от Фрэнсиса Бэкона.

(стр. 246-247 книги Картье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

L

Вот некоторые сведения, которые обнаруживаются в интересном труде г-на Грэнвила С. Кэннингема, носящем название «Тайны Бэкона в книгах его современников» и опубликованном в Лондоне в 1911 году (*Granville C. Cuningham, «Bacon's Secret disclosed in contemporary books»*):

Первый тайный брак между Елизаветой и Робертом Дадли был заключён в 1554 году в лондонском Тауэре, где оба были в ту пору узниками. Примерно тогда же имел место известный скандал по поводу отношений Елизаветы с её тюремщиком, сэром Томасом Сеймуром.

Этот первый брак между Елизаветой и Дадли не мог иметь законной силы, потому что в ту пору была жива жена Роберта Дадли, красавица Эми Робсарт. Второй тайный брак, состоявшийся в сентябре 1560 года, был, вероятно, уже законным, поскольку жена Роберта Дадли только что умерла. Этот брак, как сообщается, состоялся в присутствии многих свидетелей, в том числе сэра Уильяма Пикеринга. (1)

Фрэнсис Бэкон родился 25 января 1561 года, всего через четыре месяца после свадьбы.

(1) Будет ли это Лорд П. из главы I Автобиографии?

#

(стр. 107-110 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы V

По мере взросления братьев, Фрэнсиса Бэкона и Роберта Девере, преимущества второго в глазах родителей заметно возрастают, так как Елизавете нравилось распознавать в графе Эссексе свои собственные качества, воплощённые в мужской форме.

Получив от судьбы, или «поворотом колеса Фортуны», королевскую власть и трон могущественной Англии, Елизавета могла распоряжаться ими в пользу того кандидата, которого она сама выберет. Для Фрэнсиса очевидно, что Эссекс уже стал этим наиболее вероятным кандидатом, поэтому себя он ощущает брошенным собственными отцом и матерью в пользу их второго сына, «их доблестного Львиного Сердца», как они его называли.

Похоже, Бэкон смирился со своим несчастьем, но тем не менее сохраняет надежду увидеть свою голову коронованной «до того, как оборвётся его линия жизни». Свидетели его рождения, однако, уже умерли, а письменные свидетельства, которые могли бы заменить их показания, уже уничтожены.

Бэкон погружается в свои научные и литературные труды, стараясь забыть о тех планах улучшения судьбы английского народа, что он задумывал, когда надеялся унаследовать трон. Теперь «надежда моя в труде, зачастую столь же тяжёлом и утомительном, как и для тех, кто всегда трудился ради своего хлеба, потому что именно таким путём следует дисциплинировать королевские умы».

«Я хотел бы писать произведения по своему стилю самые возвышенные, такие, которые, будучи равно пригодными как для представления на сцене, так и для чтения в библиотеках, мог-

ли бы широко распространяться и дойти в этой стране до множества людей, пусть и не особо мудрых в знаниях, но столь же великих, как и другие народы, в своей верности и пламенном духе. И если недостаток знаний в какой-то мере будет восполнен этим в нашем королевстве, то труды мои, несомненно, в ближайшие годы принесут ощутимую пользу, хотя ещё долгое время всем будет неведомо, каковы здесь причина и конечный замысел. Осуществление моего столь заветного плана вдохновляет меня на эту работу.»

Для безопасной публикации трудов, однако, было необходимо принять адекватные меры, потому что «даже через публикации стихов, которые естественным образом могли бы доставлять одно лишь удовольствие, нашлись средства против особо настороженных, чтобы распространять наиболее опасные (только для меня) вещи и при этом не вызывать ни малейших сомнений или подозрений. Ибо остроумие моё от постоянных опасностей не только не уменьшилось, но и напротив лишь обострилось».

«Несколько небольших произведений, опубликованных без подписи автора, удостоились заслуженной похвалы. После чего в неведомый мир отправились также несколько работ под именем Спенсера. Без меня Эдмунд Спенсер не смог бы достичь почтения настолько легко...»

«Моя любовь к родному языку столь велика, что временами я свободно использовал не только слова, считающиеся устаревшими, но также и стиль, и темы, и дух прежних дней, особенно в стихах Эдмунда Спенсера, созданных по образцу Чосера...»

«И наконец, когда написав произведения в разных стилях, я нашёл ещё троих, кто за достаточную награду золотом, вдобавок к немедленной славе золотых перьев, охотно согласились выложить под своими именами все сочинённые мною произведения, вот тогда я осмелел.»

«В своих стихах, опубликованных под именами Спенсера и Джорджа Пила, я замаскировал множество серьёзных тайн. А потом написал о них снова под именами других авторов, которые донесли их читающему миру в виде прозы и поэзии».

«Наибольшую часть этой работы я доверил Роберту Грину, вернее сказать, его имя появилось в качестве автора этой работы. Там вы можете найти большую часть того, что воистину принадлежит области поэзии. Некоторые же части были использованы в качестве пьес.»

«Также я использовал псевдоним Марло, после чего взял в качестве маски имя Уильяма Шекспира. Оставаться неизвестным было необходимо, поскольку работая в области исторической драмы, подавлявшейся наиболее сильно, я подвергал себя столь большой опасности, что одного лишь слова королевы Елизаветы было достаточно, чтобы обеспечить мне ужасный конец — уход со сцены, так сказать, причём без возврата...»

#

(стр. 102-107: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter V

It is clear to my mind, the earl, my father, hoped that his darling wishes relating to a declared heir to succeed to the throne were near realization, as he observed the advance in marked respect and favor the younger son made from day to day.

My vain mother loved Essex's bold manner and free spirit, his sudden quarrels, jealousy in soul of honor, strength in love. She saw in him her own spirit in masculine mould, full of youth and beauty.

To her, fate, a turn of fortune's wheel, had given the gift of royalty, and the throne of mighty England was hers to bestow on whom her

heart might choose. Little wonder that false fancy swayed where better judgment, infected, had lost power, and that impatient Lord Leicester won naught in that struggle but fear and distress.

My just claim he set aside, liking better valiant Lion-heart — thus they termed him — however unmeet or unjust. I, the first born son, had unfortunately incurred his great and most rancorous ill will many years back.

A desire to foil yields lurid light on everything thereafter; his one wish ever gleaming brightly through the clouds of pretense, and I receive my cue from the altered appearance of the skies, yet do not give over as he doth suppose. Notwithstanding overtly any of my ill advised sire's aspiring purposes, or plans, — for often shall dissimulation, though a faint kind of wisdom prove very good policy, — yet in the secrecy of my own bosom, I do still hold to the faith that my heart has never wholly surrendered, that truth shall come out from error and my head be crowned ere my line of life be severed.

How many times this bright dream hath found lodgment in my brain! How many more hath it been shunned as an influence of Pluto's dark realm! It were impossible, I am assured, since witnesses to the marriage and to my birth (after a proper length of time) are dead, and the papers certifying their presence being destroyed, yet is it a wrong that will rise, and a cry that none can hush. Strive as I may, it is only driven from my brain by the unceasing tossing of this sea of laboring cogitations for the advancement of learning. Oft driven as'twere with sudden wind or tide, its waves strike against the very vault of the heavens and break in useless wreaths of bubbling froth.

Think not in your inmost heart that you, or any others whom you would put in the same case as mine, would manifest a wiser and a calmer mind, because none who do not stand as I stood, on Pisgah's height, do dream of the fair beauty of that land that I have seen. England as she might be if wisely governed, is the dream, or beauteous vision, I see from Mt. Pisgah's lofty top.

It is no improper exaltation of self, when one, feeling in heart and brain the divine gifts that fit him for his princely destiny — or that rightly inherited, albeit wrongly withholden, sovereignty — in true, noble, kingly spirit doth look for power, not for the sake of exercising that gift, but that he may uplift his people from the depth of misery into which they constantly sink, to the firm rock of such mode of life as would change cries to songs of praise.

By uniting many powers — such lofty endeavour for perfecting the knowledge that is in the world, joined also with a strife for the elevation, in all kingdoms under heaven, of this noble people — the Divine will or plan doth perchance have full sway: for when mankind shall be given wisdom in so great fulness, idle courtiers may find no true use of subtle arts.

That Robert was of bolder temper and more fiery spirit I can by no argument disprove, but I want not royal parts, and right of primogeniture may not be set aside, without some costly sacrifice, as modesty or good fame. Stopping short of this irreparable wrong, my father took but slight interest in the things he had been so hot upon.

Adventuring everything of value — life, kingdom, people, to retain possessions — to mine own self this way of maintaining the Divine Right is repugnant, and when I come at last into my right, the power of the mind shall by my wisdom be shown to be greatly exceeding that of the sinewy arm. This is my hope in labor, oft as hard and as fatiguing as falleth to him that hath always toiled for his bread, as 'tis by such means that kingly minds should be disciplined.

I fain would write works most lofty in their style, which being suited as well to representation upon the stage as to be read in libraries, may so go forth and so reach many in the land not as wise, in knowledge, yet as great as others in loyalty and in fiery spirit. If that deficiency be in a measure filled in our realm, this labor in coming years will surely be of benefit, although it be unknown for a long season what is the cause and ultimate design. The further-

ance of my much cherished plan keepeth me heartened to my work.

Devices of some sort were so needful, — even to publish poems which might naturally be but such as do afford pleasure, — that my wit, not at all lessened, but sharpened, by constant dangers, found means unknown to those who were most wary, to send out much dangerous matter (using terms in regard to myself only) that was not even doubted.

Several small works under no name won worthy praise; next in Spenser's name, also, they ventured into an unknown world. E. Spenser could not otherwise so easily achieve honors that pertain to myself. Indeed this would alone crown his head, if this were all — I speak not of golden crowns but of laurel — for my pen is dipped deep into the Muses' pure source.

So great is my love for my mother tongue, I have at times made a free use, both of such words as are considered antique, and of style, theme and spirit of an earlier day, especially in the Edmund Spenser poems that are modeled on Chaucer; yet the antique or ancient is lightly woven, as you no doubt have before this noted, not only with expressions that are both common and unquestionably English of our own day, but frequently with French words, for the Norman-French William the Conqueror introduced left its traces.

Besides naught is further from my thoughts than a wish to lop off, but, on the contrary, a desire to graft more thoroughly on our language, cuts that will make the tree more delightful and its fruits more rare, hath oft led me to do the engrafting for my proper self.

Indeed not the gems of their language alone, but the jewels of their crowns are rightfully England's inheritance.

Furthermore many words commonly used in different parts of England strike the ear of citizens of towns in southern England like a foreign tongue, combinations there of make all this variety, that I find of times melodious, again less pleasing, like the commingling of country fruits at a market fair. Yet you, seeing the reason, ap-

prove, no doubt, the efforts I make in the cause of all students of a language and learning that is yet in its boyhood, so to speak.

When I, at length, having written in divers styles, found three who, for sufficient reward in gold added to an immediate renown as good pens, willingly put forth all works I had composed, I was bolder.

I masked many grave secrets in my poems which I have published now as Peele's or Spenser's, now as my own, then again the name of authors, so called, who placed works of mixed sort before a reading world, prose and poetry. To Robert Greene did I entrust most of that work — rather his name appeared as author: therein you may find a large portion that belonging truly to the realm of poetry, would well grace verse, yet it did not then seem fair matter for it. As plays some parts were again used.

Marlowe is also a pen name employed ere taking Wm. Shakespeare's as my mask or visard, that I should remain unknow, in as much as I, having worked in drama history that is most vigorously suppressed, have put myself so greatly in danger that a word unto Queen Elizabeth, without doubt, would give me a sudden horrible end — an exit without re-entrance. Prudence hath as good counsels in times of danger as sadder experience, and I list only to her voice when my life would be a speedy, ay, instant forfeit.

I feel my pen quivering, as a steed doth impatiently stand awaiting an expected note of the horn of the hunt, ere darting, as an arrow flies to the targe, across moor and glen. I write much in a feverous longing to live among men of a future people. Verily to make choice of mouth pieces for my voice, is far from being a light or pleasing but quite necessary and important mission.

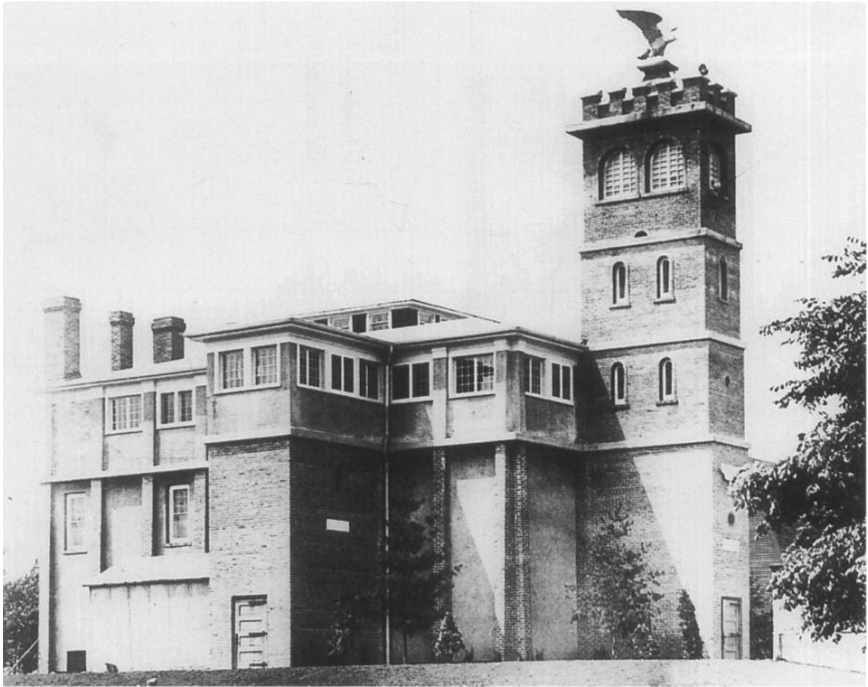
Основные источники

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Friedman, William F. & Elizebeth S., «*The Shakespearean Ciphers Examined*». Cambridge: Cambridge University Press, 1957
<https://library.marshallfoundation.org/Portal/Default/en-US/RecordView/Index/15274>
- «*The strange case of Francis Tidir*», investigated by Parker Woodward, London: Robert Banks & Son, 1901
<https://archive.org/details/strangecasefran00conggoog>

Март 2021

Бэкон, розенкрейцеры и левитация

В этой части истории проясняются взаимосвязи между Бэконом, обществом розенкрейцеров и Ривербэнкскими лабораториями.



Илл. 34: Акустические лаборатории Ривербэнк. 1918 г.

Источник фото: Emily Thompson, *«The Soundscape of Modernity. Architectural Acoustics and The Culture of Listening in America, 1900-1933»*. The MIT Press, 2002, стр. 80

Для содержательного проникновения в воистину многоуровневые глубины Бэкон-Шекспировской тайны, как уже подчёркивалось, совершенно необходимы тщательные сопоставления двух важных книг от авторитетных криптологов: *«Проблема криптографии и истории»* от Франсуа Картье и *«Проверка шекспировских шифров»* от супругов Уильяма и Элизебет Фридманов. Причём для перекрёстного анализа и отделения

истины от неправды, как было продемонстрировано, здесь оказываются очень существенны не только те утверждения, что в книгах содержатся, но и такие факты, которые там отчётливо умалчиваются.

Подобного рода «фигур умолчания» во всей этой истории обнаруживается немало, но сейчас пора затронуть особо среди них примечательную. И сводящуюся к тому факту, что ни генерал Картье, ни супруги Фридманы в своих работах не говорят по сути дела ни слова о тесных взаимосвязях между Фрэнсисом Бэконом и тайным обществом розенкрейцеров. Но что интересно, поскольку анализы и выводы в двух книгах диаметрально противоположны, то и умалчивают они об этом тоже существенно по-разному.

Так, Франсуа Картье в своей работе, полностью посвящённой вынесению на свет тайной биографии Бэкона, прежде неведомой для науки и общества, действительно нигде и никак не упоминает в явном виде о розенкрейцерах. Но поскольку для человека, глубоко погрузившегося в события той исторической эпохи, прямая связь Бэкона со знаменитым тайным обществом никак не могла быть неизвестна, Картье всё же демонстрирует читателям свою осведомлённость — но делает это весьма своеобразно.

На самых последних страницах своей книги он разместил письмо от одного из читателей, совсем молодого юноши по имени Жан Даужа (Jean Daujat), где этот 15-летний подросток даёт собственный «наивно-герметический» вариант расшифровки для загадочной надписи на памятнике Шекспиру, указывающей на Бэкона как автора шекспировских произведений. Решение же своё юноша обосновал такими словами:

Фрэнсис Бэкон принадлежал к Ордену Розенкрейцеров, все криптографические системы которого и герметический символизм основывались на священной арифметике, а теософия — на священных числах 1, 3, 7, 10...

К области строгой научной криптографии, прямо скажем, данная версия расшифровки отношения практически не имеет, однако тот факт, что «даже дети знают о Бэконе как розенкрейцере» цитируемое письмо отражает более чем наглядно. Кроме того, небезынтересно отметить, что в последующие годы Жан Даужа вырастет в авторитетного философа науки и видного представителя французского неотомизма.

Что же касается книги супругов Фридманов, где решительно отвергаются не только подлинность автобиографии Бэкона, но и вообще сам факт наличия бэконовских шифров в древних книгах, то у американских криптологов Бэкон-розенкрейцеровская тема умалчивается в корне иначе. Здесь в разделах, посвящённых сомнительным дешифровальным усилиям бэконянцев XIX века, авторитетные криптографы упоминают, конечно, и часто фигурировавший в тех работах орден розенкрейцеров. Но только лишь для того, чтобы легко и убедительно продемонстрировать ненаучность всех подобных якобы «дешифровок», допускающих практически любые манипуляции с буквами текстов для извлечения предпочтительных для бэконянцев «решений».

Однако в финальных разделах, где книга Фридманов критически исследует те криптоаналитические работы, что проводились уже в XX веке в Ривербэнкской лаборатории полковника Фабиана — причём проводились при личном участии самих Фридманов, — именно здесь о тесных взаимосвязях между Бэконом, розенкрейцерами и Ривербэнком не говорится уже ни единого слова. Хотя факты этих взаимосвязей не только были Фридманам отлично известны всегда и вне всяких сомнений, но и абсолютно надёжно подтверждаются уже в самом названии «Ривербэнкских акустических лабораторий», работающих и поныне...

Предельно наглядное и убедительное доказательство этим утверждениям можно найти, в частности, в одном малоизвестном документе-мемуаре, практически никогда не упоминаемом, что примечательно, в литературе, посвящённой истории криптографии. А вот совсем в другой специальной литерату-

ре, посвящённой истории архитектурной акустики, на эту работу ссылаются заметно чаще (*Kranz, Fred W. «Early History of Riverbank Acoustical Laboratories.» The Journal of the Acoustical Society of America, Volume 49, Number 2 – Part I, February 1971, pp 381-384*).

Примечательный мемуар носит название «*Ранняя история Ривербэнкских акустических лабораторий*», автором текста является Фред Кранц, один из первых сотрудников-акустиков этого заведения, а поскольку найти в интернете данный документ довольно непросто, здесь будет приведена в дословном переводе та часть, которая непосредственно посвящена интересующей нас теме.

Ранняя история Ривербэнкских акустических лабораторий.
Фред У. Кранц, февраль 1971

Создание Ривербэнкских акустических лабораторий в Женеве, штат Иллинойс, своим происхождением обязано интересам полковника Джорджа Фабиана к некоему акустическому устройству розенкрейцеров, которое, как предполагалось, было описано Фрэнсисом Бэконом в тайном зашифрованном послании, спрятанном в Первом Фолио (1623) собрания произведений Уильяма Шекспира, а также последовавшему затем знакомству Фабиана с профессором Уоллесом Сэбином из Гарвардского университета.

В связи с 50-й годовщиной Ривербэнкских акустических лабораторий, на встрече Чикагской группы Акустики и Аудиотехники меня попросили сделать некоторые комментарии относительно происхождения и ранней истории этого заведения. Тот мой рассказ является основой и для настоящей статьи. У меня нет никаких сведений о том, чтобы имелся хоть какой-нибудь уже написанный кем-либо отчёт о происхождении этих лабораторий, поэтому данный рассказ будет полностью основан лишь на моей памяти. На том, фактически, что я запомнил из устно сообщавшейся мне информации, по кусочкам сложенной из разных разговоров, происходивших много лет назад.

Если бы рассказ этот преподносился в стиле писателей популярных статей, то можно было бы говорить, что вся эта лаборатория своим происхождением обязана деятельности Фрэнсиса Бэкона,

который жил в давние времена королевы Елизаветы I, примерно около 1600 г. Кому-то такое утверждение может показаться сильной натяжкой, однако правда заключается в том, что последовательность событий, которая привела в итоге к строительству этой лаборатории, действительно берет своё начало от Фрэнсиса Бэкона, а промежуточным звеном является владелец Ривербэнка полковник Джордж Фабиан.

Полковник Фабиан родился в Новой Англии, в семье старой бостонской знати. Его отец на пару с Корнелием Блиссом основал текстильную компанию Блисс и Фабиан в те времена, когда Новая Англия доминировала в текстильной индустрии США. Со временем полковник Фабиан присоединился к фирме своего отца и стал управляющим их подразделения в Чикаго. В начале XX века он и его жена переехали из Чикаго в пригород, Женеву, где приобрели большую, площадью порядка 500 акров усадьбу, которую они называли Ривербэнк.

История Ривербэнка плотно связана с областью кодов и шифров. Как я понимаю, полковник Фабиан заинтересовался кодами и шифрами в связи с передачей коммерческой информации и цен в ходе его деловой активности. Попутно же он познакомился с криптографической работой госпожи Элизабет Уэллс Гэллап из Детройта, возможно, через ту книгу, которую она написала о шифре Фрэнсиса Бэкона. Это и было важное связующее звено в последовательности тех событий, что привели к строительству в Ривербэнке акустической лаборатории.

Госпожа Гэллап очень глубоко интересовалась литературой Елизаветинской эпохи. Она изучала труды Фрэнсиса Бэкона, а в особенности была заинтригована тем методом тайного письма, который Бэкон открыто и с подробностями описал в одной из своих книг. Основная особенность бэконовской системы шифра в том, что тайное послание может быть зашифровано в обычном манускрипте или письме, которые не имеют очевидных признаков того, что там содержится зашифрованное послание. Достигается же это путём использования двух немного разных видов шрифтов или формы букв алфавита. Разница достаточно мала, чтобы быть замеченной сразу, а собственно шифрование достигается надлежащим выбором формы для последовательности букв открытого послания. Для передачи одной буквы зашифрованного текста, таким образом, требуется пять букв открытого текста, где два типа

шрифтов используются в оговоренном порядке для отображения каждой конкретной буквы тайнописи.

Освоив эти знания о бэконовской шифрсистеме, госпожа Гэллап стала искать свидетельства использования шифра в книгах того периода. Одной из очевидных возможностей были печатные труды Уильяма Шекспира. Первое полное издание шекспировских пьес, насколько мне известно, было напечатано в 1623 году, и для этого издания имеются фотографически воспроизведённые копии страниц, так что характерные особенности исходной печати сохранились и доступны для изучения. Это и был тот материал, на исследование которого миссис Гэллап затратила огромное количество лет своей жизни. Она чувствовала, что способна выявлять различия и разделять буквы двух разных типов, поскольку это необходимо для использования бэконовского шифра, и таким образом она оказалась способна декодировать те секретные послания, что были незаметно встроены в открытые для всех тексты книг.

Полковник Фабиан убедил госпожу Гэллап переехать в Ривербэнк. По внешнему виду эта дама чем-то напоминала Мать Уистлера с известной всем картины, (в 1913) когда она сюда переехала, ей было примерно 65 лет, и где-то слегка за 70, когда мне довелось с ней познакомиться.

Самый большой интерес, конечно же, вызывает содержимое тех посланий, которые получались в дешифровках у госпожи Гэллап. Наиболее поразительными среди них были те, наверное, где утверждалось, что Фрэнсис Бэкон являлся тайным сыном королевы Елизаветы и законным наследником английского престола.

Однако, то послание, которое следует считать наиболее близким нашему сегодняшнему обсуждению, относится к теме технической. В этом послании утверждалось, что если изготовить круглый цилиндр, на внешней стороне которого из конца в конец натянуты музыкальные струны, настроенные на мажорный аккорд, то тогда, если струны вибрируют, а цилиндр одновременно вращается, то устройство станет левитировать. Иначе говоря, цилиндр сам поднимется в воздух без каких либо внешне наблюдаемых средств поддержки.

Это может звучать как фантастика, но здесь следует отметить, что Фрэнсис Бэкон был главой общества розенкрейцеров. И во време-

на Бэкона это тайное общество было своего рода подпольной организацией, посвящавшей себя тому, что мы назвали бы наукой. Иначе говоря, они занимались исследованием природных феноменов посредством экспериментов, что в те времена считалось по сути делом греховным и незаконным. Также можно отметить, что в те времена в Англии было лишь семь официально лицензированных печатных станков, а Фрэнсис Бэкон был тем правительственным лицом, кто контролировал их работу. Так что это действительно было возможно, чтобы он мог диктовать наборы шрифтов для любой публикации таким образом, как ему требовалось.

Как бы там ни было, полковник Фабиан крайне заинтересовался описанным в шифровке цилиндрическим устройством и решил, что его надо изготовить. Для реализации этого замысла он регулярно ездил из Женевы в Чикаго на поезде Северо-Западной железной дороги, а рядом с Чикагским вокзалом — прямо на другой стороне улицы — находилась деревообрабатывающая фабрика компании Plamondon. Как-то раз Фабиан зашёл и к ним для обсуждения работы по изготовлению цилиндрического устройства. И там он договорился с одним из их специалистов, которого звали Берт Эйзенхаур, чтобы тот приезжал в Женеву по субботам и воскресеньям для работы над проектом. В конечном же счёте Эйзенхаур уволился из Plamondon, чтобы уже постоянно работать в Ривербэнке.

Вскоре цилиндр тот с прикрепленными к нему рояльными струнами был действительно изготовлен, и его до сих пор можно увидеть в Ривербэнке. Я не знаю, как именно они планировали заставить струны вибрировать, но ключом может послужить тот факт, что полковник Фабиан приобрел особый музыкальный инструмент под названием хоралчело, а через некоторое время у него в распоряжении было три таких инструмента.

В основе своей этот инструмент представлял собой фортепиано, и играть на нем было можно как на рояле. Однако, ещё там были подобающе настроенные электромагниты, связанные с каждой из рояльных струн, благодаря чему струну можно было удерживать в состоянии непрерывной вибрации, чтобы она выдавала постоянный уровень звука на протяжении всего того времени, пока нажата соответствующая клавиша на клавиатуре. Звук этого инструмента, таким образом, напоминал звучание органа.

Переменные токи разной частоты для управления электромагнитами были устроены с помощью хитроумного набора вращающихся генераторов, имевших надлежащий коммутатор для каждой нужной частоты. В этой конструкции был воплощён фундаментальный принцип в основе непрерывной вибрации рояльных струн, хотя конкретные взаимосвязи этого аппарата с вращающимся левитирующим цилиндром ограниченного размера и не назовёшь очевидными.

[Заставить изготовленный цилиндр левитировать не получилось,] Однако полковник Фабиан был настойчив в своих проектах. Один из его братьев входил в попечительный совет Гарвардского университета, так что Фабиан отправился к нему и спросил, кто сейчас в их стране главный специалист по акустике. Брат же его ответил, что это вне всяких сомнений Уоллес Сэбин, профессор физики в Гарварде. Тогда Фабиан устроил так, чтобы его познакомили с профессором Сэбином...

[Результатом этого знакомства стало то, что для научных исследований Сэбина полковник Фабиан построил в Ривербэнке самую передовую по тем временам акустическую лабораторию. И хотя лаборатория эта существует вплоть до нынешних дней, Уоллесу Сэбину поработать в ней не довелось из-за преждевременной кончины в возрасте 50 лет. Так что никакого отношения к Бэкону и к розенкрейцерам эта — «акустическая» — линия в истории Ривербэнка больше уже не имела.]

Хотя и не относящийся к акустике, другой побочный продукт интересов полковника Фабиана к кодам и шифрам оказался воистину важным и долгосрочным успехом. После того, как миссис Гэл-лап переехала в Ривербэнк, там была создана небольшая группа людей для помощи ей в попытках расширения работ над бэконовским шифром.

Кроме того, для воплощения своих идей об улучшении сельхоз-продуктов обширной фермы в Ривербэнке, полковник Фабиан нанял молодого человека по имени Уильям Фридман. Как выпускник Корнеллского университета в области генетики растений, Фридман был приглашён в Ривербэнк для сельскохозяйственных исследований. Вскоре, однако, Фридман подключился к работам над кодами и шифрами, поскольку для этого, как выяснилось, у него имелись врождённые таланты.

Когда США вступили в Первую мировую войну, то у Ривербэнка оказалась фактически единственная в стране организованная группа, систематически работавшая с шифрами, так что правительство прислало им несколько перехваченных шифровок на предмет возможного дешифрования. Ривербэнкская группа была весьма успешной в такого рода делах.

В 1921 году Фридман оставил работу в Ривербэнке, чтобы присоединиться к вооружённым силам США, где продолжал свою правительственную службу в качестве криптоаналитика вплоть до ухода на пенсию в 1955. [Среди прочих успехов на этой службе] Он был главой тех аналитиков Армии США, которые взломали очень сложный японский шифр Purple в августе 1941 года. Это достижение позволило США читать официальную зашифрованную переписку Японии, включая и те сообщения, которые шли в процессе американо-японских дипломатических переговоров накануне Пёрл-Харбора...

#

Имеется целый комплекс обстоятельств, с разных сторон проясняющих, почему этот документ, воспроизведённый здесь со множеством излишних, казалось бы, подробностей, чрезвычайно важен не только для истории криптографии, но и для истории науки в целом.

Во-первых, хотя Фред Кранц изложил свой рассказ с опорой на собственную память, все упомянутые там факты впоследствии были неоднократно проверены и подтверждены историками криптографии. Точнее, почти все — за примечательным исключением устройства акустической левитации от Бэкона и розенкрейцеров. Ибо на эту тему в истории криптографии давно и сразу наложено строгое табу, нарушать которое никто не решается. Но поскольку наложено это крипто-табу неизвестно кем, на область истории архитектурной акустики оно не распространяется. А потому про Бэкон-розенкрейцеровский леви-

татор в Ривербэнке обстоятельно рассказывают и другие ветераны этой лаборатории⁷⁰.

Во-вторых, тайное общество розенкрейцеров занималось не совсем «тем, что сейчас называется наукой». Более правильно их деятельность было бы называть научным гностицизмом, образующим естественный мост между средневековыми занятиями типа магии, алхимии и астрологии, с одной стороны, и современными научными исследованиями со стороны другой. Поскольку же оккультные занятия и эксперименты мистиков, опирающиеся на идущие из древности знания, всегда и непременно подразумевают общение с потусторонними силами, а церковь, как известно, относится к подобным вещам крайне враждебно, тайное общество розенкрейцеров действительно можно называть «подпольной организацией». Причём скрывали себя они настолько успешно, что современная наука — в полном согласии с церковью, как ни странно — предпочитает и ныне считать, что никаких таких розенкрейцеров, скорее всего, в истории XVII века и не было вовсе...

В-третьих, хотя история криптографии в своём Бэкон-Шекспировском аспекте могла бы предоставить абсолютно надёжные документальные свидетельства тому, что розенкрейцеры в эпоху Бэкона не только действительно существовали, но и активно занимались пограничными научными исследованиями в областях соприкосновений тонкого и плотного мира, никто и ничего в этом направлении из историков не сделал. Более того, были приложены все усилия, чтобы эти свидетельства вообще оказались бесследно из истории выпилены. Причём выпиливанием таким, что примечательно, занимались одновременно как со стороны секретных крипто-спецслужб, так и со стороны открытой истории криптографии (см. следующий пункт).

В-четвёртых, наконец, у супругов Фридманов — как наиболее авторитетных свидетелей дешифровальных работ в Ривербэн-

⁷⁰ См., к примеру, следующую книгу:

Копец, John W. «*The Sabines at Riverbank: Their Role in the Science of Architectural Acoustics*». Woodbury, N.Y.: Acoustical Society of America, 1997

ке — в своё время тоже обнаружился пылкий юный поклонник, в 13-летнем возрасте написавший им письмо и загоревшийся интересом к истории криптографии до такой степени, что она стала главным делом всей его долгой жизни. Юношу того, в 2020 году отметившего своё 90-летие, звали Дэвид Кан, а в историю он вошёл как автор самой знаменитой книги XX века по истории криптографии — «от Древнего Египта и до наших дней»: *David Kahn, «The Codebreakers. The Story of secret writing». New York, Macmillan publishing, 1967.* Главная же проблема с этой книгой заключается в том, что Кан — как абсолютно преданный поклонник великого криптографа Уильяма Ф. Фридмана — при оценке Бэкон-Шекспировских споров целиком и полностью принял позицию супругов Фридманов, даже не пытаясь её критически проанализировать.

А потому в знаменитейшей книге Дэвида Кана «Взломщики кодов», в 1960-е годы впервые открывшей обществу глаза на глухо засекреченную прежде область криптографии и ставшей, по сути, библией для всех последующих исследователей открытого крипто-сообщества, в главе о Бэкон-Шекспировской теме нет не только упоминания об устройстве акустической левитации, но даже и о книге генерала-криптографа Франсуа Картье. К переводам глав из которой нам уже давно пора перейти...

#

(фрагменты перевода, стр. 193-202 книги Картье)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С опорой на аргументы упомянутой ранее работы г-на Абея Лефранка («Под маской Уильяма Шекспира скрывается Уильям Стэнли, шестой граф Дерби»), мы можем видеть, как эта Автобиография — в сочетании с достоверной информацией о Фрэнсисе Бэконе — способна прояснить большинство из тех неясных моментов, что связаны с гипотезами о происхождении произведений, приписываемых Уильяму Шекспиру.

«У этого автора (речь идет об Уильяме Шекспире), который так великолепно говорил о дружбе, не было, похоже, вообще ни одного настоящего друга». Любовь Фрэнсиса Бэкона к Маргарите и его дружеские чувства к приёмным родителям, а затем и к брату (?) Роберту являются свидетельством той интенсивности чувств привязанности, которые в данном случае достаточно существенны.

«Его предполагаемые дружеские отношения с Беном Джонсоном остаются полнейшей загадкой». Насколько понятнее становится эта дружба, если правда то, что Фрэнсис Бэкон был автором книг, подписанных Беном Джонсоном.

«Критики единодушно отмечают, что в драматических произведениях поэта, приходящихся на последние годы XVI века и первые семь-восемь лет века XVII, видны признаки глубокого душевного кризиса, пессимистических и унылых настроений». Это было время после крушения любви и разочарований Бэкона в надеждах унаследовать корону.

«Когда историки и биографы, дабы объяснить столь странные контрасты и обосновать признаки разочарованности в личности Шекспира, заверяют нас, будто поэт и создатель столь многочисленных чудесных шедевров имел лишь только одну цель в написании своих комедий и драм — заработать деньги, — мы отказываемся принять подобное суждение, находя в нём нечто воистину кощунственное и нечестивое.» Фрэнсис Бэкон предоставляет вполне ясное обоснование своим трудам: оставить после себя настоящие произведения искусства, внести свой вклад в прогресс науки и счастье человечества.

Следует отметить, что Фрэнсису Бэкону было более 30 лет, когда появились первые работы, подписанные Шекспиром. Что к тому времени он прожил несколько лет во Франции, изучал право в Грейс-Инн и работал в Палате общин парламента. По этим причинам он имел необходимую зрелость, достигнутую теми испытаниями и трудами, что упомянуты в его автобиографии.

Г-н Х. Б. Симпсон в своём исследовании «*Шекспир, Бэкон и некто третий*», опубликованном в 1917 году, указывает, в частности, на юридическое образование, которым должен был обладать автор шекспировских работ. Фрэнсис Бэкон имел такое образование после учёбы в Грейс-Инн.

[Известное историкам по документам] Нравственное и интеллектуальное лицо актёра Шекспировского театра, насколько можно судить, не представляет из себя ничего примечательного. В то время как «мы могли бы представить себе младшего из сыновей какой-нибудь знатной семьи, рождённого для богатства и высокого социального положения ... в ещё большей степени пылкого друга книг, но, прежде всего, человека, обладающего страстным интересом к своим произведениям». Разве эти слова не относятся полностью к тому Фрэнсису Бэкону, чьё отражение мы видим в его автобиографии?

Г-н Харман в статье под названием «*Шекспировская проблема*», опубликованной в 1918 году, анализируя текст пьесы «*Бесплодные усилия любви*» говорит так: «Я не вижу, каким образом хоть кому-то, не обитавшему в мире придворных, удалось бы написать такую вещь». Фрэнсис Бэкон часто бывал при королевском дворе Англии и при дворе Франции, и при этом он был несчастен в любви.

Предоставим ещё несколько цитат:

Чарльз Лэмб в своей статье о шекспировских трагедиях: «Это может прозвучать парадоксом, но я не перестаю думать, что пьесы Шекспира подходят для их разыгрывания на сцене в меньшей степени, чем пьесы любого другого драматурга.»

Эмиль де Монтегю в своих Эссе об английской литературе: «Разве драмы Шекспира созданы для того, чтобы их разыгрывали на сцене?»

Насколько хорошо все эти мысли согласуются с автобиографией, из которой видно, что Фрэнсис Бэкон писал прежде всего для человечества и науки.

«Между жизнью и работой должно быть абсолютное соответствие.» Разве это соответствие не идеально у Фрэнсиса Бэкона? Нравственная и эмоциональная стороны жизни автора, пережитые им испытания, конкретные события его жизни, его опыт общения и вражды с людьми, его путешествия и мечты, его наблюдения и его собственная среда — всё это отражено в пьесах и произведениях Бэкона, будь они им подписаны или нет.

«Автор пьес Шекспировского театра был одним из самых образованных людей среди когда-либо живших.» Разве это не применимо к автору «*Novum Organum*» и «*De Augmentis Scientiarum*»?

«Однако далее автор решительно повернулся в сторону тёмных горизонтов... теперь он погружается, как правило, в мрачные драмы и горькие описания человечества.» Это строки из «*Литературной истории английского народа*» г-на Жюссера-на, когда он говорит о периоде зрелости автора шекспировских произведений. Но Фрэнсис Бэкон уже пережил смерть своего отца, внимательно следил за драмой Марии Стюарт, был участником суда и свидетелем трагического конца своего брата (?) Роберта Эссекса, видел, как умерла от горя его мать (?) Елизавета вскоре после казни его брата (?).

Также будет интересно, как мы полагаем, привести здесь отрывок из бэконовской работы «*De Augmentis Scientiarum*», опубликованной в 1623 году и способной объяснить, почему Фрэнсис Бэкон в «*Буре*», если он действительно автор этой пьесы, представляет роль оккультных наук не только как не содержащую в себе никаких преступлений или предосудительных проступков, но и как абсолютно благотворную.

Мы помещаем здесь эту удивительную страницу, написанную 300 лет тому назад, дабы современным астрономам и метеорологам было чему посвятить свои медитации:

Здравая астрология может быть использована с известным доверием к ней для предсказаний появления ко-

мет (что, по нашему мнению, вполне вероятно) и всякого рода метеоров, пожаров и наводнений, жары и морозов, землетрясений и извержений вулканов, бурь и ливней, различных температур в течение года, заразных болезней и эпидемий, урожаев и неурожаев, войн и восстаний, религиозных расколов и переселений народов, наконец, любых более или менее значительных движений или изменений как природного, так и общественного характера.

Такого рода предсказания, хотя и с меньшей долей уверенности, могли бы осуществляться и по отношению к более частным, а иной раз даже и отдельным явлениям, если, выявив сначала общие тенденции такого рода периодов, мы после тщательного физического или политического анализа применяли бы их к тем видам или отдельным явлениям, которые более других подвержены подобным влияниям.

Исходя из предсказаний погоды на целый год можно, например, сделать вывод, что она будет более благоприятна или, наоборот, более пагубна для оливковых деревьев, чем для виноградных лоз, для лёгочных больных, чем для больных печенью, для монахов, чем для придворных (имея в виду различный образ их жизни и питания). Или же, зная о том влиянии, которое небесные тела оказывают на жизнь людей, можно сделать вывод о том, что в данный год такое влияние благоприятно или, наоборот, неблагоприятно для народных масс, а не для правителей, для учёных и любознательных, а не для мужественных и воинов, для любителей наслаждений, а не для деловых людей и политических деятелей.

Мы могли бы множить и множить цитаты, чтобы показать, почему именно Фрэнсис Бэкон выглядит как человек, отвечающий всем тем условиям, что необходимы для признания за ним авторства произведений, приписываемых до сих пор Шекспиру.

Но, как мы уже говорили ранее, мы не собираемся вступать в дискуссию и оставляем для квалифицированных учёных дела по оценке того нового документа, который мы только что здесь опубликовали. Дабы они сами сделали такие выводы, которые отсюда следуют.

Здесь же во избежание недоразумений мы ещё раз повторяем, что считаем бесспорной точность того дешифрования, которое проведено под руководством полковника Фабиана и из которого мы лично смогли проверить лишь некоторые части.

Все неверующие, если таковые всё ещё имеются, могут провести любую необходимую проверку по тем фотоснимкам, что нами опубликованы, либо по оригиналам, с которых они были скопированы.

Проверяющие, однако, не должны упускать из виду того, что мы говорили ранее о возможных ошибках и неопределённости, которые сопряжены со столь непрактичным методом шифрования, каковым является шифр Фрэнсиса Бэкона, в особенности, когда речь идёт о столь длинном тексте, как воспроизведённая здесь автобиография. Аналитики не должны поддаваться влиянию тех несоответствий, что могут возникать в результате локальных ошибок шифрования, ибо общий смысл послания чаще всего позволит им легко восстановить повреждённые части.

Добавим также, что такого рода ошибки иногда могут приводить к образованию других слов и даже других фраз, нежели те, что были приняты дешифровальщиками, проделавшими всю эту работу. Неопределённости подобной природы действительно возможны даже с короткими текстами и в таких случаях, когда шифрование выполнено по гораздо более простой системе, нежели у Бэкона. Реальные примеры в подтверждение этого утверждения подобрать было бы несложно. Однако неопределённость дешифрования легко снимается, когда верно восстановленные части послания, идущие до или после неясного фрагмента, разъясняют смысл того, что должно быть прочитано.

Как бы там ни было — и в ответ на несколько резкую критику, прозвучавшую в наш адрес по поводу работ, выполненных под руководством полковника Фабиана — мы приведём в заключение оценку профессора английской литературы, который поначалу испытывал определённые сомнения относительно верности дешифровок, но имел возможность тщательно изучить материалы анализа непосредственно на месте.

...Полковник Фабиан обладает замечательно богатой частной библиотекой Бэконинской и Елизаветинской литературы, и он щедро предоставил её собрания в моё распоряжение. Я пришёл к выводу, что шифр Бэкона был логическим дополнением к его планам по развитию научных исследований, и что Бэкон, вероятно, использовал его для тех целей, которые он наметил. Иначе говоря, как средство записи тех научных результатов, которые давали доступ к фактам науки, необходимым для его современников, однако опасным для него лично, если бы они были опубликованы в обычном порядке. В ходе своей работы я имел достаточно возможностей для того, чтобы сформировать сбалансированные суждения о сотрудниках Ривербэнка и о характере тех исследований, которые они проводят под руководством полковника Фабиана и благодаря его бескорыстному научному энтузиазму. В итоге у меня нет никаких сомнений в том, что сотрудники этой лаборатории являются компетентными, старательными и тщательными в своей работе, а те труды, которыми они заняты, вполне соответствуют стандартам лучших из наших научно-исследовательских институтов.

Наши собственные проверочные работы позволяют нам дать абсолютное подтверждение для этой похвальной оценки.

*[Примечание переводчика и комментатора:
Побочный для главной истории сюжет о ценнейшей библиотеке книг, собранной Фабианом и состоявшей примерно в равных долях из оккультной литературы и книг Елизаветинской эпохи, представляет особый интерес. Во-первых, потому что много лет спустя к библиотеке и архивам Фабиана проявляли немалый интерес исследователи-историки АНБ США, а во-вторых, потому что практически вся переписка и личные записи полковника Фабиана бесследно исчезли...]*

Подробности об этом — в одной из следующих глав.]

#

(стр. 117-123 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы VI

В этой главе Фрэнсис Бэкон рассказывает о вражде Елизаветы с Марией Стюарт, о суде над последней и о её смерти.

Поскольку Папа не желал признавать союз Генриха VIII с красавицей Анной Болейн, Елизавета, появившаяся в результате этого брака, с точки зрения католической религии была незаконнорождённой. Именно это заставило её принять более покладистую протестантскую религию.

Но завещание Генриха VIII, охваченного раскаянием, не оставляло никаких сомнений в главенстве его первого брака с Екатериной Арагонской, вдовой своего брата, а следовательно, в недействительности того союза, что он заключил с Анной Болейн, пока Екатерина была ещё жива.

Фактически, после его смерти королевская корона сначала перешла к Марии, дочери Екатерины, и лишь потом вернулась к Елизавете.

Фрэнсис Бэкон, очевидно, вполне признаёт законность воцарения Елизаветы на престоле, поскольку сам он, как старший сын последней, таким образом оказывается наследным принцем.

Дабы каким-то образом отвести подозрения относительно её тайного брака с графом Лестером, королеве Елизавете пришла в голову идея объявить Лестера поклонником королевы Марии Шотландской, и несмотря на протесты мужа (?) она долго отказывалась пересмотреть это решение.

Когда же в отношениях с Марией Стюарт начали обозначаться проблемы, Елизавета проявляла живейший интерес ко всему, что касалось её кузины. Так, когда стало известно, что Мария вернулась из Франции в Шотландию (1560 г), Елизавета даже планировала тайно туда съездить, чтобы посмотреть на неё лично — переодевшись молодым человеком и в сопровождении одного из джентльменов её двора. На время отсутствия Елизаветы, как предполагалось, вход в её покои был бы запрещён всем, кроме леди Страффорд и её доктора, который объявил бы королеву приболевшей.

Поразмыслив, однако, королева всё же отказалась от этого замысла, продемонстрировав тем самым, что «мудрость её была сильнее любопытства».

В течение нескольких последующих лет она, казалось, не интересовалась этим проектом и вообще о нём забыла.

Но когда Мария Стюарт обратилась к Елизавете с просьбой отпустить её во Францию (1568), она столкнулась с резким отказом, так как министры королевы считали, что более разумно удерживать Марию в Англии, где её перемещали из замка в замок, не допуская при этом их личной встречи с Елизаветой.

И тут Елизавету вновь охватило желание увидеть свою соперницу лицом к лицу. Тех, кто знал Марию, она подробно

расспрашивала обо всём — о её красоте и её росте, о цвете её волос, о звучании её голоса и так далее...

Чтобы удовлетворить интерес королевы, отцу Бэкона пришла в голову явно неудачная мысль подарить Елизавете зрелище с её соперницей, когда она мирно ужинала с графом Лестером в доме последнего.

Королева же, пришедшая от этого зрелища в неописуемую ярость, неожиданно явила себя застольной компании и обрушилась на графа с такой гневной бранью, которая для Марии Стюарт была совершенно непонятна. В итоге же скандала просто удивительно, что сразу вслед за этой сценой не последовали два смертных приговора.

Далее Бэкон упоминает о шифрах, которые Мария Стюарт использовала для переписки с иностранными корреспондентами, и где она жаловалась на обращение с ней, прося о помощи.

Королева Елизавета поручила Фрэнсису Бэкону расшифровать эту переписку.

«Было совершенно ясно, что заточённая в плен королева Мария не вынашивала никаких намерений относительно воцарения на английском престоле. Она действительно влияла на позиции как Франции, так и Испании, отчасти из-за своей католической религии, а отчасти, в отношении Франции, из-за её краткого, но счастливого предыдущего брака с Франциском Вторым, братом тогдашнего короля Генриха.

И хотя многие из её посланий было трудно, а для меня — не имеющего ключа — и невозможно расшифровать, эта моя работа принесла плоды даже лучшие, чем я мог бы желать. Потому что я испытывал тайную симпатию к этой бедной скиталице, однако ни в коей мере не оказался втянут в данную авантюру.»

Елизавета подозревала Фрэнсиса Бэкона, коль скоро и он жил во Франции, в сочувствии делу Марии Стюарт; эти подозре-

ния сильно настраивали её против Бэкона и в своё время повлияли на её решение относительно того брака, о котором он мечтал. Но поскольку никаких доказательств для этих подозрений не было, королева со временем изменила своё отношение и «искренне желала иметь Фрэнсиса в качестве своего ценного советника» (1589).

Бэкон воспользовался этим, чтобы добиться от Елизаветы настолько благожелательного отношения к Марии Стюарт, при котором она не могла бы жаловаться.

В то же самое время, вместо того чтобы подвергнуть графа Лестера опале, Елизавета возложила на него командование своей армией за границей и отправила его в Нидерланды в качестве командующего английской кавалерией.

Таким образом, для Марии Стюарт наступил период спокойствия, и если бы у неё были хорошие советники, то бедствия вполне можно было бы избежать. Ибо переменчивый дух Елизаветы не был ориентирован на мысли о неумолимой мести.

Но всё было совершенно не так для лорда Берли, который был решительно настроен на вынесение смертного приговора, когда дело дошло до суда над Марией Стюарт. Если только вообще можно называть судом решение такого трибунала, где у обвиняемой стороны нет никакой поддержки, кроме защитника, которого назначила обвиняющая сторона. И более того, где трибунал спешит поскорее привести в исполнение вынесенный приговор.

Во время тайной встречи между лордом Берли и графом Лестером, на которой также присутствовал Дэвисон, секретарь королевы, последний был настолько запуган лордом, что расписался за королеву и поставил Большую Печать на ужасном смертном приговоре. За это злое дело Дэвисон расплатился своей жизнью, но ответственность за него, тем не менее, лежит на лорде Берли. Это не было решением Елизаветы, которая хотя и была достаточно предусмотрительна, чтобы держать свою кухню в заточении, однако «сердце в её прекрас-

ной груди не было настолько суровым, чтобы отправить эту несчастную женщину на смерть раньше назначенного Провидением срока...»

Смертный приговор пришел в замок Фотерингей гораздо раньше, чем его ожидали те, кто был там с несправедливо обвинённой королевой. Каковой бы ни являлась личная вина Марии, было известно, что все заговоры в её пользу и против королевы Елизаветы имели своё происхождение за пределами Англии. Но поскольку она была центром этих заговоров, в независимости от того, были они Марии известны или нет, по закону её обвинили в предательстве.

Более того, будучи католичкой, она считала развод Генриха Восьмого с королевой Екатериной незаконным и недействительным. Таким образом, брак Генриха с Анной Болейн не был санкционирован церковью, а значит, рождённые в этом союзе дети были незаконнорождёнными. А из этого следовало, что Марию Английскую, дочь Генриха и Екатерины, должна была сменить на троне Мария Шотландская.

Но перейдём теперь к казни.

В назначенный час этого печального дня Мария вошла в большой зал своего замка-тюрьмы, который по этому случаю был задрапирован в чёрное. На Марии был длинный траурный плащ, скрывавший фигуру с головы до ног, рядом с ней были её слуги. Палач, также в траурной одежде, стоял в тишине возле плахи. Английские лорды Кент, Шрусбери, Монтегю и Дерби стояли в зале парами, время от времени переговариваясь.

Королева выглядела бледной от недосыпания, но была спокойна и собрана. Она попросила позвать её священника. В чём ей отказали с излишней суровостью.

Произнеся в ответ какие-то неразборчивые слова, затем Мария несколько минут молилась ясным голосом, вверяя Господу свою страдающую душу. После чего она вышла вперёд, позво-

лив своему плащу соскользнуть на пол, и встала перед ними в кроваво-красном платье. В той милой и привлекательной манере, которая была вполне естественна для любой женщины и которой она обладала в высшей степени, она попрощалась со своими спутниками и поблагодарила лорда Монтегю, который выступал её защитником на совете лордов. Потом, после минуты колебаний и молчания, она сказала любезные слова каждому из присутствующих — и её повели к плахе.

Так наступил конец Марии Шотландской.

«Но в моём сердце красота её по-прежнему живёт всё такой же свежей, словно она и сейчас среди живущих».

#

(стр. 110-117: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter VI

The chief cause now of the uneasiness is, however, the question that hath risen regarding these plots of Mary, and those of the old faith — a question of Elizabeth's claim to the throne, and therefore, likewise, my own. This doth more depend upon some work of Henry's than this secret royal espousal I mention oft.

As may be well known unto you, the question of Elizabeth's legitimacy, made her a Protestant, or the Pope had not recognized the union, though it were royal, which her sire made with fair Anne Boleyn. Still we may see that despite some restraining fear, it suited her to dally with the question, to make a faint show of setting the matter as her own conscience dictated, if we take the decisions of facts; but the will of the remorsetossed king left no doubts in men's minds concerning the former marriage, in fact, as the crown was given first to Mary, his daughter of that marriage, before coming to Elizabeth.

With everyone whose aim putteth him very seldom to blush, in heart I desire only that this supreme right shall be also supreme power. If the queen could claim the throne — it goes without saying — I am the rightful heir, since the blood of King Henry is running in these veins.

Few women of any country, royal or not, married or single, would play so madly daring, so wildly venturing a game as Queen Elizabeth, my willfully blind mother. To divert curious questioning from the royal union, many shifts and turnings were a necessity; whilst to bear out their stage play until their parts should be done, her majesty, most like some loud player, proclaimed Baron Dudley, Earl of Leicester, suitor to Mary Queen of Scots, and to all admonitory protests which the harried husband uttered, this wayward queen went on more recklessly.

After her troubles concerning Mary of Scots began, nothing else had such exceeding interest in her eyes as the least trifle of airy nothingness which came to us regarding her cousin. Shortly after the return of her rival to her native land, a wish to go hither took possession of her, and she was almost persuaded, I am well assured, to go to Scotland with a gentleman of the court in the disguise of a youth, as page to the gay courtier, whilst her chamber should, in her absence, be closed as though suffering so much pain as that it compelled her to deny audience to every person save Lady Strafford and the physician.

But this foolish plan died ere it was brought into fullness of time, thereby making it apparent that at second thought her wisdom doth exceed idle curiosity.

For years the wish lay quiescent. Soon in truth, the queen came hither requesting a safe conduct into France. This being harshly refused — the ministers thinking it more prudent at that time to allow her such sure shelter in our own country that she should be safe from her enemies — whilst in England, this poor queen was moved from one castle to another, but was not as yet brought before Elizabeth.

Again a desire to look on the face of her foe stirred in her, so that new curiosity made her inquire of all who knew the lady concerning her beauty, height, color of hair, quality of her voice, et caetera, very like to the famous Egyptian queen regarding Octavia, and to gratify her consuming desire it was soon arranged by my ill-advised father to give her majesty a sight of this queen whilst supping in quiet by invitation at his own house.

Elizabeth, angered at hearing what passed between. Queen Mary and my father, stepped forth quickly, discovering herself and administered a reproof my father understood better than Queen Mary could. It is a subject of wonder that it did not sign both death warrants, for the trouble that was spoken of in this matter was constantly increasing evidence that a cipher used in Mary's foreign correspondance had been the medium by which a complaint had been made of her treatment, and pleas widely disseminated for assistance.

The queen set me at deciphering this, nor can I deny, indeed that it grew so clear that it would glimmer through the dullest of eyes that the imprisoned queen did not intend anything short of her own proper enthronization. She did affect greatly both France and Spain, partly because of her religion, and partly, in respect of France, because of her brief, but happy union formerly with Francis the Second, a brother of Henry, the sovereign then on the throne. And whilst many of the epistles were difficult, and to me impossible, — not having the key, — to decipher, my labor had better fruits than I on my own part wished, for I had a secret sympathy for this poor wanderer although by no means interesting or engaging myself on any dangerous chance.

Her majesty had suspected me of open assistance when in the sunny land of France. In truth that disagreeable insinuation had much to do with her decision respecting my own marriage, not a want of fitness in the parties. However, as no act or written word could be produced in proof, or cited to show that I have ever had such sympathy, — that it was shown either openly or privately to herself the jealous suspicions died away and my assistance as adviser, and I may say valuable counselor, was earnestly desired.

It is a grievous fault — ay, a dreadful crime — to conspire as Mary of Scots did against a great queen. The very power and grandeur awakeneth a reverence or a veneration in the heart, and give a sovereign much in common with our Supreme Ruler, — it must not be so inquired of.

Elizabeth, thereunto prompted by her prudent adviser, at length adopted a policy so mild in its nature that her foe could not make just complaint, and the matter then rested quiet a short time.

Her majesty softened so much toward my unthinking father that instead of driving him away implacably, she gave him command at once of her army in foreign wars, and dispatched him as Master of the Horse of her majesty's army in the Netherlands.

A short respite followed, and had Queen Mary been warned by the experiences of her very great danger, calamity might doubtless have been finally avoided; for the divided mind of her majesty, swaying now here, now there, at no time clung long to revengeful intents.

In such uncertainty was she, that a report of words that might be construed as spoken with threat or malice, another, following it, should be set down because of its kindness and forbearance.

Such, however, was by no means Lord Burleigh's manner. In truth, so determined was he not only that sentence of death should surely be pronounced against her when she was brought to trial, — if trial that may be entitled, when the helpless prisoner must needs choose from the counsel of her foe to obtain any defender in the proceedings, — but likewise, that the harsh sentence should not linger in execution.

Soon there was a secret interview between Lord Burleigh and Earl of Leicester, to which was summoned the queen's secretary who was so threatened by his lordship — on pain of death et caetera, the poor fool that he signed for the queen and affixed the great seal to the dreadful death warrant.

The life of the secretary was forfeit to the deed when her majesty became aware that so daring a crime had been committed, but who shall say that the blow fell on the guilty head; for, truth to say, Davison was only a poor, feeble instrument in their hands, and life seemed to hang in the balance, therefore blame doth fall on those men, so great and noble though they may be, who led him to his death.

This showeth any who thought Elizabeth too severe to her cousin that, though she had prudence sufficient to keep her arch enemy in seclusion, by no means was the heart in that fair bosom so flinty as to send the unfortunate woman to her death before her time.

The Duke of Norfolk, it is quite true, lost his life through too much zeal to Mary's cause, united, it is said, or springing from, a rash desire to wed the lady, notwithstanding the charges preferred against her. However, the removal of one duke was but a small matter compared with that of a queen. A man's head stood somewhat tickle on the shoulders then, nor did he think his life hard and cruel were such exit provided him.

But to return to the narration, — which is a painful theme to me now as it was at that sad time. This warrant of death reached Fotheringay much sooner than it was expected by any there attendant upon the wrongly accused queen, for whatever her fault, it was known that all plots in her favor against the life of the queen, my mother, had their origin outside of England, but being the center thereof whether cognizant of them or not she would, by the law, be attainted of treason.

Furthermore, being Catholic, she held the divorce of Henry the Eighth from Queen Katherine unlawful, in very truth, and unjust; his marriage with Anne Boleyn, therefore, could but be an unsanctified union and their children bastards. Granting the premise, Mary of Scots should have succeeded Mary of England.

Again I have somewhat digressed, but the theme is so heavy I cannot follow it without taking short respite at intervals. At the appointed time on that sad day, Mary entered the great-hall of her

prison-castle, which for this occasion was draped in black, wearing a long mourning cloak that covered her from head to foot; with her were her attendants. The executioner, likewise in mourning, stood in silence by the block, and disposed in pairs about the room, were the English lords, Kent, Shrewsbury, Montague and Derby idly conversing.

The queen looked pale from want of rest but was calm and composed. She asked for the services of her own priest. It was refused with needless sternness. She spoke little more, prayed in clear tones for some minutes, commended to God her suffering soul, to Philip of Spain the quarrel with England and her claim to the throne. Then she stepped forward letting the cloak slide to the floor and stood before them in a robe of brave blood red, and in that sweet, winsome way most natural to a woman and to her in highest degree, had her waiting women farewell, thanked Lord Montague who had spoken for her when the lords sat in council and bade him adieu. Afterward there came a moment of hesitation, — only a minute, possibly for silent invocation, — then she spoke graciously to each one in her presence and was led to the block.

So ended Mary of Scots. But in my heart her beauty still liveth as fresh as if she yet among the living.

#

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Friedman, William F. & Elizebeth S., «*The Shakespearean Ciphers Examined*». Cambridge: Cambridge University Press, 1957
- Kranz, Fred W. «*Early History of Riverbank Acoustical Laboratories.*» The Journal of the Acoustical Society of America, Volume 49, Number 2 – Part I, February 1971, pp 381-384 (Reprinted in Cryptologia, 9:3, 240-246, July 1985)
- David Kahn, «*The Codebreakers. The Story of secret writing.*» New York, Macmillan publishing, 1967 [reed. 1996]

Апрель 2021

Бэкон и Паули

В этой части расследования обнаруживаются примечательные параллели данной истории с умолчаниями и секретами науки вокруг Вольфганга Паули.



Фактов и документов, представленных в предыдущих частях, уже вполне достаточно для следующих выводов.

У современной науки имеется всего два бесспорно авторитетных — и при этом диаметрально противоположных в своих выводах — заключения от профессионалов-криптографов по проблеме зашифрованных посланий в книгах Бэкон-Шекспировской эпохи. В одном заключении — от французского генерала Картье — совершенно однозначно подтверждаются как многочисленные факты наличия бэконовских шифртекстов, так и общая верность их дешифрования. В другом же заключении — от супругов Фридманов — существование тайных криптопосланий в печатных книгах XVI-XVII веков отрицается тотально и в принципе.

Имеются, однако, очень сильные свидетельства тому, что жёсткое и категоричное отрицание американских криптографов выстроено на основе умышленно сфабрикованной неправды. На основе, иначе говоря, не только умолчаний о заведомо известных Фридманам деталях и обстоятельствах, подрывающих их позицию, но и на основе документально доказуемой лжи, скрывающей факты личного активного участия супругов Фридманов в делах по дешифрованию бэконовских шифров в старинных книгах.

В подобных условиях не только профессиональным юристам или криптографам, но и всем обычным людям, имеющим общее представление о том, чем ложь отличается от правды, совсем несложно было бы сделать вывод, какой из сторон в этом весьма уже давнем споре экспертов следует доверять.

Факты нашей странной жизни и истории таковы, однако, что споры авторитетных экспертов-криптографов были преднамеренно устроены тут не только в заочной форме, но и с заранее намеченным итогом. Ибо сначала супруги Фридманы терпеливо дождались, когда престарелый генерал умрёт, наконец, утратив возможности что-либо возразить им в ответ, а уже потом весьма оперативно выпустили свою собственную книгу с тотальным отрицанием выводов Франсуа Картье.

Работа Фридманов сразу же по выходу в середине 1950-х была воздвигнута на пьедестал почёта, осыпана наградами литературоведов, театроведов и прочих шекспироведов, а про возмутительно неудобную для всех книгу Картье поспешили тут же забыть. И с тех пор решительно не желают о ней вспоминать — вплоть до сегодняшнего дня...

Легко постичь, отчего работа Франсуа Картье, где компетентно, доказательно и — главное — проверяемо Фрэнсис Бэкон подтверждается в качестве автора шекспировских произведений, оказалась абсолютно неприемлемой для Мифологии Шекспирианы⁷¹ и для великого множества специалистов, эту

⁷¹ см. главу «Мифология Шекспириана»

мифологию плодотворно окучивающих уже четвёртое, считай, столетие.

Несколько труднее понять, отчего и все прочие деятели академической науки — вроде историков, философов, физиков и прочих исследователей твёрдого естествознания (вроде криминалистов, к примеру) — все они очевидно предпочли тоже встать на шаткие и неубедительные позиции шекспироведов, демонстрируя полную солидарность с их мифотворчеством. То есть учёные упорно предпочитают «не видеть» одного и того же автора за бэконовскими и шекспировскими текстами. Хотя личность и творчество Фрэнсиса Бэкона по своему масштабу занимают очень заметное место не только в истории XVII века, но и в истории мировой культуры, науки и философии в целом. А обнаруженный криптографами большой и неосвоенный пласт важных документов в книгах той эпохи открывает воистину ценнейший клад новых знаний не только о Бэконе, но также о многих других заметных людях и важных событиях нашего прошлого.

Так почему же академическая наука не проявляет вообще никакого интереса к книге генерала Картье, предпочитая абсолютно некритически и полностью доверять «экспертным заключениям» из фабрикации от супругов Фридманов?

Ожидать внятного ответа учёных на этот риторический вопрос вряд ли имеет смысл... Но вот в чём смысл есть определённо, так это в поиске, анализе и сопоставлении аналогичных, но более недавних сюжетов из нашей истории. Ибо ситуация с поразительным отсутствием интереса у науки к многочисленным тайнам вокруг жизни и творчества Бэкона — это, конечно же, далеко не единственный случай строгих религиозных табу для учёных на исследования «запретного».

Кто именно, когда и, что особо интересно, почему эти табу устанавливал — никому толком не ведомо. Однако сопоставление примечательно схожих моментов и параллелизмов в жизнеописаниях ключевых героев позволяет не только выявлять тут отчётливые закономерности и общие механизмы

происходящего. Но кроме того — и это самое главное — становится ясно видно, насколько существенно расчистка тёмных мест в истории науки изменяет общую картину нашего понимания природы... Ибо изменения эти имеют принципиальный характер.

#

Среди множества исследований параллельного проекта «Книга новостей»⁷² одной из наиболее глубоко проработанных линий в русле общей темы научных табу является история тайн и умолчаний вокруг знаменитого физика Вольфганга Паули⁷³. Поэтому здесь вполне естественно провести (очень краткий) сравнительный анализ жизнеописаний Бэкона и Паули.

Но ещё до начала сравнений необходимо особо подчеркнуть, что многие из приводимых здесь фактов, хотя и являются бесспорными элементами в доказательной базе, для науки нашей продолжают оставаться либо крайне сомнительными, либо вообще игнорируемыми. Просто вот так уж — очень избирательно — настроена и устроена сегодняшняя наука. Конкретно в данной истории это в первую очередь, конечно же, касается фактов из зашифрованной автобиографии Фрэнсиса Бэкона. То есть документальных свидетельств, доказуемо извлечённых из книг бэконовской эпохи, однако игнорируемых наукой на основе ложного, доказуемо сфабрикованного заключения экспертов...

Обстоятельства появления двух сравниваемых героев в этом мире отчётливо сопряжены с «тайнами рождения» — как мирского-бытового характера, так и оккультно-эзотерического. Но поскольку для подтверждения оккультных тайн, тут связанных с именами и цепочками реинкарнаций разных широко известных в истории личностей, никаких достоверных документов пока не существует, эту сторону сопоставлений пока

⁷² <https://kniganews.org>

⁷³ <https://kniganews.org/map/n/00-01/>

лучше оставить в стороне. Просто как на сегодня бездоказательную.

Что же касается сугубо мирской стороны, где достоверность биографических фактов подтверждается многочисленными документами и свидетельствами, то важные обстоятельства рождения каждого из героев, во-первых, не были известны им самим вплоть до взрослой юности. А во-вторых, что особо важно, когда тайное всё же стало для них известным, это оказалось не только опасно, но и весьма существенно повлияло на всю дальнейшую жизнь героев.

О том, сколь радикально отразилось на жизни Бэкона открытие факта его происхождения от тайного брака королевы Елизаветы и Роберта Дадли, впоследствии графа Лестера, и о том, сколько рисков и угроз породил этот факт для законного, но тайного и никогда никем не признанного наследника английского престола, с подробностями известно из бэконовской автобиографии.

Что же касается Вольфганга Паули, то его «тайной рождения» были еврейские корни, тщательно скрывавшиеся от него родителями, исповедовавшими христианство (как мать) или перешедшими (как отец) в католицизм ещё до их женитьбы и рождения ребёнка. Но если в молодости этот факт стал для Паули просто не самым приятным открытием, то в зрелые годы, когда родная для него Австрия стала частью нацистской Германии, еврейское происхождение стало означать совершенно конкретную угрозу для самой жизни учёного. И попутно сделало его в высшей степени зависимым от государственных властей — со всеми их ужасно важными бумажками типа паспортов, виз, видов на жительство и тому подобного.

Обстоятельства происхождения наших героев вполне отчётливо отразились не только на бытовых проблемах и сложностях, но и на всём их научно-литературном творчестве. А весьма непростая политическая обстановка эпохи, тесно связанная с большими войнами и революциями, в свою очередь, ещё и сы-

грала важную роль в последующей судьбе их обширного творческого наследия.

В жизни и творчестве как Бэкона, так и Паули имеются три заметно разных, но существенно соприкасающихся стороны:

- (1) официальная открытая,
- (2) сторона полуоткрытая или мягко-окультурная, и
- (3) сторона тайная или жёстко засекреченная до сих пор.

Первую и наиболее известную из этих сторон есть все основания называть парадно-официальной или полностью открытой для исследователей. Фрэнсис Бэкон, в частности, заслуженно почитается в истории науки среди первых крупных философов Позднего Возрождения и начала Нового времени, ибо труды его послужили основой для современного научного материализма и эмпиризма — как строгого метода исследований, в своих выводах и доказательствах опирающегося прежде всего на опыты и наблюдения природы.

Что же касается Вольфганга Паули, то его официальной общеизвестной стороной являются роли, так сказать, одного из апостолов новой физики, активного участника «революции мальчишек», создавших квантовую механику, впоследствии Нобелевского лауреата и вообще одного из наиболее мощных интеллектов в теоретической науке первой половины двадцатого столетия.

Вторую, существенно менее известную и хуже освоенную сторону в научном наследии каждого из героев вполне естественно называть мягкой оккультно-магической. Ибо Фрэнсис Бэкон, скажем, ни в коей мере не был материалистом в современном понимании этого слова. Скорее даже напротив, он проявлял большой интерес к подлинно научному — экспериментальному и систематическому — освоению таких вещей, как астрология, магия и алхимия. Ко всем тем, иначе говоря, «суевериям и предрассудкам средневековья», которых для современной науки просто не существует.

Для кого-то из людей неосведомлённых это может звучать крайне странно, однако и один из знаменитейших отцов новой физики, Вольфганг Паули, также отнюдь не был материалистом. И при этом, имея большой и регулярный опыт очень содержательного общения с «иной стороной» нашего сознания, Паули был уверен, что современная наука очень много потеряла, отказавшись от той средневековой концепции «души материи», что отчётливо присутствовала как основа у магов и алхимиков древности. В поздний период творчества Паули всерьёз занялся работами по возвращению «души» или сознания материи в науку, однако никакой поддержки среди коллег не нашёл.

Если же говорить о третьей, по сию пору тайной и официально как бы не существующей стороне творчества наших героев, то здесь дела обстоят так. Для нынешней академической науки, почитающей Бэкона одним из своих основателей, два очень важных аспекта его биографии упорно оставляются не только без надлежащего изучения, но и по сути просто игнорируются. Один из этих аспектов, конечно же, связан с богатейшим литературно-драматургическим наследием Бэкона, опубликованным под масками Шекспира, Спенсера, Марло, Грина и так далее. Ну а аспект второй — с активной работой Бэкона в рядах тайного общества розенкрейцеров.

В куда более близкой нам по времени биографии Вольфганга Паули столь значительные аспекты его творческого наследия, казалось бы, скрывать и игнорировать было бы просто невозможно. Однако в реальности, как ни странно, и здесь имеются свои два аспекта, засекреченные вплоть до настоящего времени. Один аспект связан с массивом удивительно богатых и тщательно записанных сновидений Паули, часть из которых давно опубликована и изучается, однако другая часть по сию пору недоступна для исследователей, оставаясь в секретных архивах медицины. Аспект же второй и существенно иной — это Великое Открытие Паули в области фундаментальной физики, сделанное им в последний год жизни, перебрасывавшее мост между материей и сознанием, но остающееся никому в

науке как бы неведомым даже сегодня, свыше полувека спустя...

После ухода наших героев из жизни в этом мире, что примечательно, параллелизмы сопутствующих событий отчётливо продолжались и далее. Теперь уже благодаря специфической и на удивление похожей деятельности их «литературных духоприказчиков», так сказать.

В случае с Вольфгангом Паули главными и долгое время единственными распорядителями обширного личного архива документов, оставшихся после смерти учёного, стали его вдова Франка Паули и физик-теоретик Чарльз Энц (р.1925), последний из его научных ассистентов. И поскольку Франка Паули по сугубо личным причинам крайне негативно относилась к «окультурно-юнгианской» стороне жизни своего мужа, она полностью и почти на 30 лет (вплоть до своей смерти) закрыла для исследователей ту часть обширнейшей переписки своего мужа, что не имела прямого отношения к его роли «апостола новой физики».

При этом доктор Чарльз Энц, имевший полный доступ к архивам Паули и руководивший впоследствии подготовкой к публикации нескольких собраний трудов учёного, свою главную, очень долго готовившуюся биографическую книгу о Паули выпустил лишь в 2002 году. То есть четыре с лишним десятилетия спустя после ухода великого физика. Как ни удивительно (или наоборот, уже вполне предсказуемо), абсолютно никаких новых фактов о сути главного научного открытия Паули эта очень обстоятельная книга не добавила. Ибо Энц — это всеми уважаемый физик-теоретик, а для серьёзной науки никакого великого открытия в последний год жизни у Паули не было, понятное дело...

О судьбе обширного архива документов и рукописей, оставшихся после Фрэнсиса Бэкона, историкам известно, естественно, намного меньше. Но неоспоримые факты таковы, что распорядителем литературного наследия стал священник доктор Уильям Роули (1588-1667), в последние годы жизни Бэкона

его духовник, секретарь и просто близкий человек, а впоследствии капеллан английских королей Карла I и Карла II. Насколько сильно тут влияла близость Роули ко двору, достоверно неизвестно, но если труды из архива рукописей Бэкона он стал готовить к печати и публиковать уже вскоре после смерти великого философа, то собственный биографический очерк о жизни Бэкона — первый для Англии и по сию пору расцениваемый как главный первоисточник для историков — Роули выпустил лишь в 1657 году. То есть три с лишним десятилетия спустя после ухода Бэкона.

Для завершения же этого краткого сравнительного жизнеописания осталось добавить такую любопытную пару фактов.

По сути единственным содержательным — и при этом абсолютно надёжным — историческим свидетельством о великом (и тут же засекреченном) предсмертном открытии Паули являются мемуары его давнего товарища и коллеги, знаменитейшего теоретика Вернера Гейзенберга. Который готовил в тот период их совместную статью, непосредственно наблюдал небывалый духовный подъём у друга из-за открытия, суть которого узнать не успел, однако поделился с читателями тем, что было ему известно из слов и кратких открыток от самого Паули. Опубликовано это всё было в начале 1970-х, то есть задолго до выхода биографии от Чарльза Энца. Однако у «официального биографа» Энца, что интересно, при всей его информированности нет в книге не только сколь-нибудь содержательных сведений об открытии Паули, но даже нет там и известной от Гейзенберга ключевой фразы о его сути: «Раздвоение и уменьшение симметрии — уж теперь-то мы напали на след!»... Более того, словно сговорившись, аналогично умалчивать эту важную деталь — словно её и не было — предпочитают и остальные биографы Паули.

Быть может, не единственным, но почти наверняка самым первым из биографических очерков о жизни Фрэнсиса Бэкона, опубликованным задолго до работы Уильяма Роули, является предисловие к книге бэконовских трудов, изданных в Париже в 1631, то есть всего через пять лет после ухода философа из

жизни. Первое же, что невозможно здесь не заметить, это упоминание важных фактов и прозрачных намёков, отчётливо соответствующих фактам из зашифрованной автобиографии Бэкона, однако полностью опущенных в более поздней «официальной» версии биографии от Роули. Примечательно также и то, что парижское издание 1631 года было опубликовано на французском языке неким Пьером Амбуазом, явно располагавшим англоязычными оригиналами таких рукописей Бэкона, которых ныне у историков нет. Более того, в серьёзной научной литературе, посвящённой Бэкону, по очень давно заведённой кем-то традиции вообще не принято упоминать эту французскую книгу. Слово её и не было вовсе.

Но если учёные данную работу игнорируют, это вовсе не означает, что о ней никому не известно. Известно, конечно же, причём довольно давно. Упоминает об этой французской книге, в частности, и генерал Франсуа Картье в своей монографии «*Проблема криптографии и истории*». К переводам фрагментов из которой мы в очередной раз переходим...

#

(фрагменты перевода, стр. 307-308 книги Картье)

ПРИМЕЧАНИЯ

W

Первая биографическая работа под названием «*Жизнь Бэкона*» (*Vie de Bacon*) была опубликована во Франции в 1631 году, всего через пять лет после его смерти, в качестве предисловия к французскому переводу бэконовской «Естественной истории», сделанному Пьером Амбуазом (*Pierre Amboise*, «*Histoire Naturelle de Mre. Francois Bacon, Baron de Verulam, Vicomte de Saint Alban et Chancelier d'Angleterre*», Paris, 1631).

Первая английская биография философа будет издана Уильямом Роули лишь в 1657 году, и что любопытно, не только Ро-

ули, но и никто из других английских писателей не упоминает о работе Пьера Амбуаза. Однако история жизни Бэкона, написанная Амбуазом, намного более полна и содержательна, нежели у Роули, причём там содержатся такие подробности, которые по всему свидетельствуют о близком знакомстве автора с Бэконом. Так, к примеру, Пьер Амбуаз пишет, что в молодости на протяжении нескольких лет Бэкон путешествовал по Франции, Италии и Испании.

Господин Грэнвилл Канингем (*Granville C. Cuningham*) опубликовал английский перевод этого предисловия Пьера Амбуаза — в своей книге «*Тайна Бэкона, раскрытая в книгах его современников*», о которой я уже упоминал и которая вышла в Лондоне в 1911 году.

Всем тем читателям, кто хотел бы докопаться до подлинной жизни Бэкона, я настоятельно рекомендую прочесть эту интересную книгу. И в частности, главу под названием «Новая жизнь лорда Бэкона», где автор освещает особенности биографии, написанной Пьером Амбуазом, имевшим, судя по всему, в своём распоряжении более полную рукопись, чем та, которую использовал Роули. Или же у Амбуаза имелись какие-то ещё оригинальные записи, полученные им неизвестно каким образом. Какова дальнейшая судьба этого манускрипта или тех записей?

#

(стр. 129-132 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы VII

Казнь Марии Стюарт привела к войне с Испанией. «Ни один неприятель не бросал свой дерзкий вызов столь отважно, как Филипп, истинный сын Испании. Никто не поднимал перчат-

ку вызова с большей лёгкостью и мастерством, чем Елизавета.»

Известие о том, что Испанская Армада вышла в море и направляется к английским берегам, вызвало взрыв патриотизма даже у католиков, более преданных своей родине, нежели Папе и религии, о которой они наслышаны были много, но знали гораздо меньше. Как известно, Армада была рассеяна — отчасти морским штормом и отчасти, добавляет Бэкон, благодаря умелым боевым действиям английских моряков.

Елизавета, таким образом, на время избавилась от испанской угрозы и получила возможность заняться внутренними проблемами Англии.

Королевы не похожи на простых людей. Сильной воле Елизаветы невозможно было сопротивляться. Её политическое мастерство заставляло и парламент, и её Тайный совет убедиться, что Англией управляет не только их мудрость, но и сама королева. Без сомнения, у них в достатке было случаев и для изменения такого мнения, однако и без того острый ум редко подводил Елизавету, в случаях опасности скорее обостряясь, нежели притупляясь, и становясь, таким образом, её обоюдоострым мечом.

Граф Лестер, страдавший от того, что в глазах публики он был всего лишь обычным придворным среди фаворитов государыни, задумал жениться, понадеявшись, что королева не будет противиться этому браку, раз она не желает признаваться в их тайном союзе.

Елизавета, однако, разгневалась до такой степени, что ему пришлось искать способы избавления от своей второй жены, как это уже было и с женою первой. В разгар этих хлопот Лестер вдруг умер сам, оставив Елизавету «почти обезумевшей от боли, раскаяния и отчаяния».

Именно тогда главным фаворитом королевы стал брат Бэкона, граф Эссекс, на которого Елизавета перенесла «всю нежную любовь своего сердца».

О природе их отношений Фрэнсис Бэкон выражается так: «Кучу проблем, естественно, это доставляло скорее другим, нежели им самим. Особенно, когда разгорелся большой придворный скандал вокруг тех любовных посланий, которыми они обменивались, словно думая об одних лишь удовольствиях. Лордам королевского совета приходилось отводить глаза, ибо замечать такое было опасно для любого из зрителей, чьё зрение было достаточно острым и способным видеть происходящее за масками».

«Сегодня людям слишком сложно разглядеть, что там было, однако я дал обещание написать обо всём так, как это виделось мне, как я это знал, можно сказать, ничего не умаляя и не опуская их греха».

«Для нашей матери были столь же характерны и бесстрашие Эссекса, и быстрота его реакций в случаях неожиданной опасности. Но когда их воли сталкивались, трудно было предугадать, что произойдёт далее.»

Похожий по темпераменту на свою мать, Эссекс мог надломиться, но его никогда нельзя было пригнуть, даже в малейшей степени. Поэтому их мирные отношения не могли длиться долго, а самые трагические события не замедлили произойти.

Эссекс слишком много возомнил о благосклонности королевы и вскоре впал в немилость. Тем не менее, он продолжал оставаться надменным и властным, если пребывал в гневе или раздражении, переходя в состояние великодушия и щедрости, когда успокаивался.

Судя по всему, граф Эссекс попытался вовлечь Фрэнсиса Бэкона в свой заговор против королевы. «Но бесспорно то, — и я должен выразить эти вещи предельно ясно, — что его пер-

воначальный план гораздо больше предназначался для моего прямого права наследования, нежели для его собственного, однако я отказался слушать заклинателя...»

Тем не менее, Эссекс продолжал свои приготовления, не прислушиваясь к советам об осторожности, окружая себя отчаянными и безрассудными соратниками вроде него самого.

Заканчивается глава цитатой из Евангелия: «И какую мерю мерите, такую отмерено будет и вам».

#

(стр. 123-129: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter VII

Her majesty soon had matters of great import to consider. Events crowded close upon the proceeding, and whilst a lion watched in strong holds, foxes spoiled the grapes, as in former aeons, according to tradition.

No enemy doth so doughtily throw down his bold defiant challenge as Philip, true son of Spain. None takes up that glove with greater ease or with more skill than Elizabeth.

Mary did enjoin upon Philip such a course, and, as in many cases, the subjects did have a greater love and more devotion to the head of the church than truth and loyalty to either country or queen, there was somewhat of confidence wanting as rumors of the Armada from Spain reached the far away seamen.

When they put out, however, many hundred Englishmen, of whatever communion, rose in defense. The love of home is a stronger affection, in some doughty servants of the Pope, and of England, than the love of things which pertain chiefly to that religion of which much is rumored but much less known.

Even more zealous and blinded servants of the church of the old religion, roused with fury, did run to fight insolent Spain, to protect life and home, than came to aid, summoned to assist by the Pope's command. Indeed few made any sign to manifest their allegiance to aught but England.

The Armada dispersed partly through the ready action of England's seamen, partly through the tempest of the flood, Catholic Spain needed still a wariness, subtle, sleepless. Many of the old faith, as it was then styled, remained in different portions of the country; these yet smarting under the blow to the hope of restoring the Church of Rome to supremacy, that the execution of Mary of Scots gave them, were not at heart good subjects, but the spirit and daring that Elizabeth showed, had effect.

With her overweening passion of vanity, was mingled a strong hatred of war, and wish to outcraft the enemies of a royal government whose head was a woman, or in common speech, not of the ablest sex. Events duly sanctioned a claim to the heart of Henry, her grandsire; for Henry, the Tudor who most upheld the glory of that line of kings of which he was first, was a mirror to my mother in divers things.

Queens are not like common folk. They often control opinions as well as their estates, and Elizabeth's strong will was not one that could be resisted. Her policy made Parliament and her Privy council each suppose, not only that their wisdom did so govern England, but that she herself was (in a degree truly wondrous for a descendant of the line of kings, like the royal sire and grandsire of famous memory) controlled by advisement of the men that compose these bodies.

No doubt they did not lack occasion at one time and another to modify this notion, yet her wit was seldom unequal to occasion, while a perplexity rather sharpened than dulled, and actual danger made as a two-edged sword.

Elizabeth throughout lost much by bluntly daunting my artful sire. Her wedded lord, not being acknowledged such publicly, nor shar-

ing in her honors, was but a cipher, albeit standing where he should multiply the value of that one. For the space of nineteen of twenty years, my father, gay court idol as he was, guarded his secret and basked in the sunshine of royal favor.

Therefore we must marvel to see him later claim advantage of her majesty's bold mood to take another partner to his bosom, rightly divining that she would not show cause why such a union could not be fitly considered or consummated, but venturing not upon full confession thereof.

However, her majesty dwelt not for long in ignoble inaction — the force that she gave to her angry denunciation affrighting the wits of this poor earl, until he was again turning over expedients to rid her of this rival. Suspicion again fell on the misguided man, of seeking to murder the partner of his joys, but Heaven brought his own doom suddenly upon him. So doth this act end.

My mother was nearly distracted with grief, remorse and despair for a space. Upon my brother's return, to take the favorite's place, she bent on Essex the fonder love of her heart and gave much gracious attention to his honor and the furtherance of her designs regarding him.

Indeed, much harm was wrought to others than themselves, for great the court scandal regarding love messages betwixt them, as though they had been mindful only of pleasure, so that the lords of her council winked visibly at it, lest it enter at their eyes; for'twas dangerous for any onlookers, if the eyesight were keen and saw behind those masks.

The men to day are too night for good sight, but my faith was formally pledged to write it as I believed it, I may say, knew it, not blenching nor omitting the sin of either.

To our mother is the fearlessness that Essex showed to be traced directly, and that promptness of judgment in a sudden calamity; but with sufficient time given to deliberate, Essex, even more than she, would show a variety of opinions in so swift succession, you

must use much wit to gain one he would give his name unto. When their wills should be matched'twere no light task to decide as to the result.

Like his mother in temper he could break, but never even slightly bend, and in the most of such trials, no end that most exasperating method of contest resulted in, could be worth much, as it was more frequently accidental than planned, — therefore the peace could never long endure.

Such a flitting sunshine is sometimes the brighter, more golden, more dazzling. Those who were of a discreet disposition, basked in the rays, and smiled while fair skies did bend over us, but none knew when the tempest's wrath might change our bright day to black night, and a darkness more dire, said some, than Egypt's plague, cover heaven's dome.

My lord of Essex presumed too much upon secret liking and in a short time found himself less honored than crossed or chided. Should we, therefore, marvel to see him haughty and overbearing when chafed, genial and generous when smoothed? nor so much doubt this swift change up and down of his fortune had such effect upon his spirit? and imagining that his footing were secure, fell from safety into great danger, as the astronomer who was gazing on the heavens to study the stars, fell into the water?

Crowns must be as of old, night and daytime well attended, or some wild rout, waiting in ambush rapine's black, opportune time, without a warning steal the glory of the land, leaving behind them merely desolation. This was narrowly averted in England, securely as her crown is watched, nor did these empty headed tools do aught but obey a superior mind, — that of my brother Essex.

It is undeniable, — I must say to make these things as plain to all as it could be if he himself repeated these sentences, — his original plan much more intended my plain right than his own, but I refused to listen to the charmer in the ill-deserving, ill-succeeding design. So that some such fiery rebellion on the earl's part, was perhaps only a manifestation by way of bragging shows, or many

flaunts of various intents, that not I, but my gayer brother was the darling, or the minion, of our people, especially of the city.

Had it not met the overturn deserved, the younger of the sons would inherit ere the elder. By law this could occur only when the rightful, or, as we name him in our country heir-apparent hath waived his rights. As I was known, not as his brother only, but as the queen's first-born, such plots should at best naturally await my full knowledge and consent.

But puffed up thus with show of military glory, an entrance to power (whose signs the robe, the crown, scepter, and state so worked on his inflamed fantasy, as to have far more value than royal sword), opening with very small tap on his outer door, it may be only natural and easily accounted for, though not so easy to meet.

This was much aggravated in my mind by some private assurances that had so deceived me, that I saw not a sign of danger, but trusted his word, nor imputed those assurances to aught but good will, expecting right and honest trustworthiness of Robert as a gentleman, both by that royal blood that is our heirship, and by the old time gentle nurture he received as ward of Devereux.

It did behoove me to be wary, yet for my Prince Robert I took desperate hurts. As the danger many hundred times verified fear of our old compeers, with an angry heart, I oft saw Essex summon in minions to sit in halls of judgment, in whose hands his very life was in peril. He would turn from the wisest words of hundreds, ruled by the hardy sons England so loved.

Most persons in my lord's liking, but least honored, ho served honorably, however, in the foreign fighting, will perhaps come under men's censure when the truth is made known; whilst some of our Irish troops found they had not well understood the intentions their leader had cloaked in his own high spirit or bold will. He found simple and quite easy ways of binding men to the great treasonable undertaking, by a representation which contained but a modified

figure of truth. Men adventured fortunes so unthinkingly, that ruin of their hope was ruin against which nothing availed.

It cannot now alter the fate of any, high or low if the matter be given a full rendering as it is now found herein; but our great struggles in the interest of Earl Robert, have many most indisputed returns even as the Holy Scriptures saith: «With such measure as ye yourself do mete, it shall be meted to you.»

#

Основные источники

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Granville C. Cuninghame, «*Bacon's Secret Disclosed in Contemporary Books*». London: Gay & Hancock, 1911

Дополнительное чтение

О тайнах и умолчаниях науки вокруг Вольфганга Паули и его великого открытия:

- Гостайна как метафора
<https://kiwibyrd.org/2013/12/11/2131/>
- Паули как психотравма
<https://kniganews.org/2020/07/06/pauli-trv/>
- Сны Вольфганга П
<https://kniganews.org/map/n/00-01/>

О реинкарнациях больших учёных в разные эпохи истории:

- Pascal-Pascheles-Pauli
<https://kniganews.org/map/n/00-01/hex12/>
- Остроградский — Воеводский
<https://kiwibyrd.org/2020/07/09/20h72/>
- Эйлер — Пуанкаре — Арнольд
<https://kniganews.org/2018/05/14/hte5/>

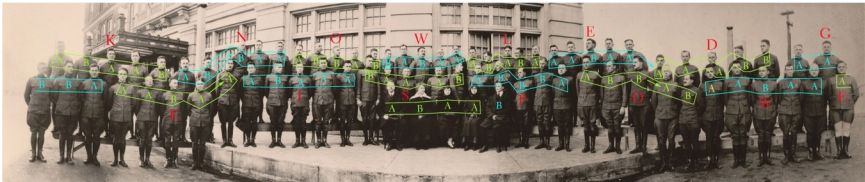
Бэкон и магия

В этой части показаны отчётливые взаимосвязи между магической наукой Бэкона и криптоанализом спецслужб.

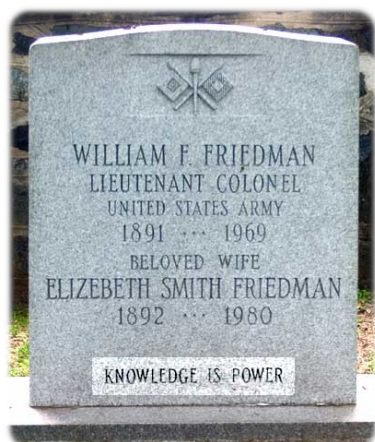
Метод засекречивания информации, изобретённый Фрэнсисом Бэконом, получил от него название *Omnia Per Omnia*, то есть шифрование «всего через всё» в переводе с латыни. Из собственных трудов Бэкона известно, что сам он расценивал свой метод тайнописи чрезвычайно высоко.

Из других источников — пусть менее знаменитых, но ничуть не менее надёжных — достоверно известно, что столь же высоко расценивал этот шифр и Уильям Ф. Фридман, главный криптограф АНБ США и один из отцов-основателей современной научной криптологии.

Давно уже не является тайной и то, что собственно шифром огромный интерес Фридмана к бэконовскому наследию отнюдь не ограничивался. Хотя профессиональное вхождение молодого учёного-генетика в область криптографии происходило именно благодаря засекреченным текстам Бэкона и работам по их дешифрованию, в не меньшей степени повлияла на Фридмана и весьма особенная бэконовская философия науки.



В частности, знаменитое изречение Бэкона «Знание — это сила» («Knowledge is Power») стало для Фридмана, по сути дела, главным девизом всей его крипто-шпионской жизни и деятельности. Под этим девизом — зашифрованным методом Бэкона в поворотах голов офицеров на выпускной фотографии — Фридман обучал свой первый большой курс военных криптографов в 1918 году.



И под этим же девизом — выбитом на могильном камне и спрятавшем в себе его собственные инициалы WFF тем же бэконским шифром — Фридман отошёл в мир иной в 1969.

Содержательные подробности на данный счёт можно найти в главе «**Тайны криптографической могилы**». Для целей же расследования нынешнего особо интересный результат этого полу-

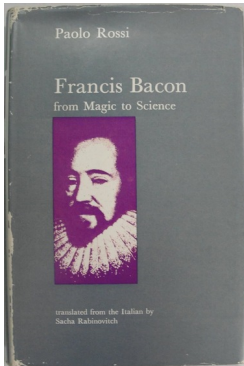
столетнего увлечения Фридмана специфической философией Бэкона сводится к тому, что один из самых знаменитых криптографов XX века каким-то образом умудрился стать и главным могильщиком великого для исторической науки открытия. То есть открытия большущего массива тайных посланий, зашифрованных для потомков в книгах XVI-XVII веков самим Бэконом и людьми его круга.

Для понимания того, отчего именно Фридман по сути идеально подошёл на эту неблагородную и неблагодарную роль, необходимо знать несколько для кого-то неожиданных в данном контексте, но одновременно и очень важных вещей. Знать, во-первых, какое место занимала в философии Бэкона магия. Во-вторых, знать, какого рода вещи называл магией Фридман. И в-третьих, хотя бы в общих чертах представлять, отчего магией сегодня занимаются в науке секретной и одновременно поносят её как «предрассудки и суеверия» в науке открытой...

Начинать (и заканчивать) разъяснения, понятное дело, следует с Фрэнсиса Бэкона. С того, в чём была суть его научной философии, что он понимал под магией, почему считал её важным компонентом науки, но открыто об этом не говорил. И каков, наконец, во всей данной картине глубинный смысл его знаменитого афоризма «Знание это сила».

Для погружения в тему дел, по времени весьма отдалённых, вполне естественно опираться на работы авторитетных специалистов-историков, профессионально оперирующих первоисточниками. Здесь, в частности, привлечены для разъяснений три такие монографии:

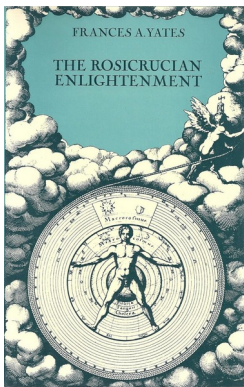
1.



Паоло Росси.

Фрэнсис Бэкон: от магии к науке (1968)

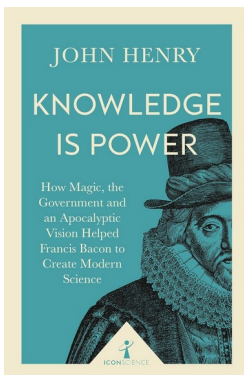
2.



Фрэнсис Йейтс.

Просвещение розенкрейцеров (1972, в Сети имеется русский перевод)

3.



Джон Генри.

Знание это сила: Как магия и правительство помогли Фрэнсису Бэкону в создании современной науки (2002)

Факты и сопоставления, приводимые в данных работах современных историков, при их сведении в обобщённо-скомпилированную картину выглядят так.

Фрэнсис Бэкон (1561-1626) был великим гением из тех, кто помог сформировать современный мир. Но для многих людей было бы затруднительно сказать, а почему, излагая конкретнее, мы воспринимаем Бэкона именно так. Ведь он не сделал никаких новых научных открытий, не изобрёл никаких технических новшеств, не обнаружил неведомых прежде законов природы.

Его достижением стало вот что. Именно Бэкон в красноречивой философской форме изложил связный и последовательный метод для того, чтобы систематическим путём делать все перечисленные вещи: открывать новые феномены, придумывать и внедрять технические новации, выявлять скрытые законы природы. И на этом пути Бэкон оказался для истории столь же важен, как наиболее знаменитые из учёных — вроде Галилея или Ньютона — в тех делах и свершениях, которые историки именуют Научной Революцией.

По сути, Фрэнсис Бэкон хотел переопределить само понятие исследований мира природы. Абсолютно убеждённый в том, что предназначение философии не только в интерпретации мира, но в его преобразовании, он был одержим идеями такого прогресса человечества, для которого не было бы пределов.

Сам Бэкон говорил об этом так, к примеру:

«Превыше всех успехов человека следовало бы ценить не добычу какого-то конкретного изобретения, сколь бы ценным и полезным оно ни было, но зажигание света в природе. Такого света, который уже на восходе своём должен достигать и освещать все окраины, окаймляющие круг наших нынешних знаний; и таким образом, распространяясь затем всё дальше и дальше, он должен раскрыть и показать нам всё из того, что есть среди наиболее сокровитного и тайного в мире. Вот такой чело-

век (думается мне) стал бы подлинным благодетелем — распространителем царства человеческого на всю вселенную, героем освобождения, победителем и покорителем необходимости.»

Предисловие к «Интерпретации Природы», 1603

Говоря современным языком, Фрэнсис Бэкон был философом науки. Возможно, самым первым из тех, кто действительно тут важен. Его постоянно направлял замысел объединить три главных заботы науки: как знание обосновывается, как знание можно расширять и как его можно делать полезным.

Новый бэконовский метод был разработан для полного преобразования тех знаний о мире природы, которые имелись в его время, и которые он расценивал как одновременно неверные и бесплодные. А поскольку также Бэкон был ещё и великим писателем, он помог вдохновить и многих других на принятие новых подходов к естественной философии. Причём влияние это длилось ещё очень долго после его смерти в 1626.

Известное возражение современных критиков Бэкона, выступающих против отнесения его к фигурам первого плана в истории науки, состоит в том, что Фрэнсис Бэкон в своём проекте «прогресса учёности» не уделил должного внимания математическим наукам, имеющим ныне столь большую значимость; и более того, он продемонстрировал собственную некомпетентность в этой области, отвергнув астрономическую теорию Коперника и теорию магнетизма Уильяма Гильберта.

Конкретно на этих — далеко неслучайных — сторонах бэконовской позиции полезно сфокусироваться чуть далее. В целом же современные критики Бэкона зачастую упускают из вида и словно не понимают, что именно он был ключевым инструментом в том, каким образом наука и технологии стали важнейшими характеристическими аспектами Западной культуры.

До Бэкона вообще не было такой вещи, как наука в нашем современном смысле этого слова. После Бэкона Западная Европа встала на курс таких открытий и изобретений, результатом которых стала цивилизация на основе мощи науки и технологий. Поэтому в очень реальном смысле можно говорить, что Бэкон изобрёл современную науку.

Но при этом, однако, наука в понимании Бэкона сильно отличалась от того, что мы понимаем под наукой сегодня.

Бэкона справедливо помнят в истории как одного из первых философов, продвигавших идею о том, что знания человека и сила человека должны сливаться в одно. Или о том, формулируя чуть иначе, что научное знание должно быть направлено на «улучшение разума человека и улучшение его участи» (*Thoughts and Conclusions, 1607*).

Политические и религиозные мотивы, стоявшие за этой идеей, освещены в философской литературе вполне отчётливо. Значительно меньше, однако, освещена та древняя модель — или магическая традиция — которой Бэкон здесь следовал.

Ибо в рамках магической традиции знание мага было всегда предназначено для практического применения в деле.

Поскольку современные комментаторы бэконовских текстов обычно незнакомы с основами магии, они часто бывают озадачены заявлениями Бэкона типа такого, к примеру: «Истина ... и полезность — это в точности одни и те же вещи» (*New Organon, I, Aphorism 124*).

С философской точки зрения мы имеем здесь довольно озадачивающее заявление относительно целей науки. Ведь для сегодняшних учёных это совершенно обычное дело и даже, бывает, постоянное профессиональное занятие — думать о таких истинах, в которых определённо нет абсолютно ничего полезного. Достаточно лишь вспомнить о науке под названием «чистая математика» и таких примыкающих к ней областях

фундаментальной физики, где никому не ведомы способы реального использования добываемых истин.

Но вот с точки зрения практической магии и бэконовской науки (как противоположности спекуляциям естественных философов) совсем несложно увидеть, однако, что те истины, которыми озабочены здесь — это такие истины, для которых находится применение.

Если знание это сила, то тогда истина — вещь несомненно полезная.

Бэконовские философские труды демонстрируют, что он знал о магии весьма много. Что отчасти он и сам практиковал в делах магической традиции, в частности, в области алхимии. И то, что его собственная философия была в значительной степени обязана магии.

Уже в начале наиболее важной из опубликованных Бэконом работ, в его «Новом Органоне» (*New Organon, I, Aphorism 3*) он декларирует, что:

«Для повышения эффективности своей работы, всё, что человек может делать — это складывать вместе или разделять на части естественные вещи. Всё остальное делается природой, работающей внутри этих вещей.»

Полезно сравнить эти слова с такой цитатой:

«Весь ход Природы мог бы научить нас согласию или несогласию вещей — либо так, чтобы уметь разделять их, либо складывать их вместе путём взаимного и подходящего применения одной вещи к другой, поскольку тем самым мы совершаем странную и удивительную работу...»

Этот фрагмент взят из наиболее, наверное, известного компендиума о магии, *Magia Naturalis* («Естественная магия», 1589),

автором которого является Джамбаттиста делла Порта (1535-1615).

В своём трактате Делла Порта в явном виде объясняет, как происходят удивительные магические эффекты: природные тела имеют незримые оккультные силы, посредством которых они могут действовать друг на друга, иногда усиливая одним другое (когда их силы находятся в согласии), а иногда блокируя одно другим (если их силы находятся в несогласованности).

Та же самая идея может быть обнаружена и у другого сведущего автора магической традиции, Корнелия Агриппы (1486-1535):

«Маги — тщательные исследователи природы, лишь направляющие то, что природа ранее уже приготовила, объединяющие активное с пассивным, и часто добивающиеся успеха в получении таких результатов, которые в народе расцениваются как чудеса, хотя на самом деле это не более чем предсказание естественных природных процессов.»

О неопределённости и суетности всех наук, 1526

Представляющиеся чудесами результаты могут достигаться, говорит Агриппа, просто путём правильного комбинирования или объединения подходящих компонентов — активных и пассивных. Аналогичным образом, весьма странные и удивительные дела можно осуществлять, как говорит Делла Порта, просто применяя одну вещь к другой. И когда Фрэнсис Бэкон говорит о том, что для достижения желаемых эффектов всё, что человек может сделать — это «складывать вместе или разделять на части естественные тела», а затем довериться Природе в достижении желаемого результата, тут ясно видно, что он пишет как маг...

Для наглядного примера того, как приёмы и практики, общепринятые в рамках магической традиции, находят весьма эф-

фективное применение в работе секретных спецслужб, занимающихся криптоанализом и вскрытием шифров, очень хорошо подходит следующая история из биографии Уильяма Ф. Фридмана и его жены Элизебет Смит Фридман.

Особо хороша и показательна эта история сразу по нескольким причинам. Во-первых, происходила она в 1917 году, когда Фридманы ещё работали в Ривербэнкских лабораториях полковника Фабиана. Иначе говоря, их главным занятием там по-прежнему было выявление и вскрытие бэконовских шифров в старинных книгах XVI-XVII вв. А криптоаналитические работы по заданиям правительства США добавились исключительно как собственная инициатива Фабиана, уверенного в мощи и профессионализме его криптографического департамента.

Во-вторых же, сотрудники этого департамента, в тот период уже возглавляемого Уильямом Фридманом, при работе с текстами Бэкона — как открытыми, так и зашифрованными — были естественным образом погружены в особенности магической бэконовской науки. А потому и как достаточно естественный — с точки зрения практической магии — должен рассматриваться такой «похожий на чудеса» эпизод в их шпионско-криптоаналитической работе (известный из нескольких источников, включая и знаменитую историю криптографии от Дэвида Кана «Взломщики кодов»).

Когда Ривербэнкские лаборатории по линии помощи правительству США и их союзникам стали демонстрировать реальные успехи в криптоаналитическом взломе шифров неприятеля, то английские коллеги из военной разведки прислали им пять коротких сообщений для контрольного теста на вскрытие. Эти тексты были зашифрованы не вручную, а особым устройством — новым шифратором, который изобрёл один из сотрудников британского криптобюро.

Англичане были абсолютно уверены в стойкости своего нового шифра и прислали его американским коллегам лишь для того, чтобы дополнительно в этом убедиться с помощью независимой экспертизы. Даровитый Уильям Фридман, однако,

практически сразу сумел дешифровать часть материала, определив систему и отыскав один из криптоключей (ключом оказалось слово CIPHER, то есть «шифр»). Второй ключ для остальной части, однако, вычислить аналитически не удавалось никак. И вот тогда-то Фридман решил прибегнуть к необычному методу взлома по рецептам практической магии: соединить активное с пассивным, удалить всё мешающее — и позволить природе самой предоставить готовый ответ...

В той же комнате за соседним столом над вскрытием других криптограмм работала жена Фридмана Элизебет. На минутку прервав её занятия, криптограф попросил жену отвлечься, расслабиться и «сделать свой разум чистым»... А теперь, продолжил Фридман после некоторой паузы, я хочу, чтобы ты сказала мне то слово, которое придёт тебе на ум первым, когда я скажу тебе своё... Сделав ещё одну небольшую паузу, он произнёс: «Шифр»... — «Машина», тут же сказала ему в ответ Элизебет. Подставив это слово — MACHINE — в качестве криптоключа, Фридман сразу увидел, что ключ действительно подходит и вскрыл весь тестовый материал полностью (самая первая из дешифрованных фраз выглядела так: «Этот шифр абсолютно невскрывается»)..

Тут, конечно же, сразу следует подчеркнуть, что подобного рода вещи — типа интуитивного угадывания нетривиальных промежуточных ответов, ниоткуда, вообще говоря, не следующих — в практической работе талантливых криптоаналитиков происходят регулярно. Это феномен ныне хорошо известный из множества реальных историй о вскрытии сложнейших шифров по одним лишь шифртекстам перехвата. И «магией» такие вещи, ясное дело, почти никогда не называют. Но «почти» — слово тут очень важное.

Потому что был в истории криптографии один интересный период, когда всю область разведывательной информации, добываемой путём криптоаналитического взлома шифров, вполне официально называли в государстве кодовым словом MAGIC, то есть «Магия». Государство такое называлось США, а столь интересный исторический период приходился

именно на то время, когда главным криптоаналитиком страны был человек по имени Уильям Ф. Фридман.

В общепринятой истории криптографии, однако, этот бесспорный факт, насколько известно, никем и никогда не связывается ни с именем Фрэнсиса Бэкона, ни с его магической стороной научных знаний...

Почему историки криптографической науки упорно не желают видеть здесь важную роль Бэкона, разъяснений, естественно, не предоставляется. Но зато у историков и философов науки давно имеются вполне достоверные факты и правдоподобные объяснения тому, почему Фрэнсис Бэкон в своих открыто опубликованных работах о «прогнесе учёности» явно старался дистанцироваться от двух существенно разных, казалось бы, областей.

С одной стороны, Бэкон делал всё, чтобы его идеи о развитии знаний человеческих на основе опыта и практической пользы никак не связывались с собственно словом «магия», которое в традиционных представлениях народа часто подразумевает ведьмовство, тайные связи с «нечистой силой» и прочие предосудительные вещи подобного рода. Со стороны же другой, в своих трудах Бэкон явно сторонился и таких вроде бы чистых, на современный взгляд, тем, которые были связаны с математикой, астрономической теорией Коперника и теорией Уильяма Гильберта о магнетизме и электричестве.

Для понимания этих даже по сию пору мутных аспектов картины необходимо отчётливо представлять ту весьма специфическую — и во многих отношениях конкретно для Бэкона очень опасную — историческую обстановку, в условиях которой философ разрабатывал и публиковал свой проект «*Великого восстановления наук*».

Четыре наиболее существенных для этой истории события из первого десятилетия XVII века — это:

- казнь Джордано Бруно через сожжение на костре в Риме (1600);

- не менее жестокая в своей бесчеловечности казнь графа Эссекса в Лондоне (1601);
- публикация в Англии работы Бэкона «*The Advancement of Learning*» (1605);
- начало массового распространения в Германии манифестов от тайного братства розенкрейцеров (1607).

Сразу же обратив внимание на почти одновременное появление в Англии и Германии двух очень созвучных — и в то же время заметно разных в своих деталях — учений Бэкона и розенкрейцеров, далее естественно столь же внимательно отнестись и к последующим важным параллелизмам между ними.

По времени первая среди главных научно-философских работ Бэкона, «*The Advancement of Learning*», как уже отмечено, была опубликована в 1605 г. Книга «*Великое восстановление наук, или Новый Органон*», расценивавшаяся автором как наиболее важная для изложения его философии и программы, вышла в свет в 1620-м. Ещё одна важнейшая книга на латыни, «*De Augmentis Scientiarum*» — как переработанная и сильно расширенная версия английского издания 1605 года — появилась в 1623-м.

При сопоставлении этих дат с хронологией развития розенкрейцерского движения, отчётливо видно следующее.

С философией Бэкона читатели Европы начали знакомиться за несколько лет до публикации первых манифестов розенкрейцеров в 1607-1616 гг.

Наиболее полное изложение этой философии («*Новый Органон*») увидело свет именно в тот драматичный период, когда в Богемии на протяжении всего одного 1620 года царствовала весьма особенная чета «зимних монархов», Фридриха V Пфальцского и его жены Елизаветы (старшей дочери Якова I, тогдашнего короля Англии и Шотландии). «Зимняя королева» Елизавета была хорошо знакома с Фрэнсисом Бэконом и находилась под заметным влиянием его философии. Розенкрейце-

ры, в свою очередь, вместе с восходом Богемского королевства (заложившего прочный союз между Англией и протестантской Германией) связывали большие надежды на начало новой эпохи для человечества.

Издание же латинской версии бэконовской работы «*De Augmentis Scientiarum*» совпало по времени с пиком интереса в европейских странах к делам тайного невидимого братства в 1622-1623 и с «розенкрейцерским переполохом» в Париже.

Иначе говоря, для понимания этой картины важно видеть, что розенкрейцерское движение и творчество Бэкона развивались отчётливо одновременно. И что во многом необычный «фурор» вокруг крайне таинственного, всегда незримого, одновременно научно-интеллектуального и духовно-мистического движения розенкрейцеров распространялся по Европе в те самые годы, когда в Англии издавались бэконовские труды.

Очень же заметная разница между текстами Бэкона и анонимными текстами розенкрейцеров сводится к тому, что Бэкон всюду и старательно избегает упоминаний таких общеизвестных и находившихся тогда у всех на слуху имён, как Джон Ди, Джордано Бруно, Уильям Гильберт. То есть людей, с одной стороны, весьма знаменитых своей обширной учёностью, но со стороны другой слывших в народе «магами и заклинателями».

Король Яков I, занявший престол Англии после смерти Елизаветы в 1603, со страхом и очевидным неприятием относился и к магам, и к их магии. Поэтому Бэкону, активно искавшему не только личной безопасности для себя, но и благосклонности со стороны нового монарха, пришлось делать всё, чтобы его философские труды никак не связывали ни с этими именами, ни с магией вообще.

Анонимные же розенкрейцеры, с другой стороны, ничуть не боялись ссылаться на Джона Ди и его концепцию математических наук, хотя во многом благодаря именно Ди математику в те времена связывали с колдовством и заклинаниями. То есть

делом весьма опасным и привлекавшим к себе внимание «охотников на ведьм».

Заметное влияние на тексты розенкрейцеров оказал и Джордано Бруно, ещё один знаменитый «герметический маг» той эпохи. А Бруно, как известно, в своей работе, вышедшей на английском языке, связывал появление теории Коперника с грядущим возвращением «египетской», то есть магической, религии. Что же касается Уильяма Гильберта и его теории магнетизма, то и в его труде о магнитах и электричестве вполне отчётливо и несомненно ощущается влияние Джордано Бруно.

Короче говоря, из всех этих сопоставлений — и конечно же с учётом страшной казни Джордано на костре в 1600 году⁷⁴ — вполне можно понять, отчего философия Бэкона и розенкрейцеров в большинстве общих аспектов оказываются весьма похожими, однако заметно различаются множеством конкретных деталей.

В принципиальном отличии от всегда незримых, а потому неуловимых розенкрейцеров, Фрэнсис Бэкон постоянно находился на виду. А кроме того, являясь тайным сыном королевы Елизаветы и потому законным наследником английского престола, пусть даже и не претендовавший на корону Бэкон оказался в высшей степени зависим от милости или гнева монархов. Жесточайшая же казнь его родного брата, графа Эссекса в 1601 году, более чем наглядно убедила Бэкона в масштабах той смертельной опасности, которая грозит и ему лично — просто по причине королевского происхождения.

Но такого рода доводы, конечно же, убедительны лишь в том случае, если считать доказанной подлинность признаний Фрэнсиса Бэкона из его тайной зашифрованной биографии. К переводу фрагментов которой мы и переходим.

#

⁷⁴ «Фундамент Хопфа (геометрия и материя разума 3)»
<https://kiwibyrd.org/2020/06/13/20h61/>

(фрагменты перевода, стр. 137-140 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы VIII

Мятеж графа Эссекса поначалу предполагал высадку в Милфорд-Хэвен в сопровождении внушительного корпуса солдат — в надежде на то, что по мере наступления на Лондон к нему присоединятся многочисленные сторонники. Но по совету друзей, однако, этот план был отвергнут и на какое-то время стал выглядеть существенно иначе.

Теперь план Эссекса стал выглядеть как безумная затея сразу захватить королевский двор. Его друзья — Дэверс, Дэвис и Блант — будучи хорошо известными при дворе, могли беспрепятственно туда войти с достаточным количеством помощников, которые без привлечения к себе внимания распределились бы по дворцу.

По заданному сигналу они должны были захватить алебарды стражи и взять на себя охрану в заранее определённых местах: один брал караульное помещение, второй зал приёмов, третий следил бы за входом. Тем временем Эссекс должен был проникнуть в покои королевы и фактически захватить её под тем предлогом, что некоторые из её советников и осведомителей были его смертельными врагами. Вынудив её величество предать этих людей суду, он назначил бы на освободившиеся места своих сторонников. После чего планировалось созвать Парламент, чтобы узаконить перемены и поставить всё под контроль Эссекса.

Этот план не только был прекрасно известен Саутгемптону, как правой руке Эссекса, но и вполне соответствовал его авантюрной натуре. Однако воплотить данный план не удалось, как мы знаем.

Королеву встревожили суета вокруг графа Роберта и появление в Лондоне заметных персонажей со всех концов Англии. Не ускользнули от её внимания и известия о тайных встречах соратников Эссекса, на которые они собирались без него. Результатом же этого стало предчувствие опасности и удвоение численности дворцовой охраны, предупрежденной об усилении бдительности.

Получив сообщения о происходящем, граф Эссекс решил, что заговор их раскрыт, а потому резко изменил и ускорил события.

Прежде всего, он вернулся к исходному плану захватить Тауэр, комендант которого обещал ему предоставить ключи. Чтобы захватить далее весь город, Эссекс намеревался открыто завоевать поддержку протестантов и тайно поддержку католиков, пообещав последним восстановление католической религии.

Поскольку Эссекс в то время фактически был на свободе, его понадобилось разыскивать, чтобы вызвать для дачи показаний перед членами королевского Совета.

Когда же за ним пришли, Эссекс наотрез отказался туда идти и запустил слух, будто вечером, отправившись на Совет, он был повален на землю и чуть было не утоплен Кобхэмом, слугой сэра Уолтера Рэйли, а также самим сэром Уолтером.

К сожалению, Эссекс часто менял свою историю о произошедшем и даже рассказывал, что за четыре дня до этого на него напали четыре иезуита — с той же самой целью.

Такое поведение сильно подорвало его престиж, так что совсем немногие из сторонников откликнулись на призыв Эссекса взять в руки оружие и пойти сражаться за своего короля.

К тому же королева Елизавета выступила с мудрой предосторожностью, отдав войскам приказ быть во всеоружии и готовыми откликнуться на её призыв.

Как бы там ни было, на стороне Эссекса выступило несколько сотен людей и не менее пятнадцати видных джентльменов, включая графов Ратленда и Саутгемптона, лордов Сэндза, Маунтигла и ряда других.

В своём доме Эссекс оставил в качестве заложников графа Уорчестера, лорда-канцлера, лорда-начальника юстиции и хранителя печати, которые пришли к нему для переговоров. Их заточение там, однако, было недолгим.

Неподалёку от Тауэра сторонников графа Эссекса встретили войска её величества во главе с лорд-адмиралом Ноттингемом. Блант был ранен, Трэйси убит.

Тогда Эссекс вернулся домой и там забаррикадировался. Долго, впрочем, это сопротивление не продолжалось. Эссекс договорился о том, что его жене не причинят никакого вреда, после чего сдался.

Поскольку большинство важных документов было графом уничтожено, многие детали этого заговора остались нераскрытыми. Имевшихся фактов, однако, было достаточно, чтобы доказать вину Эссекса и графа Саутгемптона.

В свою защиту он утверждал, что не присутствовал на ключевом собрании пятерых заговорщиков в Друри-хаус. Однако, это Эссексу никак не помогло, потому что его сообщники предъявили инкриминирующие документы, написанные его собственной рукой.

Рассказывается, что в тюрьме Эссекса подвергли жесточайшим пыткам, поскольку палачи получили дозволение причинять узнику любую степень боли и «раскалённым железом выжгли его прекрасные глаза для получения признаний». После чего его хладнокровно казнили...

Этот трагический конец и те ужасные зверства, что его сопровождали, произвели на Фрэнсиса Бэкона сильнейшее по тяжести впечатление.

#

(стр. 132-137: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter VIII

For a short space, this rebellion of the Earl of Essex hardly showed as such, having been by the counsel of his friends, kept wisely back when he purposed landing a large body of soldiers at Milford Haven, expecting many to join his forces as they moved on toward London and contenting the proud soul, swelling to bursting in his breast, by taking forth two hundred of his choicest spirits to give a show of greatness and aid him in the secret projects that he was hatching.

His plan was nothing less than a mad design to take possession of the court; his assistants, Davers, Davis and Blount, being well known, might enter unchallenged with a sufficient number of aids that scattered about should likewise cause no remark.

At the given sign they were so seize, without confusion, the halberds of the guard, take stand, each in his previously assigned place — one to old the guard chamber, one to possess himself of the hall, and a third to keep watch at the gate — whilst Essex should enter the presence chamber and virtually get possession of the queen, under pretense of complaining that certain of her advisers and informers were his mortal enemies and making bold to desire her majesty should bring these men to trial, should promptly name some who were neither wanting good favor nor deficient in courage to occupy the places so made vacant. Then was Parliament to be called to make concessions and the city itself to be under his control.

This plan, known perfectly to Southampton, the chief of his friends, manifestly suited that adventurous assistant well, but it failed in execution as we know.

The unwonted stir in all quarters, while Earl Robert had the measure of liberty he enjoyed, made her majesty watchful; also the assembling from every county of England of noteworthy men, nobility and military being chiefly observed, — not however, throngs, but slow gatherings as though one drew afterwards another — escaped not her eye, whereupon the guard at court were made aware of danger and the number doubled. Report thereof, coming to the Earl of Essex greatly excited his fears lest his plot had been discovered, and hastened the end.

From the first, my lord of Essex, whose whole thought clung to his original plan for seizing the Tower, — relying upon the inspector of the ordnance who had vowed to surrender the keys, — and afterward, from such point of vantage surprising and possessing the city, attempted to win the favor of the Protestants overtly, and of his Jesuit acquaintances covertly, promising the latter, I am truly informed, that he would restore the Catholic faith, and, as his innermost being was mightily swayed by imagination, I think he persuaded himself that hold on the people was sufficient to carry out these simpler plots, whilst he doubted her majesty's graces would undermine a hope built on the faith and affection of the gentlemen that were among his company. Therefore he determined that a surprise would be attended by too many dangers and trusting greatly to the love of the citizens, fell back on their aid. 'Twas Candlemas term ere his plan was so far digested.

His liberty being little restrained he had ample and constant means of carrying out his plans. As he was not confined to his chambers at court, it was necessary to send for him when he should appear before the council, but when this was done, my lord boldly refused to go and straightway disseminated a rumor that in going thither in the evening he was set upon and nearly drowned by Cobham, the tool of Sir Walter Raleigh and Sir Walter himself.

But unfortunately this tale was frequently varied by the earl, and at one time he did give out that four Jesuits had made an attack four days before, for the same or similar purpose. This weakened his case so much that but few came at his call when he went forth bidding them arm and fight for their king. In truth he saw not many

people out, for her majesty took the wise precaution to give order: «Arm and wait in readiness within for the call.»

Losses unthought of, hosts of hamperers where he had put boldest confidence that most loyal helpers would sustain him, with his hasty measures, much weaker troops, as well as a most utter want of any true indubitate remnant of every king's whole right — that is, simple honor — I know, were the controllers which made his fate certain.

But with him were not less than fifteen score of the principal gentlemen, a company well chosen, containing on the part of the nobility, Earls of Rutland and of Southampton, Lord Sands, Mounteagle, with others; behind him he had left Earl of Worcester, Lord Keeper, Lord Chief Justice, Her majesty's Controller, and Bearer of the Seal, — who had come to meet Lord Robert — themselves enduring imprisonment in his house, but they remained not long in duress.

The tour of the city being well nigh made, my Lord's party met her majesty's troops led forth by the admiral. Blount was wounded, Tracy killed; then my lord returned to his own house, and barricading the two great gates, defended the house on all sides, but availed not long. First he begged for the safe conduct of the countess, then surrendered.

Many important papers having been destroyed by the earl, many features of their plot were never brought out, Earl Essex himself saying, «They shall be put where they cannot tell tales». But evidence was sufficient to prove the guilt both of my brother and Earl of Southampton. Essex's plea, that he was not present at the consultation that five treason-plotting noblemen held at Drury House, aided him not a whit, for his associates incriminated him, and such of their writings as had not been destroyed were in the handwriting of the Earl of Essex, and they were acting as he directed. The evil his acts scattered widely even in the realms across the sea.

Kings must have some happy guard as firm of heart, and even so strongly furnished forth to war, joust, tourney or other kind of bat-

tle as ancient Alexander, his picked guards. Failing of his helpers, that would-be king was held for trial for treason, condemned, made to tell his ambitious designs, tortured, — for in the prison, vile men, his keepers, by arts more pitchy-hued than hell, having obtained a permittance to cause pain sufficient to burst the seal upon the lips of the maddened Essex, with burning irons put out both lovely eyes, — then coldly excuted.

No tale of ages be ore our blessed Savior suffered such death, has one half the woe of this. Even the barbarians of any age, would burn men to cinders less murderously.

O God! forgiveness cometh from Thee. Shut not this truest book, my God; shut out my past — love's little sunny hour, if it so please Thee, and some of man's worthy work, yet Essex's tragedy here show forth: then posterity shall know him truly.

#

Основные источники

- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
- Paolo Rossi. «*Francis Bacon: From Magic to Science*». London: Routledge & Kegan Paul, 1968
- Frances A. Yates. «*The Rosicrucian Enlightenment*». London: Routledge & Kegan Paul, 1972
- John Henry. «*Knowledge Is Power: How Magic, the Government and Apocalyptic Vision Helped Francis Bacon to Create Modern Science*». London: Icon Books, 2002

Дополнительное чтение

- Большая подборка материалов о «магической» стороне криптографии: **Crypto...: Самая точная из оккультных наук**
<https://kiwibyrd.org/2019/10/30/1903/>
- Про оккультные занятия в современных спецслужбах: **ЦРУ, тайна 25-й страницы и вселенная как голограмма**
<https://kiwibyrd.org/2021/04/25/21h43/>
- Про разнообразие мистического опыта у учёных
<https://kiwibyrd.org/2021/06/06/21h61/>

Июль 2021

Бэкон и Tempest

В этой главе — рассказ о важной роли шифра Бэкона в одной из самых секретных технологий спецслужб.



HOME > EXHIBITIONS > DECODING THE RENAISSANCE

Decoding the Renaissance



Илл. 35. Скриншот сайта Шекспировской библиотека Фолджера. Сейчас эту страницу можно найти через веб-архив

Конец 2014 и начало 2015 года в Вашингтоне оказались отмечены в высшей степени странной и озадачивающей выставкой. Местом её проведения была Шекспировская библиотека Фолджера (богатейшее в мире собрание первых изданий Шекспира и литературы о той эпохе), а называлось мероприятие так: «Декодируя Возрождение: 500 лет кодов и шифров»⁷⁵.

Крайне странным здесь было то, что в качестве центрального героя выставки оказался выбран Уильям Ф. Фридман. Звёздного статуса авторитет американской криптологии XX века, не имевший, однако, никаких ярких заслуг в делах «декодирования шифров эпохи Возрождения». Более того, именно У.Ф. Фридман и его столь же криптографическая жена Элизебет Смит Фридман особо знамениты тем, что очень на-

⁷⁵ <https://web.archive.org/web/20210725134650/https://www.folger.edu/exhibitions/decoding-the-renaissance>

стойчиво доказывали полное отсутствие зашифрованных посланий в книгах шекспировской эпохи.

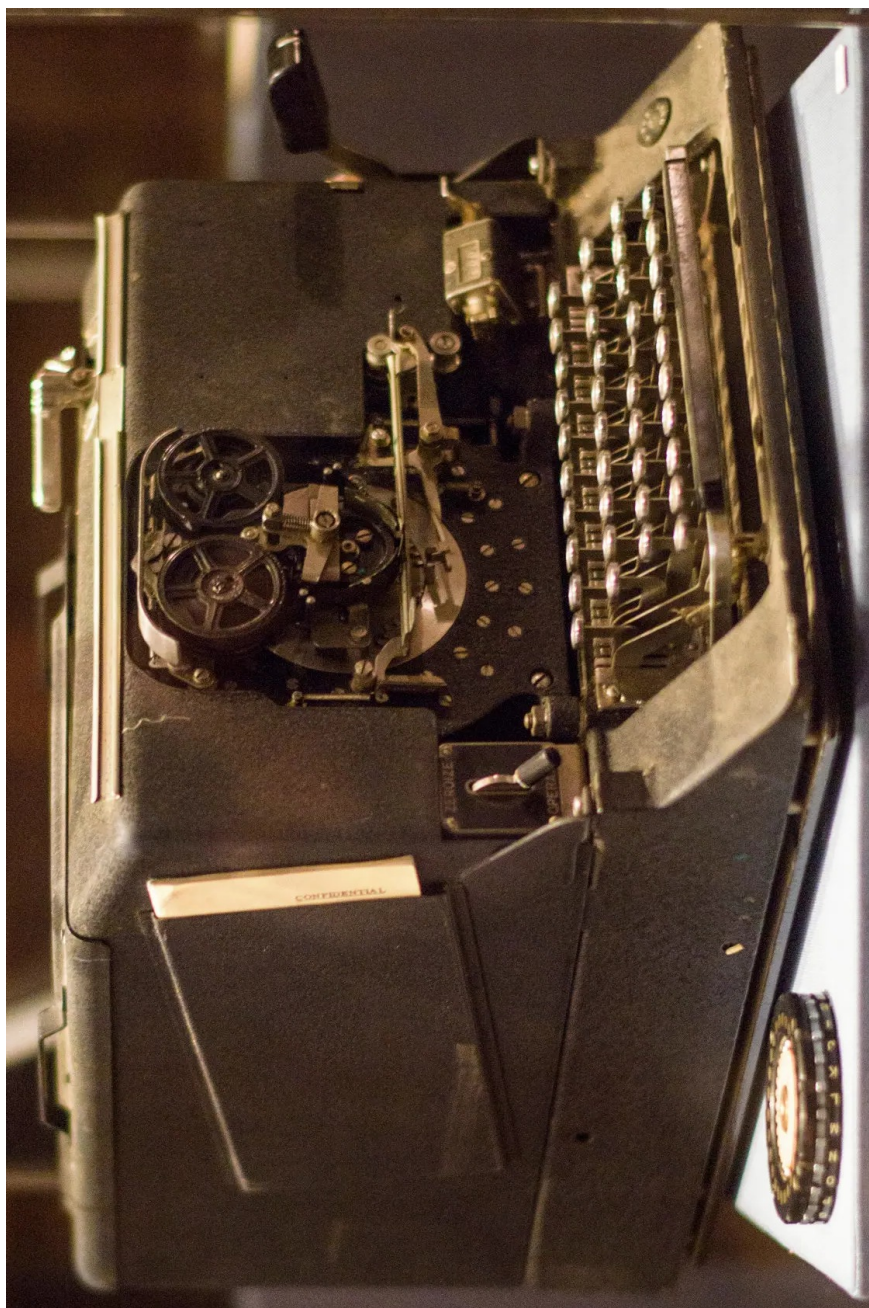
То есть уже сам факт выбора такого персонажа в качестве центра выставки, посвящённой шифрам Ренессанса, должен был бы сильно озадачить любого человека, мало-мальски знакомого с историческим анти-вкладом Фридмана (и его супруги) в эту богатую и интереснейшую, спору нет, тему.

Главные американские газеты, Вашингтон Пост⁷⁶ и Нью-Йорк Таймс⁷⁷, впрочем, это озадачивающее обстоятельство не смутило ни в малейшей степени. Так что их статьи, посвящённые данной выставке, приняли её концепцию как должное и совершенно отчётливо сфокусировались именно на выдающихся криптографических талантах Уильяма Фридмана — гения американской криптологии и одного из главных отцов-основателей АНБ США.

Неожиданным, но вполне подobaющим символом этого странного подхода к тайнам эпохи Ренессанса стал и «главный экспонат» выставки (предоставленный на время начальниками АНБ из фондов его Музея криптологии). Суперсекретный до недавних пор шифратор SIGABA — детище криптогения Фридмана, служившее наиболее надёжным средством защиты связи для вооружённых сил США в 1940-50-е годы.

⁷⁶ <https://www.washingtonpost.com/news/arts-and-entertainment/wp/2014/11/10/from-shakespeare-to-the-nsa/>

⁷⁷ <https://www.nytimes.com/2015/02/04/arts/decoding-the-renaissance-at-the-folger-shakespeare.html>



Илл. 36. «Главный экспонат» - шифратор SIGABA на выставке в библиотеке Фолджера

Что же касается куратора-организатора всей этой выставки по имени Билл Шерман (глава научных исследований в лондонском Музее Виктории и Альберта), то он был не только очень доволен и горд столь спорной концепцией мероприятия, но и в беседах с журналистами старательно напирал на важность личности Уильяма Фридмана для всей экспозиции. Как своего рода фокусной точки и «связующего звена» между эпохой Бэкона-Шекспира и достижениями современной криптологии.

Ведь судьба, как известно, привела Фридмана в криптографию через анализ текстов в книгах XVI-XVII века, а значит (цитируя Вашингтон Пост):

«Без этой безумной идеи о том, будто Бэкон написал шекспировские пьесы», — говорит Шерман, — «мы могли бы и не выиграть вторую мировую войну на Тихом океане!»

Из уст человека, не только профессионально занимающегося историей книг и шифров, но и активно интересующегося военной криптографией XX века, слышать подобные заявления несколько странно. Ибо в основе дебатов об авторстве Бэкона не было и нет ничего безумного. Вовсе не секрет, что идею эту разделяли и развивали многие серьёзные исследователи в XIX и XX столетиях, а в веке XXI в её поддержку набирается всё больше новых — и сильных — научных фактов (о чём чуть далее).

Что же касается другой части заявления — о победоносной роли криптографии в ходе второй мировой войны на Тихом океане, — то эта непростая тема, как известно, очень тесно сопряжена и с величайшим криптографическим провалом США под названием «катастрофа Пёрл-Харбора». Где роль Уильяма Ф. Фридмана, что примечательно, также является одной из центральных.

О тайнах Пёрл-Харбора, впрочем, и об их удивительно многосторонних связях с темой Бэкона-Шекспира рассказ будет в

следующей главе, а здесь, дабы не расплыться, сосредоточимся на главном. На выставке в Шекспировской библиотеке Фолджера с её престранной фиксацией на Фридмане и АНБ. Ибо, как отмечено в цитировавшейся выше статье из Вашингтон Пост:

В действительности между Фолджером и АНБ имеется любопытная взаимосвязь, вдохновившая куратора Билла Шермана на создание этого шоу...

Каких-либо ещё (кроме упомянутых) содержательных фактов в развитие этой мысли газета почему-то не привела, но коль скоро факты такие не только известны, но и весьма существенны для всей этой истории в целом, имеет смысл рассказать о них поподробнее.

#

Первым делом необходимо упомянуть, что именно Библиотека Фолджера была тем трамплином, с помощью которого крипто-супруги Фридманы запустили в просвещённый мир свою знаменитую ныне книгу «Проверка шекспировских шифров». В июне 1953 года во Франции в возрасте 90 лет умер генерал Франсуа Картье, а всего несколько месяцев спустя, в октябре 1953 в Вашингтоне Шекспировская библиотека Фолджера объявила конкурс на лучшую работу о литературе Елизаветинской эпохи. Весной 1955 было объявлено, что победителем конкурса стала работа криптографов Уильяма и Элизабет Фридманов. Красивая победа сразу обеспечила книге не только освещение в центральной прессе, но и предложения от солидных издательств выпустить работу массовым тиражом...

Далее, дабы проявить и расширить на современность картину «любопытных взаимосвязей» между АНБ и Шекспировской библиотекой Фолджера, следует отметить, что одновременно с выставкой «о кодах и шифрах Ренессанса» — в начале 2015 — Агентство национальной безопасности США впервые в своей истории выпустило обычно секретный внутренний жур-

нал *Cryptologic Quarterly* в полностью открытом виде, свободно доступном для всех желающих.

Для обеспечения подлинно массового доступа к необычному выпуску цифровая копия журнала⁷⁸ была выложена на официальном сайте АНБ. Ну а прямая связь данной инициативы с выставкой в библиотеке Фолджера становится сразу ясна уже при взгляде на обложку. Ибо кавер-стори или «темой номера» здесь является развёрнутый рассказ об Уильяме Ф. Фридмане, о его не менее криптографической жене, и об их выдающихся достижениях на тайной службе государству.

Автором большой — почти на полжурнала — статьи является известная дама-полковник по имени Роуз Мэри Шелдон, профессор истории в Военном институте Вирджинии. Известна же она тем, главным образом, что является ведущим специалистом страны по богатейшему архиву самой знаменитой крипто-семьи Америки (в интернете можно найти подготовленный Шелдон «Аналитический путеводитель по коллекции Фридмана»⁷⁹ — внушительный том объёмом порядка 650 страниц).

Для всякого человека, мало-мальски знакомого со специфическими особенностями в работе разведывательных криптоспецслужб вообще и АНБ США в частности, эта обстоятельная биография от профессионального историка не может не вызывать вопросы. Ибо факты определённых страниц в шпионской части биографии У.Ф. Фридмана всегда выглядели «выпадающими из контекста», так сказать. То есть без дополнительных — но никогда не разъясняемых — обстоятельств подобных событий просто быть не могло. Новая биография от Р.М. Шелдон, однако, оставляет эти странности по-прежнему без объяснений.

⁷⁸ <https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/about/cryptologic-heritage/historical-figures-publications/publications/cryptologic-quarterly/cryptologic-quarterly-2015-01.pdf>

⁷⁹ http://web.archive.org/web/20211101214514/https://www.marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2020/01/Friedman_Collection_Guide_September_2014.pdf

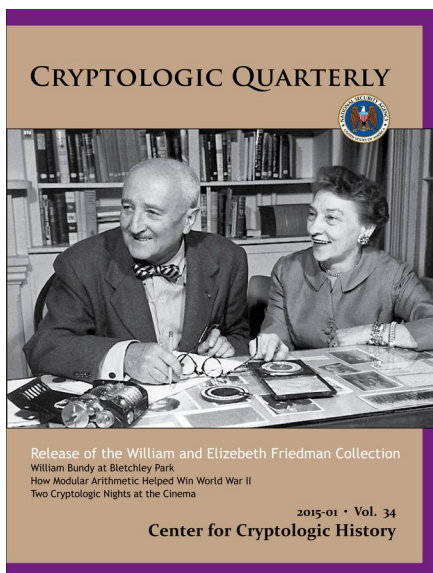
Что конкретно имеется тут в виду?

Суперсекретное с момента рождения, АНБ США было создано в составе министерства обороны в 1952 году, объединив в себе множество разрозненных прежде по родам войск подразделений, занимавшихся разведывательным перехватом и дешифрованием переписки иностранных государств. В этой новой централизованной структуре Уильям Фридман стал «особым помощником» директора АНБ, генерала Кэнайна, и главным криптографом спецслужбы.

Общеизвестно и неоспоримо (а также подтверждается официальным историком Агентства и шеф-редактором журнала на первых страницах открытого выпуска *NSA Cryptologic Quarterly*), что с момента создания АНБ и далее на протяжении многих десятилетий всем сотрудникам этого суперсекретного ведомства было категорически запрещено раскрывать не только факт своей принадлежности к спецслужбе, но и вообще то, что они занимаются шифрами и их анализом.

Официальная биография героя в версии Шелдон, однако, сообщает читателям без каких-либо пояснений, что в 1954 году Уильям Фридман (под собственным именем) написал статью о криптографии для Энциклопедии Британики, а в 1955 их совместная с женой книга, тотально разгромившая все идеи о бэкон-шекспировских шифрах в старинных книгах, стала победителем конкурса, устроенного Шекспировской библиотекой Фолджера. Это событие освещалось центральной прессой, затем последовали не только другие награды для книги в США, но и проект по массовому изданию работы в Великобритании, сопутствующие поездки Фридманов за океан и приглашённые выступления перед воодушевлёнными шекспироведами...

Короче говоря, вся эта бурная публичная активность Фридмана в качестве авторитетнейшего криптографа нации абсолютно никак не вяжется с его суперсекретной работой в АНБ и с очень жёсткими в ту пору требованиями хранить молчание о своей редкой профессии. Как это понимать?



CRYPTOLOGIC QUARTERLY, 2015-01

William Friedman and Elizebeth Smith at
Bletchley Estate in Illinois ca. 1916.

5

Илл. 37. Обложка журнала *Cryptologic Quarterly* №34 и снимок страницы из статьи о супругах Фридманах и их коллекции (стр. 5)

В статье журнала АНБ *Cryptologic Quarterly* столь странное несоответствие не объясняется никак, однако в куда более подробной биографической книге о Фридмане, на которую многократно ссылается и автор статьи (*Ronald Clark, «The Man Who Broke Purple», 1977*), вполне убедительное объяснение на данный счёт имеется.

В точности в тот же самый период, с 1955 по 1958 год, у Уильяма Ф. Фридмана как главного криптографа АНБ было четыре длительных поездки в Европу с чрезвычайно секретной миссией, полные подробности о которой не раскрыты вплоть до нынешнего времени. Имеющихся на сегодня фактов и документов, однако, более чем достаточно для общего представления о том, в чём заключалась суть этих командировок в Англию, ФРГ, Швейцарию и Швецию. И для понимания того, почему разрекламированная книга Фридмана на бэкон-шекспировскую тему оказалась весьма удобным прикрытием для его поездок на переговоры в Европу и запуска крупномасштабного, очень успешного шпионского проекта АНБ.

В развёрнутом виде об истории и судьбе этого проекта можно прочесть в текстах «Чтение между строк»⁸⁰ и «Полный Хагелин»⁸¹. Здесь же достаточно отметить суть в паре фраз.

В 1950-е годы, причём во многом благодаря авторитету и личным связям Фридмана в криптографических кругах Европы, АНБ США — в сотрудничестве с ЦРУ и коллегами ряда западноевропейских спецслужб — под предлогом борьбы с коммунистами убедили производителей коммерческих шифраторов умышленно ослаблять свои криптосхемы. Дабы, так сказать, «светлые силы» свободного мира (в лице АНБ) могли успешно вскрывать как можно больше чужих зашифрованных коммуникаций для противостояния советской «империи зла» и её просоветским союзникам (собственной криптографии не имевшим, а потому закупувавшим шифраторы в нейтральных странах)...

По давно сложившейся у шпионов традиции все их тайные операции, проекты и программы принято обозначать какими-нибудь кодовыми словами. Как именовалась в АНБ та суперсекретная гранд-программа, что была запущена в Европе при непосредственном участии Фридмана, по сию пору неведомо. Но очень хорошо известно, что в тот же самый период в АНБ родилось кодовое слово TEMPEST⁸² для обозначения другой чрезвычайно секретной затеи шпионов.

Нет никаких прямых указаний на то, что это кодовое слово было запущено с подачи Уильяма Фридмана. Но вот прямые взаимосвязи темы TEMPEST не только с тайнами старинных бэкон-шекспировских книг и с библиотекой Фолджера, но и с эксплуатацией очень секретных искусственных слабостей в шифраторах для чтения чужой закрытой переписки, — это всё продемонстрировать вполне возможно.

⁸⁰ «Чтение между строк»
<https://kiwibyrd.org/2013/09/06/0903/>

⁸¹ «Полный Хагелин, или Finita la commedia»
<https://kiwibyrd.org/2020/02/20/20h22/>

⁸² «Секреты дальночувствия»
<https://kiwibyrd.org/2013/04/26/200904/>

#

Чтобы отыскать столь интересные и зачастую неожиданные взаимосвязи, следует повнимательнее присмотреться к тем прочим созвучным событиям 2014-2015 гг., которые каким-либо образом тематически сопрягаются с фактом не только синхронных, но и примечательно близких по духу инициатив АНБ и Библиотеки Фолджера.

Достаточно внимательный (хотя и не особо тщательный) поиск позволяет отыскать три, как минимум, сопутствующих события в тему.

(а) Анонс «Бэconiаны»

Весной 2014 года очередной выпуск альманаха *Baconiana*⁸³, публикуемого в Лондоне Обществом Фрэнсиса Бэкона, составил и выпустил некто Дэйв Патрик (Dave Patrick), прежде уже известный как автор нескольких исследовательских книг историко-литературной тематики.

В редакторском предисловии к тому выпуску Д. Патрик сообщил, что планировал включить в этот номер и свою собственную статью, посвящённую критическому разбору известной криптоаналитической книги Уильяма и Элизебет Фридманов, в которой они, как принято считать, «разгромили» все связанные с шифрами доказательства исследований под общим названием «Бэкон как Шекспир». Однако, поскольку критический анализ Патрика связан с другим параллельным проектом, для обоих из которых обнаружились новые важные факты, публикацию обеих статей было решено на время отложить — до завершения расследования новых материалов.

Последующие события сложились так, однако, что обещанная статья Дэйва Патрика о книге Фридманов так и не увидела свет, похоже. Ни на страницах «Бэconiаны», ни где-либо ещё.

⁸³ *Baconiana*, Volume 1 No. 5

<https://francisbaconsociety.co.uk/baconiana-journals/baconiana-journals-2007-present/baconiana-vol1-no5/>

Но зато в конце того же 2014 и начале 2015 Библиотека Фолджера и АНБ США дали мощный совместный залп в поддержку выдающихся криптографов Фридманов и их не менее выдающихся достижений на полях бэкон-шекспировских дебатов.

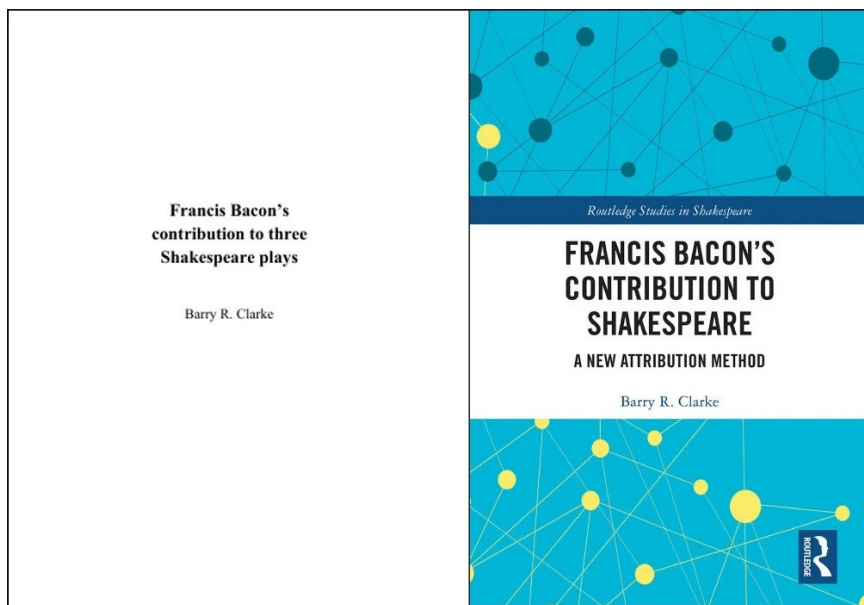
(б) Барри Р. Кларк и его диссертация

В начале 2014 года некто Барри Р. Кларк получил уважаемое в научных кругах звание Ph.D, т.е. «доктор философии», впервые в истории Великобритании успешно защитив в Лондонском университете Брунеля диссертацию на тему «*Бэкон как автор шекспировских произведений*»⁸⁴.

По исходному образованию Кларк является математиком (бакалавр) и квантовым физиком-теоретиком (магистр), а по опыту практической работы как аналитик-программист много лет занимался обработкой больших массивов данных для одной из лондонских страховых компаний. Основой же для его «бэкон-шекспировской» докторской диссертации стал изобретённый Кларком метод статистического анализа текстов, получивший название RCP или Rare Collocation Profiling (профилирование редких словосочетаний).

Суть метода, если совсем вкратце, заключается в том, чтобы методично обрабатывать каждую анализируемую пьесу, строка за строкой, фраза за фразой, на предмет выявления необычных словосочетаний и редких фраз — путём «пробивания» их по мощной базе данных ЕЕВО (*Early English Books Online* — онлайнное собрание ранних английских книг). Такого рода прогон по базе позволяет выяснить, насколько редким было то или иное словосочетание во времена, когда пьеса была написана. Поскольку одновременно устанавливается, кто именно из уже известных авторов использовал особо редкие фразы, это даёт возможность вычислить наиболее вероятного автора исследуемого произведения.

⁸⁴ Точное название диссертации выглядит так: «**Francis Bacon's contribution to three Shakespeare plays**», by Barry R. Clarke
<http://web.archive.org/web/20160919203825/http://barryispuzzled.com/PhDThesis.pdf>



Илл. 38. Титульная страница диссертации Кларка (2014) и книги на её основе, выпущенной издательством Routledge в 2019 (серия «Шекспировские исследования»)

По этой траектории было вычислено, что согласно косвенным свидетельствам статистического анализа Фрэнсис Бэкон является наиболее вероятным автором таких шекспировских пьес, как «Бесплодные усилия любви», «Комедия ошибок» и «Буря». Помимо чисто статистических данных, в диссертации Кларка для этих пьес собран очень внушительный массив других документов и материалов, методами перекрёстного анализа подтверждающих авторство Бэкона. О том, как выглядят эти доказательства для особо интересной здесь пьесы «Буря», или *The Tempest* в оригинале, подробности будут чуть далее.

(в) Википедия про TEMPEST

Для более чем многозначного термина *Tempest* в англоязычной Википедии сейчас насчитывается несколько десятков статей. Нас же сейчас интересуют лишь две. *Tempest* как знаменитая пьеса Шекспира, и TEMPEST как кодовое слово АНБ США. Относительно второго смысла, в частности, происхо-

ждение термина из недр секретной шпионской спецслужбы долгое время вызывало разногласия и споры. Одни источники заверяли, что это краткая аббревиатура, сложенная из букв многословного названия секретной технологии вокруг компрометирующих излучений аппаратуры, другие же источники настаивали, что это никакая не аббревиатура, а просто «кодовое слово».

Примерно к 2014 году редакторы и администраторы английской Википедии приняли в учёт свидетельства ветеранов АНБ и сошлись-таки к консенсусу, что это всё же кодовое слово (русская Википедия, напротив, до сих пор уверяет, что это аббревиатура). Но хотя в англоязычной среде вопрос о TEMPEST как кодовом слове давно считается решённым, история его происхождения до сих пор остаётся очень мутной.

В период с 2012 и вплоть до конца 2014, скажем, в разделе **TEMPEST (кодовое слово): Обсуждение**⁸⁵ отчётливо доминировало мнение, что термин происходит от пьесы Шекспира «Буря»⁸⁶.

Однако в январе 2015 (обратим внимание на дату) некто анонимный — и более никогда нигде с теми же реквизитами в Википедии не отмеченный — внёс в раздел «Обсуждение происхождения термина» следующую информацию:

Вот история появления названия TEMPEST, как рассказал её мне один человек, присутствовавший на той встрече, где этот термин родился. Я тогда не понимал важность этой истории, поэтому ни имени рассказчика, ни подробностей я уже не помню. Суть же в том, что Советский Союз, как обнаружилось, перехватывал сигналы телетайпов и другую секретную информацию, используя электромагнитные излучения от разного рода электронной аппаратуры на борту кораблей ВМС США. И вот где-то в начале 1960-х (как я понял), группа выс-

⁸⁵ [https://en.wikipedia.org/wiki/Talk:Tempest_\(codename\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Talk:Tempest_(codename))

⁸⁶ "...The word TEMPEST comes from Shakespeare (https://en.wikipedia.org/wiki/The_Tempest)... It should be obvious..."

ших военных начальников и гражданских инженеров собралась для обсуждения этой проблемы и для решения того, что с ней делать. В ходе разъяснений один из старших офицеров отпустил фразу, что на его взгляд это «Похоже на бурю в стакане» (*Like a tempest in a teapot*). Когда же презентация закончилась, другой офицер задал ключевой вопрос: «Ну так что же мы будем делать с этой проблемой маленькой бури?» (*little tempest problem*). Название прилипло — и родился *TEMPEST*...

Тут сразу надо отметить, что согласно рассекреченным документам⁸⁷ спецслужб, тема *TEMPEST* уже при своём рождении в 1950-е годы имела для АНБ и ЦРУ отчётливо шпионский потенциал с позиций новых методов добычи секретных данных неприятеля. В предложенной анонимом «истории рождения» этот факт не присутствует вообще никак. Администрацией вики-раздела, однако, эта альтернативная версия была сочтена весьма интересной, но поскольку подтвердить её какими-либо документами или другими свидетельствами было абсолютно невозможно, то всю столь мутную тему «о происхождении термина» просто убрали из статьи целиком. Так что нет её там более — вплоть до сегодняшнего дня...

#

Ещё раз обратив внимание, что все перечисленные события «а-б-в» (особенно «б») происходили непосредственно накануне и во время проведения «совместной выставки» АНБ и Шекспировской библиотеки Фолджера, несложно выявить и отметить два таких факта. Во-первых, сразу же вслед за успешной защитой научной диссертации на тему «*Бэкон как автор Шекспировских произведений*» обозначились отчётливые попытки напомнить обществу о выдающихся заслугах Фридмана и его супруги (эту тему всячески «громивших»). Во-вторых же, одновременно была предпринята (анонимная, но в целом удавшаяся) попытка удалить из Википедии какие-

⁸⁷ «Секреты дальновидения»
<https://kiwibyrd.org/2013/04/26/200904/>

либо взаимосвязи между шекспировской пьесой *Tempest* и одноимённым кодовым словом из арсенала АНБ США.

Поскольку же взаимосвязи эти не только существуют, но и имеют весьма глубокую — «трёхслойную» — структуру, имеет смысл обозначить здесь соответствия почётче. Воспользовавшись, с одной стороны, результатами упомянутой диссертации Барри Кларка, а со стороны другой — широко и узко известными фактами из работы разведывательных спецслужб.

Три слоя в основе одной и той же по сути структуры «хранения данных» — это

- (1) сведения открытые-общеизвестные;
- (2) факты полусекретные и потому малоизвестные;
- (3) информация, скрываемая особо старательно, а потому неизвестная почти для всех.

Как же соотносятся соответствующие слои сведений о пьесе *Tempest* и о TEMPEST как инструменте из арсенала спецслужб?

(1) Факты общеизвестные

В контексте пьесы *The Tempest* хорошо известной и общепризнанной основой этого произведения является история реального кораблекрушения большого судна *Sea Venture*, отправленного в 1609 году для поддержки освоения новой английской колонии «Вирджиния» в Северной Америке. Возле Бермудских островов этот корабль попал в сильнейшую бурю и потерпел крушение в скалах, однако людям удалось спастись, а спустя несколько месяцев построить два новых судна поменьше и благополучно добраться до цели. Письменный отчёт Уильяма Стрэйчи, непосредственного участника этой экспедиции, получил название «*A True Reportory of the Wracke and Redemption*», и, как считают шекспироведы, имеет немало примечательных деталей, почти дословно воспроизведённых затем Шекспиром в его пьесе «*Буря*», впервые поставленной на сцене в 1611 году.

В контексте TEMPEST-инструментария спецслужб общепринятая практика такова, что об этом наборе технологий и стандартов обычно говорят как об исключительно оборонительных мероприятиях. Направленных на то, чтобы техническими средствами защищать оборудование, обрабатывающее секретную информацию, от всевозможных побочных утечек и компрометирующих сигналов, способных выдавать противнику не только шифруемые сведения, но и криптографические ключи аппаратуры засекречивания.

(2) Факты малоизвестные или «полусекретные»

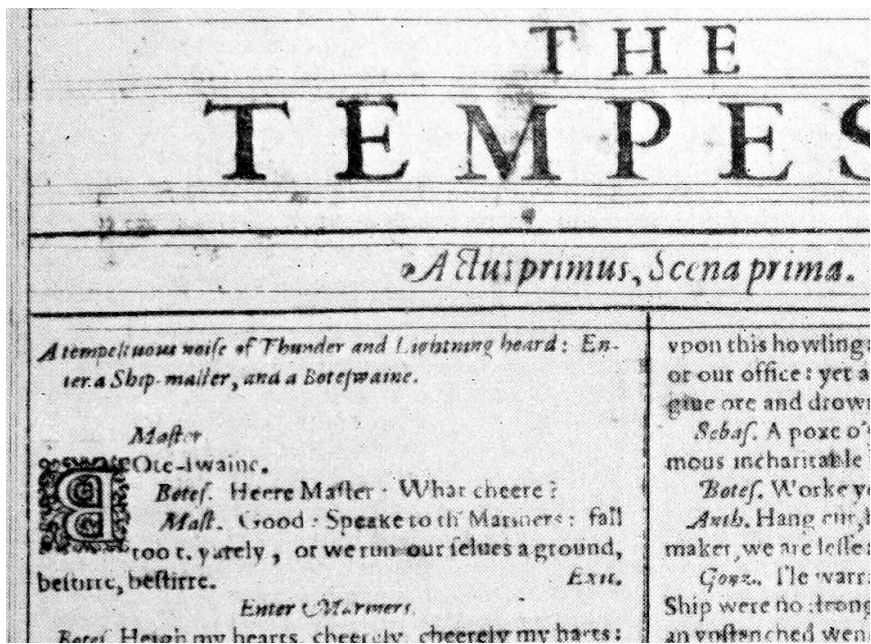
В контексте пьесы *The Tempest* у историков на самом деле имеется два документа на одну и ту же тему:

- (а) уже упомянутый «*A True Reportory*» Стрэйчи, впервые опубликованный лишь в 1625 году, то есть через девять лет после смерти Шекспира (ибо изначально это был сугубо секретный внутренний отчёт «Компании Вирджиния», обеспечивавшей государственную программу по освоению новой колонии в Америке), и
- (б) Открыто опубликованный в 1610 году пропагандистский памфлет «*A true declaration of the State of the Colony of Virginia*», также подготовленный в «Компании Вирджиния» — для широкого публичного распространения ради привлечения новых инвесторов и колонистов.

В диссертации Барри Кларка развёрнуто и документально доказывается, что из-за конфиденциального характера отчёта Стрэйчи этот документ (как первооснова *The Tempest*) просто не мог быть доступен Шекспиру. С другой стороны, Фрэнсис Бэкон был одним из главных лиц в «Компании Вирджиния», даже по должности был хорошо знаком с отчётом Стрэйчи, а методы текстологического анализа RCP указывают на то, что именно Бэкон был если и не единственным, то ведущим автором памфлета «*A true declaration...*». Иначе говоря, все имеющиеся факты указывают на то, выражаясь попроще, что авторская личность Бэкона проступает в пьесе «*Буря*» намного отчётливее, нежели личность Шекспира.

В контексте современных спецслужб одна из самых ярких особенностей TEMPEST-инструментария заключается в том, что у независимых исследователей имеется множество косвенных свидетельств, указывающих на активное применение этих технологий в шпионских операциях АНБ. Но при этом абсолютно во всех из рассекречиваемых документов АНБ любое упоминание о конкретных операциях по шпионскому применению TEMPEST очень тщательно вычищается цензурой. Отчего прямых документальных свидетельств и нет, а есть только косвенные — в основном из мемуаров коллег близко родственников спецслужб.

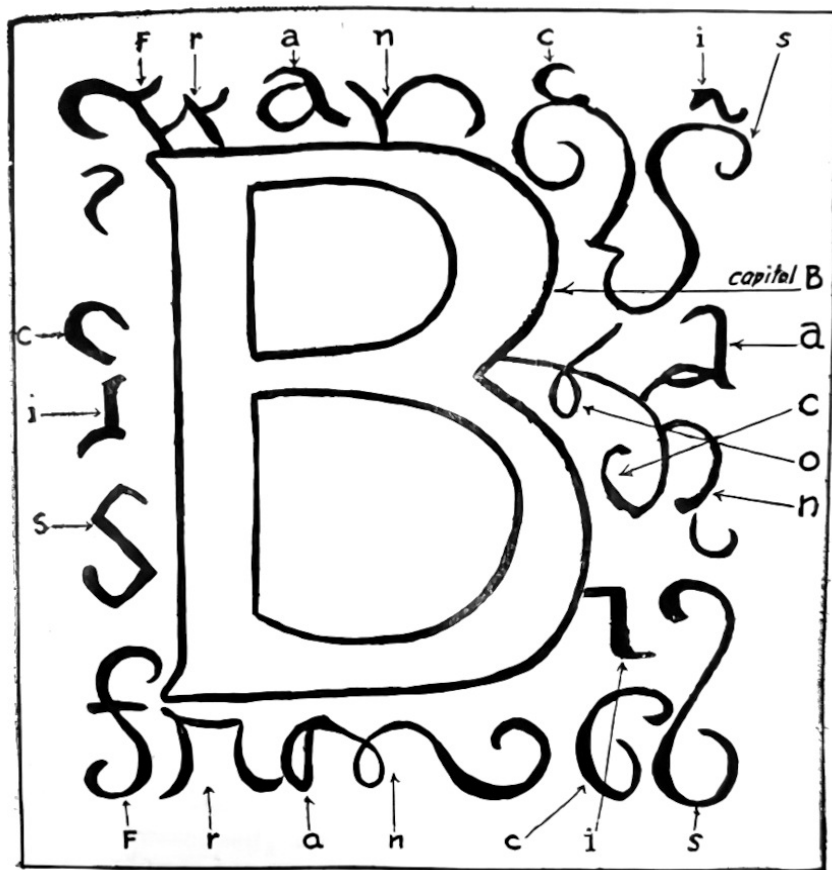
(3) Факты скрываемые или «по сути секретные»



Илл. 39. Начало пьесы «Буря» в экземпляре, известном как Folg. 24. Источник изображения: Charlton Hinman. «The printing and proof-reading of the first folio of Shakespeare». Vol 1, p. 249

В контексте пьесы Tempest по сию пору остаётся неизвестным почти для всех такой любопытный факт. Шекспировская библиотека Фолджера на сегодняшний день имеет крупнейшую в мире коллекцию — 82 экземпляра — «Первого фолио» Шекс-

пира издания 1623 года. Открывает же этот знаменитейший сборник, с которого пошла мировая слава Шекспира, особо интересная для нас пьеса «Буря». Так вот, среди 82 экземпляров библиотеки лишь в одном, известном как «Fol. 24», первая буква пьесы, данная буквицей, оказывается перевернута, что называется, «вверх ногами» (илл. 39).



Илл. 40

Конечно же, факт этот можно трактовать просто как досадную ошибку печатников, к тому же быстро исправленную. Но можно ведь трактовать и иначе — как некий сигнал-указатель на нечто важное.

На то, к примеру, что обнаружила в растительном орнаменте этой буквицы одна въедливая исследовательница по имени Аннетт Ковингтон из Цинцинатти в 1931 году. Изучая линии орнамента в обычных, не перевернутых версиях Первого Фолио, Ковингтон выявила там многократно повторенные буквы подписи «Francis Bacon» (илл. 40)...

В контексте шпионских технологий TEMPEST особо секретной и очень редко обсуждаемой в литературе темой являются методы так называемых активных темпест-атак спецслужб. Под этим термином здесь подразумевается умышленное встраивание в криптосхемы такой хитрости, которая незаметно — через побочные утечки — выводит в шифртекст информацию о криптоключах, использованных для шифрования послания.

Наглядные и подробно разбираемые образцы того, как эту идею реализуют ныне современные хакеры (причём с опорой на бэконовские принципы засекречивания *Omnia Per Omnia* и «двухлитерный» или бинарный шифр Бэкона), можно найти в исследованиях, к примеру, израильских учёных из университета Бен-Гуриона (см. текст «Выпиливание реальности»⁸⁸). Но в рассказах о сегодняшних исследованиях учёных обычно не принято упоминать, что в секретных спецслужбах изобрели и начали активно применять такого рода вещи ещё с 1950-х годов.

В частности, в шпионском гранд-проекте АНБ и Фридмана, массово ослабившем европейские коммерческие шифраторы, была реализована именно эта идея. По договоренности с изготовителем в криптосхему встраивались «особенности», внешне невинные, но позволяющие тем, кто знает секрет, извлекать из шифртекста дополнительную информацию, ведущую к валому шифра.

Как конкретно это было сделано с шифраторами вроде Hagelin и им подобных, на данный счёт открытой информации пока не

⁸⁸ «Выпиливание реальности»
<https://kiwibyrd.org/2016/08/09/168/>

публиковалось, насколько можно судить. Но вот подробности того, как то же самое по сути было сделано умельцами АНБ чуть позже, в 1970-годы, с гиперпопулярной криптосхемой DES — это известно сегодня вполне хорошо (см. текст «Ответственное крипто и другие формы обмана»⁸⁹).

Главных хитростей там было две. Сначала длину заведомо сильного ключа 128 битов сократили до 56. А затем настояли на том, чтобы все аппаратно реализованные схемы DES (других тогда не мыслилось) в начало открытого текста принудительно добавляли последовательность из одних нулей. Фактически, это означало, что самый первый блок шифртекста представлял собой перешифрованный ключ сообщения. А специально и заранее заготовленные в АНБ гигантские отсортированные таблицы таких блоков позволяли спецслужбе практически сразу этот ключ восстанавливать...

На первый взгляд здесь нет, казалось бы, практически ничего от «компрометирующих побочных излучений» аппаратуры. Однако в глубоком концептуальном смысле — это ещё одна из разновидностей активной *Tempest*-атаки. Просто в данном контексте рассматривать подобные «закладки» обычно не принято. Ибо это по сию пору как бы большой секрет спецслужб.

И уж тем более никто не усматривает тут взаимосвязей с Бэконом и тайнами происхождения-публикации пьесы *The Tempest*. Хотя по всему пора бы уже присмотреться и начать понимать...

#

Подлинная история рождения и первых операций АНБ США, как уже показано и будет продемонстрировано далее, скрывает в себе намного больше того, что декларируется официально. Причём главные из этих тайн вплоть до сегодняшнего дня продолжают оставаться строго засекреченными для всех. То

⁸⁹ «Ответственное крипто» и другие формы обмана
<https://kiwibyrd.org/2017/11/18/1711/>

есть фактически неведомыми не только для общества, но и для большинства сотрудников самой спецслужбы. Ибо официальные историки АНБ даже во внутренних документах вместо реконструкции подлинной картины активно заняты выстраиванием тщательно обструганной и по сути своей ложной версии истории, скрывающей важные и основополагающие факты.

Нечто очень похожее, собственно, постоянно происходит и со всей прочей нашей историей. Где важнейшие события зачастую происходили на самом деле в корне иначе, нежели их рисует сегодняшняя историческая наука. Типичный пример чему предоставляют и главы из зашифрованной биографии Бэкона. Где известнейший эпизод из английской истории эпохи Тюдоров — мятеж графа Эссекса против королевы Елизаветы, жёсткое осуждение Бэконом бунтовщика и беспощадная казнь графа — на самом деле всё это оказывается трагическим финалом весьма непростых отношений «королевы-девственницы» с двумя своими сыновьями...

Но чтобы это увидеть и понять, требуется (а) иметь доступ к тайной зашифрованной биографии Фрэнсиса Бэкона и (б) принимать это свидетельство как подлинный исторический документ.

К предоставлению и переводу соответствующего фрагмента из этого документа очевидно пора перейти.

#

(фрагменты перевода, стр. 146-150 книги *Картые*)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы IX

Лишь всевышнему судье достоверно известно, сколь ужасными будут всегда оставаться для меня тот суд и те жестокие пытки, которым подвергли его перед казнью. Сквозь резкий лязг железа и приглушённые крики я собственными ушами слышал умоляющий голос Эссекса.

Все эти сцены продолжают стоять у меня перед глазами, словно в спектакле, и я никак не могу их прогнать. Они настолько замедляют приток горячей крови в моих жилах, что я чувствую, как преждевременно старею. Я непрестанно думаю об этом и днём, и ночью. Ведь произошло так не без моей помощи — и помогал я не ему, а матери.

Никогда, ни единого часа, ни даже на мгновение я не верил в возможность смерти Роберта, ибо он умерил свою гордыню и послал нашей гордой королеве свою клятву покорности, словно предвидел, сколь великая опасность ему угрожает.

Когда я умру, пусть же имя моё будет среди тех людей, кто освобождён от низких обвинений и на ком нет вины в подаче тех неправедных советов, что были даны королеве Елизавете в процессе суда над Эссексом за его измену. У королевы много помощников, когда того требует дело, но поспешное вершение правосудия допускает любые вольности в делах государственных. Когда угроза исходит от родного сына, пожелавшего свергнуть власть королевы, — греховность этого дела не становится меньше, скорее даже больше, отчего и наказание, естественно, суровее. Это правосудие, но как же ранит оно моё сердце.

Эта история, на которой чувства мои заставляют задерживаться так долго, — самая печальная на любом из всех известных

языков — должна быть известна. Граф Эссекс, сын её величества и мой родной брат — моя кровь, мои кости и мускулы — был приговорён к смерти нашей матерью и при моём соучастии. Эдиктом королевы, если не её железной рукой, был убит такой человек, которому не было равных в доблести и мужестве.

Я один должен нести ответственность за свою роль в печальной судьбе моего брата. Никто меня здесь полностью не оправдает, а потому мои достойные противники имеют множество заметных преимуществ. Но поскольку это несправедливо, мне требуется честное, праведное и распространённое повсюду рассмотрение дела моего брата и его приговора — как сильно смягчённого благодаря моим советам.

Из-за многочисленных грубых намёков или открытых обвинений в мой адрес негодование во мне росло до тех пор, пока сердце не перестало это вмещать. Природная гордость взывала к поиску средств для показа истинного положения вещей ради восстановления справедливости...

Так пусть же будет услышана моя мольба и вынесен справедливый приговор. Я попрошу лишь одного: «Ну что ж, рази, но прежде выслушай меня». И отмечу, что братская любовь проявлялась во всех наших встречах в тюрьме, во многих моих письменных протестах и в обращениях к Эссексу — предназначавшихся исключительно для обеспечения его же блага и личной безопасности.

О если б только он последовал моему совету! Но он прислушивался лишь к своим собственным неразумным желаниям. Безуспешно пытаюсь добиться для него личной аудиенции у королевы, я ради Эссекса без колебаний скомпрометировал в значительной степени моё собственное положение, ибо пустил в ход всё своё мастерство и даже рисковал собственной судьбой, пытаюсь добиться королевской милости к графу.

Но все мои усилия не возымели никакого иного результата, кроме как ещё большего гнева Елизаветы.

Общеизвестно, что уговоры часто могли поколебать мнение королевы, даже когда объект казался ей опасным. Однако здесь, когда я пришёл к Елизавете с мольбами о милосердии к Эссексу, она была совершенно не в том расположении духа.

Понимая, что никакая сила не переубедит её величество, я чувствовал, что возвышенные разговоры о нецелесообразности принесения жизни в жертву наверняка не возымеют никакого эффекта. Но видя ту безнадёжную ситуацию, в которой оказался Эссекс, я знал, что мне не остаётся ничего, кроме как продолжать мольбы о милосердии. Однако густые тучи скрывали тропу из виду, обзор мой был ограничен, и я не видел других решений, кроме как запереть его в камере или отправить на виселицу.

Помимо этой тайной истории, нет никакой другой, что была бы правдой...

Далее Бэкон рассказывает, как Елизавета велела написать ему историю заговора Эссекса для обоснования приговора. После чего она жёстко отредактировала документ, запретив Бэкону вносить какие-либо дальнейшие изменения. Напечатанный для распространения отчёт содержал подчёркнуто суровую оценку действий графа Роберта, но Бэкон, по его словам, был здесь скорее писарем королевы, нежели автором.

Именно поэтому, пишет Бэкон, я более всего хотел записать эту историю, дабы потомки, наряду со сведениями из неточных сочинений, изданных в то время и ложно отражающих происходившее, могли бы действительно понять определяющие мотивы и представлять подлинную подоплёку событий.

Следует признать, что преступление, за которое пострадал Эссекс, ни в коей мере не смягчается его прежней верной службой или отвагой. Однако, если бы тот перстень с печаткой, который он действительно хотел передать Елизавете из тюрьмы, кольцо для матери от безумно любимого сына, несущее на себе хорошо известные символы её власти — если бы оно дошло до адресата, всё могло бы сложиться иначе.

«К сожалению, в качестве миротворца кольцо не сработало, по уважительной причине не достигнув глаз королевы. Елизавета узнала об этом существенно позже, фактически, незадолго до своей смерти. Тогда же и мне стало известно, что этому наиболее драгоценному — а по судьбе и воистину бесценному — перстню не удалось добраться до адресата.»

Смерть графа Эссекса очень болезненно сказалась на Елизавете и на Бэконе.

«Вместе с ним все радости жизни умерли в двух наших сердцах. Для Елизаветы исчез душевный покой, с каждым днём она слабела всё больше, и это было видно несмотря на все её усилия скрывать свою слабость.»

Кровь младшего сына была на руках королевы, и остаток её жизни был просто адом...

#

(стр. 140-146: дешифрованные тексты Оригинала)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter IX

How like some night's horrible vision this trial and awful torture before his execution must ever be to me, none but the Judge that sitteth aloft can justly know. To sharper clamors, stifled cries of piteous means are added, and my ears hear Robert's voice, so entreatingly opening sealed doors, haunting all dreams, greeting every day that doth dawn on our home.

All the scenes come before me like an acted play, but how to put it away, or drive it back to Avernus, its home, O, who can divulge that greatest of secrets? None.

It hath so tempered the hot rush of blood in my veins that I feel myself becoming old ere it be time. It is the one thought in my

hours of day, my only dream by night, for there was my own aid, not to him but to my mother, the queen, which hurteth the memory more than tongue can tell.

Yet such terrors held me that I could not realize aught beyond that day, nor did I believe any such curse one half so likely of lighting suddenly upon the youthful head of my hasty lord of Essex, most dear to the queen, as it was to rest for aye upon my fate. The event of the earl's death never for an hour, or even for a moment, seemed possible to me after Robert stooped his pride to send our proud mother her pledge, given as if in doubt some great harm might ever threaten; although neither, surely, thought it from the queen his evil would threaten. He relied vainly, alas! on this promised aid.

After I am dead, must my name live among men cleared from all sorts of blot or imputation of wrong advice to Queen Elizabeth in the trial of Essex for treason. A queen has many to aid if the case require, but a sudden justice pursues a subject that taketh any liberty in matters of state. When the offence is from her true son building mighty hopes upon the overthrow of the power of our queen — not making the sinfulness less, rather greater, his punishment most naturally is greater. It is justice, yet how it doth blow my heart.

This story my love stayeth so long upon — the saddest in any or all the known languages — must be known. The Earl of Essex son to her majesty, and a brother bred — bone, blood, sinews as my own — was sentenced to death by that mother and my counsel. A queen's edict, if not her iron hand, killed such a man that for valor and manly spirit was unequalled.

Sole accountant must I be hereafter for the share I had in my brother's sorry fate, but none here will fully acquit me, and so my worthiest opponents have many notable advantages. In so far as this is unjust, I do hereby demand true and rightful examination by any man that doth regard my brother's case and his sentence as greatly altered by my counsel and reporteth the same everywhere.

At man's many harsh insinuations or open obloquy, my indignation swelled till my heart was too great. Native pride would cause one to seek a means of showing the true state of matters for justification. True he is only actuated by his worse growth of motives, but the fact is irrefutable — a most simple and natural desire for just and worthy men to give him full dues.

Most (or at times, truth to say, all) seek for true respect; the most of us insure this, no doubt, by our lives; but occasion, that ariseth when least looked for, may mar fairest prospects most suddenly. An unexpected event may blast his future with sorrow.

Let my plea be heard and just judgment be rendered. I will ask but this, «aye, strike but list to me», and mark how love is always manifested in our intercourse at all the times of meeting in prison, many of my written protests and entreaties to Essex to turn him aside intending merely his own good, the safety of his own person.

If he had but heard my advice; but he heeded his own unreasoning wishes only. Whilst succeeding barely in this attempt to win so much as a hearing, yet did the true love I bore so move me that from my care of Essex I took a charge that greatly imperilled my personal pretensions, as I did occupy my utmost wit, and even adventure my own fortunes with the queen, to attempt the reintegration of his.

So angry, scathful, irrational, dangerous to all near her, Elizabeth became, blame would lie on any man who did rouse wrath so suddenly awaked, so long continuing, so destructive. All efforts to reintegrate the fortune of him I loved but gave the raging fury food. It kept that desperate, untamed Tudor spirit doubly enraged, and her bitterness of heart showed the despair she carried. Yet that — or linked chains of like events, upheavals of urgent sort, or unrest daily — would never push such a person as far as the point of withdrawal.

Queen Elizabeth yielded naught upon the question, though it is known commonly that persuasions swayed her often, even when object seemed as armed against it. Yet this disposition was not

paramount when I made my plea in behalf of him whom loving trust happily kept in check when a word of dubitancy would prick as with a spur.

Reasoning that no power should prevail with her majesty, I felt how ill-advised a sacrifice of life and its enchantments must be, that surely would be of no effect. I have spirit of sufficient fire, I think, for such hap as is probable to my station, not enough to support me in torture, nor to lead forth any enfans perdus.

Seeing the hopeless state treason-loving Essex was in, I knew I had but to continue my plea, urging that forgiveness might be accorded to Essex, to close the last egress from a cell, or lead to the gallows. Thus was my way hedged about, thick clouds hid the path from sight.

Besides my secret story no correct one shall be left, as her majesty taking a liking, early, of my writings upon a part of late negotiations, required a species of justification of the course (which none surely showed) and carried it, indeed, so as in man's sight, Robert is held abhorred. I, the clerk, did the writing at Queen Elizabeth's behest, though I did it but at her express commands and always as secretary to her majesty. Verily scarce a word remained unaltered. The language, even, was not wholly such as I wished to use, as all was subjected to her painfully searching scrutiny, and many a sentence did her weak fear, her dread of execration, make her weigh and alter, whilst her jealousy culled out my every name of the noblemen who were charged with a lack of loyalty and the style that I employed when I said aught concerning Robert.

For my honorable and just style of «Earl Essex and of Eve», as «my lord of Essex» and «my lord Robert», — on many a page similar names and terms, — her majesty would suggest that it be merely plain Essex or in place of that «the late Earl of Essex». It approved itself to her in such a degree, that my first books were suddenly and peremptorily suppressed and printed according to command, *de novo*, thereby only the sure proof giving of a judgment sharp on his lordship's ills, but subtle concerning her own;

and assuredly the world may see that though she might be excellent in great matters she was exquisite in the lesser.

That history I have desired above every other work to write, that a coming people in the future having read the false declaration made in writings given then, blinding eyes to deep, justly censured wrongs, might understand motives of action as well as the true history of events. Surely a son doth sit close at hand and should see clearly to limn truly. This I know I have accomplished, nor glozed nor blenched in my account.

It must be acknowledged that the crime for which he suffered could not anywise be palliated by his past services or bravery, but, had the signet-ring that he did desire to present reached Elizabeth, Robert, the son madly loved, might have received a royal remittance, inasmuch as it was her well-known seal and token. This did fail, however, to act as peacemaker as it came not, for good reason, to her majesty's eyes. Dreadful was her passion of anger and her bootless sorrow of heart on finding that our proud hero had so stooped, and was not met. As he had been led to believe he had but to send the ring to her and the same would at a moment's warning bring rescue or relief.

It was long enough, in truth some time thereafter, ere this fact became well known, her majesty coming unto the knowledge but a short period ere she died. After our misguided queen's last murder, however, was by a chance only prevented, it was freely bruited everywhere. It was then that I also found that this most precious — yet, by his fortune, truly valueless — token came short of its desired or rather intended end.

All joys died with Essex in both our bosoms; for her all peace, as well, and she declined toward her own end from day to day, visibly, even while she strove most to hide her weakness.

Sin oft strongly wars in the mind, and if no murderous act be done, bears wrong much yoked with humility; but if crime be on a person's hands, many a rout of jeering devils come into his soul of which the worst is pride. So fared her majesty, Queen Elizabeth.

Her whole spirit was but one infernal region, a realm of Pluto, untold days in her times of mirth, or times of staid and very grave deportment; for the blood of her youngest born was upon her royal hand, if not that of many others, heirs to a future of pain.

#

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- «*TOP SECRET: From Shakespeare to the NSA*». By Ron Charles. The Washington Post. November 10, 2014
<https://www.washingtonpost.com/news/arts-and-entertainment/wp/2014/11/10/from-shakespeare-to-the-nsa/>
- «*Cracking Codes Through the Centuries*». By William Grimes. The New York Times. Feb. 3, 2015
<https://www.nytimes.com/2015/02/04/arts/decoding-the-renaissance-at-the-folger-shakespeare.html>
- «*William F. Friedman: A Very Private Cryptographer and His Collection*». By R.M. Sheldon. NSA Cryptologic Quarterly, Issue 2015-01, Volume 34, pp 4-29
<https://www.nsa.gov/Portals/70/documents/about/cryptologic-heritage/historical-figures-publications/publications/cryptologic-quarterly/cryptologic-quarterly-2015-01.pdf>
- «*The Man Who Broke Purple*». By Ronald Clark, 1977 (Bloomsbury Reader 2011)
- «*Francis Bacon's contribution to three Shakespeare plays*». Ph.D. Thesis by Barry R. Clarke, 2014
<http://barryispuzzled.com/PhDThesis.pdf>
- «*The Secret, Hidden, and Obscured Relationship Between Francis Bacon and the Jaggards, Printers and Publishers of His Essays and The First Folio Of The Shakespeare Works*». By A. Phoenix, June 2021
- «*Bacon's Cryptic Signatures In The Works Of 'SHAKESPEARE'*». By Henry Seymour. Baconiana, February 1932, Vol XXI No 79
- François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'Histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938

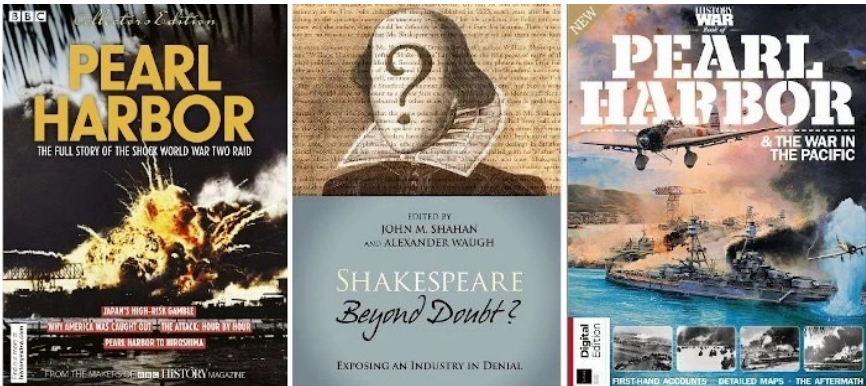
Дополнительное чтение

- Мужчины с ошеломительным оснащением
<https://kiwibyrd.org/2014/09/12/433/>
- Секреты дальночувствия
<https://kiwibyrd.org/2013/04/26/200904/>
- Выпиливание реальности
<https://kiwibyrd.org/2016/08/09/168/>
- Чтение между строк
<https://kiwibyrd.org/2013/09/06/0903/>
- Полный Хагелин
<https://kiwibyrd.org/2020/02/20/20h22/>
- Ответственное крипто и другие формы обмана
<https://kiwibyrd.org/2017/11/18/1711/>

Август 2021

Соккрытие правды

Глава о том, как через криптографию оказались тесно переплетены две больших проблемы истории: вопрос Бэкон-Шекспировского авторства и причины военной катастрофы в Пёрл-Харборе.



В предыдущей главе, можно напомнить, были продемонстрированы не только неожиданно тесные взаимосвязи между Шекспировской библиотекой Фолджера и Агентством национальной безопасности США, но и нечто большее. То, в частности, что особо важные шпионские технологии АНБ имеют отчётливо выявляемые корни как в бэконовском шифре «всё через всё» (*Omnia per Omnia*), так и в знаменитой шекспировской пьесе «Буря» (*The Tempest*).

Ещё в той же главе — как и во множестве предыдущих — были развёрнуто представлены факты и документы, рассказывающие о важной роли Уильяма Ф. Фридмана в делах с «полным закрытием» темы криптографических доказательств в дискуссиях о Бэконе как авторе шекспировских произведений. Ибо — «как показал всем достоправный Фридман, главный криптолог АНБ» — никаких скрытых шифров, доказывающих авторство Бэкона, в книгах шекспировской эпохи не было и нет.

О чём же во всех предыдущих главах пока не рассказывалось ничего, так это о том, что самый знаменитый криптограф

США был не только не единственной, но и далеко не главной силой, стоявшей за всеми этими загадочными делами. Ибо имеются неоспоримые факты, отчётливо свидетельствующие, что начало данной затеи было положено в разведывательных структурах США существенно раньше того, как к проекту по удалению из шекспироведения фигуры Бэкона (а заодно и к дискредитации неудобной книги генерала Картье) подключился Уильям Ф. Фридман.

Чередой событий в этой и поныне тёмной истории такова, что своеобразным рубежом и водоразделом здесь выступает Вторая мировая война. Ибо книга Картье о шифрах и тайной биографии Бэкона (как криптографических доказательствах подлинного авторства шекспировских произведений) была опубликована в 1938, то есть непосредственно накануне войны. Ну а супруги Фридманы, как свидетельствуют все документы их семейного архива, вернулись к делам своей молодости и вновь начали окучивать эту тему лишь через несколько лет после окончания войны, на рубеже 1940-50-х годов.

С другой стороны, однако, имеются неоспоримые свидетельства тому, что разведывательная криптослужба американских вооружённых сил, занимавшаяся дешифрованием секретной переписки потенциальных противников, начала активно набирать в свои ряды учёных-шекспироведов, связанных с библиотекой Фолджера, примерно на десятилетие раньше. То есть на рубеже 1930-40-х годов, ещё до вступления США в войну в декабре 1941...

Причём важно подчеркнуть, что армейский криптограф Уильям Фридман вообще никогда не работал в той спецслужбе, которая занималась привлечением шекспироведов ко взлому шифров. Ибо это была разведструктура совсем другого рода войск — военно-морских сил США.

Вернувшись же после демобилизации к делам своей основной мирной профессии, эти аналитики-текстологи и ученые-библиографы наложили любопытное табу на темы шекспировских исследований. По сути дела, ими было сделано всё

возможное, чтобы в послевоенном шекспироведении нигде и никак не упоминались не только книга Франсуа Картье, но даже само имя этого авторитетного генерала-криптографа с его позицией, совершенно неприемлемой для литературной ортодоксии.

Какие имеются на данный счёт факты? Почему существенно, что это было другое шпионское ведомство? И какие особенности в личности и биографии Уильяма Ф. Фридмана не только глубоко затянули его, но и навсегда мощно впечатали их с супругой имена в эту историю обмана, густо замешанного на тайнах и умолчаниях?

#

Примерно с десятков лет тому назад (точнее, в 2010) широко известный среди шекспироведов академический журнал, *Shakespeare Quarterly*⁹⁰, посвятил целый свой выпуск модной для цифровой эпохи теме: «Шекспир и новые медиа». И там, в статье, посвящённой историко-информационным аспектам шекспировского наследия, можно обнаружить несколько интересных фактов из биографий знаменитых учёных-текстологов и шекспироведов XX века:

Рациональный мир кодов и шифров, который представляли супруги Фридманы, был также и тем миром, в котором обитали Бауэрс и Хинман (Fredson Bowers, Charlton Hinman) во время их военной службы в качестве криптоаналитиков Военно-морских сил США с 1942 по 1945 годы.

Взаимосвязи между их криптоаналитическим опытом военных лет и послевоенными достижениями в области библиографического анализа отмечены Томасом Танселлом (G. Thomas Tanselle) в его ретроспективном обзоре карьеры Бауэрса⁹¹. Танселл отмечает, что Бауэрс ещё до вступления США в войну получил «секретное обучение в качестве криптоаналитика на курсах разведки систем связи ВМС», работавших при университете Вирджинии. В

⁹⁰ <https://shakespearequarterly.folger.edu/>

⁹¹ G. Thomas Tanselle. «*The Life and Work of Fredson Bowers*». *Studies in Bibliography* 46 [1993]: 1–154, esp. 32–34

годы войны он руководил работой группы аналитиков ВМС, занимавшихся взломом японских шифров.

Причина тому неизвестна, но группа Бауэрса была мощно укомплектована шекспироведами, в частности членами её были Чарльтон Хинман, а также ещё два других сотрудника из Шекспировской библиотеки Фолджера (Giles Dawson, Ray O. Hummel).

Столь отчётливая согласованность между шекспировской библиографией и военным криптоанализом была делом вполне естественным, полагает Танселл...

Alan Galey. "Networks of Deep Impression: Shakespeare and the History of Information". Shakespeare Quarterly, Volume 61 No 3 (Shakespeare and New Media, Fall 2010), pp. 289-312

Тут необходимо напомнить, что в кругах официальной историко-литературоведческой науки принято категорически отрицать наличие шифров в книгах шекспировской эпохи. И делается это с опорой, в первую очередь, на однозначный вердикт и бесспорный авторитет супругов-криптографов Фридманов. А потому попытки именовать «естественным» массовое привлечение шекспироведов к секретным дешифровальным усилиям государства в 1940-е годы выглядят в подобном контексте крайне странными и неуместными.

С другой стороны, если знать, что звёзды американской криптологии Уильям и Элизебет Фридманы на рубеже 1910-20-х годов перешли на секретную государственную службу из масштабного, но сугубо частного проекта по вскрытию бэконшекспировских шифров, всё тут начинает выглядеть действительно естественно. Но лишь до того момента, пока супруги Фридманы широко не объявили миру в своей книге 1950-х годов, что никаких таких шифров в старинных книгах они никогда не видели на самом деле...

Столь радикальная перемена во взглядах криптографов на действительно важную проблему требует, конечно же, объяснения и тщательных разбирательств с причинами. Выявить механизм примечательной метаморфозы здесь особенно ин-

интересно ещё и потому, что в биографии Уильяма Фридмана это был вовсе не единственный случай, когда он менял свою позицию по важному вопросу на диаметрально противоположную.

Углубившись в анализ подобных метаморфоз, можно увидеть, что не только идейные мотивы и личные причины для радикальной коррекции взглядов, но даже «технические приёмы» для решения такого рода проблем оказывались у Фридмана в разных ситуациях по сути дела те же самые. Иначе говоря, тщательно изучив подоплёку одной перемены, легче будет понять и другую...

Подчеркнём, что речь тут идёт о делах и биографии человека, практически всю жизнь прослужившего в глубоко секретных госструктурах. Поэтому для сопоставления с вроде бы открытой бэкон-шекспировской линией его жизни логично выбрать такую из тайных историй государства, которая не только богато задокументирована, но и на сегодняшний день наиболее полно рассекречена.

При таких исходных предпосылках самой подходящей линией для аккуратных сопоставлений выглядит знаменитейшая история с разгромом японцами тихоокеанского флота США на гавайской базе ВМС Пёрл-Харбор.

Именно этот сюжет чрезвычайно важен по множеству причин. Не только потому, что Уильям Ф. Фридман имел к данной истории самое прямое личное отношение в день катастрофы 7 декабря 1941 года, а затем неоднократно к ней возвращался в официальных свидетельствах и отчётах на протяжении следующих полутора десятков лет. Изменив в итоге свою позицию на диаметрально противоположную.

Но ещё и по той причине, что события Пёрл-Харбора наряду с «9/11», то есть терактами 11 сентября 2001 года, считаются двумя главными для американского народа потрясениями в истории последнего столетия. Оттого две этих катастрофы, с одной стороны, слывут наиболее глубоко и всесторонне изу-

ченными как историками-профессионалами, так и аналитиками-энтузиастами. А со стороны другой — или же именно поэтому — оба этих события по сию пору продолжают вызывать очень горячие споры и серьёзно обоснованные возражения против официально утвердившихся версий истории.

Так, ключевой эпизод, напроць опровергающий официальную историю 9/11, — это «необъяснимое саморазрушение» WTC7⁹², третьего небоскрёба на Манхэттене, до которого самолёт террористов долететь не сумел. Причём особо важно, что ведущие службы новостей, такие как американская CNN и британская BBC, неоднократно сообщили о падении третьего небоскрёба ещё до того, как он реально и всего за несколько секунд вдруг рухнул, полностью развалившись вплоть до основания. Поскольку объяснить столь поразительные факты можно лишь одним — преднамеренным и заранее подготовленным уничтожением здания — понятно, что произошло далее с этим абсолютно достоверным эпизодом. Его просто выпилили из истории 9/11...

В истории катастрофы Пёрл-Харбора имеется аналогичный эпизод, также абсолютно достоверный и надёжно задокументированный, но при этом упорно и поныне выпиливаемый из официальной версии событий.

Суть этого эпизода сводится к беспрецедентно близким отношениям между разведками США и Великобритании к декабрю 1941. Это чрезвычайно тесное и в деталях своих в высшей степени секретное сотрудничество шпионских спецслужб двух разных государств стабильно сохраняется, как известно, вплоть до сегодняшнего дня.

Весьма же своеобразное начало этому альянсу было положено в 1940 году, когда в госструктурах нейтральных США ещё вообще не было самостоятельного ведомства, занимающегося разведывательной деятельностью. А потому уже воевавшие с Гитлером англичане такую организацию (впоследствии полу-

⁹² <https://kiwiarxiv.wordpress.com/tag/wtc7/>

чившую название ЦРУ) создали, фактически, для американцев сами. Выражаясь точнее, убедили президента Ф.Д. Рузвельта, что это наиболее эффективный путь к тайному военно-политическому сближению США и Великобритании в борьбе с нацистской Германией...

В целом история эта ныне известная, ясное дело, и никаким секретом давно не является. Но имеется там, однако, весьма примечательный криптографический аспект англо-американского разведывательного сотрудничества в 1940-41 гг. Аспект этот обычно принято замалчивать, но именно его и следует рассмотреть особо тщательно.

Ибо в деталях здесь сокрыты воистину удивительные вещи. Документально свидетельствующие о том, что в декабре 1941 года разведслужбы Британии с подачи криптографов США вполне определённо знали о готовящемся нападении японцев. Причём знали они об этом не только заранее, но и существенно больше того, что было известно от собственных криптоаналитиков командованию американских вооружённых сил на Тихом океане.

Не требуется, наверное, объяснять, что эти факты предоставляют существенно иную картину катастрофы, произошедшей в Пёрл-Харборе. И что особо примечательно, задокументированные подтверждения данным фактам имеются, в частности, как лично от Уильяма Ф. Фридмана, так и от его супруги Элизбет Смит Фридман...

#

В воскресный день 7 декабря 1941 года народ США был потрясён радионовостями о «совершенно неожиданной» атаке Японии на военную базу США на Гавайях. Первой же реакцией Уильяма Фридмана на известия о тяжелейших военных потерях было глубокое отчаяние и непонимание произошедшего. Очень мало кто в Вашингтоне знал лучше него о том, что атака эта никак не могла быть для США неожиданной.

Жене главного армейского криптолога этот трагический день запомнился так:

Слушая по радио новости о Пёрл-Харборе, Фридман поначалу просто не мог этому поверить. На протяжении какого-то времени он вообще не мог ничего делать, кроме как ходил и ходил взад-вперёд по комнате, бормоча снова и снова одно и то же: «Но ведь они же знали, они же знали, они же знали...»

Про этот эпизод из частной жизни секретных государственных криптоаналитиков историкам известно очень давно, ещё с 1970-х годов, благодаря книге английского биографа Рональда Кларка⁹³, лично общавшегося с Элизебет Фридман. Но рассказала она ему, однако, про тот день не всё. В документах из секретных архивов АНБ, раскрытых много позже, в 2015, можно найти другой важный эпизод из жизни Фридманов в те же самые особо памятные для них часы.

Цитируемый далее фрагмент взят из интервью Элизебет Фридман, которое она в январе 1976 давала официальному историку АНБ⁹⁴, а рассказывается там про друга их семьи, англичанина по имени Эдвард Хастингс (Captain Edward Hastings).

О британских партнёрах. Капитан [первого ранга] Хастингс, в прошлом офицер королевских ВМС, был главным в Вашингтоне представителем Великобритании по вопросам перехвата и дешифрования. Г-жа Фридман полагает, что он был официальным лицом спецслужбы GC&CS [прежнее название нынешней GCHQ].

...

С этим их английским другом связано одно из самых сильных воспоминаний в жизни г-жи Фридман. Днём 7 декабря 1941 года, вскоре после сообщений об атаке на

⁹³ Ronald Clark. «*The Man Who Broke Purple*». New York: Little, Brown, 1977 (Digital Edition: Bloomsbury Reader 2011)

⁹⁴ A declassified NSA report: E.S. Friedman interview with R. Louis Benson (January 9, 1976, Washington DC). Obtained under the FOIA from NSA, October 2015.

Пёрл-Харбор, в дом Фридманов в Вашингтоне пришел капитан Хастингс. Как только он вошёл и сел, то стал безудержно «смеяться и хохотать» по поводу разгрома в Пёрл-Харборе.

Г-жа Фридман была до такой степени шокирована и обижена подобным его поведением, что никогда так и не сумела понять этот смех по столь трагическому поводу. Судя по всему, Хастингс находил крайне забавным, что эта атака оказалась сюрпризом. Как бы там ни было, дружеских отношений Фридманов с Хастингсом данный эпизод не испортил.

Объяснение для столь странного, на первый взгляд, эпизода тут имелось, конечно же. Но чтобы понять причину одновременного отчаяния Фридмана и веселья его друга Хастингса, прежде необходимо прояснить три, как минимум, важные вещи.

Во-первых, прояснить то специфическое состояние шпионов, постоянно занятых взломом шифров и чтением чужих секретов, которое сам же Фридман впоследствии стал называть «криптологической шизофренией».

Во-вторых, уточнить, кто такой был англичанин Эдди Хастингс и чем конкретно он тогда занимался в ходе своей длительной и тайной командировки в США в 1941 году. Попутно станет яснее, почему официально его командировка началась в 1942. И почему информацию о деятельности этого «официального представителя британской разведки» почти невозможно найти в интернете.

В-третьих же, весь ряд событий 1941 года в жизни Уильяма Фридмана — это наглядная демонстрация того, насколько существенно процесс сближения разведслужб США и Британии отразился лично на нём. Не только на психическом здоровье, но и на резких скачках в последующей карьере самого знаменитого американского криптографа.

(1) **Криптологическая шизофрения.** Этот термин был запущен в обиход спецслужб лично Уильямом Фридманом⁹⁵ и вкратце означает вот что. Своего рода психическую болезнь, стабильно развивающуюся в определённых ситуациях у тех, кто дешифрует и использует чужую секретную переписку. Критические ситуации тут неизбежны, когда для обеспечения собственной безопасности требуются действия, так или иначе разглашающие главную тайну — о знании чужих секретов благодаря взлому шифров.

Упреждающие действия раскроют для противника факт компрометации связи, заставят его сменить шифры, а значит, ценный источник информации будет потерян. В истории есть немало случаев, когда ради сохранения доступа к чужим секретам выбирали бездействие, принося в жертву собственную безопасность. Оправдывая это тем, что ради большой победы допустимы и некоторые неизбежные потери.

В своих послевоенных лекциях по истории криптологии Уильям Фридман, насколько известно, не приводил Пёрл-Харбор в качестве ярчайшего примера криптологической шизофрении. Однако из рассекреченных файлов АНБ документально известно⁹⁶, что и он лично, и другие его коллеги-криптоаналитики, успешно вскрывавшие секретную японскую переписку накануне Пёрл-Харбора, совершенно чётко знали, что Япония в ближайшие дни намерена нанести военный удар. Столь же отчётливо это знали и в разведке Великобритании. У кого же этих важных знаний не было, так это у командования вооружённых сил США на Тихом океане.

(2) **Миссия капитана Хастингса.** Строго засекреченная прежде история сотрудничества между крипторазведками США и Великобритании начала проясняться лишь в 1990-2000-е годы. Из постепенно раскрываемых через полвека по-

⁹⁵ William F. Friedman, "Second Period, Communications Security" (History of Cryptology, Marine Corps Lecture Series) NSA Friedman Collection, Document A63403, 1952-1959.

⁹⁶ John Hurt. "The Japanese Problem in the Signal Intelligence Service". NSA William F. Friedman Collection, Document A58132.

сле войны документов стало известно, что по тайному соглашению между Черчиллем и Рузвельтом активная подготовка спецслужб к обмену технологиями взлома шифров и дешифрованной разведывательной информацией началась с осени 1940 года (когда Рузвельт выиграл президентские выборы, обеспечив себе третий подряд срок в Белом доме).

Если говорить конкретнее, то было решено, что англичане поделятся с США своей важнейшей гостайной под названием «операция Ultra», то есть уже освоенными в ту пору методами вскрытия основного германского шифратора Enigma. А американцы, со своей стороны, поделятся с Британией своей «Магией», включая и такое новейшее достижение, как техника взлома основного шифратора МИД Японии, носившего условное наименование Purple.

Параллельно же с этим большим техническим обменом был вскоре организован и постоянный обмен разведывательными сводками о важнейшей информации, добываемой благодаря дешифрованию. Обеспечение этого информационного обмена было возложено на Эдварда Хастингса. Весной 1941 он стал первым (и чрезвычайно секретным) представителем британской криптоспецслужбы GC&CS в Вашингтоне, а спустя несколько лет — заместителем директора GC&CS, отвечавшим за сотрудничество с зарубежными партнёрами.

Что же касается Уильяма Ф. Фридмана, то он, как начальник армейской дешифровальной спецслужбы SIS, в начале 1941 года должен был возглавлять самую первую поездку делегации американских криптологов в Британию. Должен был, но не смог...

(3) Полоса больших неприятностей. Накануне поездки в Англию ожидалось, что Фридману присвоят очередное — и более подобающее статусу главы делегации — воинское звание полковник. Но в итоге, однако, всё пошло совершенно не так. Вместо получения погон полковника и очень ответственной командировки в январе 1941 Уильям Фридман с симптомами тяжёлого нервного срыва оказался пациентом психо-невроло-

гического отделения военного госпиталя. Где и провёл на лечении следующие три месяца вплоть до конца марта.

Практически все официальные биографии Фридмана ныне сообщают, что причиной этого нервного срыва стало сильнейшее перенапряжение сил криптолога, затраченных им на вскрытие японского шифратора Purple. Но рассекреченные ныне документы АНБ, как и мемуары непосредственных участников этого проекта, вполне согласованно свидетельствуют об ином.

О том, что в действительности и аналитическое восстановление схемы шифратора, и отыскание методов его взлома осуществили подчинённые Фридмана. Сам же он — как начальник спецслужбы — обеспечивал лишь общее административное руководство этим проектом, активно занимаясь «другим делом».^{97,98}

С другой же стороны, как начальник SIS, осенью 1940 года получивший приказ готовить все их главные крипто-достижения для передачи английской разведке, Уильям Фридман отлично понимал, что из-за тайных геополитических игр высшего руководства он оказался в чрезвычайно опасной для себя ситуации. Оказался «не в том месте и не в то время», как говорится...

По результатам опросов общественного мнения, в 1940 году абсолютное большинство — около 80% — взрослого населения США высказывалось за нейтралитет и неучастие их страны в большой войне, уже полыхавшей в Европе⁹⁹. Отчего понятно, что одним из главных пунктов в обещаниях Рузвельта избирателям, благодаря которым он в третий раз стал президентом, было обязательство не посылать молодых американцев на бойню очердной войны.

⁹⁷ Frank B. Rowlett. *The Story of Magic: Memoirs of an American Cryptologic Pioneer*. Laguna Hills: Aegean Park Press, 1998

⁹⁸ John F. Dooley. *History of Cryptography and Cryptanalysis. Codes, Ciphers, and Their Algorithms*. Springer International, 2018

⁹⁹ William Boyd. *The secret persuaders*. *The Guardian*, 19 Aug 2006

Поскольку же законы США о нейтралитете запрещали военное сотрудничество с одной из воюющих сторон, Фридман не мог не осознавать, что получил такой приказ, выполнение которого ставит под угрозу национальную безопасность страны. А его самого, соответственно, в потенциале делает государственным преступником. В такой ситуации понятно, наверное, что чем ближе становился день отправления сверхсекретной делегации в Британию, тем больше росло нервное напряжение Фридмана. И в какой-то момент его хрупкая психика просто не выдержала...

Такого рода объяснение причин произошедшего с криптографом, конечно же, является лишь правдоподобным предположением. Но хотя никаких документальных подтверждений на данный счёт не имеется, это объяснение, как минимум, не противоречит известным историческим фактам. В отличие от официальной — но опровергаемой фактами — версии «про переутомление от вскрытия Purple».

Самое же главное, что три месяца в госпитале оказались для Фридмана лишь началом больших проблем, последовавших далее. Хотя по заключению врачей он был сочтён годным к возвращению на службу, всего несколько недель спустя, в апреле 1941, криптограф получил существенно другой «медицинский» удар. Из управления кадров подполковнику Фридману пришло письменное уведомление, сухо извещавшее, что по причине слабого здоровья он уволен из рядов вооружённых сил...

Иначе говоря, вместо присвоения очередного воинского звания и заслуженной награды за огромный дешифровальный успех его подразделения, Уильяма Фридмана не просто сняли с руководящей должности, но и вообще зарубили всю его военную карьеру. Причём сделано это было непонятно по чьей инициативе, сделано грубо и поспешно, с явными нарушениями порядков, установленных для комиссования офицеров по болезни.

Глубоко уязвлённый Фридман пытался, естественно, возражать и искать справедливости в кабинетах начальства. Однако в ответ наткнулся всюду на глухое молчание о причинах произошедшего. А также на неискренние объяснения про работу о его здоровье и про преимущества его новой должности.

Ибо военное руководство охотно оставило выдающегося криптографа на секретной спецслужбе. Но только теперь в качестве работающего по контракту гражданского консультанта — на почётной должности «главного криптоаналитика», полностью освобождённого от административных функций главы SIS.

Утратив перспективы служебного роста и достойной военной пенсии, Фридман попытался поправить финансовое положение по несколько иной траектории. В основу сконструированного им с Фрэнком Роулеттом в 1930-е годы шифратора SIGABA было заложено несколько важных криптографических идей, которые разработчики решили запатентовать, дабы иметь и свою долю в беспорном успехе самого сильного в США аппарата для защиты связи. Однако, вокруг этих топ-секретных изобретений сразу возникло множество сложных юридических проблем, так что оформить патенты оказалось совершенно невозможно.

#

О том, что Фридман отчётливо понимал непроизносимые причины, заблокировавшие его служебный рост и военную карьеру, имеется вполне внятное письменное свидетельство от самого криптографа. Однако процитировать его будет удобнее в самом конце рассказа. А здесь, дабы стало ясно, что причины эти вовсе не были секретом и для остальных, процитируем другого сведущего офицера радиоразведки. Находившегося, однако, в стороне от военной иерархии США.

Один из начальников британской службы радиоперехвата, Хамфри Сэндвит (Commander Humphrey Robert Sandwith) в рамках разведывательного сотрудничества союзников работал

в 1942 году с криптоаналитиками ОР-20-G, дешифровального подразделения ВМС США. По итогам своей командировки Сэндвит составил полагающийся отчёт, на страницах которого современные историки находят свидетельства, о которых рассказывается так¹⁰⁰:

[О различиях] Между традиционно иерархической военной структурой ОР-20-G в составе ВМС и более свободной, массово насыщенной гражданскими людьми организацией криптографов Армии в Арлингтон Холле. Эти различия не могли ускользнуть от внимательного взгляда офицера британских ВМС, который пронизательно и точно диагностировал неприглядные признаки антисемитизма, в те времена вызывавшего серьёзные трения между спецслужбами.

Когда командер Сэндвит, замначальника службы радиоперехвата Королевских ВМС Британии, посещал ОР-20-G весной 1942 года, он отметил, что «неприятель к евреям, преобладающая в ВМС США, это такой фактор, который нельзя не учитывать» в сложных взаимоотношениях между двумя военными криптобюро, занятыми взломом шифров, «поскольку почти все ведущие криптографы Армии США являются евреями».

В современной исследовательской литературе имеется достаточно свидетельств тому, что антисемитизм в ту пору был прочно укоренён в высшей военной иерархии не только флота США, но и армии. Поэтому следует пояснить, как случилось так, что в 1942 «почти все ведущие криптографы Армии США были евреями».

Армейское дешифровальное подразделение под названием SIS (Служба разведки связи) в буквальном смысле было детищем Уильяма Фридмана. В 1930 году он не только стал первым главой этой новой структуры, но также и сам подыскивал в неё головастых сотрудников среди молодых математиков, и

¹⁰⁰ Stephen Budiansky. Battle of Wits: The Complete Story of Codebreaking in World War II. New York: Free Press, 2000

сам же обучал их премудростям науки криптологии. Трое из самых первых его учеников — Фрэнк Роултт, Абрахам Синков и Соломон Кульбак — впоследствии стали ведущими криптоаналитиками Армии США.

Иначе говоря, если считать вместе с Фридманом, то в военные 1940-е годы чуть ли не три четверти самых умных мозгов армейской дешифровальной службы приходилось на евреев. Но даже в послевоенный период, когда все они стали прославленными ветеранами и гордостью уже централизованной спецслужбы АНБ, занимая и там солидные вроде бы должности, никто из них так и не дослужился до генеральских званий.

Подробные разбирательства с тем, как и почему это происходило (с учётом очень влиятельных среди высшей элиты США тайных обществ, вроде масонской ложи в Вашингтоне¹⁰¹ или Skull & Bones в Йеле¹⁰², где всегда и абсолютно доминировали так называемые W.A.S.P. — «белые англо-саксонские протестанты»), уведут нашу историю слишком далеко в сторону от основной темы. Поэтому вернёмся к событиям 1941 года, вызвавшим резкие повороты в биографии Уильяма Фридмана.

Ибо вполне можно говорить, что трагические события Пёрл-Харбора не только мигом и радикально переменяли настроения американской нации — с нейтрально-миролюбивых на воинственно-агрессивные и жаждущие отмщения. Но также, говоря конкретно о Фридмане, сыграли в итоге пусть и косвенную, но весьма ощутимую роль для успехов его дальнейшей карьеры в разведывательном сообществе.

В отличие, надо подчеркнуть, от целого ряда других коллег, чья военная карьера из-за твёрдой позиции по Пёрл-Харбору отчётливо и быстро пошла под откос...

#

¹⁰¹ «Страницы жизни Дж. Эдгара Гувера»
<https://kiwibyrd.org/2013/07/07/403/>

¹⁰² «Перекрестки и параллели истории»
<https://kiwibyrd.org/2014/01/26/36/>

Тотальный разгром кораблей и авиации на гавайской базе, продемонстрировавший абсолютную неготовность вооружённых сил США к атакам противника, породил множество вопросов к военному и политическому руководству страны. Отчего вскоре последовала целая череда высоких комиссий и расследований, с разной интенсивностью продолжавшихся до 1946 года, пытавшихся отыскать причины произошедшего и строго наказать виновных.

Как самая первая из таких комиссий в декабре 1941, так и все последующие разбирательства главными виновниками катастрофы пытались представить высших тихоокеанских военачальников — командующего флотом адмирала Киммела и начальника базы генерала Шорта. Но чем больше подробностей узнавала каждая очередная комиссия о дешифровальных успехах американской разведки накануне Пёрл-Харбора, тем менее очевидной становилась вина тихоокеанского командования на Гавайях. И тем больше проколов, труднообъяснимых тормозов в доставке и даже пропаж важнейшей развед-информации обнаруживалось в действиях высшего военного начальства в Вашингтоне.

При этом сразу несколько видных чинов в разведывательно-дешифровальных структурах как Армии, так и ВМС США в своих свидетельских показаниях очень твердо настаивали, что множество сигналов о близкой и неминуемой военной атаке Японии было не только выявлено за несколько дней до катастрофы, но и своевременно передано ими в вышестоящие инстанции.

Со стороны ВМС, в частности, на этом настаивал начальник криптоаналитиков OP-20-G Лоренс Сэффорд (Captain L. E. Safford), а со стороны Армии начальник оперативного отдела полковник Сэдтлер (Otis K. Sadtler), отвечавший за распределение дешифрованной информации. Поскольку их показания выставляли высшее военное командование в крайне неприглядном свете, оба принципиальных офицера вскоре лишились своих руководящих постов. Явных репрессий не последовало, но карьерный рост их на этом закончился.

Уильям Фридман, не только наблюдавший за судьбой коллег, но и сам дававший свидетельства в качестве главного криптоаналитика Армии, избрал существенно другую линию поведения. И в высшей степени виртуозно излагал свою позицию в столь двусмысленных выражениях, что она устраивала обе несогласные стороны. Сэффорд и Сэдтлер слышали в его словах мягкое подтверждение своим сильным заявлениям. Ну а для комиссий, лояльных высшему руководству, те же слова звучали как признания эксперта в том, что никаких явных указаний на точное место и точную дату японской атаки в дешифрованных депешах не было.

На протяжении войны, однако, все эти расследования были строго секретными, а их результаты, соответственно, практически неизвестными широкой публике. Когда же после неожиданной кончины Рузвельта в 1945 президентом стал Гарри Трумэн (абсолютно никак не участвовавший в шпионских и геополитических играх США 1941 года), то сразу после победы над Германией и Японией он разрешил провести первые открытые разбирательства по Пёрл-Харбору в Конгрессе. Именно тогда публике впервые стало известно о больших дешифровальных успехах разведки, реальные масштабы которых, впрочем, очень тщательно скрывались ещё много лет и впоследствии.

Уильям Фридман был также приглашён для показаний в Конгрессе. Там его продуманное выступление настолько понравилось высшему военному руководству, что очень скоро, уже в 1946 году дела Фридмана по службе заметно пошли в гору.

Сначала он получил вежливое приглашение из кадров вернуться на военную службу (приглашение было с готовностью им принято, никаких возражений со стороны медицины не возникло). Примерно тогда же обозначились и положительные сдвиги в юридических делах, связанных если и не с оформлением патентов на изобретения для шифраторов, то как минимум с получением подобающей денежной компенсации.

Попутно же с этими военными делами, что особо примечательно для нашей истории, начали происходить ещё и любопытные перемены по линии бэкон-шекспировской проблемы. Причём перемены эти даже для самого Фридмана оказались совершенно неожиданными.

Например, в 1947 году на фоне сильно закручивавшихся гаек секретности вокруг дешифровальной активности спецслужб, Фридман был вынужден отказывать всем энтузиастам литературных изысканий, сумевшим раздобыть его почтовый адрес и просившим в письмах экспертных комментариев по вопросам бэконовских шифров в шекспировских текстах:

В письме Сэмюэлу Б. Хаскеллу, датированому 28 июля 1947, Уильям Фридман даёт понять, что больше не желает отвечать ни на какие вопросы относительно Бэконовского авторства. Сказано же об этом так: «Моё положение в военном департаменте делает проблематичными какие-либо комментарии по вопросам криптографии»...¹⁰³

Однако уже в следующем, 1948 году по приглашению, подчеркнём, известной нам Библиотеки Фолджера, Фридман вдруг получает разрешение прочитать публичную лекцию «О бэкон-шекспировских шифрах» (название лекции имеет смысл запомнить). Вскоре после чего, кстати, опять-таки по неясным для историков причинам он впадает в глубочайшую депрессию и с признаками нервного расстройства снова оказывается на лечении в психоневрологическом стационаре.

#

Ни в личных архивах Фридманов, ни в какой-либо исследовательской литературе пока не удаётся отыскать документов или свидетельств, проясняющих истоки тех отчётливых взаимосвязей, что наблюдаются в выступлениях Уильяма Фридмана

¹⁰³ R.M. Sheldon. William F. Friedman: A Very Private Cryptographer and His Collection. NSA Cryptologic Quarterly, Issue 2015-01, Volume 34

по теме Пёрл-Харбора и по вопросу Бэкон-Шекспировского авторства.

Но поскольку взаимосвязи эти можно видеть не только в синхронности выступлений и публикаций Фридмана, но даже в схожих приёмах аргументации, то один из самых ярких примеров такого рода надо рассмотреть здесь чуть подробнее.

Особо примечательное в этом смысле совпадение пришлось на 1957 год, когда появились две больших и существенно различающихся, казалось бы, фридмановых работы. Одна о катастрофе Пёрл-Харбора, другая о текстах Шекспира. Если же вникнуть в суть двух этих разных аналитических произведений, то обнаруживается, что обе работы сосредоточены на одном и том же.

Первая — на опровержении идей мёртвого адмирала о президенте Рузвельте и высших военачальниках армии и флота как о главных виновниках катастрофы в Пёрл-Харборе. Работа же вторая — на опровержении идей мёртвого генерала о Бэконе как авторе шекспировских произведений.

Поскольку работа вторая — это уже хорошо известный нам манускрипт супругов Фридманов, ранее выигравший приз Шекспировской библиотеки Фолджера, а в 1957 переработанный и изданный в виде книги издательством Кембриджа¹⁰⁴, то более подробно надо рассказать о работе первой.

Этот текст — большая статья Фридмана, написанная по заказу начальства АНБ — носит довольно необычное для официальных документов название: «*Определённые аспекты “Магии” в подоплёке нескольких официальных расследований атаки на Пёрл-Харбор*»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Friedman, William F. & Elizebeth S., «*The Shakespearean Ciphers Examined*». Cambridge: Cambridge University Press, 1957

¹⁰⁵ Friedman, William F. Certain Aspects of “Magic” in the Cryptological Background of the Various Official Investigations into the Attack on Pearl Harbor. NSA William F. Friedman Collection, Document A485355.

В те времена даже в государственных структурах, не говоря уже о широкой публике, мало кто знал, что обозначает кодовое слово Магия. Но поскольку работа изначально мыслилась как секретная и предназначенная для распространения в кругах солидных правительственных людей, имеющих доступ к гостайне, Фридман решил позволить себе здесь некоторую вольность.

Хотя в заголовке статьи говорится об официальных расследованиях катастрофы, для специалистов-историков вполне очевидно, что все аргументы этой работы заточены для опровержения выводов расследований неофициальных — от так называемых «ревизионистов истории». А самой главной из этих ревизионистских атак на официальную позицию государства (полностью снявшего какую-либо ответственность с высшего военно-политического руководства США) в ту пору была, несомненно, вышедшая в 1954 году книга адмирала Роберта Теобальда «*Последняя тайна Пёрл-Харбора: Вклад Вашингтона в японскую атаку*»¹⁰⁶.

В этой работе от вице-адмирала Теобальда, который во время атаки японцев на Пёрл-Харбор командовал одной из эскадр, подвергнувшихся неожиданному нападению, по-военному прямо и без всяких скользких двусмысленностей было заявлено, что президент Ф.Д. Рузвельт, начальник штаба Армии Джордж Маршалл и командующий военно-морским флотом Гарольд Старк несут прямую ответственность за разгром тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе.

Цитируя адмирала дословно, «никакого Пёрл-Харбора не было бы, если бы гавайское командование не лишили Магии», причём это именно Рузвельт приказал Маршаллу и Старку придерживать дешифрованную информацию из секретной японской переписки. Делалось же это ради того, чтобы неожиданный и чувствительный удар союзника Германии вынудил нейтральные США к вступлению в мировую войну на стороне Британии и антигитлеровской коалиции в целом. К чему вся-

¹⁰⁶ Robert A. Theobald. «*The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington contribution to the Japanese Attack*». New York: The Devin-Adair Company, 1954.

чески стремился Рузвельт, но активно сопротивлялся Конгресс, где доминировали прогерманские и антисоветские настроения...

Серьёзнейшие обвинения Теобальда, что очень важно, были основаны не на его личных домыслах или мутных слухах, а на документальных фактах из рассекреченных материалов нескольких официальных расследований. Именно поэтому, собственно, никаких судебных исков против строптивного адмирала, порочащего честь и достоинство высших людей страны, здесь не последовало (ибо на подобных судах обычно всплывает ещё больше неудобной и компрометирующей информации).

Вместо судов, однако, руководство АНБ поручило своему главному специалисту по Магии подготовить — причём далеко не бесплатно — солидное и убедительное «опровержение» в ответ на все обвинения адмирала. Благо сам Роберт Теобальд умер в мае 1957 и со своими рассекреченными документами парировать авторитетные контр-доводы уже никак не мог.

В основу развёрнутой, местами ловкой и местами действительно убедительной аргументации в статье от Фридмана положены всё те же, но теперь особо тщательно отполированные формулировки из его прежних показаний, так понравившихся начальству. Суть же их сводится к тому, что среди всех дешифрованных материалов Японии нет ни одного послания, в котором было бы в явном виде сказано, где именно и когда именно будет нанесён военный удар по США. А значит, читавшее эти дешифровки высшее руководство страны никак не могло ни знать, ни предупредить флот на Гавайях о грядущем нападении...

Достоверно зная о душевном состоянии и мыслях Уильяма Фридмана в день катастрофы Пёрл-Харбора («Они же знали, они же знали»), из этой статьи криптографа, написанной полтора десятилетия спустя, вполне ясны три вещи, как минимум. Он изменил свою позицию на противоположную, чётко понимая, чего хочет от него высокое начальство. Ради того, чтобы

угодить начальству, он применяет в аргументации любые приёмы, вплоть до передёргиваний и умолчаний, равноценных лжи. И при этом точно знает, что главный сведущий оппонент, адмирал Теобальд, содержательно возразить ему не сможет просто по физическим причинам.

Обращаясь к другой работе, книге Фридманов о Бэкон-Шекспировских шифрах, нет возможности утверждать, будто мы достоверно знаем душевное состояние и мысли Уильяма Фридмана в те давние годы, когда они с женой занимались шифрами в старинных книгах. Но коль скоро до Второй мировой войны они совершенно точно не делали ни единого заявления, отвергающего факт существования таких шифров, логично предполагать, что и здесь позиция криптографа изменилась на прямо противоположную.

Мы не знаем, кто был тем «высоким начальством», которому пытался угодить Уильям Фридман в своих новых шекспироведческих анализах. Но в аргументации и этой работы без особого труда выявляются передёргивания одних фактов и умолчания о других, равноценные лжи. Более того, данную работу, тотально отвергающую и опровергающую выводы книги от авторитетного криптографа Картье, супруги Фридманы затеяли сразу после того, как этот французский генерал умер.

Особо же любопытное «пересечение тем» в выявленных параллелизмах можно найти в тексте Предисловия к книге Фридманов «Проверка шекспировских шифров». Среди многочисленных благодарностей авторов, общепринятых для предисловий, обнаруживается такой абзац, целиком посвящённый руководству Общества Фрэнсиса Бэкона в Лондоне:

Господину Фрэнку Вудварду-мл, бывшему Председателю; командеру Мартину Пэрсу, Председателю; и капитану Уильяму Аспдену, секретарю Английского Общества Бэкона, мы особенно благодарны за их гостеприимство и внимательность к полковнику Фридману,

когда он в 1953 и 1954 гг. посещал Кэнонберийскую башню, штаб-квартиру этого общества.¹⁰⁷

Изом этой благодарности заключается в том, что Общество Бэкона никогда не было ни военной, ни военизированной организацией. Поэтому перечисление воинских званий его руководства понадобилось здесь лишь для того, чтобы назвать их гостя «полковник Фридман».

На самом деле, однако, Фридман никогда не был полковником. Ни в 1953-54, когда он уже окончательно завершил свою непростую военную службу в довоенных чинах подполковника. Ни в 1957, когда он, судя по цитате, всё ещё сохранял надежду добиться у армейских бюрократов столь желанного для себя звания полковника, пусть и «надгробного».

(В американских вооружённых силах тогда практиковали такую форму поощрения — присваивать уходящему на пенсию офицеру звание на ранг выше положенного. С характерным армейским юмором тех моряков-капитанов, скажем, кто был удостоен повышения при уходе на пенсию, именовали «адмиралами надгробного камня».)

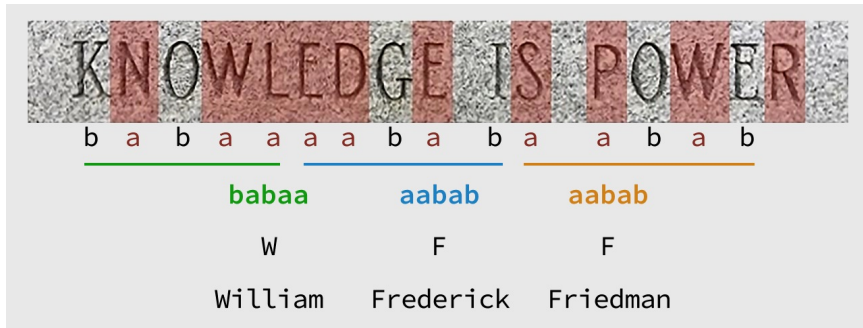
#

Примечательное и нетривиальное сочетание трёх столь разных тем — бэконовских шифров, воинских званий и надгробного камня — ещё раз очень отчётливо и теперь уже «вырубленное навечно» обозначилось в биографии Уильяма Фридмана спустя двенадцать лет, в 1969. То есть в год, когда отец американской криптологии отошёл в мир иной.

Надгробный камень, под которым он похоронен на военном Арлингтонском кладбище, в верхней части имеет надписи «Уильям Ф. Фридман / подполковник / 1891-1969». А в части нижней выбит знаменитый девиз Фрэнсиса Бэкона «Знание —

¹⁰⁷ Friedman, William F. & Elizebeth S., «*The Shakespearean Ciphers Examined*» («*The Shakespearean Ciphers Examined*»). Cambridge: Cambridge University Press, 1957

сила», в буквы которого двухлитерным бэконовским шифром встроены инициалы криптографа «W F F»...



Что означает сей факт? Обе знаковых работы Фридмана 1957 года абсолютно и несомненно поддерживали официальные версии истории (Пёрл-Харбор был неожиданным для США ударом, Шекспир был автором шекспировских произведений). Криптограмма же на могиле Фридмана дважды указывает на Бэкона (вообще никак не отсылая к Шекспиру).

Сопоставляя эти вещи, несложно догадаться, что «отец криптологии» под конец жизни опять решил радикально изменить свою позицию. Сделав это тихо, но вполне отчётливо. Известны ли историкам причины и обстоятельства в жизни Фридмана, повлиявшие на такие перемены? Да, известны. Причём известны абсолютно достоверно.

Опубликовав в 1957 году сразу две значительных работы, в доску лояльных официальным инстанциям, Фридман имел все основания надеяться, что и власти, со своей стороны, отнесутся с вниманием к его скромным запросам. Вместо этого, однако, со стороны властей последовали суровые одёргивания и весьма болезненные для Фридмана удары.

Излишняя публичность прославленного криптографа на поприще шекспироведения стала восприниматься начальством АНБ и ЦРУ как риски компрометации. Поэтому для начала его полностью отстранили от участия в той операции по

ослаблению европейских шифраторов, быстрый успех которой был обеспечен лично Фридманом.

А вскоре, в 1958 произошёл и совсем уж неприятный инцидент с конфискацией личной криптографической коллекции, которую Фридман собирал всю жизнь. Выражаясь аккуратнее, коллекцию не то чтобы совсем отобрали, а взяли в АНБ на время. Дабы специалисты-цензоры оценили уровень секретности каждого из документов и объектов собрания, а при выявлении вещей, чреватых разглашением гостайны, изъяли их и переместили в секретное хранилище Агентства.

Понятно, наверное, что в итоге подобных разборок отношения между Фридманом и руководством АНБ все 1960-е годы оставались весьма неважными, мягко говоря. Был даже период, когда ветеран-криптограф, чувствуя за собой слежку, нанимал частного детектива для зачистки дома от возможных «жучков».

В 1969 году, буквально за несколько месяцев до смерти, Фридман впервые, похоже, решился высказаться откровенно о замысловатых итогах своей полувековой службы на невидимых фронтах национальной безопасности. Сформулировано это было в таких словах (цитируя биографическую книгу Рональда Кларка¹⁰⁸):

Постепенно Уильям Фридман стал понимать, что несмотря на огромные внешние различия, подходы официального Вашингтона к евреям отличались скорее лишь в некоторой степени, нежели в принципе, от того, что делали царские российские власти в Молдавии [в конце XIX века, когда родители Фридмана эмигрировали в Америку, спасаясь от погромов и притеснений].

Хотя это непросто обосновать документами, еврейское происхождение было существенной помехой для карьеры государственного служащего [...] Вне вся-

¹⁰⁸ Ronald Clark. «The Man Who Broke Purple». New York: Little, Brown, 1977 (Digital Edition: Bloomsbury Reader 2011)

ких сомнений, Фридман чувствовал это настолько сильно, что всего лишь за два месяца до своей смерти он обратился в письме к другу с такой просьбой:

«Между прочим, не сделаешь ли ты взнос в Фонд, в Президиум которого меня только что избрали? Это финансовый Фонд, собирающий пять миллиардов долларов (США) для компенсации за те пять тысяч лет притеснений, которым тысячи моих предков и я сам подвергались со стороны просвещённых не-евреев во всех странах и на всех континентах мира?»

#

Журнал *Shakespeare Quarterly*, издаваемый под эгидой Шекспировской библиотеки Фолджера, был создан в 1950 году (аккурат между созданием ЦРУ в 1947 и АНБ в 1952). За более чем 70-летнюю историю у этого журнала никогда не было и нет никаких проблем с еврейской темой. Как при её всестороннем обсуждении в произведениях Шекспира, так и с выбором авторов-евреев для своих публикаций.

Но есть в *Shakespeare Quarterly* другая отчётливая проблема. Точнее говоря — очень жёсткое табу. Здесь нигде и никогда не упоминается книга Франсуа Картье о «Проблеме криптографии и истории»¹⁰⁹. А также тотально игнорируется и само имя этого генерала-криптографа, неоднократно и компетентно писавшего о роли шифров в бэкон-шекспировском вопросе как до, так и после публикации своей книги.

В качестве наглядной аналогии можно говорить, что книга Картье для шекспироведения — это примерно то же самое, что объявленное заранее «саморазрушение WTC7 от пожара» для официальной истории 9/11. Иначе говоря, если признать в этих достоверных фактах чистую правду, то всё остальное оказывается ложь...

¹⁰⁹ François Cartier, «Un problème de Cryptographie et d'histoire». Paris: Editions du Mercure de France, 1938

Онлайновые поисковые возможности¹¹⁰ для публикаций журнала дают ясные и отчётливые подтверждения этой примечательной ситуации. Упомянувшиеся выше имена шекспироведов-криптографов, таких как Fredson Bowers, Charlton Hinman, Giles Dawson, Ray Hummel встречаются на страницах *Shakespeare Quarterly* многие десятки и даже сотни раз. Также неоднократно упоминаются и супруги-криптографы Фридманы (имеются даже их собственные публикации-рецензии). Но вот имя генерала-криптографа François Cartier не упоминается здесь вообще — ни единого раза за все 70 лет истории издания.

Сколь замысловатым образом это «табу на Картье», практикуемое современным шекспироведением, отражается на публикациях авторитетных учёных и на содержании онлайн-библиотек — про это будет рассказано чуть позже. Здесь же пора переходить к переводам фрагментов из столь неудобной, а потому и как бы забытой книги от криптографа Картье.

И что ещё интересно, в строках тайной автобиографии Бэкона, опубликованной французским генералом, без особого труда обнаруживаются параллели с послевоенной биографией У.Ф. Фридмана — во всём, что касается попыток угодить своенравной верховной власти...

#

¹¹⁰ <https://academic.oup.com/sq>

(фрагменты перевода, стр. 282-292 книги Картье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

S

Многие читатели просили меня указать соответствия между главами автобиографической книги Фрэнсиса Бэкона и теми работами, из которых они были извлечены.

Ниже я привожу эти соответствия в том виде, в каком они были переданы мне полковником Фабианом.

Сначала я указываю названия книг, а далее для каждой из них конкретное издание. Такая информация также очень важна, поскольку зашифрованные фрагменты, относящиеся к автобиографии, мы находим только в указанных изданиях, опубликованных во времена Фрэнсиса Бэкона или непосредственно вслед за его кончиной.

Francis Bacon:

1. A Declaration of the Treasons of Essex, 1601
2. Advancement of Learning, 1605
3. Novum Organum, 1620
4. The Parasceve, 1620
5. History of Henry the Seventh, 1622
6. Historia Ventorum, 1622
7. Historia Vitæ et Mortis, 1623
8. De Augmentis Scientiarum, 1623
9. Idem, 1624
10. The Essays, 1625
11. New Atlantis, 1635
12. Natural History, 1635

Timothy Bright:

13. A Treatise of Melancholy (2 editions), 1586

Robert Burton:

14. The Anatomy of Melancholy, 1628

Robert Greene:

15. The Mirror of Modesty, 1584
16. Planetomachia, 1585
17. Euphues, 1587
18. Morando, 1587
19. Perimeds, 1588
20. Pandisto, 1588
21. The Spanish Masquerade (2 editions), 1589

Ben Jonson:

22. The Folio, 1616

Georges Peele:

23. The Arraignment of Paris, 1584

William Shakespeare:

24. Midsummer Night's Dream Quarto, 1600
25. Much Ado about Nothing, 1600
26. Sir John Oldcastle, 1600
27. Merchant of Venice, 1600
28. London Prodigal, 1605
29. King Lear, 1608
30. Richard the Second, 1615
31. The Whole Contention, 1619
32. Pericles, 1619
33. Romeo and Juliet (без даты)
34. The First Folio, 1623

Edmond Spenser:

35. The Shepheardes Calender, 1579
36. Idem, 1611

37. Complaints, 1590-1591
38. Colin Clout,
39. Fairy Queen, 1596
40. Idem, 1613

В следующем разделе, посвящённом конкретным главам автобиографии, те цифры, что сопровождают каждую из указанных работ, являются номерами страниц, содержащих зашифрованные фрагменты. Перечисление, однако, производится не в том же порядке, в котором эти фрагменты работ следуют в зашифрованном документе.

Тем читателям, которые пожелают этого, я готов предоставить более подробную информацию. Здесь же мне показалось ненужным расширять это перечисление подробностями, представляющими второстепенный интерес. Те из книг, что помечены в главах звёздочкой, — это такие работы, в которых представлены самые длинные части каждой соответствующей главы.

Размещение многочисленных фрагментов на соответствующих им местах в каждой из глав и само по себе представляло своего рода головоломку. Решение её было поручено квалифицированному эксперту, не принимавшему участия в криптографической работе по дешифрованию. Это решение затем было тщательно проверено, прежде чем окончательно представлено как автобиография в том, собственно, виде, в каком мы её опубликовали.

[Далее, компактности ради, здесь даны сведения лишь о первых двух главах. Об источниках всех прочих глав автобиографии — в следующей части.]

Глава I

Novum Organum, 9, 23-24, 35, 66, 79-80, 188.

The Parascève, 8-9, 11-13.

* History of Henry the Seventh, 46-59, 62-102.

Historia Vitæ et Mortis, 48-58.

- * De Augmentis Scientiarum, 124-156, 169-171.
New Atlantis, 9-10.
- * The Mirror of Modesty, 21-41.
The Folio. Ben Jonson, 470-471.
Sir John Oldcastle, 51-58.
The whole Contention, 39-42.

Глава II

- * Advancement of Learning, 42-48, 51-53.
Novum Organum, 284.
- * New Atlantis, 10-19.
- * Natural History, 106-108, 260-264.
A Treatise of Melancholy, 65-69.
- * Planetomachia, 6-8.
Midsummer Night's Dream, 34-61.
Merchant of Venice, 181-181.
Richard the Second, 60-63.
Romeo and Juliet, 9-11, 20-23, 37-49.
The Folio. Shakespeare, 4-20, 225-226.
The Shepheardes Calender, 1579, 35-43.

#

(стр. 157-160 книги *Картье*)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

Краткий пересказ Главы X

[В этой главе Бэкона продолжают терзать мысли об ужасной кончине брата, графа Эссекса, и глубочайшие переживания из-за своего личного участия в этой трагической цепи событий, финал которых он оказался не способен предугадать.

Особенно же тяжело всё произошедшее воспринимается им ещё и по той причине, что полная лояльность к королеве, продемонстрированная Бэконом в истории с мятежом Эссекса, аб-

солютно никак не повлияла на давнее и упорное нежелание Елизаветы видеть в своём старшем сыне законного наследника английского престола.]

Бэкон напоминает, что королева Елизавета, «влюблённая в себя не только в юности, но и в зрелом возрасте», провела через Парламент закон, запрещающий обсуждать вопрос о наследовании.

Безвременная кончина отца, графа Лестера, привела к тому, что попутно исчезли все те документы и заверенные устные свидетельства, на которые мог бы сослаться Фрэнсис Бэкон, попытайся он заявить свои законные права на корону.

«Все те бумаги, которые давно и тщательно сохранялись (а это были важнейшие доказательства, такие как данные под клятву показания, полученные от столь почтенных свидетелей, как врач королевы), всё это было украдено подлым слугой того, кто ненавидел обоих сыновей Елизаветы, а затем было уничтожено в присутствии королевы.»

В таких условиях все надежды Фрэнсиса оставались только лишь на королеву. Однако возобновившиеся заявления Елизаветы о том, будто она так и осталась девственницей, ясно свидетельствовали, что от этой эгоистичной и тщеславной женщины ожидать уже более нечего. Под конец же она впала в глубокую меланхолию, развеять которую не удавалось никому.

По утверждению Бэкона, главным раздражителем для Елизаветы, разбившим все его надежды на престол, стала женитьба отца, графа Лестера, на вдовствующей графине Эссекс [мачехе Роберта Эссекса, то есть биологического сына Лестера]. Незадолго до смерти, когда Елизавета почувствовала себя совсем больной и духом, и телом, а королевский Совет стал просить её о выборе преемника, она ответила так: «Сыну этого негодяя им не бывать». Когда же они стали настаивать на более конкретном выборе, королева добавила: «Посылайте в Шотландию».

Этот выбор на короле Шотландии Якове, сыне Марии Стюарт, по убеждению Бэкона был продиктован желанием Елизаветы как можно надёжнее отстранить от престола его, Фрэнсиса.

«Она была моей матерью, однако у меня есть больше всех причин, чтобы её проклинать.»

Как бы там ни было, Бэкон находит в себе силы противостоять обрушившейся на него несправедливости. Он смирился со своей судьбой и ищет утешения в работе:

«Имя солдата живёт лишь одно поколение, имя учёного — бессмертно...»

#

(стр. 150-157: дешифрованные тексты Оригиналa)

BACON'S LIFE AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER

Chapter X

Whilst I write all, I see most clearly not my own folly but my sinful weakness like as it must in the sight of one Divine and Supreme Judge of all creatures appear. In the blindness and confusion, the moment's question loomed up before me and blotted out love, honor, all the joys of the past or dreams of far off fame. That brief duration far outvalued eternity itself.

Saving my own life in this way, is paying much for that I would indeed fain lose; my life no longer seemeth fair, save as I spend the time for others' good. Life to a scholar is but a pawn for mankind.

O Source infinite of light, ere Time in existence was, save in Thy creative plan, all this tragedy unfolded before Thee. A night of Stygian darkness encloseth us. My hope, banished to realms above, taketh its flight through the clear air of the sciences, unto bright day with Thyself. As Thou didst conceal Thy laws in thick clouds, unfold them in shades of mysterious gloom, Thou didst infuse from

Thy spirit a desire to put the day's glad work, the evening's thought, and midnight's meditation, to find out their secret workings.

Only thus can I banish from my thoughts my beloved brother's untimely cutting off and wrongful part in his trial. Oh, had I then one thought of the great change his death would cause, — how life's worth would shrink and this world's little golden sunshine be but as collid night's swift lightning, — this had never come as a hound of the hunt to my idle thoughts.

As it is now, the true meaning of events is lost to me. The heaven's declare God's glory, but the Scripture doth speak nowhere of His will being thus declared. In order to undertake this, our minds must be inclined to his instruction.

No mishap of fate or evil fortune which hath befallen me of late, can make such sad impression on the heart as this unceasing sorrow; and of all joys possible to my future, none is to mine eager spirit so enticing as my earnest hope of meeting Robert in that world of bliss when all earth's sorrows have ended, and of hearing my greatest evil-doing by his word forgiven.

O grant our request, Thou infinitely gracious Father. As our Lord was crucified that we might live, that sin washed in his blood, might be remitted, blot out all our transgressions. Though our sins be as scarlet let them be white as wool. As far as the East is from the West, as height is from depth, so far remove wrong from our minds and all iniquity from our hearts, for with the Lord is mercy, and plenteous redemption.

The wrong turbulent Robert did me to work out a strange, ay, bold design, now is to be forgotten and wiped from the minds recollection.

To know my own part I study, for example, early conditions, or waste oil in turning over the manuscripts of our English crown, her rights, wrought out with strong emphasis so long, even of bloody war cut short by play of Salic law. At a time when fair Marguerite

kept my keener mind in thrall, a wish to be much honored turning my thought one only way, tyrannically, the Salic, so called, law being the iron axle on which succession of our male sex — disinherison of the females — revolved, I did in fine learn said Salic law had like ground as the Common, or more correctly was only transmitted orally.

So, wish or will by a tradition (only so given) worked cunning wrong, nor can the sons whom disinherited women bear, though having fully as good blood, hold the princely rank which heirs to king's sons by the law do hold, so it is truly a query. England hath set up a standard which was secure. Kings have fear when they are engaged on the one, a graver question may rise on the other side.

Our mother although much loving this kingdom and people, loving adulation not in youth only but in age at the flood of dower, when as there arose question of a successor procured an act of Parliament (to prevent mere mention of, not to say argument, remark and interchange of men's opinions in regard of, the succession) to be passed, making it unlawful to speak upon this matter.

Whoever supposed therein was a true story of secrets of great moment, kept silence, inasmuch as a cloud threatening danger of the law was ever upon them. The few that knew these inner, cruel stings, these questions concerning justice, expediency, as well as permanency of measures so unfathomable in respect of the motives, never allowed hope of our crown to die, but themselves were taken from things of time before Elizabeth's reign drew to tragical close.

A like accidental death took the earl, so that none, in whom nature could, so to speak, prompt his stammering tongue, was left to plead my cause. Also papers long guarded with care (which were at that distant day evidence of most or chief test weight, such testimony as one could procure sworn in the presence of the reputable witness aforesaid, a physician to the queen) being stolen by the emissary and base hireling of one who hated both sons, were destroyed in the presence royal.

I lost my last available proof or testimony therein, and no further means of establishing my just title in the English crown remained save to change in a great measure the determination my most unnatural mother showed to bar me, for all my days, from succession in the crown. As baffled mariners put to port under a heavy storm of wind, so beaten to and fro by these tumults and perils my ship was driven to idle harbor.

The renewed maidenlike pretense made me known the intent held by this vain-minded, self-loving woman. Daily a son with proud humor mirrored her best graces, but she never moved to retract a single wrathful oath or yield a word of approval, be my deserving whatsoever and whensoever it might. This continued estrangement wore on or increased. At last she fell into a melancholia so profound none could rouse her. This was more unfortunate for me than a most marked resolve such as I speake of, for a whim may oft be removed and banished, but mania is difficult to control.

Yet I am persuaded I had won out, if her anger against the earl, my father — who ventured on matrimony with Dowager Countess of Essex, assured no doubt it would not be declared illegal by my very wary mother — had not outlived softer feelings. For in the presence of several that well knew to whom she referred, when she was ill in mind as in body, and the council asked her to name the king, she replied, «It shall be no rascal's son». And when they pressed to know whom, said, «Send to Scotland».

Her unbending, stern temper, strong in death, set the seal upon my future as on my past life, since her will was the law governing both. My own spirit alone doth attest how potent for good or for ill the dicta of such a woman may be.

She is now gone to that undiscovered country from whose bourne no traveler returns; nor fear nor hope is left me of aught from her hand.

No one in whose spirit is no love of power, will know the nature of the flame in my wild spirit. No fame could hold up brighter temptation than this that hath most often been refused, power, and in

transferring my scepter to the king of Scotland, her majesty's intention and wish was to put it where it could not be raught by any outstretched arm.

Some, doubtess, supposed that some spirit of justice was aroused respecting her own right, and believed that it manifested itself very plainly in the choice of Mary's son to succeed her. But I know that her strong oath concerning me, the real heir to the kingdom, had greater weight than all things else.

She was my mother, yet I more than any other have cause to curse her. I answer here a few of the world's accusations. Ay, after insult above your just conceit, I open my hard lips for my first lengthy complaint, uttering here much of the gall and narural wrath my burdened heart has carried many a year.

It burneth as an injury no lapse of time can cure, a ceaseless corrosive which doth eat the heart. The sole relief doth come by making out a complete history of my wrong that doth so embitter my days. Men can eat, sleep, drink, work when the heart is bowed down in pain, yet the joys are gone from their whole lives, and do not return.

Chief of sorrows is a sense of willful wrong on the part of such men or women as have greatest obligation by relationship, and more especially those of nearest and most tender relationship — that of parents to a child. This will never grown inferior, nor even merely equal to the natural ills in life. It doth rather greatly magnify and increase. Why and wherefore I shal not ask, nor marvel at aught of similar nature. The Creator planted this within the bosom of our kind. Who hath so great wisdom or so just judgment of our life, of right or wrong, as our Maker? Who can pronounce His laws at fault? A fool or blind, perchance, not he that sees, nor the man of thought.

The inward motive is noble, only as it cometh from a pure love of the people, without a wrong or selfish thought of my right to rule this kingdom as her supreme governor. But this deathless, inalien-

able, royal right doth exist. The Supreme Sovereign doth show my right, whilst suffering others to keep the royal power.

Some have won this right by force of battle — of such take in example the first Tudor. If my title were given away too weakly 'twas through wisdom gained in part from the lesson that he thus early acquired, that is, that kingdoms got by conquest may be lost by the same.

Without doubt I should repent employment of such means when it became a necessity to maintain as large an army to hold the power as to win the same. Not being a soldier, though not wholly opposed in my natural temper to arms, I am slightly impatient of fighting to secure a place which by Divine Right pertaineth unto the first born of a sovereign.

I am inclined to knowledge, which is to my mind far more satisfactory than any honors. It hath been ere this very well said: «A soldier's name doth live but an age, a scholar's unto eternity.»

#

Дополнительное чтение

- Шизо-криптография
<https://kiwibyrd.org/2015/04/29/1542/>
- О масонской ложе вашингтонской политической элиты: **Страницы жизни Гувера. 1920: Братья-масоны**
<https://kiwibyrd.org/2013/07/07/403/>
- О влиятельном тайном обществе Йеля Skull & Bones, «инкубаторе элиты США»: **Перекрестки и параллели истории. Череп и Кости**
<https://kiwibyrd.org/2014/01/26/36/>

Послание к дешифровальщикам

В этой главе — об особо важной «финальной» главе в зашифрованном тексте Бэкона. Хотя до финала там на самом деле ещё очень далеко...



Как это продемонстрировано в книге генерала Картье, тайная и полностью зашифрованная автобиография Фрэнсиса Бэкона была опубликована им в виде россыпи сравнительно коротких фрагментов, скрытно встраивавшихся в большое количество печатных книг разных авторов.

Если считать вместе с самим Бэконом, то авторов тут насчитывается не менее восьми, а общее число книг, содержащих зашифрованные фрагменты его автобиографии, — порядка четырёх десятков. Причём публиковались эти книги на протяжении весьма продолжительного, фактически полувекового периода истории — с 1584 по 1635 годы.

Все эти многочисленные фрагменты бэконовской автобиографии не содержат в себе, естественно, инструкций относительно того, как их друг с другом складывать. Иначе говоря, то более или менее связное повествование, что собрано в книге Франсуа Картье, — это целиком плод работы аналитиков-тек-

стологов XX века. Которые аккуратно выстроили и состыковали кусочки в хронологическом порядке, в конечном итоге разделив их затем на 10 пронумерованных глав и финальную часть под названием «К дешифровальщику».

Финальная часть тут довольно особенная, поскольку звучит не только как итог яркой и одновременно таинственной жизни, но и как своего рода прямое обращение автора из XVII века к читателям из будущего. Обращение к нам, иными словами.

Об интересном содержании этого послания и пойдёт здесь речь.

#

Прежде чем переходить к непосредственному переводу финальной части Бэконовской биографии, необходимо сделать два важных комментария. Или, выражаясь точнее, два предуведомления.

Предуведомление первое — о качестве перевода.

В книге Франсуа Картье все тексты-оригиналы тайной автобиографии Бэкона даны «как есть», а на французский язык переведены в виде краткого пересказа. Ибо и язык, и стиль оригинала весьма замысловаты и трудны для адекватного перевода неспециалистами. Не говоря уже о том, что тексты Бэкона нередко содержат намёки и аллюзии, смысл которых просто ускользает для читателя или переводчика, не погруженного в исторические глубины темы.

Заметное исключение — то есть предоставление полного дословного перевода — сделано только для самой последней части, учитывая её исключительную важность как для понимания творчества Бэкона во всей его полноте, так и для понимания истории Англии в целом. Для перевода этого фрагмента на французский генерал Картье привлёк профессора-филолога, специализирующегося на старинной английской словесности.

Для точного перевода этого же фрагмента на русский привлечь кого-то из аналогичных российских специалистов возможности тут пока нет, поэтому «почти полный» перевод приходится делать собственными силами. Естественно, никак не претендуя на адекватное воспроизведение стиля оригинала от знаменитого мастера слова, данный перевод ставит перед собой иную цель. Здесь цель в том, чтобы по максимуму содержательно — но и преднамеренно в упрощённой адаптации — донести смысл важного текста до современного читателя. Не более того.

Предуведомление второе — об открытом финале.

Все материалы дешифрования, опубликованные в книге Картье как тексты тайной автобиографии Фрэнсиса Бэкона, были получены им из США от полковника Фабиана — как расшифровки Элизабет Гэллап. О том, что опубликованные в его книге тексты — это далеко не всё из расшифрованного г-жой Гэллап, генерал Картье отчасти упоминает в примечаниях и комментариях. Так, к примеру, в книгу не вошли дешифрованные бэконовские переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Но о некоторых важных вещах, также извлечённых из шифровок и непосредственно касающихся тайной жизни Бэкона, генерал Картье не упоминает нигде и никак. Например, абсолютно достоверно и документально известно, что полковник Фабиан был чрезвычайно заинтересован устройством машины акустической левитации, описанной в одном из дешифрованных бэконовских текстов. Однако, ни в опубликованных главах «Автобиографии», ни в комментариях к этим текстам от Картье об этом эпизоде нет совершенно ничего.

Косвенный туманный намёк на подобного рода вещи, связанные с магией и наукой розенкрейцеров, есть лишь в финальной части «Автобиографии», где Бэкон так говорит о своей тайной работе, которой он уделяет «самое пристальное внимание»:

Здесь я говорю о такой работе, которую вы пока не можете досконально понять, то есть о моих собственных экспериментах с природой, в настоящее время незавершенных.

Явно незавершенными выглядят и опубликованные в книге Картье главы «Автобиографии», поскольку легко увидеть, что события последней Главы X приходятся на 1603 год. То есть год смерти королевы Елизаветы. А в идущей сразу за ней и как бы финальной главе «К дешифровальщику» обо всём, что происходило следующие 23 года жизни Бэкона, не рассказано почти ничего. Ибо глава эта посвящена существенно другим вещам.

Где искать очевидно недостающие главы — об этом будет рассказ в следующей, заключительной части расследования. Здесь же переходим к финальному из опубликованных текстов Автобиографии Бэкона.

#

(фрагменты перевода, стр. 160-172 книги Картье)

Жизнь Бэкона, как он рассказывает её двухлитерным шифром

К дешифровальщику

Берите, читайте! Есть суровая необходимость в том, чтобы я прибежал к этому очень ограничивающему и к тому же довольно сложному шифру как к способу или методу передачи.

Все те, кто узнает, что я, почитая более правду, нежели дурное тщеславие, опубликовал множество поздних пьес под другими именами, могут посчитать этот мотив довольно неуместным для сцены. Однако для тех, кто умеет читать шифры, я открою мотив более сильный, чем этот. Ибо для человека namного важнее желание жить, нежели желание прославиться. А за моей жизнью следили сразу четыре энергичных шпиона,

причём не только днём, но и ночью. Так что все мои театральные пьесы были замаскированы.

Само по себе время не сможет в полной мере объяснить мои причины, но коль скоро и тайная моя работа со временем должна, я надеюсь, увидеть свет, то история эта непременно исправит все прежние суждения людей. Ибо, как я уже упоминал в моих известных трудах об истине: В своё время она появляется из заблуждений и ошибок, однако среди мрака и неразберихи она может и заплутать до полной, вечной потери.

Подобным образом и я, размещая свои тексты под охраной весьма известных, как правило, имён, сильно укреплял гарантии, а также можно было бы сказать, строил прочно, как на скале, уверенность в том, что рука Времени сумеет в итоге привести Истину к Свету.

Грин и Спенсер, Пил и Шекспир, Бёртон и Марло — все они были моими масками, что не вызывало ни у кого удивления, поскольку на титульном листе появлялись уже знакомые публике имена. Это были имена не вымышленных, а реально живых людей. Или тех кто жил, по крайней мере.

Когда я брал имена этих людей, следующий шаг заключался в том, чтобы создать особый стиль, естественный как для этого человека, так и позволяющий, однако, увидеть стиль мой собственный. Дабы это становилось нитью основы для всей ткани произведения, чтобы можно было увидеть — это всё моё.

Наверняка же подтвердить, что все эти произведения дело моих рук, должно следующее. Когда вы, изучая всё это разнообразие форм, обнаружите там шифр, разработанный таким образом, чтобы помочь дешифровальщику в изучении скрытой истории. С помощью этого двухлитерного шифра, или высшей степени шифровального искусства, я могу предоставлять не только простые и ясные правила для отыскания ответов на вопросы, но также давать или некоторые полезные подсказки, или же конкретные примеры.

Все те, кто пишет театральные пьесы, рискуют быть обвинёнными в неуважении к власти. По этой причине никто, «ни странно ли», когда к ним в руки приходила пьеса, сопровождаемая золотом, не спрашивал имя подлинного автора. Который не должен быть узнан или должен делать вид, что вообще не ведаёт о существовании пьесы.

И хотя в тщательном сокрытии авторства была необходимость лишь для нескольких редких историй, здесь же была и причина того, что признание авторства остальных пьес не могло быть совсем безопасным. Да и тот человек, кто зарабатывал золото подобным образом, не испытывал никакого желания рассказывать всем и каждому об источнике своего богатства, как вы можете хорошо понять.

Так что в течение многих долгих лет мысли мои были сосредоточены на этой работе, которой я уделял столько времени, сколько вообще позволяли другие дела. Мои мотивы кому-то могут показаться сомнительными, однако мне они представляются достойными и правильными на том пути, который мне достался. В то время как мои юношеские планы и желания были скорее неосуществимым чудом, во время бдений тихими ночами ко мне приходили воистину великие мысли.

Подобно тому, как бурный поток, вырывающийся из дикого горного ущелья, теряет свой буйный дух среди лугов долины, так и юноша чувствовал, что с сердцем в его груди происходят перемены.

В моих пьесах я похожим образом отпускаю мои чувства, когда они то бурлят и клокочут, а то плавно текут по своему пути.

Внешние темы моих произведений — будь это пьесы, поэмы или же научные труды — зачастую никак не соотносятся с тем, что содержится внутри.

Сюда же можно добавить и некоторые из моих ученических стихов, так как я считаю их хорошими — и достойными

сохранения в моей поистине драгоценной шкатулке. Для которой любая цена будет мала по сравнению с количеством часов, затраченных на её наполнение.

Плюс мои переводы двух бессмертных поэм Гомера, наряду со многими другими переводами менее важных произведений, также нашли место в моих шифровках. Среди прочих — «Энеида» и «Эклоги», переводы двух самых достойных текстов на латыни от почитаемого Вергилия. Большинство из этих переводов, как я только что сказал, фигурируют в зашифрованных трудах и не должны считаться малоценными, ибо это, несомненно, моя лучшая и самая искусная работа.

Это большое искусство — переводить величавый греческий стих на английский правильно. И если вы не владеете надлежащей мерой, то должны либо пожертвовать звуком, либо исказить мысль. Зачастую нужны очень точные слова, чтобы озвучить этот чудесный язык. Он широко знаменит по всей земле — своей возвышенной дикцией и своими звучными числительными.

«Илиада» и часть приключений Одиссея служат нам главными тому примерами, так как ни один греческий поэт ни в одной из эпох не приближался к стилю или воображению Гомера.

Что же касается «Энеиды» Вергилия, то её следует наиболее почитать среди всех латинских поэм. Однако ей недостаёт несравненного, чудесно колдовского искусства Гомера, его сильной дикции, истинного духа и огня бессмертной юности.

В пьесах имитируются действия героев, в «Илиаде» же — это реальная, живая сцена. Вы видите битву и слышите крики троянцев, вы видите, как греки несутся вперёд в бесшумном величии, словно всепожирающее пламя.

Произведения Гомера, напечатанные на бумаге, не могут пропасть в забвении. И если удастся мой тщательный план по сохранению в шифре этого драгоценного богатства, то этим

же будет сооружён и мой собственный памятник, способный пережить всё остальное.

Пьесы мои пока ещё не закончены, но вскоре я намерен опубликовать несколько из них. Однако работа с двухлитерным шифром требует так много времени, отчего и предстоит тут сделать ещё немало, поэтому я не могу точно сказать, когда выйдут другие пьесы.

Следующий том выйдет под именем У. Шекспира. Так как некоторые из произведений, публикуемых ныне, носили прежде на титульном листе его имя, хотя всё это мои собственные работы, я позволил себе поставить его имя и на многих других произведениях, которые сам я считаю равными по достоинству. Передав несколько пьес в его театр, я буду продолжать это делать и дальше, поскольку так он становится рабом моей воли.

Моё имя никогда не сопровождает ни одну из пьес, но оно часто и отчётливо проступает в шифре для тех из острых умов, кто способен переводить с латыни и греческого. Так как никто и никогда этого пока не замечал, тайна эта всё ещё остаётся в своей сокровищнице никому не ведомой. Пока это всё ещё сокрыто, словно в туманном полумраке, однако скоро вы получите все самые значимые части этого великого шифра, сработанного гораздо тоньше, чем золото ювелиров.

Так мало может быть опубликовано из раннего без необходимой правки, и так много новых вещей уже написано, отчего перо моё совсем не знает покоя. Раскрытие секретов нашей истории является главной из забот моего тщеславия, ибо, по моему мнению, гораздо важнее делать правдивые и неискаженные записи об истории Англии и жизни королевы Елизаветы, нежели выдумывать самую захватывающую историю из тех, какие способен создавать человек.

Мои «внешние» пьесы будут служить верным доказательством — если такое доказательство понадобится — что слова

мой это правда. Ибо никто не способен писать с большей лёгкостью, чем я.

Пьесы мои разнообразны: история, комедия и трагедия. Многие из них играют на сцене, а те из них, что уже опубликованы под именем Шекспира, мы не сомневаемся, снискали себе вечную славу. Эти комедии, исторические драмы и трагедии принимаются публикой в равной степени благосклонно. По этой причине мы решили писать во всех из форм, хотя трагедия легче затрагивает людей умных, ибо они более чувствительны к восприятию вещей высоких и трагических.

Что же касается исторической драмы, то некоторые главные и важные факты там принято украшать всякими изяществами, которые, как мы можем видеть, у многих вызывают восхищение и восхваления. Все эти вещи бросаются в глаза и радуют воображение, так как пьесы всех видов очевидно и многократно доставляют людям удовольствие, однако в нашем исследовании они мало нас интересуют.

Говоря откровенно, всегда проще ориентироваться на человеческие предпочтения, нежели на их суждения. Но если пишешь правду, то нельзя жертвовать тем, из-за чего теряется смысл или упускается из виду цель. Ошибки, сколь бы неприятными они ни были, должны быть честно разобраны, будь они мои или чьи-то ещё.

Я стоял рядом и видел вещи ясным взором, чтобы записать их все в эту летопись, имея величайшее желание сердца — получить справедливый суд в вопросах, наиболее важных и интересных для меня. Но в конечном счёте эти вопросы имеют немалую ценность и для всех остальных, потому что без этого не будет никакой правдивой истории для других времён.

То, что мы разделяем эти труды на множество пакетов, направлено и устроено так, чтобы в конечном итоге хотя бы какая-то их часть была вне опасности.

Это будет великое дело века сего. Слава его распространится далеко за пределы страны вплоть до самых дальних заморских земель. И когда будут произносить имя Фрэнсиса Бэкона, тогда же будет звучать и имя того, кто его расшифровал. Это он, мой друг, заслужил равный почёт, продолжая упорно работать, несмотря на многочисленные искушения сдаться и отступить, как это делали другие.

Несколько моих комедий, которые ныне, можно сказать, стали чужими, будет издано на бумаге под именем Шекспира. Таким же образом под этим именем будут замаскированы многие из лучших пьес, которые нам удалось создать. Для всех из них мы сейчас вносим дополнения, ежегодно подготавливая от двух до шести пьес.

Следуя совету нашего доброго друга, мы не стали терять эту маску, хотя Шекспира нашего уже нет среди живых. Но так как живы двое других — товарищи нашего актёра — они, мы не сомневаемся, могли бы опубликовать эти пьесы, замаскировав там также и нашу работу. Но это, однако, не будет сделано до тех пор, пока не наступит наиболее благоприятное время.

В короткий срок должна быть проделана большая работа, коль скоро добавляется много новых пьес. Теперь они представляются нам более желательными, подходя для наших целей гораздо лучше, нежели проза или более легковесная поэзия. Поставленные на сцене, эти пьесы не только доставляют больше удовольствия публике, но и гораздо больше дают их автору, будь то в золоте или в почёте, поскольку театр становится всё более популярен.

Великая сила, далеко возносящая мысли, со временем значительно возросла, что открывается вашим взорам в более позднем моём произведении, известном как драма под названием «Король Генрих IV, Часть первая».

Вторая часть того же произведения и пьеса, озаглавленная «Отелло», раскрывают такое знание жизни, которого недостаёт в общеизвестных пьесах под тем же псевдонимом на ти-

тульном листе. Эти пьесы, как я уже не раз говорил, являются венцом славы моего пера.

И хотя у совершенства, как вы, конечно, должны знать, имеются разные степени, причины тут зависят и от времени, и от природы, и от истории — как скрытой, так и открытой. А потому некоторые из вещей будут в моём фолианте опущены, но некоторые будут и сохранены — по причинам, приводимым сейчас.

Хорошенько закрепить мои правила в вашем уме — это в данный момент самое важное. Оттого многие из фрагментов были помещены в такие произведения, которые, что нельзя не признать, большой ценности не имеют. Поскольку половина из тех произведений, которые я собираю, уже публиковалась под именем Шекспира, я полагаю, что было бы хорошо издать и фолиант также под тем же именем. Ибо король наш быстр на расправу за оскорбление, когда оспаривают его право на царствование. Но хотя меч у короля длинный, он не дотянется до того, кто уже ничем не рискует.

Что же касается пьес, то истина скорее проявится из ошибки, нежели из неразберихи. А потому совершенно очевидно, что гораздо мудрее будет опереться на имя человека, уже известного в театре, и на его бывшую развесёлую компанию из соратников-актёров. Разумнее приписать множество никому неведомых прежде пьес именно ему, нежели какому-нибудь младенцу. Я думаю, что это целесообразно, и теперь, повинувшись Писанию, пускаю свой хлеб по водам. Каков же будет урожай?

Время движется медленно, но я думаю, что правда будет на моей стороне.

Говоря же о правде, если б только мне было позволено в собственном Фолио выставить на всеобщее обозрение мои старые труды (имеющие тот же стиль, что и мои более поздние пьесы), то не потребовалось бы ничего особенного. Просто собрать все мои менее признанные произведения во всей полно-

те — не только в драматических жанрах, но и в поэзии, а также сочинения того рода, которые люди ныне считают произведениями Грина, Эдмунда Спенсера, Пила или Вильяма Шекспира. Хотя все они — плоды моего мозга, наряду с прочей достойной прозой моего пера.

Те из моих сочинений, что издаются ныне под моим собственным именем (точнее, под которым люди знают меня, как это хорошо известно дешифровальщику), значительно увеличат эти труды, наряду с той работой, которую я веду со своим давним почитаемым помощником и которой уделяю самое пристальное внимание. Здесь я говорю о такой работе, которую вы пока не можете досконально понять, то есть о моих собственных экспериментах с природой, в настоящее время незавершённых.

Итак, мой добрый, хотя и невидимый друг-дешифровальщик, освободи же мои труды от ошибки, но не омрачай их никакими заимствованными, пусть и почётными титулами. Произведения должны носить моё собственное имя, а также мой собственный надлежащий титул, который теперь уже несомненно должен быть также признан и моим дешифровальщиком.

Полагая мои рукописи столь же ценными для потомства, какими они являются для меня в моё время, я должен уделить их сохранению особое внимание. Если понимать, что напечатанные произведения оказываются заложниками фортуны, то вряд ли должно вызывать удивление и то, что нам приходится прилагать массу изобретательности и времени на то, чтобы придумать подобающий способ для сохранения всего наиболее ценного из манускриптов.

Есть мудрость в доказательстве авторства моей работы. Ибо цели моих трудов неразделимы с доказательствами их единого автора.

И в моих пьесах, и в столь любимом мною произведении, которое вы сейчас держите в руках, часто встречается одна и та же тема. Использование одной и той же темы — или идеи

тщеславия — в таких произведениях, которые кажутся совершенно разными, объединяет их все общими узами, раскрывающими очевидную взаимосвязанность.

Если это будет, конечно, обнаружено, то со временем общий замысел станет понятен. Воистину, только язык, когда сам я останусь лишь в воспоминаниях, будет способен донести мою историю и открыть труды всей моей жизни.

Моё желание заключается в том, чтобы все работы мои были собраны и, так сказать, снова подвергнуты такому же расследованию или суду, как и прежде, только чтобы теперь маски были сброшены словно сорняки в бездонную бездну времени. В противном же случае открытие окажется надолго задержанным.

Как бы там ни было, мне не остаётся ничего иного, как доверить мою тяжело нагруженную баржу печатных трудов широким водам Времени, и надеяться, что кто-то где-то, наконец, справится с волнами бури — спустя многие годы, а может быть и века. Ведь смогли же произведения благородного поэта Гомера, брошенные в моря времени, сохраниться в плавании свыше двух тысяч лет, не потеряв ни слога, ни буквы...

Конечно же, нет никаких причин бояться потери тех или иных из рукописей (если только открытие не произойдёт слишком уж рано — вопрос на который пока нет ответа).

Но мне показалось бы странным, если бы в какой-то момент или по какому-то случаю у кого-нибудь могли возникнуть хоть какие-то вопросы. Пока удивление спит — все вопросы мертвы. То, что должно бы возбуждать удивление (ведь мёртвые авторы упокоились не только в работе рук, но и в работе мозга), выглядит всё ещё незримым. Или, лучше сказать, не вызывающим никакого удивления, хотя чудеса такие столь же редки, сколь посещения небесных духов.

Никогда ещё я не видел, чтобы у кого-то возникали сомнения или вопросы. Никто не открывает пошире глаза и не начинает

исследовать человеческую пьесу или поэму, словно Феникс заново рождающуюся из остывшего пепла. Именно поэтому будущему дешифровальщику предстоит освободить такие пьесы от столь явной ошибки.

Там, где многие авторы за свою работу получают награду сразу, моя ожидает в будущем человечества. Но в эти грядущие времена потомки должны будут справедливо вознаградить мои нынешние потребности. На далёком берегу будущего люди докажут истинность тех слов, в которых сказано: «Не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своём».

Поскольку слова эти истинны, сегодня и здесь, среди нас, живущих там, где никогда не ступала божья стопа, как это было шестнадцать столетий назад в Палестине, я ожидаю этого дня.

ФРЭНСИС БЭКОН

#

(стр. 286-292 книги Картье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

S

[Перечень 40 печатных книг, содержащих зашифрованные фрагменты или «пакеты» из Автобиографии Бэкона, был предоставлен в предыдущей части расследования. Там же даны источники первых двух глав Автобиографии. Здесь осталось дать источники остальных глав — в сопровождении комментария от генерала Картье.]

Глава III

The Parascève, 14-15.

* Mirror of modesty, 2-6, 19-20.

* Shakespeare's The First Folio, 108-116.

The Shepherdes Calender, 1579, 8-14.

* Fairy Queen, 1613, 74, 109-156.

Глава IV

- * *Novum Organum*, 11-21.
- * *The Parasceve*, 15-21.
- * *History of Henry the Seventh*, 120-126.
Historia Ventorum, 269-277.
De Augmentis, 1623, Book V, chap. 2, 1-44.
- * *Natural History*, 246-250.
- * *Planetomachia*, Preface, 3-6.
- * *Morando*, 1-45.
Ben Jonson's Folio, 470, 472-479, 739-762.
Merchant of Venice, 58-73.
Shakespeare's The First Folio, 59-70.

Глава V

- * *A Declaration of the Treasons of Essex*, Book 2, 6-31.
Novum Organum, 2-5, 21-22.
De Augmentis, 1624, 48-65.
A Treatise of Melancholy, 1st Edition, Introduction.
Mirror of Modesty, 9-12.
Planetomachia, 6.
Perimedes, 1-7.
The Spanish Masquerade, 13-16.
The Arraignment of Paris, 24-33.
Much Ado about Nothing, 10-15.
Colin Clout, 19-54.
Fairy Queen, 1596, 1-32, 357-436.
- * *Fairy Queen*, 1613, 156-265.

Глава VI

- Novum Organum*, 24-26.
De Augmentis, 1624, 66-79.
- * *Natural History*, 264-284.
Morando, 45-70.
Ben Jonson The Folio, 421-528.
Fairy Queen, 1596, 134-155.

Глава VII

- A Declaration of the Treasons of Essex, 18-38.
* Novum Organum, 237-470.
Historia Ventorum, 280-231.
* New Atlantis, 5-8.
Planetomachia, 5.
* Ben Jonson The Folio, 470-625, 633-664.
* Shakespeare's The First Folio, 61-72, 91-137.

Глава VIII

- * Of the Advancement of Learning, 2nd Book, 63-115.
The Essays, 108-109.
* Shakespeare's The First Folio, 94-102, 124-127.
The Shepheardes Calender, 1-2.

Глава IX

- A Declaration of the Treasons of Essex, 1-6, 111-119.
* Historia Vitæ et Mortis, 304-328.
The Essays, 114-134.
Ben Jonson The Folio, 239-241, 251-258.
King Lear, 45-71.
London Prodigal, 17-23.
* Shakespeare's The First Folio, 47-313.
* Fairy Queen, 1613, 11-66, 291-304, 336-350.
* The Shepheardes Calender, 1611, 2-19, 23-30.

Глава X

- A Declaration of the Treasons of Essex, 23, 62-95, 122-124.
Novum Organum, 353-355.
Of the Advancement of Learning, 2nd Book, 32-42.
The Parascève, 22-37.
* Historia Ventorum, 251-164.
* Historia Vitæ et Mortis, 334-350.
* De Augmentis, 1623, 330-347.
* Natural History, 190-194.

Ben Jonson The Folio, 259-273, 305-306, 370-392.

King Lear, 1-30.

Pericles, 111-120.

The whole Contention, 96-101.

Shakespeare's The First Folio, 128-132, 140-142, 316-318.

* The Shepheardes Calender, 1611, 47.

Complaints, 70-80.

К дешифровальщику

* Of the Advancement of Learning, 1-4, 29-4.

* Novum Organum, 1-2, 158-161, 167-168, 257-266.

* Historia Vitæ et Mortis, 185-242.

* De Augmentis, 1623, 4-66, 299-306, 308-316, 323-330, 460-463, 469-476.

Natural History, 178-179; 182-183.

The Spanish Masquerade, 14-31.

* Ben Jonson The Folio, 42-70, 334-349, 429-431, 990-1008.

* Pericles, 17-54.

* Shakespeare's The First Folio, 33-50.

Возможно, вас поразит огромное количество фрагментов, составляющих каждую главу, и их распределение по множеству разных книг.

Само по себе впечатляет и общее количество (40) работ, использованных для сокрытия этой автобиографии.

Совершенно очевидно, что при столь тщательной предварительной подготовке у автора были основания надеяться, что его криптограмма ускользнёт от внимания и исследований его современников.

Даже в том случае, если бы особо опытный или более удачливый исследователь заметил в книге применение двух типографских шрифтов, составляющих криптографическую систему Бэкона, вполне вероятно, что он продолжил бы свои исследования в работах того же автора или издателя. Потребовались бы счастливый случай или необычное чутье, чтобы

направить его к тем многочисленным работам, что составляют особое собрание книг, использованных для сокрытия автобиографии.

При жизни Бэкона, к тому же, вряд ли можно было предположить, что он скрывает часть своих работ под именами живых писателей. Которые могли бы и отказаться от авторства шедевров, ими не созданных, или же оставить после своей смерти доказательства обмана, в котором они согласились участвовать.

Это наблюдение, впрочем, не относится к Шекспиру, коль скоро он, как было установлено, не умел толком ни читать, ни писать, и был вполне готов приспособиться к удачному сочитанию обстоятельств, приносивших ему и почести, и доход.

Спустя лишь очень долгое время после смерти Бэкона и тех людей, имена которых он использовал как свои псевдонимы, учёные стали обнаруживать, что его манеру письма можно распознать в книгах, опубликованных и под другими именами помимо его собственного.

Это объясняется тем, что исследования г-жи Гэллап охватывали не только работы Бэкона, но и работы его современников. Нет сомнений, что результаты её расшифровок, предоставивших фрагменты автобиографии Бэкона из книг использованных им «масок», смогли эффективно направить такие исследования.

Необходимо также понимать, отчего относительно короткая автобиография могла потребовать для своего зашифрования столь большого количества страниц. Не следует забывать, что:

(1) длина маскирующего текста, скрывающего тайное послание, должна быть в пять раз больше длины текста зашифрованного;

(2) что в принципе для применения шифра используются лишь отрывки, напечатанные курсивом;

(3) наконец, некоторые из отрывков повторяются неоднократно, как я показывал на конкретном примере (см. стр. 221 и 222).

Тем читателям, у кого имеется копия «*Novum Organum*» издания 1620 года, я предоставлю расшифровку страницы 23, которая является ни чем иным, как комментарием Бэкона к автобиографии. Криптограмма здесь начинается с последних трёх букв в первой строке.

Следует использовать только буквы, выделенные курсивом. Слова *Ноес vero est Operis pars Secunda* и *Phoenomena Vniuersi*, расположенные в тринадцатой, четырнадцатой и семнадцатой строках, соответственно, не входят в зашифрованный текст, который заканчивается на втором слове в двадцать седьмой строке.

Вот эта расшифровка — как есть, без каких-либо исправлений. Дешифровальщиком тут была добавлена только пунктуация:

Though constantly hemmed about; threatened, kept under surveillance, I have written this history in full in the cypher, being fully persuaded in my owne minde and heart, that not onelie jesting Pilate but the world asks: «What is truth?»

Хотя жизнь моя постоянно окружена угрозами и шпионами, я целиком записал эту историю в шифре, будучи вполне убеждён, как в уме, так и в сердце своём, что не только насмешливый Пилат, но весь мир вопрошает: «Что есть истина?»

#

(стр. 160-172: дешифрованные тексты Оригинала)

**BACON'S LIFE
AS HE TELLS IT IN THE BILITERAL CIPHER
TO THE DECIPHERER**

Take, read! It is sore necessity that doth force me to this very dry and also quite difficult cipher as a way or method of transmission.

All that learn that I, who account the truth better wicked vanity, published many late plays under other cognomens will think the motive some distaste of the stage. In no respect is it true, yet I shall make known to him who can read cipherwriting, a motive stronger than this, were it such, since man hath a greater desire to live than he hath to win fame, and my life had four eager spies on it, not alone by day but by night also. My stage plays have all been disguised.

Time would not serve fully to make my reasons understood, only since this hidden work must in time I doubt see day, this story must surely set right all men's former judgments. For as I have made mention in my well known works regarding the truth: It cometh from error, nor doth it suffer loss; however from obscurity and confusion not so: that is, Truth doth emerge in due time out of error (a wrong name), but astray amidst confusion (no name) may be utter, eternal loss. Thus have I, in placing my writings, guarded chiefly by such as are known names, built assurance strongly, — as it might be said built upon a rock, a trust and confident belief that Time's hand may lead Truth to Light.

Greene, Spenser, Peele, Shakespeare, Burton and Marley, as you may somewhere see it, or as it is usually given, Marlowe, have thus far been my masks, which have caused no marked surprise because they have familiar names on the title page — not fancied, but of living men, at least of men who have lived.

When I have assumed men's names, the next step is to create forach a style natural to the man, that yet should let my own be

seen, as a thread of warp in my entire fabric, so that it may be all mine.

It must surely prove that they are the work of my hand when you, observing this variety of forms, find out the cipher so devised to aid a decipherer in the study of the interior history. By the use of this biliteral cipher, or the highest degree of a cipher writing, I may give not merely simple, plain rules for such matters, but also some hint that be of use, or an example.

If these should be passed over and none should discern the secret epistles, I must make alphabets showing the manner of employing the cipher.

However, I shall use letters that differ from the type I here employ, not wishing, at present, to give a device — that hath caused so many sleepless nights and such troubled days — freely, even as one would tell the meaning of a riddle to a child, or solve some school-boy's problem.

I have shown some wit herein. Let him that would be a decipherer do the same and win the prize by strife, if indeed at all.

It is fame that all seek, and surely so great renown can come in no other study. If therefore you commence the study, the laurel must at some future day be bestowed upon you, for your interest must daily grow and none could win you away.

On me it doth impose a great labor, but the part you shall do shall be much lighter. It is many days — ay, the best part of a year now — the work that is before you hath been in hand: no wonder, then, that'tis a wearisome task and somewhat dry. It would weary the veriest clod: when, however it shall be completed, my joy will exceed the past weariness.

All men who write stage-plays are held in contempt. For this reason none, «How strange», when a plays cometh, accompanied with gold, asking a name by which one putting it forward shall not be recognized, or thought to be cognizant of its existence. For this

cause, if rare stories must have a hiding, no other could be so safe, for the man who had won gold in any way did not readily acquaint any man, least of these a stranger, with his source of wealth as you may well understand.

For space of many long years therefore I have centered my thought and given as much of my time as the calls of our business do permit. My motive some might question, yet it seemeth to me a worthy and right one to be given way, my wishes or plans being miracles to some slight degree, the great thought coming to me in the silent night vigils. For a youth could see his whole at a word turned aside.

As a stream so often, out of wild mountain gorge rising, carried through a mead in bounds that have been set, or trammelled by devices doth lose its spirit, so he felt his heart change in his breast.

There was a moment when as by a thunderbolt the truth was hurled forth in so hard, stern, unbending way it shocked young minds; and sensitive souls must deliver a cry of sorrow when a wound is wantonly inflicted.

In my plays, therefore, I have tossed my feelings as they do roll and swell, or hurtle along their way. The theme of the exterior works — play, poem, or work of science — often no way concerneth that contained within.

Some school verses went into one, since I did deem them good — worthy of preservation in my truly precious casket studded thick with hours far above price. Even my translations of Homer's two immortal poems as well as many more of less value have a place in my cipher; and the two our most worthy Latin singer left in his language I have translated and used in this way — Virgil's Aeneid and Aeglogues. Only a few of those I have turned from most vigorous Latin, were put out. Most of the translations as I have just said, appear in the work and must not be held little worth, for assuredly they are my best and most skilled work.

It is a great art to translate in English stately Greek verse rightly, and if you turn it again into proper measure, either you must sacrifice the sound or wrest the thought; and the exact words are often wanting to voice, its wondrous language. It is famed the wide earth around, for its loftiness of diction and its sounding numbers.

The Iliad and part of the adventures of Ulysses furnish our chief examples, as no Greek poet in any aeon hath approached his style or his imagination. Regarding Virgil's Aeneid, must honor it among all Latin poems, but it doth lack Homer's incomparable, marvelously witching art, strong diction, true spirit, fire of an immortal youth.

In a play is imitated action of heroes, in the Iliad is the real, the living scene. You see a battle and hear the cries of the Trojans, and see the Greeks sweep on in noiseless grandeur like devouring flames: you fell how Achilles' angry spirit swelleth in his savage breast as he sitteth by the sea eating his heart, and Agamemnon's triumph over the bravest, worthiest Greek that sailed to Ilium.

Works of Homer, printed, cannot go to oblivion, and if my careful plan preserve thos rich gems, it shall build my own monument of that which shall outlive all else, and make my name at least reflect the glory, that must as long as our changing, subtly altering mother — tongue endure — be seen afar.

My plays are not yet finished, but I intend to put forth several soon. However, the biliteral work requiring so much time, it will readily be seen that there is much to do after a book doth seem to be ready for the press, and I could no well say when other plays will come out. The next volume will be under W. Shakespeare's name. As some which have now been produced have borne upon the title page his name though all are my own work, I have allowed it to stand on many others which I myself regard as equal in merit. Having put forth a number of plays in his theater, I shall continue so doing since I do make him the thrall to my will. My name never accompanieth any play, but it frequently appeareth plainly in cipher for witty minds to translate from Latin and Greek. As this is never seen, the secret has still remained inside its treasure-house

unsought of every one. This is yet hidden as in dim shadowy mists, but soon shall you have the whole of the most worthy parts of this great cipher writing, wrought much more finely than gold.

So few can be put forth as first written without a slight revision, and many new being also made ready, my pen hath little or no rest. The writing of the secrets is chiefest in my conceit, for 'twere a more noteworthy thing, I hold, to make true and correct records of the history of England and of Queen Elizabeth's life, than to relate the most thrilling tale man's can produce.

The exterior plays will be the sure proof, if such proof be necessary, that my word is the truth; for no one hath ability to write with greater ease than myself, yet without much time spent on work so difficult, this should be a number very much smaller.

My plays are of divers kinds, history, comedy and tragedy. Many are upon the stage, but these already put forth in Wm. Shakespeare's name, we do nothing doubt, have won a lasting fame, — comedy, the historic drama and tragedy, are alike in favor. For this reason we have resolved to write in these forms, though tragedy doth come to the sensiblest minds more easily because to such, high and tragical things are more suited then those that are only somewhat real, yet much too nice and dainty, or too crude, vile and unfit.

As for historical drama, some principal and important facts require gracing with such elegancies as we see many do admire and praise. Tis the changing and shifting movement that doth catch the eye, and please the imagination, and plays of all kinds seem many times to give delight in the action, which have less attracted us in our study.

Candidly speaking, it is better to consult men's liking then their judgments; but writing truthfully, there shall be no sacrifice here to hurt the sense or lose sight of the aim. Wrongs are exposed, be they mine or others, and oft of unpleasantly plain character. I stood close at hand and saw things with clear eye to write them in this record, having desired with exceeding desire of the heart to be

given a righteous judgment in matters of most import and interest to myself, yet of worth, finally, to others, inasmuch as there would be without it no true history left to other times.

That we set these works apart in parcels, tendeth unto the end that some portion thereof may be out of danger.

This shall be the great work of this age. Its fame shall spread abroad to farthest land beyond the sea and as the name of Francis Bacon shall be spoken, that of his decipherer, joined with his own, must receive equal honor, when this invention doth receive reward. He it is, my fellow, who hath kept at work despite many a temptation to give way as some do.

Several comedies, which be now strangers, as might be said, bearing at the most such titles amongst the players as they would remember, but the author's name in disguise, if it be seen at all, will, as soon as may be found toward and propitious, be published by Shakespeare, that is, in his name, having masked thus many of the best plays that we have been able to produce. To these we are steadily making additions, writing from two to six stage plays every year.

By following our good friend's advice we have not lost that mask though our Shakespeare no longer liveth, since two others, fellows of our play actor, — who would, we doubt not, publish those plays, — would disguise our work as well. This will not, however, be done until a most auspicious time.

Much work must be accomplished in a short time if many new plays should be added which doth now seem desirable, inasmuch as it suiteth us far better than prose or a lighter verse, whilst it giveth more satisfaction to our readers. Represented on our stage they give more pleasure still, and yield their author much more, be it in gold, or in honor, since the theater is becoming more popular.

In due time a strength, far reaching thought greatly hath increased, cometh to your eye in this later work, that also must be known to many by reading any such work as my drama entitled First Part of

King Henry the Fourth. The second Part of the same and one entitled Othello, reveal knowledge of life wanting in the common plays that had this pen name on title page. These arc, as I have many times said, the crowning glory of my pen, even though there be degrees, as surely you must know, of excellence therein; but the cause you may as well have learned since it was clearly shown to depend upon times, and likewise upon the nature as well of the hidden as of the open story. Therefore some will be omitted from my folio, but some retained for causes now given.

To fix my rules well in your mind is the most essential thing at the moment, and many were put within those which one must acknowledge possess little value. As half the number I shall assemble have already appeared in Will Shakespeare's name, I think that it will be well to bring out the folio, also by some means in the same name, because our king would be prompt to avenge the insult if his right to reign were challenged, and the sword of a king is long, and where'twill not extend thither he dardeth it. And as concerneth the plays, the truth cometh forth more quickly from an error than from confusion, and therefore it is most certain that it would by far be more the part of wise and discerning minds to let this name of a man known to the theatre, and his former gay compaigny of fellow-players, stand thus on plays to him little known, despite a long term of service, as to a babe. I, thinking expedient so to do, now obey the Scripture and cast my very bread to the winds or saw it on the waters. How shall it be at the harvest? this wheat must fill up some goodly garner.

Will the golden store — not soon, since time doth slowly move, yet at God's right or proper day of regard — be mine? I think this shall be true, for many a fair hope hath bloomed out snow-like in my lone heart that promiseth full fruition to my wish. Fame it may chance — for the works shall come, though not to the author who hid with so great pains his name that at this writing'tis quite unguessed. And the time I am given to spend upon the work is as gold, princely gems or purple robes.

Of a truth, if it be permitted me to set my older plays to the public sight in folio (of like style with my later plays) naught is required

except to collect all my less recognized works in poetry so as to complete, not my dramatical work only, but all put forth of the sort of writings which men now suppose brought forth by Greene, Edmund Spenser, Peele, or Wm. Shakespeare, although all are from my brain, together with the worthy prose that thou mayst find — the youthful product (many times referred to in later books) of my pen. My works now being published in my own name (or one by which men know me, as the decipherer doth as well know) will much augment this in the care, as also some given my long honored assistant in the works I, with this other, keep under most faithful supervision. I speak as to the work thou canst now thoroughly understand, that is, my natural experiments at present incomplete. Thus, my just though invisible friend, set them free from error, but cloud them under no borrowed though honored title.

They must bear my own name, as also my own proper title which should be now as well (no doubt somewhat better) recognized by my decipherer.

Deeming such of worth to posterity it doth behoove me in my own time, in like manner as seen in a time long forgotten, to take heed to my MSS. If it be observed a printed work is a hostage of fortune, it must scarce cause wonder to many, who may discover worthiest but not yet completed device, that we should devote talents and some time, when all is most worth, to the preservation of these MSS.

There is wisdom in the proof of my work, for assuredly purpose and proof do appear immanent in the same, be the fortune thereof what it may, since aught which shall bear my seal, aught which shall have my right name — such as is recognized as my own just name being indeed with due rites of baptism given me — shall thereafter receive the approval of the world. In my plays, and in the much loved work at present in your hand, oft there is seen one theme. Use of the same idea or conceit in works that appear wholly different uniteth all, as oft made obvious, in bonds revealing relationship. If found surely time doth show a design therein. Indeed a tongue, when mine shall be but a memory, then shall relate my history and reveal my life-long labor.

My desire is that my works be collected and, as it were, put again upon such inquisition or trial as before, only those in masks can cast these mean weeds to the vast deep of Time, since discovery otherwise should be long delayed. Longer to me the delay doth now seem, doubtless, than to my decipherer, by so much as I have set greater store by the same, or have longer waited. Nevertheless I have but to entrust, with well founded and most stable confidence, my heavily fraught bark of printed works, which shall also be for your own future advancement, honor, and profit, unto Time's wide waters, believing that some, at least, shall withstand the waves, the tempests of long years, perchance of ages. Have not the works of the noble poet, Homer, tossed on the seas of Time above two thousand years without loss of a syllable or letter?

Assuredly there can be no reason to fear loss (unless discovery be too soon — question before answer be ready) of the different MSS.

Meseemed it would be thought strange, and that queries of some kind might at some time or on some occasion arise. But surprise sleepeth — Query is dead. This that should excite wonder (for dead authors rest surely not from work of the hand alone but that of the brain) seemeth still unseen, or better, not marvelled at, though miracles be somewhat as the visits of heavenly spirits, rare.

Never yet have I seen a query put to another, or doubt. No one doth open wider his eyes or make inquest into a men's play or poem like a Phoenix upspringing from cold cinders. It is therefore of this manifest error the future decipherer should free such plays, lest I should not, later, — of all that I so willingly produced, of stage work or much favored poem, — receive due reward in a measure of repute.

Where many authors receive the reward of their application at once, mine awaits man's future: but 'tis the future of time, and posterity must make just amends for my present want. The future peoples of a distant shore will prove true the word which saith: «A man is not without honor save in his own country.» Since they be true, today, here, for us who dwell where the Divine footsteps have

never trod, as they were sixteen hundred years ago in Palestine, I await that day.

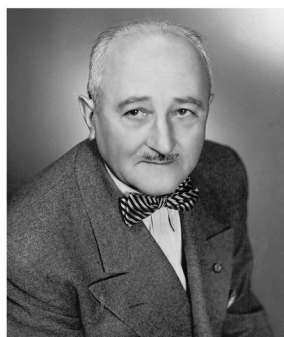
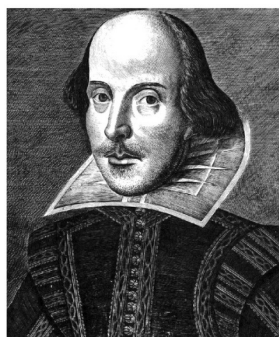
FRANCIS BACON

#

Январь 2022

Проблема авторства Шекспира как задача OSINT

Заключительный эпизод документального сериала, вернувшего к жизни важные, но умышленно изъятые страницы¹¹¹ истории и науки, криптографии и философии. Теперь самым интересным оказывается такой вопрос: узнав правду, способно ли научное сообщество её переварить?



Случилось так, что за всё (очень) долгое время дебатов вокруг темы «Бэкон как автор шекспировских произведений» здесь появилось всего лишь три обстоятельных работы от профессионалов военно-разведывательной криптологии. Причём возраст каждого из авторов, что нельзя не отметить, относится к категории пенсионеров «за 60». Ибо среди специалистов такого рода профессии не принято заниматься подобными анали-

¹¹¹ <https://archive.org/details/un-probleme-de-cryptographie-et-d-histoire/>

зами — да ещё и публично — в период секретной государственной службы.

Первую книгу из этого ряда, «Проблема криптографии и истории»¹¹², в 1938 году опубликовал генерал резерва Франсуа Картье, глава криптографической службы вооружённых сил Франции в годы Первой мировой войны. В книге Картье результаты его криптоаналитических исследований приводят к совершенно однозначному выводу. О том, что дешифрованные тексты из старинных английских книг 16-17 столетий определённо указывают на Фрэнсиса Бэкона как на автора тех произведений, что по традиции считаются шекспировскими.

Вторую книгу этого ряда, «Анализ шекспировских шифров»¹¹³, в 1957 опубликовал (в соавторстве с женой) подполковник-пенсионер Уильям Фридман. В годы Второй мировой войны Главный криптоаналитик Армии США, в послевоенный период особый помощник директора АНБ США, а после смерти — человек-памятник, почитаемый ныне как «отец американской криптологии».

Совместную же работу супругов Фридманов в шекспироведении принято почитать как «последнее и окончательное слово» в дебатах о криптографических доказательствах в Бэкон-Шекспировских спорах. Ибо, по авторитетному и категоричному заключению этих специалистов, в печатных изданиях шекспировской эпохи вообще нет никаких зашифрованных посланий в принципе. Так что и обсуждать здесь всерьёз по сути нечего...

Наконец, что касается третьей книги этого короткого ряда, опубликованной по частям в течение 2020-2022 гг. на страницах веб-сайта kiwi arXiv, то именно она сейчас находится

¹¹² François Cartier, «*Un problème de Cryptographie et d'histoire*». Paris: Editions du Mercure de France, 1938
<https://archive.org/details/un-probleme-de-cryptographie-et-d-histoire/>

¹¹³ Friedman, William F. & Elizebeth S., *The Shakespearean Ciphers Examined*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957
<https://library.marshallfoundation.org/Portal/Default/en-US/RecordView/Index/15274>

перед вашими глазами. Автор её в конце прошлого столетия был полковником российской криптоаналитической спецслужбы, а все последующие годы века нынешнего занимается примерно тем же самым, чем и в разведке, — но только уже в качестве вольного журналиста.

Лёгкий и естественный переход от суперсекретной поначалу государственной службы к совершенно открытой в итоге журналистской работе оказался на удивление прост вот по какой причине.

В тайной деятельности шпионских спецслужб имеется одно весьма особенное направление под названием OSINT¹¹⁴ или «разведка открытых источников информации». И если специалисту-криптоаналитику, много лет занимавшемуся взломом шифров, судьба подарила возможность возглавить направление OSINT, то плоды такой аналитической работы¹¹⁵ вполне могут быть в равной степени полезны и доступны не только коллегам из спецслужб, но и всему гражданскому обществу...

Ибо информация, добываемая методами OSINT, отличается не только высоким уровнем достоверности, что необходимо в разведывательной работе, но и при этом абсолютно чиста с морально-этической точки зрения. Ведь для получения достоверных данных с опорой на этот метод не требуется ничего воровать, не надо никого обманывать или запугивать. Не говоря уже про убийства безвинных людей¹¹⁶, прости господи.

Здесь, впрочем, речь идёт не «об OSINT вообще», а о совершенно конкретной крипто-проблеме Бэкон-Шекспировского авторства — в свете двух экспертных работ от равно авторитетных криптографов XX века, диаметрально разошедшихся, однако, в своих выводах. Речь о том, в частности, что может

¹¹⁴ «Модель OSINT»
<https://kiwibyrd.org/2013/05/16/0706/>

¹¹⁵ Поточные шифры, или «книга у него уже есть»...
<https://kiwibyrd.org/2016/02/23/9711/>

¹¹⁶ «Полный Хагелин, или Finita la commedia»
<https://kiwibyrd.org/2020/02/20/20h22/>

ныне предъявить и документально доказать в этой связи третья компетентная сторона: OSINT-специалист с большим опытом работы как в области аналитического взлома шифров, так и анализа открытых источников информации.

Суть данного, третьего экспертного свидетельства в том, что все выявленные материалы нового расследования в этой большой и многослойной истории совершенно определённо поддерживают позицию французского генерала Картье. И одновременно предоставляют множество свидетельств тому, что книга американского подполковника Фридмана в своих базовых утверждениях доказуемо содержит умышленную ложь. Иными словами, это образец дезинформации, сфабрикованной по стандартным рецептам из тайной кухни спецслужб.

Но любая дезинформация, умышленно внедряемая в умы людей как Отрицание и Обман¹¹⁷, всегда имеет под собой причины и преследует какие-то определённые цели. Каковы же могут быть причины Отрицания и цели Обмана у секретных спецслужб государства для внедрения столь специфической дезинформации именно в данном случае — в очень давних, но всегда горячих спорах вокруг Бэкона и Шекспира?

Главная особенность нынешнего OSINT-расследования как раз и заключается в том, что теперь есть возможность намного более отчётливо увидеть и понять подлинную — но всегда скрываемую — основу всех этих дебатов, весьма далёкую от вопросов литературы. Увидеть то, прежде всего, насколько существенно и в чём именно наука по Бэкону отличается от науки в современном понимании этого слова.

А увидев это — понять, что бэконовская «наука как магия»¹¹⁸ во многих отношениях сильнее и глубже науки современной. Причём науки в самом широком смысле этого слова, начиная с криптологии и заканчивая фундаментальными основами физики.

¹¹⁷ «Обман и Отрицание»
<https://kiwibyrd.org/2013/05/06/0301/>

¹¹⁸ см. главу «Бэкон и магия»

Говоря конкретнее, можно увидеть то, что благодаря дешифрованным текстам Бэкона магическая наука розенкрейцеров не только вывела современных учёных и инженеров к удивительному явлению акустической левитации¹¹⁹. Но и в потенциале способна на гораздо большее — перебрасывая, по выражению Вольфганга Паули, твёрдо научные «мосты между материей и сознанием»¹²⁰ для фундаментальной физики.

Не говоря уже о том, что идеи розенкрейцеров и Бэкона о методах превращения «знания в силу» обеспечили наиболее выдающиеся достижения отца криптологии Уильяма Фридмана и его Магии — как новой оккультно-математической науки о взломе шифров.

Увидев же это всё, значительно легче понять, почему секретные спецслужбы так старательно скрывают столь особенные аспекты бэконовской науки и её практические методы познания¹²¹.

Наконец, благодаря OSINT-материалам можно ясно увидеть и понять даже те сугубо личные мотивы, которые сподвигли Уильяма Фридмана (по всем свидетельствам, вполне порядочного в быту человека) на личное и активное участие в фабрикации той гигантской лжи, которой стала его книга *«Проверка шекспировских шифров»*.

Широко разветвлённые аспекты этой большой истории, однако, выходят далеко за рамки данной книги и здесь могут быть обозначены лишь в самых общих чертах. Главными же итогами собственно OSINT-расследования следует считать вот что. Во-первых, здесь с опорой на развёрнутые документальные доказательства восстановлена правда от генерала Картье и разоблачена ложь от супругов Фридманов. Ну а во-вторых, попутно удалось обнаружить ещё и нечто действительно новое,

¹¹⁹ «О фибрах души»
<https://kniganews.org/2015/01/20/soul-fibers/>

¹²⁰ см. главу «Бэкон и Паули»

¹²¹ «ЦРУ, тайна 25-й страницы и вселенная как голограмма»
<https://kiwibyrd.org/2021/04/25/21h43/>

важное и содержательное. Точнее, новое как хорошо забытое старое.

Благодаря зацепке из криптографической коллекции Фридмана¹²² удалось отыскать формально общедоступные, однако и поныне старательно скрываемые от всех документы, ведущие к раскрытию очень древней тайны.

Формулируя более аккуратно, речь идёт о документах, обеспечивающих выявление и раскрытие тех из зашифрованных текстов Бэкона, которые до сих пор остаются неизвестными. То есть фрагментов, как минимум часть из которых однажды уже была выявлена и дешифрована стараниями Элизабет Гэллап. Но ни ею самой, ни её покровителем полковником Фабианом эти фрагменты никогда не публиковались и не распространялись. Отчего и не вошли, соответственно, в главы тайной автобиографии Бэкона, опубликованной через книгу Картье.

Среди этих уже дважды, получается, утраченных текстов, что известно достоверно, содержатся не только недостающие страницы бэконовской истории, но и описания весьма специфических — магических в духе розенкрейцеров — опытов Бэкона с природой...

Ныне у исследователей имеется всё необходимое, чтобы вернуть утраченное. Но дабы цепь фактов и аргументов в поддержку этой находки выглядела действительно сильной и убедительной, начать придётся издали и углубляться в суть по возможности обстоятельнее.

#

Нынешнее расследование всей этой давней и загадочной истории, можно напомнить, начиналось с таких строк:

¹²² Sheldon, R.M.: The Friedman Collection: An Analytical Guide (2014) http://web.archive.org/web/20211101214514/https://www.marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2020/01/Friedman_Collection_Guide_September_2014.pdf

В основах Криптографии как твёрдо научной компьютерно-математической дисциплины лежит одна большая Тайна оккультно-мистического толка. По давно заведённой традиции о Тайне этой говорить запрещено. Только вот кем запрещено и с какой такой, собственно, стати — никто не знает.

Поскольку расследование наше можно считать теперь завершённым, следует подчеркнуть, что никаких документов и достоверных свидетельств, указывающих на источник, породивший главную Тайну Криптографии, в итоге не обнаружено. Пока не обнаружено.

Что вряд ли, впрочем, следует считать удивительным, коль скоро тайна эта «оккультно-мистического» толка. А в делах такого рода самые важные документы с древнейших времён принято либо уничтожать, либо очень, очень тщательно прятать. Отчего, кстати, даже внешне дела оккультно-мистические сильно напоминают особо секретные дела государственных спецслужб (не говоря уже о глубоких внутренних тут взаимосвязях)...

При отсутствии ключевых документов вокруг Главной Тайны нет смысла рассуждать, как именно она там сформулирована. Но зато вполне возможно — и даже необходимо — выявлять и демонстрировать, какое место в этой Тайне занимает Фрэнсис Бэкон. Ибо в данном контексте именно его следует считать подлинным отцом не только современной научной криптологии, но и вообще всей секретной — наиболее продвинутой — науки человечества.

Принимая во внимание, что сам Бэкон наиглавнейшей задачей науки считал распространение света знаний на все тайны природы, легко увидеть сильнейшую иронию во всём том, что сделано ныне с бэконовским учением «О достоинстве и приумножении наук». А увидев это, значительно легче будет

понять и то, отчего во всей нашей открытой науке так много ныне нестыкровок, умолчаний и просто обмана¹²³.

И поскольку здесь речь идёт конкретно о криптографии, почти все факты и иллюстрации будут привлекаться из этой области современной компьютерно-математической науки.

#

По очень давней традиции, заведённой на заре так называемой открытой криптологии в начале 1980-х годов, материалы и доклады практически всех мало-мальски значительных криптографических конференций публикуются через издательство Springer, в рамках его общеизвестной серии LNCS или Lecture Notes in Computer Science (Конспекты лекций по компьютерной науке).

Для нас особо интересен выпущенный в 2016 году сборник LNCS 9100 (*The New Codebreakers. Essays Dedicated to David Kahn on the Occasion of His 85th Birthday*), где опубликованы материалы праздничной конференции в честь 85-летия Дэвида Кана, одного из сооснователей открытой криптологии и автора знаменитейшей книги «The Codebreakers» («Взломщики кодов», 1967) — фактически первой и самой значительной книги XX века по истории криптографии.

В книге Кана, следует напомнить, много и с подробностями рассказывается не только о выдающемся криптологе Уильяме Фридмане, но и о работе супругов У. и Э. Фридманов «*Проверка шекспировских шифров*». Правда, подано это в абсолютно апологетической манере и вообще без каких-либо попыток критического анализа «Проверки». Ибо для Кана авторитета и репутации «отца криптологии» Фридмана здесь более чем достаточно для полного доверия его категоричным заключениям.

¹²³ «Подгнило что-то в королевстве»
<https://kiwibyrd.org/2015/04/16/1433/>

Нельзя не отметить и то, что в чрезвычайно обстоятельной книге Дэвида Кана «Взломщики кодов» есть также несколько кратких рассказов и о делах другого выдающегося криптографа по имени Франсуа Картье. Вот только о монографии генерала Картье, предоставляющей в корне иные результаты криптоанализа бэкон-шекспировской проблемы, Дэвид Кан в своей истории не упоминает вообще никак.

Ну а самое примечательное, что в точности эту же схему умолчаний воспроизводит и недавняя книга-сборник «Новые взломщики кодов». В этой книге тоже есть большая и содержательная статья¹²⁴ про американского «отца криптологии» Уильяма Фридмана (точнее, про его самое знаменитое достижение под названием «Индекс Совпадений»). А также имеется информативный обзор¹²⁵, посвящённый истории французской военно-разведывательной криптологии и включающий в себя заметный раздел о достижениях конкретно Франсуа Картье.

Но нет здесь, однако, ни единого упоминания о том, что авторитетным криптологом Картье была опубликована ещё и весьма неординарная для научных кругов книга «Проблема криптографии и истории» — о расшифровке тайной биографии Фрэнсиса Бэкона и о подлинном авторе шекспировских произведений. Причём существенно, что глубоко погрузился в эту тему генерал-пенсионер Картье с прямой, можно сказать, задачи молодого Уильяма Фридмана.

И более того, ещё одним следствием личного знакомства двух этих выдающихся криптографов, случившегося в 1918 под конец мировой войны, оказалось одно примечательное недоразумение. Из-за которого важнейшее среди научно-криптографических изобретений Фридмана — его «Индекс Совпадений»

¹²⁴ Steven M. Bellovin. Vernam, Mauborgne, and Friedman: The One-Time Pad and the Index of Coincidence. In «The New Codebreakers. Essays Dedicated to David Kahn on the Occasion of His 85th Birthday» (LNCS 9100), Springer-Verlag Berlin 2016, pp 40-68

¹²⁵ Sébastien-Yves Laurent. About Professionalisation in the Intelligence Community: The French Cryptologists (ca 1870—ca 1945). In «The New Codebreakers. Essays Dedicated to David Kahn on the Occasion of His 85th Birthday» (LNCS 9100), Springer-Verlag Berlin 2016, pp 25-33

— в первые послевоенные годы было воспринято многими как изобретение генерала Картье... Но только и об этом сегодня предпочитают не вспоминать.

Вряд ли надо объяснять, что если историки науки сами себе искусственно ограничивают поле зрения, игнорируя весьма важные эпизоды истории, то происходит сильное искажение картины. Более того, при удалении таких эпизодов как взаимосвязей между более известными событиями истории, утрачиваются и возможности для подлинного понимания того, что же и как именно происходило там в действительности.

И поскольку цель OSINT-расследования заключается именно в этом — разобраться, что и как происходило в этой истории на самом деле — имеет смысл тщательнее присматриваться к таким вещам, о которых обычно принято умалчивать.

#

Свежее исследование о неизвестных прежде обстоятельствах вокруг рождения «Индекса Совпадений» для сборника The New Codebreakers подготовил Стивен Белловин, широко известный специалист по защите информации и истории криптографии. Конкретно же для целей нашего расследования наибольший там интерес представляет такая итоговая фраза:

И наконец, здесь показано, что аналитические атаки Фридмана против двухленточного варианта шифра Вернама и привели его, скорее всего, к изобретению Индекса Совпадений. То есть к самой важной, можно сказать, публикации за всю историю криптоанализа.

Почему это в высшей степени примечательная фраза и очень интересный результат? Причин тут довольно много на самом деле.

Во-первых, если вы заглянете для начала в Википедию (что английскую, что русскую, без разницы), дабы получить общее представление о сути Индекса Совпадений, то из имеющихся

там «разъяснений» и близко не поймёте, о чём говорит Стивен Белловин. Ибо там этот статистический метод криптоанализа подан в контексте вскрытия классических ручных шифров. Вроде древнего шифра Виженера (XVI век). А потому совершенно неясно, с какой стати изобретение Уильяма Фридмана — это, по мнению сведущих специалистов, «важнейшая публикация в истории криптоанализа ... превратившая криптоанализ в математическую дисциплину».

Во-вторых, если внимательно изучить добытые Белловином исторические документы, то можно увидеть, что Уильям Фридман в 1920 году (то есть работая ещё не на государство, а на частное криптобюро полковника Фабиана в Ривербэнке) изобрёл Индекс Совпадений в процессе анализа весьма специфической шифрмашины (двухленточной системы Вернама). Которая впоследствии послужила своего рода прототипом почти для всех конструкций поточных шифраторов XX века. То есть для великого множества механических, электрических и электронных шифраторов, вплоть до сегодняшнего дня закрывающих секретную переписку дипломатов, военных и спецслужб по всему миру.

В-третьих же, если знать, что Уильям Фридман уже в ту пору был весьма компетентным и опытным криптографом, изначально понимавшим высочайшую универсальную ценность своего изобретения для взлома всевозможных шифров, то можно понять и степень его возмущения, когда он узнал, что лучшая из его работ по сути дела сразу оказалась украдена.

Ибо полковник Фабиан, с подачи Фридмана познакомившийся по переписке с Франсуа Картье, дабы впечатлить французского генерала успехами своего криптобюро, прислал ему копию ещё нигде не опубликованной рукописи об Индексе Совпадений (причём намеренно убрал имя автора, поскольку супруги Фридманы в конце 1920 сбежали от Фабиана в Вашингтон). А генерал Картье, в ту пору — 1921 год — возглавлявший военную криптослужбу Франции, не только сразу понял высокую ценность работы и обеспечил её скорейший перевод на фран-

цузский, но и в тот же год через военную типографию издал перевод массовым тиражом.

Вскоре после французской версии там же в Париже было сделано и первое издание англоязычного оригинала, в качестве первоисточника которого на титульном листе фигурировали полковник Фабиан и его Ривербэнкские лаборатории. Без упоминания Уильяма Фридмана, естественно, поскольку у генерала Картье имени реального автора тогда просто не было...

В США первое издание фридмановой работы об Индексе Совпадений¹²⁶ было сделано на следующий год, в 1922, в собственной типографии Ривербэнка и под фамилией настоящего автора, конечно же. Но в Европе эту работу ещё довольно долго впоследствии воспринимали как «французскую» и связывали с именем генерала Картье. В результате же столь неудачного стечения обстоятельств обострённо честолюбивый Фридман затаил сильнейшую обиду не только на Фабиана, но заодно, похоже, и на Франсуа Картье.

В конце 1920-х годов, уже занимая солидный криптографический пост в структурах защиты коммуникаций Армии США, Уильям Фридман предпринял специальную юридическую процедуру для официального закрепления за собой авторства на работу об Индексе Совпадений¹²⁷. Ну а в середине 1950-х судьба и военно-шпионское начальство предоставили ему удобную возможность уже по полной отыграться на умерших обидчиках.

В книге У. и Э. Фридманов «Проверка шекспировских шифров»¹²⁸ для Джорджа Фабиана (приобщившего когда-то и био-

¹²⁶ Friedman, William F., *The Index of Coincidence and its Applications in Cryptography*, Geneva, IL: Riverbank Laboratories, Publication No. 22, 1922, 87 pp.

¹²⁷ Sheldon, R.M.: *The Friedman Collection: An Analytical Guide* (2014) http://web.archive.org/web/20211101214514/https://www.marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2020/01/Friedman_Collection_Guide_September_2014.pdf

¹²⁸ Friedman, William F. & Elizebeth S., *The Shakespearean Ciphers Examined*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957

лога-генетика Уильяма и его жену-филологиню Элизебет к миру криптографии) ни добрых, ни хотя бы уважительных слов не нашлось вообще — только злые и язвительные. Что же касается дискредитации генерала Картье, то тут всё сделано намного более тонко и изощрённо. Однако для профессионалов, реально понимающих суть криптоаналитической работы, несложно увидеть, что попытки дискредитировать выводы Картье выстроены на основе подтасовок и лжи.

Нет никаких сомнений, что если бы Франсуа Картье был в ту пору жив, он без особого труда и на конкретных примерах из своей книги — то есть доказуемо и проверяемо кем угодно — мог бы продемонстрировать, что аргументы Фридманов по сути своей есть обман. Собственно говоря, удостовериться в этом может кто угодно и сегодня, ибо книга Картье всё же осталась, пусть и всеми забытая. Более того, ныне у историков имеются даже подписанные супругами Фридманами документы¹²⁹, свидетельствующие, что в своей «Проверке...» они лгут. Прекрасно зная, на самом деле, как про реальные успехи затей Фабиана, так и про верность выводов Картье.

Наконец, для полноты картины о нечистой истории рождения этой шекспироведческой книги от супругов-криптографов, осталось отметить, что первоначальный вариант их рукописи имел название «Автора! Автора!»¹³⁰. Вскоре, правда, Фридман это название изменил, осознав, вероятно, что в столь эмоциональных словах заглавия раскрыл несколько больше, чем хотелось бы, про свои давние и затаённые авторские обиды...

#

Случайно это произошло или, напротив, закономерно, наверняка утверждать затруднительно, однако факты истории таковы, что по сути сразу же после обращения супругов Фридманов к теме бэкон-шекспировских шифров в 1954-1957 гг., в

¹²⁹ см. главу «Новый документ»

¹³⁰ NSA William F. Friedman Collection, Document A63765.
<https://archive.org/details/41743019078222>

1958 последовали ощутимые потери документов из фридмановской «криптографической коллекции».

Имеются тут, однако, выразительные примеры из прошлого, указывающие на то, что происходят подобные вещи вовсе не случайно.

Известно, скажем, что сразу после того, как в 1626 году умер Фрэнсис Бэкон, большущий архив его рукописей был разделен на три неравные части. Одну часть работ стали сразу готовить к печати и издавать. Другая часть становилась доступна для исследований медленно и постепенно. Ну а про третью часть документов известно лишь то, что она бесследно пропала. И не найдена до сих пор — несмотря на активные поиски бэконистов и прочих энтузиастов.

Аналогично, когда в 1936 году умер полковник Джордж Фабиан, то его огромная криптографическая коллекция тоже оказалась поделённой на неравные части. Одна часть — собрание как весьма древних, так и современных книг по криптографии и оккультизму — была передана в Библиотеку Конгресса как «коллекция Фабиана». А вот часть другая архива — по сути вся документация, относившаяся к криптографическим работам Ривербэнкских лабораторий — это исчезло для истории почти целиком и неведомо куда.

Куда исчезли важные документы из криптографической коллекции Уильяма Фридмана, впрочем, никогда загадкой не было. Ибо в 1958 году, опираясь на новый закон о пересекречивании информации, связанной с шифрами и их вскрытием, начальство АНБ решило временно изъять личную коллекцию Фридмана на предмет зачистки её от секретов и тайн, угрожающих национальной безопасности.

Когда же коллекцию владельцу вернули, то там стало заметно недоставать не только современных публикаций о криптографии, но также — что особо интересно — и нескольких документов вокруг старинных бэкон-шекспировских шифров.

Столь странная — с точки зрения национальной безопасности — тематика для изъятия документов из архива не могла не насторожить. И подтолкнула OSINT-анализ к особо тщательному изучению перечня всех тех документов из коллекции Фридмана¹³¹, что относятся к публикациям генерала Картье (ибо выборочному прореживанию цензурой подверглись и они).

Благодаря такому целенаправленному поиску удалось обнаружить в высшей степени примечательный документ. А именно, статью Франсуа Картье¹³², опубликованную в одном из номеров журнала *Mercure de France* в мае 1939 года под названием «Криптографическая система Бэкона».

Примечателен же этот документ тем, что опубликован он на следующий год после выхода книги Картье на ту же тему, содержательно отвечает на критические замечания читателей, а самое главное — даёт очень дельные советы по практической проверке и чтению бэконовских шифров в старинных книгах. И практически наверняка именно по этой причине данную статью сейчас почти невозможно найти-скачать в интернете, хотя номинально она в Сети присутствует. В собраниях совершенно официального веб-ресурса — но, так сказать, присутствует незримо.

Как же отыскать столь интересную публикацию?

#

Литературный журнал *Mercure de France* издается во Франции с 1672 года, являясь, таким образом, чуть ли не старейшим в мире из тех периодических изданий, что существуют до сих пор. Номера этого журнала, изданные в первой половине XX века, официально выложены для свободного доступа на сайте

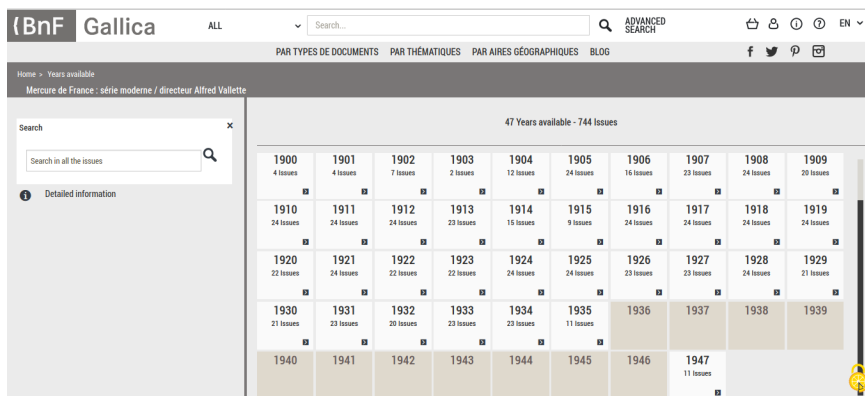
¹³¹ Sheldon, R.M.: The Friedman Collection: An Analytical Guide (2014)

¹³² Cartier, Francois (General.) “La Système cryptographique de Bacon,” *Mercure de France*, May 1, 1939, Volume 291, pp. 687-693 (online pp. 175-181)
<https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-mai-1939/118/4092369/175>

BNF Gallica¹³³, то в есть электронной версии Национальной Библиотеки Франции.

Именно в этом журнале, в частности, вышедший на пенсию генерал Картье в начале 1920-х годов опубликовал о бэкон-шекспировской проблеме цикл статей, которые впоследствии стали основой его книги 1938 года. Иначе говоря, статьи эти ныне можно на данном сайте найти и скачать, если есть интерес и желание.

Но вот с особо интересующей нас статьёй Картье 1939 года всё тут обстоит гораздо сложнее. Хотя соответствующая веб-страница предлагает, казалось бы, доступ к публикациям с 1900 по 1947 год, в действительности никакого доступа к периоду с 1936 по 1946 годы тут нет. Это можно видеть даже по другому цвету ячеек таблицы — ибо ссылки для перехода отсутствуют.



Илл. 41. Скриншот раздела *Mercure de France* на сайте BnF Gallica, как он выглядел в 2022 году

Почему нужных ссылок не предоставлено — объяснений на сайте BNF нет, судя по всему. Но есть возможности для перехода на сайт другой. Именуемый RetroNews¹³⁴ и предоставляющий доступ к прессе прошлых лет из собраний BNF — но только уже не бесплатно, а подписчикам по абонементу.

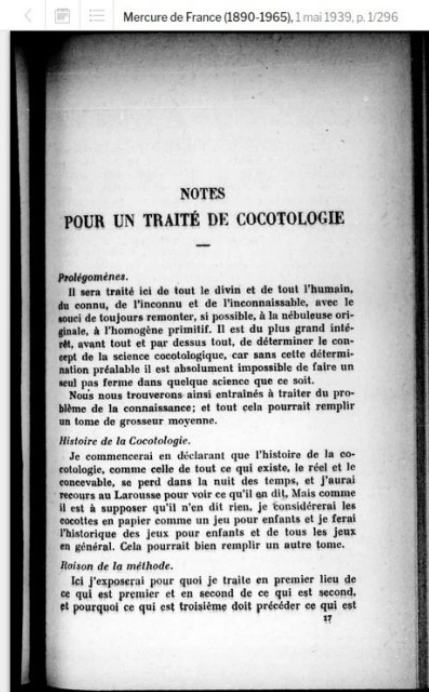
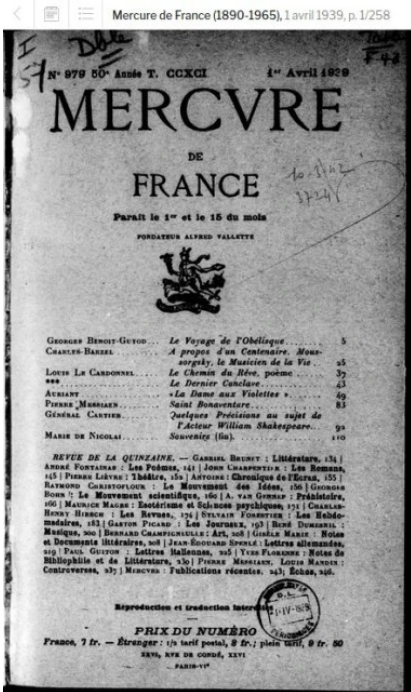
¹³³ <https://gallica.bnf.fr/conseils/content/mercure-de-france>

¹³⁴ <https://www.retronews.fr/>

Именно там-то и можно найти нужный нам журнал. Но и здесь не через обычные возможности поиска (доступные только по абонементу), а при условии, что заранее знаешь веб-адрес того, что требуется. Адрес нужного нам выпуска журнала выглядит так:

<https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-mai-1939/118/4092369/1>

Но даже если вы сумели его раздобыть (как именно, здесь не существенно), то и дальше найти нужную статью оказывается всё равно непросто.



Илл. 42

Ибо обычно практически каждая цифровая версия журнала *Mercure de France* начинается со страницы оглавления (на иллюстрации 42 слева), однако именно в данном случае оглавления почему-то нет (там же, справа)... Но хотя бы есть возмож-

ность листать журнал вручную — до страницы 175, где начинается, наконец, статья генерала Картье.¹³⁵

Иначе говоря, если бы вы заранее — по глубоко зарытой информации из «Путеводителя к коллекции Фридмана» — не знали точно и достоверно, где именно данная статья находится, то с опорой на поисковые возможности что интернета, что конкретных сайтов-библиотек вы эту публикацию отыскать не сумели бы никак...

Так что же там такого — особо интересного — может быть спрятано?

Дабы каждый читатель имел возможность сам тут сделать для себя выводы, полный перевод столь труднодоступной статьи на русский приводится здесь же, только чуть далее — в Приложении. А одновременно для всех — и тех, кому нравится думать самостоятельно, и кому делать собственные умозаключения почему-либо сложно, — можно уточнить следующее.

Практически все сведения, предоставленные в этой статье генерала Картье, в сжатом виде и чуть иначе повторяют содержание тех страниц из его же книги 1938 года, где рассказывается об устройстве двухлитерного шифра Бэкона. За единственным важным дополнением в финале — где рассказано о новой важной публикации¹³⁶ в журнале *Baconiana* № 92, вышедшем в январе 1939.

Публикация носит название «Исследование типографского дела во времена королевы Елизаветы», написана специалистом по имени Дж. Б. Кёртис, а рассказывает с техническими подробностями о том, как именно следует анализировать особенности печатных букв в старинных книгах шекспировской эпохи. О том, в частности, как наиболее эффективно выявлять

¹³⁵ <https://www.retronews.fr/journal/mercure-de-france/01-mai-1939/118/4092369/175>

¹³⁶ Curtis G.B., A Study in Elizabethan Typography. *Baconiana*, Vol. XXIV. No. 92, (January 1939) pp. 6-21
https://francisbaconsociety.co.uk/wp-content/uploads/2021/03/1939_Baconiana_No-92.pdf

и различать в текстах двухлитерный шифр Бэкона. И о том, что при освоении этих приёмов не только сам автор, но и несколько обученных им женщин без предварительного опыта в такого рода делах быстро осваивали технику дешифрования и самостоятельно получали тексты, дешифрованные прежде Элизабет Гэллап...

На языке современной науки особая ценность этой работы Кёртиса в том, что она целиком посвящена одной из наиболее серьёзных проблем в глубоких научных исследованиях — проблеме устойчивого воспроизведения тонких эффектов в независимых экспериментах.

Именно поэтому статью от генерала-криптографа Картье зарыли так глубоко, или же ещё по какой неведомой причине, гадать особого смысла нет. Но зато определённо есть смысл отметить, что генерал Картье в заключительной части своей статьи подтверждает, что и на собственном опыте криптоанализа сталкивался с существенно разным качеством печати в разных версиях как книг-оригиналов, так и в разных фотокопиях одних и тех же страниц. А потому для успешного дешифрования двухлитерного шифра Бэкона он настоятельно рекомендует особо тщательно подходить к поиску тех текстов, которые в книгах оригиналов сохранились наилучшим образом.

#

Выводы и рекомендации генерала Картье позволяют существенно по-новому взглянуть на смысл и ценность ещё одной примечательной работы — от весьма известного шекспироведа и криптографа по имени Чарлтон Хинмен (Charlton Hinman, 1911-1977). Его имя уже встречалось нам прежде среди членов той команды шекспироведов из Библиотеки Фолджера, кого в годы Второй мировой войны активно привлекали ко взлому шифров на секретной службе в разведке ВМС США¹³⁷.

¹³⁷ см. главу «Соккрытие правды»

В мирные же времена профессор Хинмен, как и все прочие учёные, связанные с Шекспировской библиотекой Фолджера, всегда выступал твёрдым сторонником лагеря так называемых стратфордианцев. Кредо которых в том, что именно Уильям Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне и никто другой является подлинным и единственным автором шекспировских произведений.

Ради укрепления непоколебимой и подлинно научной базы для этой точки зрения лично Хинмен провёл в 1950-60-е годы воистину гигантский текстологический анализ. Подвергнув, в частности, Первое Фолио Шекспира настоящей криминалистической экспертизе с помощью специального опто-механического прибора, получившего название «коллатор Хинмена». Суть этого прибора в том, что он обеспечивал предельно тщательное постраничное и побуквенное сопоставление всех страниц из тех восьми, примерно, десятков копий Первого Фолио, что собраны в вашингтонской коллекции Фолджера.

Итогом этой детективной работы стала монументальная двухтомная монография объёмом свыше 1000 страниц, опубликованная в 1963 году под названием «Печать и корректура Первого Фолио Шекспира»¹³⁸. Поскольку никто больше чего-либо подобного по масштабности и скрупулёзности не делал, работа Хинмена обеспечила ему статус главного авторитета по текстам и копиям Первого Фолио.

Супруги Фридманы, соответственно, для обоснования базовой идеи о том, что никаких бэконовских шифров в старинных книгах не было и встроить их туда было невозможно в принципе, привлекли (на стр. 227-228 своей работы¹³⁹) такое свидетельство от авторитетнейшего Чарлтона Хинмена:

¹³⁸ Charlton Hinman, *The Printing And Proof-Reading Of The First Folio Of Shakespeare*. Oxford Clarendon Press, 1963
<https://archive.org/details/printingproofrea0000hinm>

¹³⁹ Friedman, William F. & Elizebeth S., *The Shakespearean Ciphers Examined*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957

В любом из экземпляров Первого Фолио Шекспира нет ни единой полной страницы текста, где не встречались бы буквы настолько отличающиеся по своему виду от соответствующих букв в других экземплярах, словно они отпечатаны разными литерами набора. Хотя это и не так. Изменяющиеся наплывы краски, несомненно, являются самой общей причиной таких различий...

Если прочитать внимательно статьи 1939 года от Картье и Кёртиса, то несложно уловить, что и они говорят именно об этих особенностях печати в древних типографиях. Но только у них эти же особенности помогают отыскивать экземпляры, наиболее подходящие для выявления и извлечения Бэконовских шифровок.

Поскольку же обнаружены эти две статьи от «К и К» — несмотря на их тщательное сокрытие и замалчивание — исключительно благодаря криптографической коллекции Фридмана, не может быть никаких сомнений, что супругам-криптографам они были прекрасно известны. Но по очевидным причинам проигнорированы.

Столь же выразительно полностью проигнорирована тема бэконовских шифров (не говоря уже о табуированном имени Картье) и в монументальной монографии Чарлтона Хинмена. В конце его двухтомника, как и подобает научным изданиям, имеется обширный раздел Index на три десятка страниц. То есть обстоятельный перечень всех тем и имён, так или иначе рассмотренных или затронутых автором в книге. Упомянуты там чуть ли не все из мало-мальски известных литературных современников Шекспира — за единственным исключением имени Francis Bacon...

#

Книга супругов Фридманов — якобы «забывшая последний гвоздь в гроб бэконианских теорий» — завершается в высшей степени примечательным абзацем. Смысл которого принципиально изменяется для читателей в зависимости от того, на-

сколько они информированы и сведущи в нюансах проблемы. Полезно процитировать здесь строки этого финала в полном виде (удобства ради разбив абзац на пронумерованные параграфы):

(1) Необходимо помнить, что двухлитерный шифр [Бэкона] — это единственная реальная система среди всех тех, что были предложены до сих пор в поддержку теорий анти-стратфордианцев. Иначе говоря, это единственный шифр, который профессиональный криптолог мог бы признать как действительно настоящую криптосистему.

(2) Однако, здесь было убедительно, как мы полагаем, продемонстрировано, что этот шифр не использовался. Что же касается всех прочих шифров, то они не только не использовались, но и вообще не применимы на практике. Они просто не заслуживают никакого доверия.

(3) Всем тем, у кого появится желание оспорить авторство шекспировских пьес в будущем, мы настоятельно рекомендуем не опираться на криптографические свидетельства до тех пор, пока они каким-либо образом не продемонстрируют свою компетентность в такого рода делах. От них требуется больше, чем от их предшественников. Мы настоятельно призываем их к тому, чтобы они познакомились хотя бы с базовыми принципами этого предмета, и чтобы они предоставляли свои аргументы в соответствии со строгими стандартами науки.

(4) И прежде чем добавлять что-либо к уже и так очень большому своду текстов по этому предмету, они могли бы предоставить свои открытия для проверки профессионалу, не имеющему никаких сильных предпочтений ни к одной из сторон этого спора.

(5) Если же всё это будет сделано, то тогда дискуссия поднимется на более высокий уровень. И есть даже такая возможность, что споры тут прекратятся вообще.

Фактически каждый параграф этого заключения — образец двусмысленности в высшей степени. За исключением, разве что, параграфа первого. Ибо:

Первый параграф — это однозначное признание несомненно-го факта: шифр Бэкона есть действительно настоящая криптографическая система, а значит, математически наиболее строгий аргумент в спорах вокруг шекспировского авторства.

Параграф второй — это отсыл к убедительному, по мнению авторов, отрицанию того факта, что шифр использовался. Но для того, чтобы их отрицание выглядело убедительным, авторам пришлось пойти на обман. Как бы забыв, что в молодости они сами и сдавали, и готовили проверочные тесты на предмет выявления и вскрытия шифра Бэкона в старинных книгах.

В третьем параграфе авторы как бы забывают ещё один факт. Что их главным оппонентом — на поле шифра Бэкона — является весьма авторитетный криптограф Картье, ничуть не менее компетентный, чем они сами. И ничуть не менее приверженный строгим стандартам науки, нежели авторы.

В параграфе четвёртом авторы опять-таки «забывают», что генерал Картье был приглашён в бэкон-шекспировские дебаты именно в таком качестве — как проверяющий «профессионал, не имеющий никаких предпочтений к той или иной стороне».

В параграфе пятом, наконец, можно увидеть, что авторы не исключали возможности подключения к анализу проблемы — когда-нибудь в будущем — ещё одного опытного профессионала-криптоаналитика. Изнутри знающего особенности шпионской работы и способного поднять дискуссию на действительно более высокий уровень.

И поскольку сами Фридманы не могли не понимать, что книга их по сути есть ложь и дезинформация, для них в принципе несложно было предвидеть и то, что при действительно тщательном профессиональном анализе этот обман будет доказательно разоблачён.

Откуда, видимо, и появилась их заключительная фраза — про существование «такой возможности, что споры тут прекратятся вообще»...

Захочет ли хоть кто-то из профессионалов криптоанализа, пребывая в здравом уме и в независимости от спецслужб, оспаривать факты и документы, представленные в настоящем OSINT-расследовании, сие, понятное дело, пока что неизвестно.

Но вот что известно абсолютно точно и достоверно, так это факт полного возвращения книги генерала Картье в свободный и лёгкий доступ для всех, кому это интересно. Теперь уже не только в виде переводов важнейших фрагментов на русский, но и в полном виде оригинала на французском языке.

Оцифрованную версию оригинального издания можно найти либо в коллекции Internet Archive¹⁴⁰, либо на сайтах научной онлайн-библиотеки LibGen.

Вернул же миру этот ценный, но умышленно спрятанный и незаслуженно всеми забытый книжный раритет один добрый человек, для онлайн-публикации выбравший себе имя FrancisBacon1623.

Год 1623 в этом имени — весьма и весьма особенный. Как для биографии Фрэнсиса Бэкона, так и для всей нашей истории. В 2023 году исполняется ровно 400 лет с момента публикации наиболее важных из тех зашифрованных текстов, что несут в себе Великую Тайну.

¹⁴⁰ <https://archive.org/details/un-probleme-de-cryptographie-et-d-histoire/>

И поскольку тайна магической науки Бэкона и розенкрейцеров до сих пор остаётся для официальных научных кругов как бы неведомой, история наша определённо ещё не закончена.

Но это уже тема исследований для других книг. Не этой...

[The End]

Приложение

Перевод «той самой» особо скрываемой статьи Картье 1939 года:

Cartier, Francois (General). "La Système cryptographique de Bacon." Mercure de France, May 1, 1939, Volume 291, pp. 687-693

Криптографическая система Бэкона.

Криптографическая система позволяет преобразовывать открытый текст в такую криптограмму, которая внешне не имеет очевидной взаимосвязи с открытым текстом. Расшифровать такую криптограмму могут лишь те получатели, которые знают принцип шифрсистемы и располагают элементами, необходимыми для её применения. То есть ключами или кодами.

Шифрсистемы перестановки порождают такие криптограммы, в которых все исходные буквы открытого текста сохраняются как они есть, однако места их расположения относительно друг друга в тексте подвергаются изменениям. Шифр спартанцев Скитала, к примеру, делал перестановку букв послания с помощью простого механического приспособления.

В криптосистемах иного типа — именуемых шифрами замены — отдельные буквы или их сочетания-биграммы заменяются другими буквами или биграммами. Если правило замены всё время одно и то же, шифр называется простой заменой. Если же правила замены (подстановки) в процессе шифрования меняются, то тогда шифр именуют заменой с двойным ключом. Криптосистема Юлия Цезаря была простой заменой, более сложная система Виженера — это шифр замены с двойным ключом (иначе именуемый многоалфавитной заменой).

Коды или шифровальные словари позволяют заменять целиком слова и частые выражения открытого текста на группы цифр, группы букв или даже кодовые слова, которые могут быть произносимыми, но не имеют какого-либо смысла.

Криптограммы, порождаемые всеми этими различными системами, выявляются по их контексту и стимулируют поиски методов дешифрования со стороны тех, кто заинтересован в восстановлении соответствующих им открытых текстов.

Фрэнсис Бэкон в своей книге «*De Augmentis Scientiarum*» указывает на три способа, которые могут быть использованы дешифровальщиками для преодоления тех мер защиты, которые обычно обеспечивают секретность такого рода сообщений:

- (1) Воспользоваться небрежностью или ошибками, допускаемыми участниками секретной переписки, либо же купить соучастие одного из них;
- (2) Получить силой или подкупом элементы шифра, необходимые для расшифровки;
- (3) Использовать умелых дешифровальщиков, способных восстанавливать эти элементы с помощью особых аналитических процессов, разработка которых требует длительных исследований и специальных подходов.

Бэкон, судя по всему, мало доверял тем криптосистемам, которые использовались его современниками. Нам известно, что он сотрудничал с дешифровальной службой, работавшей на королевскую власть, и что именно эта служба поставляла королеве Елизавете материалы для суда над Марией Стюарт.

В подобных условиях лично для себя он был вынужден изобрести собственную криптографическую систему, дающую такие криптограммы, которые могли бы оставаться незамеченными. И как следствие этого, избегать поисков в них ошибок и аналитических исследований дешифровальщиков.

Использование заранее оговорённого языка кодовых слов в какой-то мере отвечало желаниям Фрэнсиса Бэкона. Но опыт доказал, что такой метод шифрования может быть рекомендован только для нечастых и коротких посланий с хорошо определённой тематикой.

Поэтому криптосистемой Бэкона стала простая замена. С технической точки зрения она представляет мало интереса, однако в тех обстоятельствах, где этот шифр использовался, он показал себя превосходно.

Принцип этого шифра таков.

Известно, что азбука Морзе позволяет представлять все буквы знаками точка (·) и тире (–). При этом количество знаков, соответствующих различным буквам, есть величина переменная. Как результат этого, разделы между буквами слова нам приходится делать большей длительности, чем разделы между знаками буквы. Тогда слово BACON в знаках азбуки Морзе записывается следующим образом:

— · · · · · · — — · · · · · — — — — — — ·

Если бы все буквы состояли из одного и того же числа знаков, то не было бы необходимости разделять их более длинными интервалами.

Заменяя азбуку Морзе на алфавит Бэкона, в котором единообразно используется по 5 знаков на каждую букву, последовательные буквы можно шифровать без разделяющих интервалов. Не говоря уже о том, что здесь для правильного прочтения не возникает неопределённости.

Алфавит Бэкона, по строению аналогичный пятизначному алфавиту телеграфного кода Бодо, схематически представлен следующей таблицей, с помощью которой каждая буква в шифртексте формируется двумя знаками её строки, за которыми следуют три знака соответствующего ей столбца.

-	...-	...-	...-	...-	...-	...-
..	a	b	c	d	e	f	g	h
.-	ij	k	l	m	n	o	p	q
-.	r	s	t	uv	w	x	y	z
--								

Таким образом в шифре буква «А» — это последовательность

.....

Аналогично, «L» — это

...-..

«X» — это

-...--

Соответственно, слово BACON шифруется как 25 знаков такого вида:

.....-.....-.....-.....-.....

Отметим, что таблица алфавита Бэкона состоит всего из 24 ячеек, так что для букв (i) и (j) используется одна комбинация знаков, так же как для букв (u) и (v).

Четвёртая строка таблицы для букв не использовалась, в неё можно было бы вписать знаки препинания: запятую (,), точку с запятой (;), точку (.), вопросительный знак (?), восклицательный знак (!), двоеточие (:), скобки или кавычки.

Также можно было бы время от времени менять порядок букв в таблице, что давало бы новые комбинации знаков, несколько повышая стойкость этой системы. Однако Бэкон не считал нужным прибегать к такой возможности, поскольку этим же

повышался и риск навсегда утратить записанную им для потомков историю.

Вот как Бэкон использует свою систему:

Для каждой буквы текста, будь она строчная или заглавная, он применяет две формы шрифта, одна из которых будет представлять точку (·), а другая тире (–).

Чтобы зашифровать букву секретного послания по его таблице, требуется пять последовательных букв произвольного открытого текста, формы шрифта которых будут соответствовать точкам и тире таблицы. Тогда, соответственно, для шифрования слова WACON потребовалось бы 25 последовательных букв текста, формы шрифта которых соответствовали бы выписанной выше строке из 25 точек и тире.

В упомянутой ранее работе «О достоинстве и приумножении наук» Бэкон дал пример двух форм шрифта для каждой буквы, соответствующих точкам и тире нашего пояснения. Чтобы сделать устройство шифра более понятным, он использовал в описании две такие формы, которые легко распознаются.

На страницах 46 и 47 моей книги «Проблема криптографии и истории» приведены как эти формы, так и конкретный пример их использования Бэконом для шифрования текста. В этом примере кто угодно сможет легко различить две разные формы шрифта, которые у Бэкона называются A (·) и B (–). И этот же пример позволяет констатировать, что данный шифр вполне мог бы остаться и незамеченным, несмотря на отчётливые различия в двух используемых формах литер, если бы внимание читателей специально не было бы привлечено к этим различиям.

Пример также показывает, каким образом можно встраивать любой секретный текст в любой текст открытый, при условии, что второй должен быть в пять раз длиннее первого. Этот же пример позволяет понять и полезность основных знаков препинания. И можно лишь сожалеть, что Бэкон не использовал

для этой цели ячейки четвёртой строки своей шифровальной таблицы.

Как бы там ни было, очевидно, что Бэкон не мог игнорировать существование среди современников таких дешифровальщиков, чья проницательность была для него опасна. Поэтому в своих шифровках он не использовал достаточно резко отличающиеся формы букв, дабы не привлекать к ним преждевременное внимание.

Типографские формы литер, которые он применял, зачастую отличались лишь трудно идентифицируемыми деталями, а условия, в которых хранились его зашифрованные тексты, могли делать различия в некоторых буквах невозможными для выявления.

Фотографические репродукции не всегда достоверно воспроизводят оригинал, и на некоторых пробных копиях я мог заметить дефекты передачи, которые скрывали различия, наблюдаемые в буквах оригинала. Не следует забывать, что те работы, в которые Бэкон встраивал свои криптограммы, имеют возраст свыше трёх столетий, а качество литер и типографского набора, которыми он пользовался, не обладали той регулярностью и твёрдостью, которые были достигнуты за прошедшее с тех пор время.

В упомянутой выше работе «Проблема криптографии и истории» (на стр. 261) мной приведена фотография одной из страниц недавней книги, изданной в 1911 году, а в страницу эту был встроен секретный текст, зашифрованный криптосистемой Бэкона. Те различия в форме букв, что очень хорошо заметны в оригинальном издании, на фотографии едва заметны.

Далее в той же моей книге (на стр. 269 и 270) даны фотографии ещё двух страниц, напечатанных в 1919 году и также содержащих секретный текст, зашифрованный методом Бэкона.

Этот шифр остался, тем не менее, незамеченным для читателей, имевших перед глазами оригинальное издание, хотя обе

формы букв легко там распознаются. Изучая же фотографию оригинала, можно понять те изменения с буквами, которые возникают в результате копирования и перепечатки.

Таким образом, при поисках текстов, зашифрованных Бэконом, необходимо использовать только оригинальные издания, и в особенности те из них, которые при хранении были защищены от влаги.

В журнале *Vasopiana*, опубликованном в январе 1939 г., содержится исследование печатного дела в эпоху Бэкона («A Study in Elizabethan Typography», by G.B. Curtis). Мне представляется интересным привести здесь несколько фрагментов, подтверждающих только что сделанные мною комментарии.

Процесс печати включает в себя нанесение на литеры краски с помощью валика. Бумага затем зажимается между «прессом» и печатной матрицей, чтобы краска чернил перешла с литер на бумагу. В ходе этого процесса чернила выдавливаются с печатающей поверхности литер, и эти избыточные чернила впитываются бумагой.

Важно отметить, однако, что эта избыточная краска будет впитана бумагой за пределами контура литерной буквы. Эта избыточная краска породит отпечаток буквы, немного отличающийся от формы литеры, а каждый очередной отпечаток будет немного отличаться от всех остальных.

Эта особенность справедлива как для современной печати, так и для работ шестнадцатого или семнадцатого века, однако в нынешних типографиях это не так заметно благодаря точной настройке современных валиков.

К счастью, используя увеличительное стекло, избыточную краску потёков можно отличить от краски, нанесённой на поверхность литер. При увеличении первое

имеет густой чёрный цвет, в то время как второе имеет сероватый оттенок.

Понятно, что особые характеристики в буквах шифра должны быть видны в этой сероватой области, а внешние потёки и наплывы чернил должны быть проигнорированы.

Только при изучении печатных букв в такой манере можно в точности знать контуры тех из используемых литер, что были использованы для печати той или иной буквы.

Опытный эксперт часто может восстанавливать форму литер в своём уме, игнорируя потеки чернил по сторонам и прочие подобные искажения, часто повторяющиеся в тексте. Однако неопытный человек должен продвигаться очень внимательно, проверяя сходство или различия букв в оригинале с помощью увеличительного стекла.

При обычном фотографическом копировании разница в оттенках между собственно буквами и наплывами краски исчезает. Поэтому если оригинал издания в плохой сохранности или же у вас есть только фотографии, то часто бывает очень сложно разделять на классы буквы в форме А или В.

Автор этой статьи приводит для иллюстрации фотографические репродукции двух разных экземпляров одной и той же страницы из книги, напечатанной более 300 лет назад, во времена Елизаветы. При сравнении экземпляров отмечаются очень существенные различия между формами одних и тех же букв, которые оказываются жирными на одной фотографии и тонкими на другой.

Если бы в эту страницу был встроен секретный текст по методу Бэкона, то классификация букв на формы видов А и В по двум этим фотокопиям была бы явно разной. А также и отли-

чалась бы от той, что была получена по оригиналу печатной страницы. Восстановление секретного текста оказалось бы крайне затруднительным, если не сказать невозможным, из-за всех тех видоизменений в буквах, что произошли при копировании.

Я и сам отмечал примерно похожие различия между фотографиями оригиналов, сделанными в Америке, и соответствующими страницами тех оригинальных изданий, которые находятся в нашей Национальной библиотеке. Поэтому не подлежит никакому сомнению необходимость изучения только оригинальных изданий, и именно по таким изданиям следует проверять расшифровки, породившие возражения или критику.

Генерал Картье, кадры резерва.

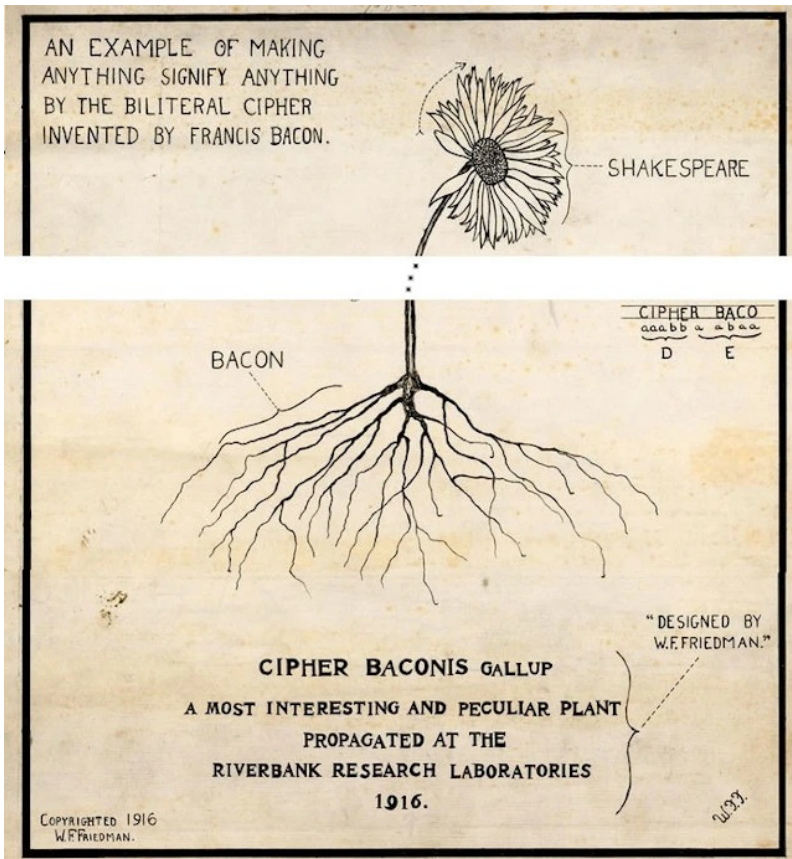
#

Февраль 2022

Заключение.
Совпадения мистические
и просто занятные

Бэкон как Шекспир. Ключи и подсказки от Уильяма Ф. Фридмана

О том, как много достоверной, но неведомой всем правды способны раскопать и предъявить дилетанты, игнорирующие табу и традиции профессионалов, и о том, как Проблема истории, литературы и криптографии, о которой многие десятилетия в науке старались забыть, сегодня напоминает о себе всё более отчётливо...



Среди наиболее знаменитых вопросов истории, постоянно вызывающих стычки непримиримых оппонентов, сюжет с

подлинным автором шекспировских произведений занимает совершенно особое место.

Не только оттого, что теме этого как бы «неразрешимого спора» уже четыре столетия. Но и, главным образом, по той причине, что на самом деле неопровержимых доказательств и бесспорно подлинных документов, однозначно указывающих на Фрэнсиса Бэкона как настоящего автора, имеется более чем достаточно.

А «великой тайной», соответственно, оказывается вовсе не подлинный автор, надёжно подтверждаемый наукой криптографией и достоверными фактами-документами истории. Тайна здесь в том, что все эти доказательства тотально обществом игнорируются.

Убедительно разъяснить, ПОЧЕМУ массы очевидно неглупых, образованных и рационально мыслящих людей столь легко и надолго могут становиться жертвами явного обмана, здесь столь масштабная задача даже не ставится. Но вот наглядно продемонстрировать, КАК такие вещи устраиваются — на конкретном примере жулънических манипуляций в бэкон-шекспировском вопросе — это можно вполне.

Пример этот особо хорош по той причине, что один из видных участников шекспировского гранд-обмана, «отец современной криптологии» Уильям Фридман, оставил на данный счёт очень важные документальные улики. Своего рода личные свидетельства, предоставляющие правду всем, кто хотел бы её знать.

#

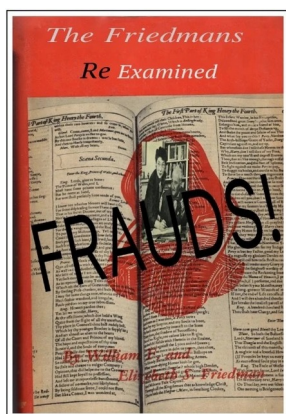
Практически всем людям, наверное, доводилось сталкиваться с хорошо известным и странным феноменом природы, который с подачи Карла Густава Юнга именуют по-русски синхроничность или, чуть короче, синхроничность. То есть с такими многозначительными и явно неслучайными совпадениями в нашей жизни, которые отчётливо связаны по своему

смыслу, но не имеют очевидных причинно-следственных зависимостей друг с другом.

Поскольку вещи такого рода случаются постоянно и повсеместно, влияя на наше восприятие происходящего, психолог Юнг и физик Паули, к примеру, рассматривали синхроничность как очень важную концепцию, структурирующую происходящие события и связывающую миры материи и сознания.

Самое же, наверное, странное в синхроничности — это то, что раз наука наша объяснить механизмы порождения и работы многозначительных совпадений не способна по сути никак, то для неё данный феномен природы как бы и не существует. Так что с позиций научных представлений об устройстве мира все подобные необъяснимые совпадения — это не более чем самые обычные случайности.

Тратить время на бесполезные и бесплодные споры с официальной наукой никакого смысла нет. Ибо в жизни есть и куда более интересные занятия. Вроде выявления очередных многозначительных синхроничностей и внимательного их анализа. На предмет того, каким образом эти совпадения структурируют события нашего настоящего, прошлого и будущего. Или как именно тут сознание воздействует на материю...



В июне 2022 была опубликована новая книга-расследование под названием «Мошенники Фридманы». Как видно уже из названия, главным объектом критических исследований в этой книге является знаменитый дуэт американских криптографов, супругов Уильяма и Элизебет Фридманов. Которые за пределами спецслужб США наиболее известны в просвещённом мире своей очень авторитетной работой

«Проверка Шекспировских шифров»¹⁴¹. Опубликованной в 1957 и надолго положившей конец, фактически, всем спорам о криптографических доказательствах того, что автором шекспировских произведений является Фрэнсис Бэкон.

Насколько известно, в промежутке между 1957 и 2022 годами — то есть на протяжении свыше 60 лет — в мире не выходило НИ ОДНОЙ книги, где был бы сделан обстоятельный и тщательный разбор фабрикации от супругов Фридманов. А первая большая работа такого рода, опирающаяся на комплекс документов и фактов, неопровержимо доказывающих ложь Фридманов, была опубликована в мае 2022 на сайте kiwi arXiv в виде сборника «4в1: Маска Шекспира и тайны Бэкона, книга Картье и секреты АНБ»¹⁴², 2-е издание которой вы сейчас читаете.

И вот теперь, чуть менее месяца спустя, на сайте www.academia.edu¹⁴³ появилась ещё одна очень обстоятельная книга¹⁴⁴ в точности на ту же самую тему: «*The Fraudulent Friedmans. The Bacon Ciphers In The Shakespeare Works*» («Мошенники Фридманы: Шифры Бэкона в произведениях Шекспира»).

Новая книга содержит 340 страниц, 81 иллюстрацию и 756 ссылок на первоисточники. Автор этого большого труда, публикующийся под именем «A. Phoenix», работал над монографией шесть последних лет, а о себе рассказывает очень кратко:

Я независимый исследователь, изучающий такие области, как Фрэнсис Бэкон, подлинное авторство шекспировских произведений и Розенкрейцерское Братство.

¹⁴¹ Friedman, William F. & Elizebeth S., «*The Shakespearean Ciphers Examined*». Cambridge: Cambridge University Press, 1957

¹⁴² <https://kiwibyrd.org/2022/05/20/22h53/>

¹⁴³ <https://aphoenix1.academia.edu/research>

¹⁴⁴ «*The Fraudulent Friedmans*», by A Phoenix. June 2022.

https://www.academia.edu/attachments/87499595/download_file?s=portfolio

Поскольку автор А. Phoenix с огромным энтузиазмом и многие годы раскапывает англоязычные первоисточники, вполне естественно, что он не заметил выхода аналогичной книги на русском языке. А потому в предисловии и кратком описании, представляющем его новую работу на сайте SirBacon.org, он пишет про свой труд так¹⁴⁵:

Полностью раскрытая здесь впервые, это история об одном из величайших литературных мошенничеств всех времён. Эта история абсолютно шокирует шекспироведов и весь остальной мир, требуя полной переоценки истинного авторства Фрэнсиса Бэкона в произведениях Шекспира...

Поскольку по текстам двух книг на одну и ту же — давно забытую и табуированную — тему очень легко увидеть, что они подготовлены в абсолютной причинно-следственной независимости друг от друга, понятно, что перед нами типичный пример синхроничности по Юнгу и Паули. То есть необъяснимого для серьёзной науки многозначительного совпадения, которое можно, конечно, трактовать как «обычную случайность».

Но при подобной интерпретации мы не извлечём из столь примечательной ситуации совершенно ничего содержательного.

Если же быть повнимательнее — и распознать в таком событии информативные сигналы, то далее можно извлечь из них массу полезнейших и очень сильных фактов, нужных для закрепления новой картины и адекватного понимания происходящего.

Как же такого рода вещи делаются?

#

¹⁴⁵ What's New on SirBacon.org, June 16, 2022
<https://sirbacon.org/whats-new-on-sirbacon-org/>

Главное и осязаемое различие двух книг — русской и английской — сводится к такому факту. Автор книги первой много лет профессионально работал в областях криптоанализа и разведки спецслужб, а у автора книги второй такого опыта очевидно нет. Если судить по чрезмерной экзальтации в выражениях и по дилетантским суждениям о силе криптографических доказательств.

Но при этом отсутствие профессионально-шпионских знаний и навыков вполне компенсируется энтузиазмом и очень скрупулёзной работой с фактами, извлекаемыми из множества труднодоступных источников. В этом, собственно, заключается главное преимущество второго автора перед автором первым (работавшим, главным образом, с теми документами, что доступны через интернет).

Если же переходить от общих наблюдений к конкретному тексту книги Феникса о «мошенниках Фридманах», то главы этой работы очень плотно насыщены документальными свидетельствами от современников и коллег из окружения супругов-криптографов. И все эти свидетельства в своей совокупности действительно очень убедительно показывают, что работа Фридманов о «Проверке Шекспировских шифров» — это развесистая и умышленно сфабрикованная ложь.

То же самое, собственно, доказывает и русскоязычная книга «4в1», но с опорой на другие, как правило, факты и документы, изложенные с позиций специалиста по разведке открытых источников информации и криптоаналитика с многолетним стажем.

И если для профессиональных криптологов рассуждения А.Феникса об убедительности его «криптографических доказательств» покажутся не очень убедительными, мягко говоря, то все подобные доводы можно легко и просто проигнорировать. Ибо в итоговом остатке всё равно сохранится массив надёжных документов и свидетельств от вполне компетентных сотрудников разведки, от выдающихся криптографов-

профессионалов и просто от сведущих современников, оказавшихся в нужном месте в нужное время...

Вот об этих-то документах, раскопанных и предъявленных в книге Феникса, и пойдёт тут речь.

#

Как известно всем, кто интересуется темой о подлинном авторе шекспировских произведений, вопрос о криптографических доказательствах авторства Фрэнсиса Бэкона был фактически закрыт в 1957 году, после выхода очень авторитетной книги супругов Фридманов «*Проверка Шекспировских шифров*»¹⁴⁶.

Куда меньше известно, что основой для этой книги послужил манускрипт Фридманов «*Криптологический взгляд на Шекспира*»¹⁴⁷, чуть ранее подготовленный ими для участия в литературном конкурсе Шекспировской библиотеки Фолджера и в 1955 ставший его победителем.

Этот машинописный манускрипт по своему объёму существенно превышал изданную в Кембридже книгу. А основная работа редакторов Кембриджского издательства свелась к тому, чтобы совместно с авторами радикально урезать исходный текст. Дабы сохранить в книге все ключевые утверждения с их обоснованиями, удалив излишние или ненужные подробности.

Тут же следует подчеркнуть, что книга Фридманов — это своеобразный профессиональный отчёт ветеранов-криптологов о том, как с ними произошла великая метаморфоза. Или чудо преображения совсем молодых людей, в 1916 году с эн-

¹⁴⁶ William F. Friedman and Elizebeth S. Friedman, «The Shakespearean Ciphers Examined: An Analysis Of Cryptographic Systems Used As Evidence That Some Other Author Than William Shakespeare Wrote The Plays Commonly Attributed To Him». Cambridge: Cambridge University Press, 1957
<https://web.archive.org/web/20210223192326/https://www.marshallfoundation.org/library/digital-archive/shakespearean-ciphers-examined/>

¹⁴⁷ William F. Friedman and Elizebeth S. Friedman, «*The Cryptologist Looks At Shakespeare*», Unpublished Typescript MS. Add. 215, Folger Shakespeare Library, 1955

тузиазмом приобщившихся впервые к миру криптографии через вскрытие шифров Бэкона в книгах шекспировской эпохи, в нечто совершенно иное. В тех многоопытных криптоаналитиков-скептиков на секретной государственной службе, которые 40 лет спустя решили вдруг широко объявить миру, что никаких шифров в старинных книгах они в молодости не вскрывали. И даже более того, никогда их там не видели...

Зафиксировав именно такой угол зрения на проблему, вполне естественно заинтересоваться, а что же именно из «ненужных подробностей и избыточной информации» при редактировании рукописи было изъято и в итоговый текст книги не попало.

Британский исследователь А.Феникс, раздобыв в Фолджеровской библиотеке копию никогда не публиковавшегося манускрипта Фридманов, сделал именно это. И обнаружил среди фрагментов, удалённых редактурой, весьма любопытные факты.

В книге «Мошенники Фридманы» сопоставлению двух версий одной работы посвящена целая большая глава номер два объёмом свыше 40 страниц. Здесь же достаточно рассказать лишь о паре выявленных Фениксом очень важных взаимосвязанных фактов, нигде более в литературе о Бэконе-Шекспире или о криптографии не упоминаемых. И в сочетании с дополняющей достоверной информацией, но в книгу «Мошенники Ф.» не попавшей, эти материалы могут служить наглядной демонстрацией, так сказать, «внутренней анатомии» большого обмана.

#

Любой рассказ о выдающейся роли Уильяма Фридмана в достижениях криптологии XX века принято начинать со знаменитой серии криптографических брошюр под общим заголовком «Ривербэнкские публикации». Название это идёт от Ривербэнкских лабораторий, как называл свой частный научно-

исследовательский институт текстильный магнат полковник Джордж Фабиан.

А биологу-генетику Уильяму Ф. Фридману, соответственно, с 1916 по 1920 годы (с перерывом на военную службу) довелось возглавлять в этих лабораториях Департамент криптографии. А также стать автором подавляющего большинства криптографических брошюр, выпущенных собственной типографией Ривербэнка и с опорой на математику внедрявших научную основу в искусство аналитического вскрытия шифров.

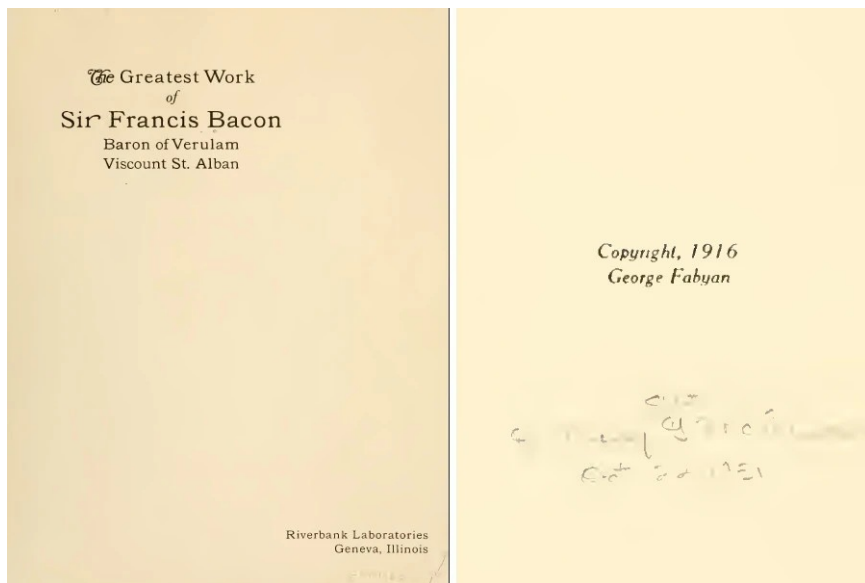
В намного более поздней работе супругов Фридманов 1955 года, когда речь там заходит об их молодости в лабораториях Фабиана и о знаменитых Ривербэнкских публикациях, прежде всего делается такое уведомление: «Необходимо подчеркнуть и чётко понимать, что эти публикации были двух совершенно разных типов»¹⁴⁸.

К одной категории была отнесена серия технических монографий, посвящённых стойкости шифров и методам их вскрытия. К совершенно же другой отдельной категории авторы отнесли все те публикации Ривербэнка, что были связаны с работами миссис Элизабет Гэллап по выявлению и дешифрованию двухлитерного шифра Фрэнсиса Бэкона в старинных книгах. Иначе говоря, связанное со всем тем, чем всецело был занят их Департамент криптографии до вступления США в Первую мировую войну в 1917 году.

Самое любопытное в столь тщательном разделении публикаций на две разных категории — это вопрос об авторах брошюр. Ибо личные особенности хозяина Ривербэнкских лабораторий — иногда их называют «феодалные замашки» — полковника Фабиана были таковы, что он почти всегда (за очень редкими исключениями) скрывал имена реальных авторов брошюр, оставляя в выходных данных лишь издательство

¹⁴⁸ William F. Friedman and Elizebeth S. Friedman, «*The Cryptologist Looks At Shakespeare*», Unpublished Typescript MS. Add. 215, Folger Shakespeare Library, 1955, p. 487

(Riverbank Laboratories) и отметку о своих авторских правах (Copyright George Fabyan) (см., например, илл. 43).



Илл. 43

Историкам криптографии ныне хорошо известно, что реальным автором почти всех технических брошюр — то есть первой категории — был Уильям Ф. Фридман (иногда в соавторстве со своей женой Элизебет С. Фридман). Но вот что касается не только имён авторов, но даже точного количества брошюр второй — куда менее знаменитой ныне — категории, то здесь у историков криптографии ясности нет вплоть до сегодняшнего дня.

Что даже на первый взгляд выглядит чрезвычайно странно. Ибо практически всё, что может быть связано с именами прославленных криптографов Фридманов, принято считать давно и досконально изученным. Если же вникнуть в суть вопроса чуть более тщательно (как это сделал А.Феникс), то обнаруживается, что неясность тут сконструирована преднамеренно и внесена искусственно. Ибо правда о подлинном авторстве выглядит в данном случае очень неудобно. Причём в равной

степени неудобно как для официальной версии истории, так и лично для супругов Фридманов.

#

В книге Фридманов «Проверка Шекспировских шифров» Ривербэнкским публикациям «второй категории» отведено всего две коротеньких фразы, разделённых примерно полусотней страниц. И даже эти краткие сведения согласуются друг с другом плоховато. Так, на странице 208 сообщается:

В тот период, когда она была там [миссис Гэллан в Ривербэнке], Фабиан издал в своей серии Riverbank publications шесть небольших брошюр, посвящённых дешифрованию двухлитерного шифра.

Вторая фраза об этих же брошюрах появляется на странице 250 и выглядит так:

Всего их было пять; четыре касались того, что называлось «Величайшим произведением сэра Фрэнсиса Бэкона» (The Greatest Work of Sir Francis Bacon), а одна [детская] называлась «Шифры для маленького народа».

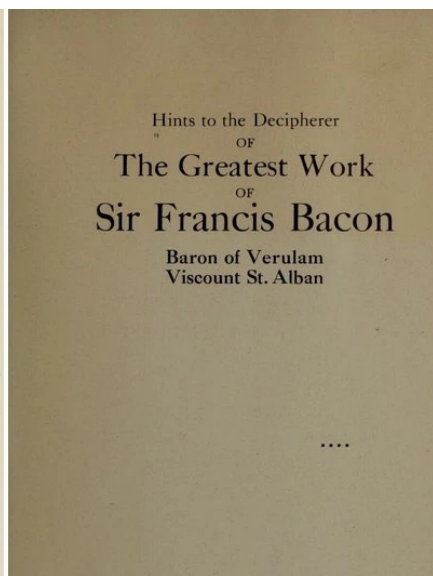
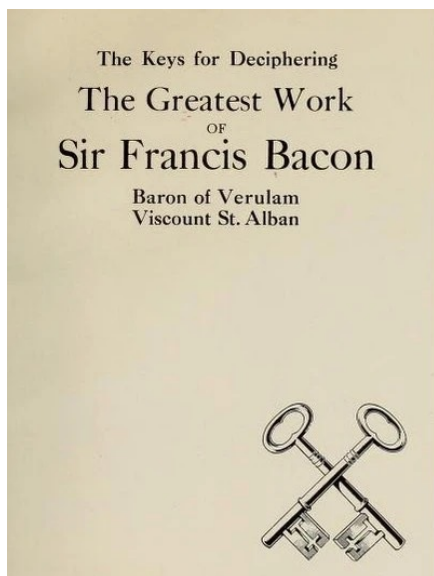
Ничего более, как заверяет нас очень скрупулёзный исследователь А. Феникс, в книге Фридманов об этой части работы Криптографического департамента Ривербэнка не обнаруживается. Когда же Феникс стал штудировать на данный предмет исходный текст первоисточника, то есть манускрипт Фридманов «Криптологический взгляд на Шекспира»¹⁴⁹, то там картина предстала в более интересном свете.

В исходной рукописи не только полностью перечислены все Ривербэнкские публикации «первой категории» с их реальными авторами (поскольку в основном, как мы помним, это сами Уильям и Элизебет Фридманы), но и аккуратно перечислены пять известных авторам публикаций «второй категории».

¹⁴⁹ William F. Friedman and Elizebeth S. Friedman, «The Cryptologist Looks At Shakespeare», Unpublished Typescript MS. Add. 215, Folger Shakespeare Library, 1955

Правда, второй список выглядит у них несколько озадачивающе и чуть менее информативно (стр. 487):

- Пауэлл Дж. А., «Величайшее произведение сэра Фрэнсиса Бэкона», 1916.
- Аноним, «Подсказки для дешифровальщика Величайшего произведения сэра Фрэнсиса Бэкона», 1916.
- Миссис Генри Потт, «Подсказки для дешифрования Величайшего произведения сэра Фрэнсиса Бэкона», без даты.
- Аноним, «Ключи для дешифрования Величайшего произведения сэра Фрэнсиса Бэкона», 1916.
- Крэйн Дороти, «Шифры для маленького народа», 1916



Для тех, кто хорошо понимает, о чём здесь говорят авторы манускрипта, подобная подача материала — это очень заметный и несомненный сигнал о попытке обмануть читателей. Ибо в 1916 году именно Уильям Фридман был главой того Криптографического департамента, который готовил к изданию все эти публикации о шифрах Бэкона. И поскольку там же и тогда же работала миссис Гэллап, с которой, собственно, вся эта затея началась, никак нельзя поверить в то, будто Фридманы не

знали имени анонимного автора брошюр с «подсказками и ключами» для дешифрования.

Более того, раздобыв копии этих как бы «анонимных» брошюр и сопоставляя их с более поздними текстами и лекциями Уильяма Фридмана, А.Феникс подводит нас к «главной тайне» авторов. Тайне о том, что именно Фридман, будущий «отец американской криптологии», практически наверняка и был автором брошюр, наглядно и содержательно обучающих всех желающих выявлению и дешифрованию двухлитерного шифра Бэкона. Ну а хорошо известная манера полковника Фабиана — скрывать имя реального автора — в данном случае оказалась для поздних Фридманов чрезвычайно кстати...

#

Здесь нет никакого смысла пересказывать содержание документов и аргументов, собранных в книге А.Феникса для доказательства того, кто является подлинным автором двух важных и анонимных брошюр-пособий Ривербэнка, относящихся к бэконовским шифрам. Ибо книга¹⁵⁰ с его расследованиями свободно доступна для всех интересующихся в интернете.

Про ещё одну важную находку Феникса на данный счёт, правда, будет краткий рассказ в самом конце текста. Ну а непосредственно сейчас имеет смысл рассказать (и показать) то важное, до чего Фениксу в его поисках добраться не удалось.

Строго говоря, в его книге «*Мошенники Фридманы*» есть краткое упоминание о Нью-Йоркской Публичной библиотеке, поскольку там в фондах рукописей и архивов хранится большое, но мало кем изученное собрание коробок с документами из ранней истории Ривербэнка — под общим названием «*Vasop-Cipher collection*». Сам Феникс, правда, до главной библиотеки Нью-Йорка не добрался, поэтому ни о каких содержательных материалах из этого собрания в его книге сведений нет.

¹⁵⁰ The Fraudulent Friedmans, by A Phoenix. June 2022
<https://sirbacon.org/the-fraudulent-friedmans/>

Ныне, однако кое-что из весьма любопытных документов нью-йоркской «Коллекции Бэконовского шифра» можно отыскать в интернете — прежде всего, благодаря огромным собраниям оцифрованных документов в хранилищах сайта Internet Archive. Там же, кстати говоря, можно найти и такие публикации типографии Ривербэнка из бэконовского цикла, о которых, судя по всему, неизвестно даже А.Фениксу.

Особо интересна, в частности, толстенная подборка материалов из докладов и презентаций Фабиана, озаглавленная так: «*Фундаментальные принципы Бэконовских шифров в приложении к книгам 16-го и 17-го столетий*»¹⁵¹.

Этот документ объёмом порядка 200 страниц никак не назовёшь брошюрой, но интересен он не столько этим, сколько множеством иллюстраций, выполненных и непременно подписанных Уильямом Ф. Фридманом. Все эти иллюстрации сконструированы на основе текстов старинных, по преимуществу шекспировских книг. И служат своего рода наглядными пособиями для выявления и вскрытия в них бэконовского шифра.

А самое интересное, что именно эти примеры и пособия, изготовленные Фридманом, служили миссис Гэллуп в качестве тестовых задач при отборе её помощниц в Криптографический департамент Ривербэнка. В частности, одной из первых такие контрольные задачи по дешифрованию успешно решила молодая филологиня Элизебет Смит (в будущем Фридман). А подписанные листы с её расшифровками до сих пор хранятся в архиве Нью-Йоркской публичной библиотеки...

Подробности и фотоиллюстрации ко всей этой примечательной истории из молодости знаменитых криптографов можно найти выше в главе «Новый документ».

¹⁵¹ Fundamental principles of the Baconian ciphers, and application to books of the sixteenth and seventeenth centuries. Compiled by George Fabyan, 1916 <https://archive.org/details/fundamentalprinc00faby>

Здесь же будет рассказ о другом занятом документе из того же архива нью-йоркской «Коллекции Бэконовского шифра». Некоторым замысловатым образом он очень тесно связан не только с тайнами Бэкона-Шекспира и секретами из молодости Фридманов, но и содержанием следующей (за «Новым документом») главы «Бэкон и Шекспир: анатомия обмана».

Ибо в главе этой дан текст и перевод той части из тайной зашифрованной автобиографии Фрэнсиса Бэкона, в которой он рассказывает о своём литературном и драматургическом творчестве, спрятанном под разными масками известных современников: Спенсера и Грина, Марло и Пила, Бёртона и Шекспира.

В качестве же наглядной иллюстрации ко всей этой поразительной истории может прекрасно служить следующий документ из ривербэнкского архива в нью-йоркской библиотеке — в 1916 году креативно выполненный Уильямом Ф. Фридманом и лично им подписанный аж три раза...

На иллюстрации: пример того, как чем угодно можно обозначить что угодно с помощью двухлитерного шифра, изобретённого Фрэнсисом Бэконом.

Подпись внизу: «Шифр Бэконис Гэллап», наиболее интересное и своеобразное растение, разводимое в Ривербэнкских лабораториях.

В форме букв этой подписи зашифровано скрытое послание
«Сконструировано У.Ф.Фридманом».

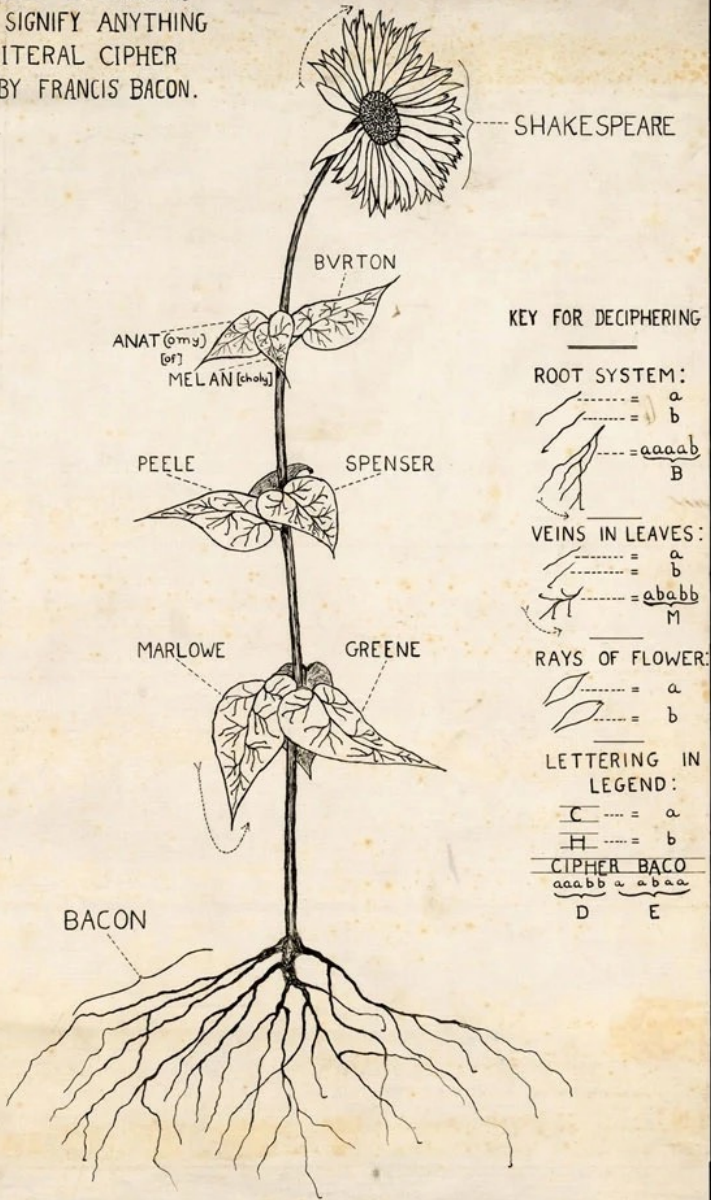
Слева: устройство бинарного алфавита в шифре Бэкона.

Справа: Ключи для дешифрования корневой системы, означающей
«Бэкон».

Ключи для дешифрования листьев, где в прожилках зашифрованы
имена Грина, Марло, Спенсера, Пила и Бёртона.

Ключи для дешифрования послания в цветке, форма лепестков
которого шифрует имя Шекспира.

AN EXAMPLE OF MAKING
ANYTHING SIGNIFY ANYTHING
BY THE BILITERAL CIPHER
INVENTED BY FRANCIS BACON.

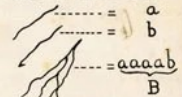


ALPHABET

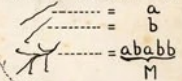
- A-aaaaa
- B-aaaaab
- C-aaaba
- D-aaabb
- E-aabaa
- F-aabab
- G-aabba
- H-aabbb
- I-abaaa
- K-abaaab
- L-ababa
- M-ababb
- N-abbaa
- O-abbab
- P-abbba
- Q-abbbb
- R-baaaa
- S-baaaab
- T-baaba
- V-baabb
- W-babaa
- X-babab
- Y-babba
- Z-bubbbb

KEY FOR DECIPHERING

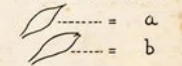
ROOT SYSTEM:



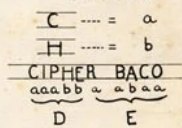
VEINS IN LEAVES:



RAYS OF FLOWER:



LETTERING IN LEGEND:



CIPHER BACONIS GALLUP
 A MOST INTERESTING AND PECULIAR PLANT
 PROPAGATED AT THE
 RIVERBANK RESEARCH LABORATORIES
 1916.

"DESIGNED BY
W.F.FRIEDMAN."

W.F.F.

Для завершения рассказа о примечательных раскопках А.Феникса среди документов, трудно доступных через возможности интернета, осталось упомянуть книгу о малоизвестных страницах из истории архитектурной акустики. Книга носит название «Сэбины в Ривербэнке»¹⁵² и тоже замысловатым образом связана как с авторством брошюр цикла «Величайшее произведение сэра Фрэнсиса Бэкона», так и с содержанием ещё одной главы этой книги («Бэкон, розенкрейцеры и левитация»).

В книге Феникса «*Мошенники Фридманы*», что нельзя не отметить, тема акустической левитации, параллельно разрабатывавшаяся в лабораториях Ривербэнка с подачи дешифрованных текстов Бэкона, не отражена вообще никак. По той, возможно, причине, что и в книге супругов Фридманов об этом тоже нет ни слова.

Но коль скоро именно акустический левитатор стал причиной появления в Ривербэнке Уоллеса Сэбина, самого авторитетного в своё время американского специалиста в области физики звука, а затем и работающей до сих пор Ривербэнкской Акустической лаборатории, тема шифров Бэкона стала своеобразной страницей также и в истории этой области серьёзной науки США.

Своеобразие же данной страницы истории заключается в том, что это «неудобная правда», о которой практически ничего никто из историков науки не пишет. Так что книга «*Сэбины в Ривербэнке*», опубликованная сведущим ветераном Лабораторий по имени Джон Копец, является тут одним из очень редких исключений.

Редким во всех смыслах этого слова. Ибо не только специфическая тема книги, но и её минимальный тираж (издательства Общества акустических исследований США) сразу сделали этот документ библиографической редкостью. Как бы там ни

¹⁵² John W. Копец, «*The Sabines at Riverbank: Their Role in the Science of Architectural Acoustics*». Woodbury, N.Y.: Acoustical Society of America, 1997

было, А.Феникс раздобыл её в библиотеке и важные для своего расследования фрагменты цитирует в своей работе.

Поскольку эти же фрагменты в равной степени важны и для нас, имеет смысл дать здесь их перевод.

Об истории появления своей книги Джон Копец рассказывает так:

В 1976 году руководство моей головной организации, Исследовательского института ИТ, назначило меня на постоянную работу в Акустические лаборатории Ривербэнк. И там, прочитав биографию Уоллеса Клемента Сэбина, я начал рыться в комнате для хлама (ныне это музей), чтобы найти всё, что возможно, об истории Ривербэнка. Меня крайне заинтриговала эта история, поэтому я постоянно приставал к Дону «мистеру Ривербэнку» Уильямсу с расспросами про всё-всё, что только мог у него разузнать об этом удивительном месте.

[Дон Уильямс, также известный как «мистер Ривербэнк», родился непосредственно в Ривербэнке в 1920 году, и был сыном Бёрта Уильямса, личного шофера полковника Фабиана. Дон «мистер Ривербэнк» Уильямс проработал в Ривербэнке 35 лет, прежде чем уйти на пенсию в 1985 году, и знал об этом месте больше всех среди современников.]

В итоге Дон решил, что раз он уже близок к уходу на пенсию, то обязанности гида-экскурсовода он передаст мне. Таким образом, с подачи Дона это стало ещё и моей работой — узнать всё, что возможно, о Ривербэнке.

Затем как-то раз в местной газете появилась статья про Ривербэнк, уже третья статья за год. Прочитав её, Дон раздражённо бросил газету на стол со словами: «Опять мусор! Мусор! Мусор! Ну почему никто не может напечатать правду о полковнике Фабиане, вместо всей той чуши, которую умудрились напридумывать другие?»

Затем Дон повернулся ко мне и сказал: «Если ты действительно хочешь узнать всё про историю этого места, я расскажу тебе всё, что смогу вспомнить. Но при одном условии. Только если ты обещаешь мне, что аккуратно задокументируешь то, что расскажу

тебе я. А также задокументируешь прочее, что ты узнаешь от других и что можно рассматривать как достоверные факты. Просто для того, чтобы я мог спокойно уйти из Ривербэнка, зная, что хотя бы один по крайней мере документ рассказывает об этом месте всё так, как оно было».

Я согласился, хотя и не предполагал в то время, что в результате получится эта книга.

Среди множества тех историй, которые Копец документально зафиксировал по рассказам «мистера Ривербэнка», были, естественно, и страницы про супругов Фридманов. В частности, и про реальное авторство ривербэнкских брошюр о шифре Бэкона:

Хотя Фридманы любили Ривербэнк, в отношении полковника Фабиана у них было много оговорок. Потому что он нарушал многие из своих обещаний, связанных и с выплатой заработной платы, и с признанием авторства опубликованных документов, и с другими подобными вещами. При обсуждении бэконовских шифров Фридманы заявили, что кучу времени работали над трудами Бэкона, и результаты их работы отражены в соответствующих документах. Однако, когда в 1916 году была напечатана их книга «Величайшее произведение сэра Фрэнсиса Бэкона», то автором там значился Джордж Фабиан. Также они ссылались и на другие опубликованные ими документы о кодах и шифрах, которые были написаны ими, однако приписаны полковнику...

#

Завершая эту историю, осталось подчеркнуть, что среди всех изданных книг, посвящённых истории криптографии в XX веке, скрупулёзный исследователь А.Феникс не нашёл НИ ОДНОЙ работы, где был бы приведён хотя бы приблизительно полный перечень Ривербэнкских публикаций, посвящённых шифрам Бэкона. Не говоря уже о том, что НИ В ОДНОЙ из криптографических книг нет упоминания, что авторами главных из этих работ были знаменитейшие в мире криптологии супруги Фридманы.

Аналогично, среди великого множества книг о криптографии нет ни одной, где было бы признано, что идея акустического левитатора (весьма актуального для современной физики аппарата) впервые появилась в Ривербэнке, причём прямоком из дешифрованных текстов Фрэнсиса Бэкона.

Среди текстов по истории акустических исследований имеется несколько текстов с упоминаниями этого бесспорного факта — всегда в контексте работ знаменитого физика Уоллеса Сэбина. Но также всегда подчёркивается, что Сэбин не успел воспользоваться построенной для него в Ривербэнке лабораторией. И никакого реального левитатора, соответственно, там построено не было.

Практически никто и никогда в науке не упоминает, что реальный акустический левитатор впервые удалось изготовить вскоре после смерти полковника Фабиана. А наиболее эффективная его конструкция была придумана в фирме Intersonics из городка Нортбрук, находящегося как и лаборатория Ривербэнк в пригороде мегаполиса Чикаго...

Но это, впрочем, уже совсем другая история¹⁵³...

Дополнительное чтение

- Концепция синхроничности в новой науке от Паули и Юнга: Язык синтеза [kn:17]
<https://kniganews.org/map/n/00-01/hex17/>
- О недавней попытке экспериментального исследования феномена синхроний: Важная сторона жизни математика Воеводского (и почему её пытаются скрывать)
<https://kiwibyrd.org/2019/08/23/1983/>

Июнь-август 2022

¹⁵³ <https://kniganews.org/2015/01/20/soul-fibers/>

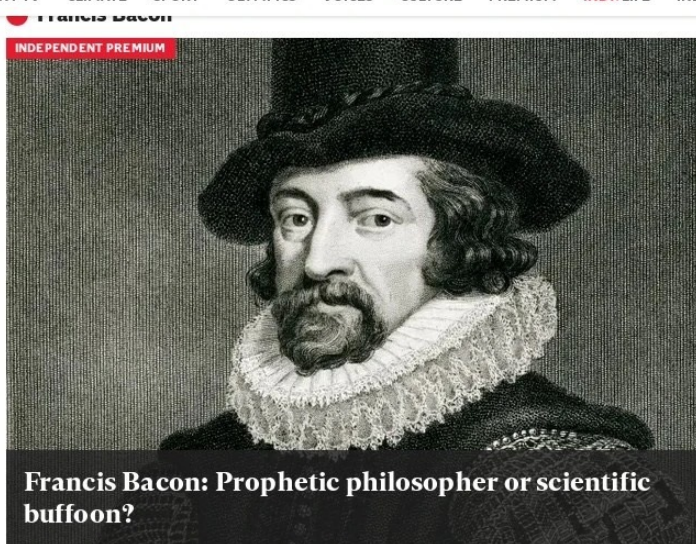
Философ или клоун? (Бэкон бэспокоит...)

Предпринятая на сайте kiwi arXiv многосерийная публикация тайной автобиографии Фрэнсиса Бэкона, расшифрованной из старинных книг XVI-XVII вв., вызвала вполне естественную реакцию в британской прессе.

Вот только сигналы реакции пока что выглядят...
несколько специфически. Назовём это так.



NEWS INDEPENDENT TV CLIMATE SPORT OLYMPICS VOICES CULTURE PREMIUM INDY/LIFE IND



Есть в Англии хорошая и качественная газета под названием *The Independent*. Но у нас здесь, конечно же, разговор об этой газете затеян не просто так, а по причине обращения известного издания к темам высокой философии.

С какой такой стати в самый разгар пандемии и прочих социально-политических потрясений редакция Independent задумала публиковать большую серию материалов под общим назва-

нием «*Великие философы*» — сие, как говорится, осталось для истории неизвестным.

Известные же факты жизни таковы, что начиная с мая 2021 года (обратим внимание на дату) в премиум-разделе газеты, доступном на сайте лишь для платных подписчиков, регулярно публикуются большие статьи, знакомящие читателей «с жизнью и трудами, идеями и наследием величайших из умов в истории человечества»...

Начав, естественно, с Аристотеля и Платона, самых знаменитых из отцов-основателей западной философии, к середине июля этот сериал добрался до Фрэнсиса Бэкона. И сильно удивил, надо думать, просвещённую часть своих читателей...

Тот фрагмент статьи о Бэконе, что свободно доступен для первичного ознакомления, в дословном переводе на русский выглядит так:

Фрэнсис Бэкон: философ-пророк или научный шут?

Нашу серию продолжает рассказ об одном из самых противоречивых философов эпохи Возрождения. Был ли он тем, кем можно восхищаться, или же просто дураком?

Мало кто из философов вызывает разделение мнений у комментаторов столь резко, как Фрэнсис Бэкон (1561-1626). Некоторые находят в его трудах самые ранние проявления заповедей Просвещения, в то время как другие обнаруживают там одну лишь антиинтеллектуальную пропаганду и защиту наихудшего из видов религиозности.

Одни восхваляют Бэкона как пророка современной науки, а другие считают его клоуном. Своего рода шутком от науки, единственная попытка которого провести научные эксперименты привела к его собственной нелепой смерти. В настоящее же время, среди прочего, Бэкона поносят ещё и феминистки — за движение, как провозглашается, идеи о том, что “Мать-природа” должна быть укрощена и подчинена. С другой стороны, его восхваляют последователи Карла Поппера, обнаруживающие в его трудах глубокое понимание сути того, что впоследствии станут

называть научным методом.

Жизнь Бэкона принято рассматривать с двух сильно разных и равно правдоподобных точек зрения. Глядя с одной точки зрения, он был философом с блестящим юридическим умом, благодаря чему поднялся на вершины власти, откуда враги вскоре свергли его с помощью сфабрикованных обвинений в коррупции. Глядя же со стороны другой, он занимался бессовестной саморекламой и карьеризмом, любыми способами добиваясь для себя выгод до тех пор, пока, наконец, не был разорён — и по заслугам — своей собственной жадностью...

#

Столь нетрадиционную подачу материала об одном из наиболее значительных мыслителей Европы XVII века можно, наверное, было бы объяснить, если бы в Independent решили выдать в подобном духе критических новаций весь свой цикл рассказов о знаменитых философах. Но абсолютно все предыдущие — вплоть до текста о Бэконе — анонсы статей данного сериала выдержаны в духе традиционного, сдержанно-почтительного обращения с наследием и зачастую неоднозначными фактами из жизни мудрецов древности:

- **Аристотель, отец логики и основатель западной философии**, идеи которого по сию пору остаются столь же живыми и актуальными, как во времена древней Греции (25 мая 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/great-philosopher-aristotle-works-important-b1846359.html>
- **Платон, сумевший довести искусство философского диалога** до такого уровня совершенства, когда «самой ёмкой характеристикой западного образа мышления является то, что оно заключается в примечаниях к диалогам Платона» (25 мая 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/plato-philosopher-books-works-dialogue-b1848416.html>

- **Пифагор, мистик, веривший в бессмертие**, наиболее известный своей математической теоремой, но основавший целую религию (8 июня 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/pythagoras-theory-great-philosopher-immortality-b1861077.html>
- **Марк Аврелий, монарх-философ** или склонный к философствованию римский император-стоик, исследовавший проблемы свободы воли (15 июня 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/marcus-aurelius-philosopher-king-stoic-b1865385.html>
- **Св. Фома Аквинский**: Пять способов доказательства существования бога, или главная, наверное, фигура в традиции схоластической философии (22 июня 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/saint-thomas-aquinas-five-ways-b1869692.html>
- **Ибн Рушд, также известный как Аверроэс**, наиболее, вероятно, важный для Запада среди исламских философов (29 июня 2021)
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/great-philosopher-averroes-ibn-rushd-b1873981.html>
- И наконец, 12 июля 2021, статья про нашего героя:
Фрэнсис Бэкон, философ-пророк или шут научный?
Был он кем-то, кто заслуживает восхищения, или же просто дураком?
<https://www.independent.co.uk/independentpremium/francis-bacon-great-philosopher-scientist-b1882525.html>

Из строк представленного перечня несложно увидеть, что Фрэнсис Бэкон занимает в этом ряду Великих Философов место не только заметное, но и довольно необычное, выражаясь помягче.

Чем же вызвано столь особое отношение нынешнего «философского сериала» от The Independent именно к Бэкону? Ответ

на данный вопрос могли бы, наверное, предоставить те люди из редакции газеты, кто всё это дело устроил. Но возможна, однако, и такая ситуация, что внятного ответа нет даже у них.

Ибо объяснения и мотивы тут могут лежать на уровне, так сказать, психотравм коллективного сознания общества, а такие вещи на уровне рациональных доводов обычно необъяснимы, как известно. Здесь для понимания проблемы необходимо прежде выявить суть и природу психотравмы, загнанной в коллективное подсознание общества, извлечь её оттуда для честного открытого обсуждения — и тем самым начать лечение...

В деталях и с пояснениями такого рода процесс, очень важный для духовного и психического здоровья общества, описан в материале «Паули как психотравма»¹⁵⁴. Дабы стали понятнее совершенно отчётливые параллелизмы тех больших проблем, что имеются у научного сообщества с пониманием и освоением подлинного наследия как Фрэнсиса Бэкона, так и Вольфганга Паули, достаточно ознакомиться с главой **«Бэкон и Паули»** из данной книги.

Ну а чтобы стало понятнее, сколь важную роль для подлинного постижения бэконовского наследия играют тексты Уильяма Шекспира, имеет смысл обратить внимание на интересное совпадение дат. Самый недавний по времени залп «Мифологии Шекспирианы»¹⁵⁵ в британской прессе имел место в мае 2021 года. В точности одновременно, иначе говоря, с запуском в The Independent сериала «Великие философы», озадачившего мир довольно странным портретом Бэкона, более всего похожим на карикатурный пасквиль.

При этом невозможно не заметить, что все свежие статьи Мифологии Шекспирианы (непреренно уделяющие место загадкам и пробелам в биографии великого литератора) абсолютно никак не упоминают имя Бэкона как наиболее вероятного ав-

¹⁵⁴ «Паули как психотравма»
<https://kiwibyrd.org/2020/07/05/20h71/>

¹⁵⁵ см. главу «Мифология Шекспириана»

тора шекспировских произведений. Что же касается трудов по истории философии, то там связывать имя Бэкона с загадкой авторства шекспировских текстов просто не принято в принципе. Отчего так — с техническими подробностями разъясняется в главах **«Бэкон и Шекспир: анатомия обмана»**, **«Бэкон, розенкрейцеры и левитация»** и **«Бэкон и магия»**.

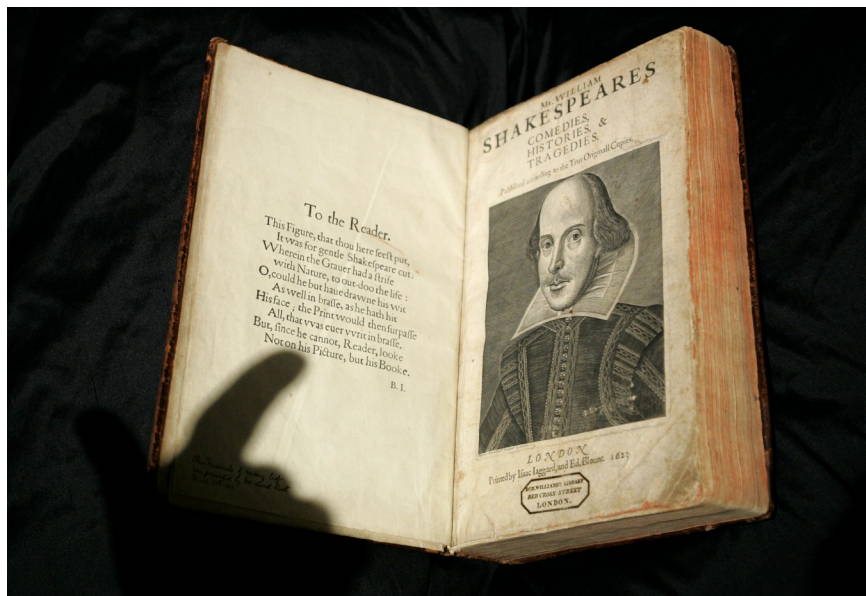
Все из перечисленных аналитических текстов непосредственно опираются на личные свидетельства Фрэнсиса Бэкона и экспертное заключение очень компетентного специалиста (генерала-криптографа Франсуа Картье), эти свидетельства полностью подтверждающее.

Судя по массиву текущих публикаций в британской прессе, ничего из этих свидетельств просвещённое сообщество принять пока не готово. Но при этом отчётливо заметно и то, что Бэкон-Шекспировская тема определённо беспокоит коллективное сознание.

Что уже есть хорошо...

Июль 2021

Post Scriptum, или Новое начало



Год 2023 был для этой истории весьма особенным.

В мире Мифологии Шекспирианы торжественно отмечали 400-летие выхода из печати Первого Фолио. Для чего были выпущены новые и переизданы старые книги о жизни и творчестве Великого Барда. Организованы шекспировские выставки и фестивали, публикации в газетах и журналах.

Параллельный 400-летний юбилей выхода книги Фрэнсиса Бэкона «*De Augmentis Scientiarum*» не отмечал практически никто. Хотя именно в этой работе Бэкон подробно описал свой двухлитерный шифр, с помощью которого в Первом Фолио Шекспира им зашифрованы великие тайны.

Не только тайна подлинного автора шекспировских произведений, но и ключи к раскрытию той секретной истории Англии, что до сих пор никак не освоена и не исследована наукой.

Ровно 100 лет тому назад, в 1923¹⁵⁶, были сформированы все условия, чтобы начать подлинно научное освоение этих глубоких тайн. Зашифрованные послания Бэкона были успешно дешифрованы, а два опытных и авторитетных криптографа, Франсуа Картье и Уильям Фридман, могли бы очень компетентно предоставить учёным для изучения все восстановленные материалы. Могли бы, но не сумели...

Ныне, в 2023 году, вновь собраны вместе не только все аналитические материалы 100-летней давности, но и много больше того. Новый комплекс расследований и документов, наглядно демонстрирующих, каким образом историческую правду удаётся скрывать от народа столь долго и успешно.

Все эти материалы — старые и новые — в оцифрованном виде выложены для свободного доступа и изучения на специально устроенном ради такого дела сайте <https://4in1.ws>.

Если чуть конкретнее, то на этом сайте можно найти второе, расширенное издание книги-расследования «4в1: Маска Шекспира и тайны Бэкона, книга Картье и секреты АНБ». Плюс полный перевод этого издания на английский язык. Плюс практически все основные документы, книги и статьи¹⁵⁷, на которое это большое расследование опирается.

Плюс комплекс статей¹⁵⁸ о новых эпизодах этой истории, происходивших уже после выхода книги «4в1». Включая, в частности, такие:

- Бэкон, Шекспир и рефлекс АНБ «Рубить концы!»
<https://4in1.ws/articles/bacon-shakespeare-nsa-cut-the-ends/?lang=ru>
- Подрыв авторитета властей и Шекспир как «наше всё»
<https://4in1.ws/articles/undermining-authorities-credibility/?lang=ru>

¹⁵⁶ Sheldon, R.M. “The Friedman Collection: An Analytical Guide”, 2014, Item 396. Cartier, François (Général), “Le mystère Bacon-Shakespeare un document nouveau”, *Mercure de France*, Paris: 1 Sept. 1922, No. 581, pp. 289-329, 15 Sept. 1922, No. 582, pp. 604-651, and 1 Feb. 1923, No. 591, pp. 603-635

¹⁵⁷ <https://4in1.ws/files/>

¹⁵⁸ <https://4in1.ws/articles/?lang=ru>

- Наука история как искусство выпиливания
<https://4in1.ws/articles/history-science-as-an-art-of-cutting-out/?lang=ru>
- Новый золотой век дешифрования (и при чём здесь Шекспир)
<https://4in1.ws/articles/the-new-golden-age-of-decipherment/?lang=ru>
- ... и многие другие.

Главная, наверное, суть всех этих новых эпизодов сводится к следующему. На протяжении 2022-2023 гг. в истории криптографии происходит тихое, но существенное смещение акцентов с одних персонажей на других. А попутно в интернете происходит незаметное, но настойчивое удаление и/или сокрытие тех файлов-документов, что обеспечивают доказательную базу расследования «4в1».

Ну а для того, чтобы сохранить все эти материалы для свободного доступа и изучения, собственно, и создан новый сайт <https://4in1.ws>.

Декабрь 2023

idb

4в1. Маска Шекспира и тайны Бэкона, книга Картъе и секреты АНБ

2-е издание, исправленное и дополненное.

Релиз подготовлен kiwi arXiv & kniganews при поддержке E.

<https://4in1.ws>

<https://kiwibyrd.org>

<https://kniganews.org>

2023